

#1 New York Times Bestselling Author

ILONA ANDREWS

**GREAT
NEW READ,
GREAT LOW
PRICE!**

BURN FORME

A HIDDEN LEGACY NOVEL

Невада Бейлор сталкивается с самым непростым расследованием в своей карьере детектива — смертельно опасным заданием, привлечь к ответственности подозреваемого в запутанном деле. Невада не уверена, что ей это под силу, ведь ее цель — один из Превосходных, принадлежащий к высшему рангу среди магов, способных воспламенить что угодно и кого угодно. Но ее похищает Коннор «Безумный» Роган — загадочный и соблазнительный миллионер, с не менее разрушительными силами. Разрываясь между желанием сбежать и желанием сдаться невероятному притяжению, Невада присоединяется к Рогану, чтобы сохранить себе жизнь. Роган преследует ту же цель, поэтому ему нужна Невада. Но она пробивает его равнодушие, внезапно заставляя его заботиться о ком-то еще, кроме себя. И вскоре Роган узнает, что любовь может быть опаснее смерти, особенно в мире магии.

Пролог

— Я не могу позволить тебе этого сделать. Не могу. Келли, у этого парня не все дома.

Келли Уоллер потянулась и коснулась руки мужа, убеждая взглядом в обратном. Он убрал руку с руля и сжал ее пальцы. «Удивительно, насколько интимным может быть касание», подумала она. Это прикосновение, питаемое двадцатью годами любви, служило ей скалой в кошмарной буре последних сорока восьми часов. Без него она бы просто кричала.

— Он не причинит мне вреда. Мы же семья.

— Ты сама мне говорила, что он ненавидит свою семью.

— Я должна попробовать, — вздохнула она. — Они убьют нашего мальчика.

Том остекленевшими глазами смотрел прямо перед собой, ведя машину по подъему на подъездной дороге. Техасские дубы простирали свои широкие кроны над травянистыми лугами, усеянными точечками желтых одуванчиков и розовых лютиков. Коннору не было дела до земель. Его отец вытравил бы все сорняки... У Келли свело желудок. Часть ее хотела вернуться назад и как-то справиться с событиями последних двух дней. Развернуть машину. Слишком поздно, говорила она себе. Слишком поздно для сожалений и предположений. Она должна принять реальность, какой бы страшной она ни была. Она должна вести себя как мать.

Подъездной путь привел их к высокой оштукатуренной стене и Келли нахмурилась. Шестнадцать лет были долгим сроком, но она была уверена, что стены здесь раньше не было. Кованые ворота блокировали арочный вход. Вот и все. Назад дороги не было. Если Коннор решит, что хочет ее смерти, остановить его не хватит всей ее магии, сколь мало бы ее ни было. Коннор был кульминацией трех поколений браков по расчету, направленных на укрепление семейной магии и связей. Он должен был быть достойным наследником состояния Роганов. Но, как и она, стал не тем, кем хотели бы видеть его родители.

Том припарковал машину.

— Ты не должна этого делать.

— Нет, должна. — Ужас, царивший над ней, окутал ее волной беспокойства. Руки задрожали. Она сглотнула, пытаясь прочистить горло. — Это единственный выход.

— Позволь мне хотя бы пойти с тобой.

— Нет. Он меня знает, а в тебе может увидеть угрозу, — она снова сглотнула, но ком в

горле отказывался отступать. Она не знала, умел ли Коннор читать чужие мысли, но он всегда распознавал эмоции. Келли не сомневалась, что за ними наблюдают, и, вероятно, даже подслушивают.

— Том, я не думаю, что случится что-нибудь плохое. А если случится, и я не выйду, я хочу, чтобы ты уехал. Уехал домой к детям. Голубая папка в кабинете на маленьком столике, а еще одна в кухне. На второй полке. Там наши страховые полисы, и завещание...

Том завел двигатель.

— Хватит. Мы едем домой. Справимся со всем сами.

Она распахнула дверь, выскочила наружу и поспешила к воротам, стуча каблучками по тротуару.

— Келли! — крикнул он. — Не надо!

Она заставила себе коснуться металлических ворот.

— Это Келли. Коннор, пожалуйста,пусти меня.

Кованые ворота распахнулись. Женщина подняла голову и ступила внутрь, и ворота за ней так же бесшумно закрылись. Она прошла под аркой, вверх по каменной дорожке, пролегавшей сквозь живописные рощи дубов, багряников и лавров. Дорожка свернула, и она остановилась, не веря своим глазам.

Огромный колониальный дом с белыми стенами и благородными колоннами исчез. На его месте стоял двухэтажный особняк в средиземноморском стиле, с кремовыми стенами и темно-красной крышей. Она приехала не на тот участок?

— Где дом? — прошептала она.

— Я его снес.

Келли обернулась.

Он стоял рядом с ней. Она помнила худощавого мальчика с удивительными светло-голубыми глазами. Шестнадцать лет спустя он стал выше нее. Его волосы, каштановые, когда он был младше, сейчас стали темно-коричневыми, почти черными. Некогда угловатое лицо обзавелось квадратным подбородком и суровыми мужественными чертами, что сделало его поразительно красивым. Это лицо, наполненное силой, жестокое, но почти царственное... Это было лицо, которое внушало желание подчиняться. С таким лицом он мог править миром. Келли посмотрела в его глаза и мгновенно пожалела об этом.

Жизнь застыла под красивыми голубыми радужками. Сила колыхалась глубоко внутри. Она могла ощущать ее прямо под поверхностью, словно дикий, жестокий поток. Он бурлил и кипел шокирующей, ужасающей силой, обещающей насилие и разрушение, запертой в клетку железной воли. По спине у Келли пробежал холодок. Ей нужно было что-нибудь сказать. Что угодно.

— Боже мой, Коннор, это был особняк за десять миллионов долларов.

Он пожал плечами.

— Я нашел это очищающим. Хочешь кофе?

— Да. Спасибо.

Он провел ее через двери в вестибюль, вверх по деревянной лестнице с богато украшенными железными перилами на крытый балкон. Она следовала за ним, слегка ошалевшая, окружающая обстановка расплывалась пятнами, пока она не села на бархатный стул.

За перилами балкона простирался сад, деревья росли вокруг прудов и живописного ручья. Далеко на горизонте голубоватые холмы катились, как далекие волны. Она

почувствовала аромат кофе. Коннор стоял к ней спиной, ожидая, когда кофе-машина наполнит кружки.

Найди что-то общее. Напомни ему, кто ты такая.

— Где качели? — спросила она.

Качели были любимым местом у детей Роганов. Туда они отправлялись, когда он нуждался в ее совете — когда ему было двенадцать, а ей — двадцать, и она была старшей классной кухиной Келли, разбирающейся в подростковых вопросах.

— Все там же. Дубы выросли, и ты не сможешь увидеть их с балкона. — Коннор обернулся, поставил перед ней чашку, и сел напротив.

— Было время, когда ты заставлял чашки плыть по воздуху, — заметила она.

— Я больше не играю в игры. Во всяком случае, не в те, что ты помнишь. Зачем ты пришла?

Кофейная кружка обжигала ей пальцы. Она поставила чашку, даже не заметив, когда успела взять ее в руки.

— Ты смотрел новости?

— Да.

— Тогда ты знаешь о поджоге в Первом Национальном Банке.

— Да.

— В пожаре погиб охранник. Его навещали жена и двое детей, все трое сейчас в больнице. Охранник был полицейским в отставке. По записи с камер наблюдения определили двух поджигателей: Адама Пирса и Гэвина Уоллера.

Он ожидал.

— Гэвин Уоллер — мой сын, — безжизненно произнесла она. — Мой сын — убийца.

— Я знаю.

— Я люблю моего сына. Я люблю Гэвина всем своим сердцем, и, не раздумывая, отдала бы за него жизнь. Он не злой человек, а шестнадцатилетний ребенок. Гэвин пытался найти себя, но вместо этого нашел Адама Пирса. Ты должен понимать — дети идеализируют Пирса. Он их антигерой — парень ушел из семьи и сколотил себе банду мотоциклистов. Плохой парень и харизматичный бунтарь.

В ее голосе зазвучала злость и горечь, но она ничего не могла с этим поделать.

— Он использовал Гэвина для совершения этого зверства, и теперь мертв полицейский. Жена офицера и двое детей получили сильные ожоги. Они убьют Гэвина, Коннор. Даже если мой сын выйдет к ним с поднятыми руками, копы его пристрелят. Он убил полицейского.

Коннор отпил кофе. Его лицо было совершенно спокойно, и она не могла его прочитать.

— Ты ничего мне не должен. Мы не разговаривали двадцать лет, с тех пор как семья от меня отеклась.

Келли сглотнула снова. Она отказалась выходить замуж за незнакомца с правильным набором генов, заявив им, что хочет сама управлять своей жизнью. Они уступили и вышвырнули ее, как ненужную вещь... нет, не думай об этом. Думай о Гэвине.

— Будь другой выход, я бы не стала тебе досаждать. Но у Тома нет связей. Мы не обладаем властью, деньгами или могущественной магией. Никому нет до нас дела. У меня остались лишь наши детские воспоминания. Тогда я всегда приходила тебе на выручку. Пожалуйста, помоги мне.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Надеешься избежать его ареста?

Она заметила намек на циничное неодобрение в его голосе.

— Нет, я хочу, чтобы моего сына арестовали. Я хочу суда. Хочу, чтобы его показали по телевизору, потому, что стоит Гэвину побыть минут десять у трибуны, как все тут же поймут, кто он: запутавшийся, глупый ребенок. Его брат и сестра заслуживают знать, что он не монстр. Я знаю своего сына. Я, знаю, что содеянное ими разрывает его на части, и не хочу, чтобы его пристрелили, как животное, даже не дав шанса сказать семье погибших, как он сожалеет.

Слезы побежали по ее щекам, но ей было все равно.

— Пожалуйста, Коннор. Я умоляю тебя спасти жизнь моему сыну.

Коннор отхлебнул кофе.

— Ко мне обращаются Чокнутый Роган. Еще меня называют Мясником и Бичом, но Чокнутый — самое частое прозвище.

— Я знаю, ты...

— Нет, не знаешь. Ты знала меня до войны, когда я был ребенком. Скажи мне, кто я сейчас?

Сила его взгляда прожигала ее насквозь. Ее губы задрожали, и она сказала первое, что пришло ей в голову.

— Ты серийный убийца.

Он холодно улыбнулся. Ни юмора, ни тепла, лишь оскал свирепого хищника.

— Прошло сорок восемь часов с момента пожара, а ты только сейчас здесь. Должно быть, ты действительно в отчаянии. Ты уже обращалась ко всем, к кому только могла? Я твоя последняя надежда?

— Да, — произнесла она.

Его радужки вспыхнули ярко-голубым, и, заглянув в них, она на короткую секунду смогла увидеть настоящую силу, заложенную в нем. Это было подобно встрече с лавиной перед тем, как она поглотит тебя целиком.

В это мгновение она поняла, что все слухи были правдой. Он был убийцей и безумцем.

— Мне плевать, будь ты хоть самым дьяволом, — прошептала она. — Пожалуйста, верни мне Гэвина.

— Ладно, — бросил он.

Пять минут спустя, Келли, спотыкаясь, спустилась к подъездной дорожке. Ее глаза покраснели, и как бы она ни пыталась перестать плакать, у нее не получалось. Она получила то, за чем пришла. Облегчение было невероятным.

— Келли, милая! — Том ее подхватил.

— Он сделает это, — прошептала она, все еще в шоке. — Он пообещал найти Гэвина.

Глава 1

Все мужчины врут. Все женщины тоже врут. Я узнала об этом, когда мне было два года, и бабушка сказала, что если я буду хорошей девочкой, и посижу спокойно, то не будет больно от укола, который доктор собирался сделать. Это был первый раз, когда мой юный разум связал тревожное ощущение своего магического дара распознавать ложь с действиями других людей.

Люди врут по многим причинам: чтобы спастись, выйти сухими из воды, не задеть чьи-либо чувства. Манипуляторы врут, чтобы получить желаемое. Нарциссы врут, чтобы казаться себе и другим выше остальных. Бывшие алкоголики врут, чтобы спасти свою испорченную репутацию. А те, кто любят нас, врут нам больше всего, потому что жизнь подобна гонке по

ухабам, и они хотят сгладить их как можно сильнее.

Джон Рутгер врал просто потому, что был мерзавцем. Ничто в его внешности не говорило: «Эй, я — жалкое человеческое существо». Когда он вышел из гостиничного лифта, то выглядел, как очень приятный мужчина. Высокий, в хорошей форме, с каштановыми, слегка волнистыми волосами, в которых было достаточно седины на висках, чтобы заставить его выделяться. Такое лицо бывает у спортивных, успешных мужчин за сорок: мужественное, чисто выбритое и уверенное. Он был тем привлекательным, хорошо одетым отцом, который подбадривает своего ребёнка на матче юношеской футбольной лиги. Он был надёжным брокером, который никогда не направит своих клиентов неверно. Умный, успешный, надёжный, как скала. И красивая рыжуха, державшая его за руку, не была его женой.

Жена Джона, Лиз, наняла меня два дня назад, чтобы выяснить, не ходит ли он налево. Она уже ловила его на измене десять месяцев назад, сообщив, что следующая интрижка станет для него последней. Джон с рыжухой медленно шли по вестибюлю гостиницы. Я сидела в вестибюле в зоне отдыха, наполовину спрятавшись за раскидистым растением, и притворялась поглощенной сотовым телефоном, пока маленькая цифровая камера, спрятанная в черном вязанном клатче, записывала голубков. Клатч был выбран исключительно из-за декоративных отверстий. Рутгер и его подружка остановились в нескольких футах от меня. Я яростно стреляла птицами в ехидных зеленых свиней на экране.

Проходите, здесь не на что смотреть, просто молодая блондинка играет в телефоне за каким-то кустом.

— Я люблю тебя, — сказала рыжуха. Правда. Обманутая дурочка. Свиньи смеялись надо мной. Я совсем облажалась в этой игре.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он, глядя ей в глаза. Знакомое раздражение росло внутри меня, словно невидимая муха жужжала вокруг головы. Магия щелкнула. Джон лгал. Сюрприз, сюрприз.

Мне стало очень жаль Лиз. Они были женаты десять лет, и у них было двое детей — восьмилетний мальчик и четырехлетняя девочка. Она показывала фотографии, когда нанимала меня. Теперь же их брак вот-вот пойдет ко дну, как Титаник, а я наблюдала за приближением айсберга.

— Правда? — спросила рыжая, глядя на него с обожанием.

— Да. Ты же знаешь.

Магия снова зажужжала. Ложь.

Для большинства людей, вранье — сплошной стресс. Чтобы исказить правду и сочинить вместо нее достоверную историю требуется хорошая память и острый ум. Джон Рутгер не стеснялся врать, глядя прямо в глаза. И при этом казался невероятно убедительным.

— Я хочу, чтобы мы были вместе, — сказала рыжуха. — Я устала прятаться.

— Знаю. Но сейчас не время. Я работаю над этим. Не переживай.

Мои кузены проверяли его родословную — Джон не имел отношения ни к одной из важных магических семей, чьи корпорации заправляли Хьюстоном. У него не было криминального прошлого, но что-то в его поведении меня настораживало. Мои инстинкты говорили, что он опасен, а я доверяла своему чутью. Проверили мы и его счета. Джон не мог позволить себе развод. Его успех на бирже был приемлемым, но звезд с неба он не хватал. И вкладных у него было выше крыши. Все его состояние было вложено в акции, и раздел имущества влетел бы ему в копеечку. Он это понимал и изо всех сил старался скрыть свои похождения. Они с рыжухой приехали в разных машинах с разницей в двадцать минут.

Вероятно, он собирался уехать первым, и, судя по напряженной позе, выставление чувств на показ в его планы не входило. Рыжеволосая открыла рот, и Джон склонился, покорно ее целуя.

Лиз заплатит тысячу долларов, когда я принесу ей доказательство. Это все, что она может достать так, чтобы Джон не узнал об этом. Это немного, но мы не можем отказываться от работы, и, судя по тому, как она продвигалась, это было простое задание. Как только они выйдут из отеля, я выйду через боковой выход, уведомя Лиз, и заберу наш гонорар.

Двери отеля распахнулись, и Лиз Рутгер вошла в вестибюль. Все мои нервы напряглись до предела. Почему? Ну почему люди никогда меня не слушают? Мы прямо договорились, что она не будет следить самостоятельно. Ничего хорошего из этого не выходит.

Лиз увидела их целующимися, и враз побелела как мел. Опешивший Джон отпрянул от своей любовницы, и та в ужасе уставилась на Лиз.

— Это не то, чем кажется, — произнес Джон. Это было именно тем, чем и казалось.

— Привет! — сказала Лиз, шокирующе громко, ломким голосом. — Кто ты? Потому что я его жена!

Рыжуля развернулась и кинулась наутек вглубь отеля. Лиз повернулась к мужу.

— Ты.

— Давай не здесь.

— Теперь ты о приличии беспокоишься? Теперь?

— Элизабет. — Его голос задрожал от сдерживаемой злости. Ой-ой.

— Ты уничтожил нас. Ты все разрушил.

— Послушай...

Она открыла рот. Словам понадобилась секунда, чтобы вылететь, как будто она заставляла их.

— Я требую развод.

Я работала в семейном бизнесе с семнадцати лет, и точно поняла, когда Джон ощутил прилив адреналина. Одни мужики обычно багровеют и начинают орать. Другие же цепенеют — и их следует опасаться больше первых. Стоит таких чуть тронуть, и у них снесет крышу.

Джон Рутгер замер. Все эмоции отхлынули от его лица, а за широко распахнутыми глазами жесткий, расчетливый ум оценивал ситуацию с холодной точностью.

— Ладно, — тихо сказал Джон. — Мы поговорим об этом. Но это касается не только нас. Еще и детей. Идем, я отвезу тебя домой. — Он потянулся взять ее за руку.

— Не трогай меня, — прошипела она.

— Лиз, — его голос был уверенным, а взгляд сосредоточенным и хищным, как у снайпера, нацелившегося на свою жертву. — Это не разговор в вестибюле отеля. Не вздумай устраивать сцену. Мы выше этого. Я поведу.

Я не могла позволить Лиз сесть к нему в машину. По взгляду Джона я поняла, что стоит ей оказаться у него в руках — и я никогда не увижу ее снова. Я тут же подскочила и встала между ними.

— Невада? — моргнула сбитая с толку Лиз.

— Уходите, — сказала я ей.

— Кто это? — Джон переключился на меня. Вот так, смотри на меня, не на нее. Я

большая угроза. Я закрыла собой Лиз, продолжая стоять между ними.

— Лиз, идите в свою машину. Домой не стоит ехать, поезжайте к родственникам. Сейчас же.

Джон сжал зубы и на его челюсти заиграли желваки.

— Что? — не поняла Лиз.

— Ты наняла ее шпионить за мной. — Джон расправил плечи и принялся разминать шею, как борец перед схваткой. — Ты втянула ее в нашу личную жизнь.

— Сейчас же! — рявкнула я.

Лиз развернулась и бросилась бежать. Я подняла руки вверх и попятилась к выходу, убедившись, что нахожусь в прямой видимости камеры в вестибюле гостиницы. Дверь за мной зашипела, когда до нее добежала Лиз.

— Все кончено, мистер Рутгер. Я не представляю для вас угрозы.

— Ты любопытная сучка. Вы с этой гарпией заодно.

На стойке регистрации консьерж судорожно жал кнопки на телефоне. Если бы я была сама по себе, я бы развернулась и побежала. Некоторые люди остаются на месте, не смотря ни на что. При моей работе, пребывание в больнице со счетом, который не можешь оплатить, потому что не работаешь, очень быстро от этого лечит. Дай мне шанс, я бежала бы, как кролик, но нужно было выиграть Лиз немного времени, чтобы добраться до машины. Джон поднял согнутые в локтях руки, ладонями вверх с растопыренными пальцами, будто держал невидимые теннисные мячики. Стойка мага. Вот дерьмо.

— Мистер Рутгер, не делайте этого. Супружеская измена — не преступление. Вы еще не совершили ничего непоправимого. Пожалуйста, успокойтесь.

Он не сводил с меня холодного, жесткого взгляда.

— Вы все еще можете уйти.

— Ты думала, что можешь унижить меня. Ты думала меня смутить.

Его лицо потемнело, когда призрачные магические тени заскользили по его коже. Крошечные красные искры зажглись и вспыхнули над его ладонями. Ярко-алые молнии затанцевали, вытягиваясь к кончикам пальцев. Где, черт возьми, охрана отеля? Я не могла первой применить силу — это было бы нападением, а я не могла позволить себе судебные издержки — в отличие от отеля.

— Сейчас ты узнаешь, что случается с людьми, которые пытаются меня унижить.

Я бросилась в сторону. Грянул гром — это стеклянные двери отеля разлетелись вдребезги. Ударной волной меня сбilo с ног, и уже в воздухе я увидела летящий в меня стул из зоны отдыха. Правым плечом я впечаталась в стену, стул влетел мне в бок и лицо. Ауч.

Я рухнула рядом с осколками керамического горшка, где всего две секунды назад было растение, а затем попыталась встать на ноги. Красные искры вспыхнули снова. Он готовился ко второму раунду. Говорят у женщины весом пятьдесят восемь килограмм нет шансов против девяностокilограммового спортивного мужчины. Это неправда. Нужно только принять решение травмировать его, а потом сделать это. Я схватила тяжелый глиняный черепок и швырнула в него. Он разбился о его грудь, сбивая с ног. Я подбежала к нему, выхватив «тазер» из кармана. (тазер — пистолет с парализующим электрошокером, вид полицейского вооружения.) Он ударил меня. Удар был жесткий и быстрый, и пришелся мне прямо в живот. Слезы навернулись на глаза. Я рванулась вперед и прижала электрошокер к его шее. Ток пронзил его тело, а глаза вылезли из орбит.

Пожалуйста, вырubi его. Пожалуйста.

Его рот широко распахнулся. Джон оцепенел и бревном рухнул вниз. Придавив его шею коленом, я вытащила из кармана пластмассовые наручники и стянула его руки вместе. Джон зарычал. Я села на полу рядом с ним. Лицо у меня пылало от боли.

Двое мужчин выбежали из боковых дверей и направились к нам. На их куртках было написано: «служба безопасности». Ну, наконец-то они появились. Слава Богу за подмогу. Вдалеке загудели полицейские сирены. Сержант Мунос, коренастый мужик вдвое старше меня, внимательно просматривал запись с камер наблюдения. Притом, что уже дважды ее видел.

— Я не могла позволить ему усадить ее в машину, — сказала я со своего места на стуле. Мое плечо ныло, а наручники на руках не давали мне его растереть. Столь близкое присутствие копов меня нервировало. Мне хотелось поерзать, но это выдало бы мое беспокойство.

— Вы были правы, — сказал Мунос и постучал по экрану, где запись была остановлена на моменте, когда Джон Рутгер тянется к жене. — Это неопровержимое доказательство. Мужика поймали со спущенными штанами, а он не говорит: «Простите, я облажался». Он не просит прощения или злиться. Он становится равнодушным и пытается убрать жену с дороги.

— Я не провоцировала его и не применяла силу, пока он не попытался меня убить.

— Это я вижу. — Он повернулся ко мне. — Ты использовала тазер С2. Знаешь же, что его применяют с пятнадцати футов?

— Я не хотела рисковать. Его магия показалась мне электрической, и я подумала, что он может блокировать ток.

Мунос покачал головой.

— Нет, он был энекинетиком и обучался управлению магической энергией в армии США. Этот парень ветеран. — А. — Это поясняло хладнокровие Рутгера. Справляться с адреналином было для него не в новинку. Факт того, что он был энекинетиком, тоже имел значение. Пирокинетики управляли огнем, аквакинетики — водой, а энекинетики манипулировали чистой магической энергией. Никто не понимал ее точной природы, но она была близка к обычной магии. И как только Берн умудрился все это пропустить при проверке? Когда я доберусь домой, у нас с кузеном будет, о чем поговорить.

В дверь заглянул коп в форме и передал Муносу мою лицензию.

— Проверена.

Мунос отомкнул наручники, снял их с меня, а затем вернул мне мою сумочку с видеокамерой и телефон с бумажником.

— У нас есть ваши показания, и мы забрали карту памяти. Заберете ее позже. Отправляйтесь домой, и приложите лед к шее. Я ухмыльнулась ему.

— Скажете не покидать город, сержант?

Мунос посмотрел на меня взглядом «еще одна слишком умная».

— Вы полезли против боевого мага за штуку баксов. Если вам настолько нужны деньги, вы, вероятно, не можете позволить себе бензин.

Через три минуты я залезла в свою пятилетнюю мазду минивэн. Документы описывали цвет мазды как “золотой”. Все остальные считали, что это было что-то «вроде шампанского» или «типа бежевый». В сочетании с очевидным обликом автомобиля для мамаш, минивэн идеально подходил для наблюдения. Никто не обращал на него внимание. Однажды я преследовала парня в течение двух часов на почти пустой дороге, и когда страховая

компания позже показала ему материалы, свидетельствующие о том, что его колено отлично работало, когда он переключал передачи в своем «Эль Камино», он был страшно удивлен.

Я повернула зеркало. Большая красная отметина расплылась лиловым синяком на моей шее и верхней части правого плеча, словно кто-то взял пригоршню черники и растер ее об меня. Такой же ярко-красный след красовался у меня на челюсти слева. Я вздохнула, вернула зеркало на место и поехала домой. Еще легко отделалась — мне хотя бы не нужно было ехать в больницу. Я поморщилась. Синяку мои кривлянья не понравились. Ауч.

Детективное агентство «Бейлор» начиналось как семейный бизнес. Семейным бизнесом мы и оставались, хотя теперь технически принадлежали кое-кому другому, кто позволял вести наши дела так, как мы сами считали нужным. У нас было три правила.

Правило № 1: верность. Как только клиент нас нанял, мы преданны клиенту. Правило № 2: мы не нарушаем закон. Это было хорошее правило, оберегающее нас от попадания за решетку и судебных разбирательств. И правило № 3, самое важное из всех: в конце дня мы не должны стыдиться своему отражению в глаза. Сегодняшний день подпадал под третье правило.

Может, на меня что-то нашло, и Джон Рутгер забрал бы жену домой и на коленях молил бы ее о прощении. Но в итоге я ни о чем не жалела и мне не нужно было переживать, правильно ли я поступила, и увидят ли дети Лиз свою мать снова. Их отец — это совсем другая история, но теперь он уже не был моей заботой. Он сам заварил всю эту кашу. Я объехала вечерние пробки по I-290, направляясь на северо-запад, и повернула на юг. Несколько минут спустя я подъехала к нашему складу. Помятый черный «Цивик» Берна был припаркован рядом с маминой голубой хондой «Элемент». О, хорошо. Все дома.

Я припарковалась, подошла к двери и набрала код системы безопасности. Дверь со щелчком открылась, затем я вошла и остановилась на секунду, чтобы услышать обнадеживающий лязг замков позади меня. Входя на склад через эту дверь, все выглядит, как офис. Мы построили стены, установили несколько стеклянных панелей, и положили устойчивый к вытиранию бежевый ковер. Что дало нам три офисных помещения по левую сторону, комнату отдыха и большой конференц-зал справа. Опущенный потолок завершал иллюзию.

Я вошла в свой кабинет, положила сумочку с камерой на стол, и села в кресло. Мне нужно было написать отчет, но составлять его не хотелось, и я решила сделать это позже. Офис был звуконепроницаемым. Вокруг царил тишина. До меня долетел легкий аромат грейпфрутового масла из аромалампы. Эфирные масла были моей любимой маленькой роскошью. Я вдохнула аромат. Я была дома. Я выжила. Если бы я ударила головой о стену, когда Рутгер бросил меня, я могла бы умереть сегодня. Прямо сейчас я была бы мертва вместо того, чтобы сидеть здесь, в своем кабинете, в двадцати футах от дома. Мама была бы в морге, опознавая меня на столе.

Сердце колотилось в груди. Подкрадывалась тошнота, сжимая горло. Я наклонилась вперед и сосредоточилась на дыхании. Глубокий, спокойный вдох. Я просто должна позволить себе справиться с этим.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Медленно, тревога отступала.

Вдох-выдох.

Порядок. Я встала, прошла через кабинет в комнату отдыха, открыла дверь, и вошла на склад. Шикарно просторный коридор тянулся вправо и влево, его гидроизолированный

бетонный пол мягко отражал свет. Надо мной взмыл тридцатифутовый потолок. После того, как нам пришлось продать дом и переехать на склад, мама с папой решили сделать его внутри настоящим домом. Вместо этого мы закончили тем, что выстроили одну большую стену, отделяющую эту часть склада — наше жилое пространство — от бабушкиного гаража, поэтому нам не приходится отапливать, или кондиционировать складское помещение в двадцать две тысячи квадратных футов. Остальные стены появлялись органично, что было вежливым эвфемизмом для «ставим их по мере необходимости из того, что есть под рукой».

Если мама меня увидит, мне не обойтись без тщательного медицинского обследования. Все, что я хотела, это принять душ и немного поесть. В это время она обычно помогает бабушке с работой. Если я буду очень тихой, то смогу проскользнуть в свою комнату. Я крадась по коридору. Думай тихо... Будь невидимой... Надеюсь, ничего привлекающего внимание не происходит.

— Я тебя убью! — завопил справа знакомый голосок.

Блин. Конечно, Арабелла. Моя младшая сестра в хорошей форме, судя по тону.

— Это так по-взрослому! — А это была семнадцатилетняя Каталина. На два года старше Арабеллы и на восемь лет моложе меня. Мне нужно было прекратить этот бедлам, пока мама не пришла на разведку. Я поспешила по коридору в гостиную.

— Я хотя бы не тупица, у которой нет друзей!

— Я хотя бы не жирная!

— А я хотя бы не уродина!

Ни одна из них не была толстухой, уродиной или изгоем. Просто обе были мастерицы поскандалить, и если бы я не прекратила их спектакль, мама явилась бы с минуты на минуту.

— Ненавижу тебя!

Я вошла в гостиную. Каталина, худая и темноволосая, стояла справа, скрестив руки на груди. Слева Берн очень аккуратно удерживал блондинку Арабеллу за талию над полом. Арабелла была очень сильной, но Берн занимался борьбой до окончания школы и ходил в клуб дзюдо дважды в неделю. В девятнадцать, и все еще продолжая расти, он был на дюйм выше шести футов и весил около двухсот фунтов, большая их часть мощные, гибкие мышцы. Удерживать сто фунтов веса Арабеллы не было проблемой.

— Отпусти меня! — забрыкалась Арабелла.

— Подумай о своем поведении, — ответил Берн низким, спокойным голосом.

— Мы же договорились — никакого насилия.

— Что на этот раз? — спросила я.

Каталина ткнула пальцем в сторону Арабеллы.

— Она никогда не закручивает крышечкой мой тонак, и теперь он высох!

Понятно. Они никогда не воевали по серьезному поводу. Они никогда не крали друг у друга, они никогда не пытались расстроить отношения друг друга, и если кто-нибудь осмеливался взглянуть на одну из них косо, другая первой вставала на защиту сестры. Но если одна из них брала у другой расческу и не чистила ее от волос, не миновать третьей мировой войны.

— Это неправда... — Арабелла запнулась.

— Нева, что у тебя с лицом?

Всё остановилось. А затем все затараторили одновременно, невероятно громко.

— Цыц! Успокойтесь, это косметика. Мне просто нужно в душ. И, кстати, прекратите

даться. Если не перестанете, мама придет сюда, а я не хочу, чтобы она...

— Чтобы она что?

Мама вошла в дверь, слегка прихрамывая. Нога снова донимала ее. Среднего роста, она была худой и мускулистой, но травма подкосила ее. Теперь она была полнее и с более круглым лицом. Глаза у нее были темными, как у меня, а волосы каштановыми. Следом шла бабушка Фрида — моего роста, с копной платиновых кудряшек, заляпанных машинным маслом. По комнате разнесся знакомый запах моторного масла, резины и пороха.

Бабуля Фрида увидела меня и округлила глаза. Вот блин.

— Что с деточкой, Пенелопа?

Лучшая защита — это смертельная обида.

— Я не деточка. Мне двадцать пять. — Я была старшей бабулиной внучкой. Даже в пятьдесят с кучей собственных внуков, я бы все равно была для нее «деточкой».

— Как это случилось? — спросила мама. Черт побери.

— Магическая взрывная волна, стена и стул.

— Взрывная волна? — спросил Берн.

— Дело Рутгера.

— Я думал, он пустышка. Я покачала головой.

— Энергетическая магия. Он оказался ветераном.

Лицо Берна поникло. Он нахмурился и вышел из комнаты.

— Арабелла, принеси аптечку, — сказала мама. — Невада, ложись. У тебя может быть сотрясение.

Арабелла бросилась бежать.

— Все не так плохо! У меня нет сотрясения.

Мама повернулась и посмотрела на меня. Я знала этот взгляд. Взгляд сержанта Бейлор. Спасения не будет. — Врачи скорой осмотрели тебя на месте происшествия?

— Да. — Что они сказали?

Врать не было смысла.

— Они сказали, чтобы я съездила в больницу просто на всякий случай.

Мама впилась в меня взглядом.

— Ты это сделала?

— Нет.

— Ложись.

Я вздохнула и покорила судьбе.

Следующим утром я сидела в гостиной, поглощая приготовленные для меня мамой блинчики и сосиски. Моя шея все также болела. Но бок болел еще сильнее. Мама сидела на другом конце дивана, потягивая кофе и заплетая волосы Арабелле. Похоже, в моду среди старшеклассниц вошли витиеватые косички, и Арабелла каким-то образом уболтала маму ей помочь. С левой стороны экрана, ведущая новостей с идеальной укладкой сообщала о недавнем поджоге в Первом Национальном Банке, в то время как на правой стороне экрана полыхало огненное торнадо, пожиравшее здание. Из окон вырывались оранжевые языки пламени.

— Это ужасно, — сказала мама.

— Кто-то погиб? — спросила я.

— Охранник. Его жена и двое детей заскочили проведать его во время обеда и тоже обгорели, но выжили. Судя по всему, не обошлось без Адама Пирса.

Все в Хьюстоне знали, кто такой Адам Пирс. Обладатели магии делились на несколько рангов: Незначительный, Средний, Заметный, Выдающийся и Превосходный. Рожденный с редким пирокинетическим талантом, Пирс обладал классификацией «Нержавеющая Сталь». Пирокинетик считался Средним, если он мог за минуту расплавить кубический фут льда. За это же время Адам Пирс мог наколдовать огонь, способный расплавить кубический фут стали, что делало его Превосходным — высшим рангом мага. Заполучить его хотели все — военные, Дом Оборона и частный бизнес. Богатая и авторитетная семья Пирсов владела корпорацией «Файербаг» — ведущим поставщиком промышленных кованых изделий. Адам, прекрасный и магически одаренный, был гордостью и утехой Пирсов. Он вырос в изысканной роскоши, ходил в правильные школы, носил правильную одежду, и имел блестящее будущее. Он был восходящей звездой и завидной партией. Но в двадцать два года показал всем средний палец, объявил себя радикалом и ушел из дома, сколотив себе шайку налетчиков на мотоциклах. С тех пор Пирс то и дело мелькал в новостях, в основном, связанных с копами, преступлениями и антиправительственными заявлениями. Масс-медиа его обожали, ведь одно его имя повышало рейтинги. Как по команде, портрет Пирса заполнил собой правую половину экрана. Он был одет в свои фирменные черные джинсы и распахнутую черную косуху прямо на голое мускулистое тело. Тату в виде кельтского узла украшало его грудь слева, а оскалившаяся пантера с рогами — правую сторону пресса. Длинные каштановые волосы спадали на его красивое лицо, очерчивая самые красивые в мире скулы и идеальный подбородок с легкой небритостью, придающей неряшливый вид. Если бы его привели в порядок, выглядел бы он почти ангельски. Было легко представить его на фотоснимке ангелом-позером с опаленными крыльями.

На своем веку я вдоволь повидала настоящих байкеров-гангстеров. Не байкеров «выходного дня», которые в обычной жизни были врачами и адвокатами, а самых, что ни на есть настоящих, живших на дороге. Они были жесткими, не слишком ухоженными и с тяжелым взглядом. Пирс же больше походил на актера в роли плохиша из остросюжетного боевика. К его чести, он сам мог создать себе фон из клубящегося пламени.

— Горяч! — воскликнула Арабелла.

— Прекрати, — оборвала ее мама. В гостиную вошла бабуля Фрида.

— О, а вот и мой мальчик.

— Мама, — заворчала моя мама.

— Ну что? Ничего не могу поделать. У него глаза дьявола.

У Пирса и вправду были глаза дьявола. Глубокие, цвета темно-коричневого кофе, они были непредсказуемыми и полными безумства. Он был очень привлекателен внешне, но все его фотографии выглядели постановочными, как будто он всегда знал, где камера. Если бы я увидела его когда-нибудь в живую, то бежала бы от него, как от огня. Сгореть рядом с ним буквально было проще простого.

— Он убил человека, — сказала мама.

— Его подставили, — возразила бабуля Фрида. Она пожала плечами. — Подставили. Такой красавчик не может быть убийцей. Мама бросила ей укоризненный взгляд. — Пенелопа, мне семьдесят два года. Дай мне вволю пофантазировать.

— Продолжай, бабуля. — Арабелла покачала кулаком в воздухе.

— Если ты у нас бабушкина подлиза, пусть она тебя и заплетает, — фыркнула мама.

— Мы вернемся к расследованию поджога после паузы, — объявила дикторша. — А также к наплыву крыс в культовом центральном парке.

На экране появилось изображение парка Бридж, с бронзовой статуей ковбоя, скачущего на лошади, в натуральную величину.

— Должны ли власти графства Каунти прибегнуть к радикальным мерам? Узнайте больше после рекламы.

В комнату вошел Берн.

— Невада, можно тебя на минутку?

Я встала и вышла следом за ним. Не говоря ни слова, мы прошли по коридору на кухню. Это было ближайшее место, где мама с бабулей не смогли бы нас подслушать.

— Что такое?

Берн взъерошил свои короткие, светло-каштановые волосы и протянул мне папку. Я открыла ее и просмотрела. Родословная Джона Рутгера, биография и профессиональная деятельность. Одна строчка была выделена желтым маркером: «Уволен с положительной характеристикой, досье закрыто». Я подняла палец.

— Ага!

— Ага, — согласился Берн.

Работодателям обычно нравилось нанимать бывших военных. Они были пунктуальными, дисциплинированными, вежливыми, и при необходимости умели быстро принимать решения. Но боевые маги у HR менеджеров вызывали обратную реакцию. Никто не хотел видеть у себя в офисе парня, способного в гневе выпустить тучу кровососущих пиявок. Чтобы обойти эту проблему, Министерство обороны начало закрывать досье некоторых бойцов. Закрытое досье не всегда означало боевого мага, но это дало бы мне хорошую подсказку. К ситуации с Рутгером я отнеслась бы совсем по-другому.

— Я облажался. — Берн прислонился к тумбочке. Его серые глаза были полны раскаяния. — У меня был экзамен по новой истории. Не самый легкий предмет, а мне нужно было получить четверку, чтобы не потерять стипендию, и потому пришлось зубрить. Я отдал дело Леону. Он проверил родословную и биографию, но забыл зайти в базу данных Министерства обороны.

— Все в порядке, — возразила я.

Леону было пятнадцать и заставить его сидеть смирно дольше тридцати секунд, было все равно, что пытаться засунуть кошку в душ. Берн потер переносицу.

— Нет. Не в порядке. Ты попросила меня об этом, и я должен был это сделать. Тебя ранили. Больше этого не повторится.

— Не парься, — махнула рукой я. — Я тоже раньше лажала. Такое бывает. Просто возьми себе на заметку в будущем проверять базу Министерства обороны. Ну как, получил четверку?

Он кивнул.

— На самом деле, это даже интересно. Ты знаешь историю про корову миссис О'Лири?

Мне очень нравилась история. Я даже подумывала сделать ее непрофилирующим предметом, но жизнь повернулась по-другому.

— Это она уронила лампу в сарае и начала Великий чикагский пожар где-то в 1860-х годах?

— В октябре 1871, - сказал Берн. — Хотя мой профессор не думает, что это сделала корова. Он считает, что это был маг.

— В 1871? Сыворотку Осириса только-только открыли.

— Это, правда, любопытная теория. — Берн пожал плечами. — Тебе стоит поболтать с

ним как-нибудь. Он довольно прикольный парень.

Я улыбнулась. Из-за работы у меня ушло четыре года, включая каждое лето, чтобы с горем пополам получить степень в криминальном праве. Берн получил академическую стипендию, потому что был умнее всех нас вместе взятых, и теперь неплохо себя чувствовал. Ему даже нравился хоть один из его предметов, помимо основных.

— Есть еще кое-что, — сказал Берн. — Монтгомери хотят нас видеть.

Мой желудок совершил пируэт.

Мы принадлежали дому Монтгомери. Когда сбережений и денег от продажи нашего дома стало не хватать, чтобы покрыть медицинские счета отца, мы продали фирму Монтгомери. Технически, она было заложена. У нас был тридцатилетний срок погашения, и каждый месяц мы наскребали минимальную оплату. Условия нашей закладной практически делали нас дочерним предприятием «Международных расследований Монтгомери». Монтгомери очень мало интересовался нами до этого момента. Мы были слишком малы, чтобы быть им полезными, и у них не было причин беспокоить нас, пока наши счета выплачивались, а они всегда выплачивались. Я убедилась в этом.

— Они сказали, как можно быстрее, — сказал Берн.

— Это звучало как обычно?

— Нет.

Вот черт.

— Не говори маме или бабуле.

Он кивнул.

— Они только встревожатся.

— Да. Я позвоню тебе, как только выясню, в чем там дело. Может, мы просто забыли подать какую-нибудь бумажку.

Я была уже в дверях, когда он окликнул:

— Невада? Жена Джона Рутгера перевела деньги. Тысячу долларов, как и договаривались.

— Хорошо, — отозвалась я и вышла. Мне нужно было причесаться, навести презентабельный вид и пулей мчаться через весь город к стеклянным башням.

В самом деле, насколько плохо это может быть?

Глава 2

Асимметричная стеклянная башня «Международных расследований Монтгомери» возвышалась над соседними офисными зданиями, как акулий плавник из синего стекла. Все ее двадцать пять этажей блестели сотнями окрашенных кобальтом окон. Это должно было производить впечатление и наполнять вас благоговением перед великолепием дома Монтгомери. Я пыталась откопать немного благоговения, но заработала только беспокойство. Пройдя через металлоискатель, я направилась к сверкающему лифту. В послании от Монтгомери говорилось про семнадцатый этаж, так что, когда распахнулись двери, я вошла в лифт, нажала кнопку с цифрой 17 и подождала, пока кабина с шелестом стала подниматься. Какого черта им нужно?

Двери распахнулись, открывая широкое помещение с столом секретарши, сделанным из полированных труб из нержавеющей стали. Белый потолок находился на высоте, по крайней мере, двадцати пяти футов над глянцевым темно-синим полом. Я вышла, прежде чем лифт закрылся. Стены были чисто белыми, но огромная стена из кобальтового стекла за

секретаршей делала дневной свет бледно-голубым, как будто мы были под водой. Все было сверхсовременным, чистым, и слегка бездушным. Даже белоснежные орхидеи на столе секретарши никак не добавляли пространству теплоты. «МРМ» могли обклеить это место купюрами и закончить на этом.

Секретарша посмотрела на меня. Ее лицо было безупречным, слегка загорелое с большими голубыми глазами и искусно подведенными бледно-розовыми губами. Томатно-красные волосы были завернуты в безукоризненную ракушку. Я могла видеть каждую из ее длинных ресниц, и ни на одной не было даже намек на комок туши. Она была одета в белое платье, которое обтягивало ее как чулок. Секретарша моргнула, глядя на мое лицо с синяками.

— Чем могу помочь?

— У меня назначена встреча с Августином Монтгомери. Я — Невада Бэйлор.

Я улыбнулась. Секретарша встала.

— Следуйте за мной.

Я так и сделала. Вероятно, она была одного роста со мной, но каблуки добавляли ей еще около шести дюймов. Она цокала вдоль изгибающейся стены

— Сколько времени это занимает?

— Прошу прощения?

— Сколько времени у вас занимает собраться утром на работу?

— Два с половиной часа, — ответила она.

— Они платят вам за это сверхурочные?

Она остановилась перед стеной из матового стекла. Белые морозные перья скользили и складывались в гипнотический рисунок на поверхности. Там и тут сияли и таяли нити из чистого золота. Ого. Часть стены скользнула в сторону. Секретарша посмотрела на меня. Я вошла в огромный офис. Должно быть, мы находились в углу плавника, потому что стены слева и спереди были из синего стекла. Белый ультрасовременный рабочий стол органично вырос из пола. За столом сидел мужчина в костюме. Его голова была опущена, так как он что-то читал на небольшом планшете, я могла видеть только густые русые волосы с короткой и без сомнения дорогой стрижкой.

Я подошла и встала около белого стула рядом со столом. Хороший костюм, того цвета, между серым и истинно черным, который иногда называют вороненой сталью. Мужчина посмотрел на меня. Иногда люди, имеющие талант создавать иллюзии, уменьшали свои физические недостатки с помощью магии. Судя по лицу, Августин Монтгомери был Превосходным. Его лицо было идеальным, на манер греческих статуй, черты были мужественными и четкими, но не грубыми. Чисто выбритый, с крупным носом и решительным ртом, он был так красив, что заставлял вас глазеть. Его кожа практически сияла, а зеленые глаза впивались в вас с недюжинным интеллектом из-за практически незаметных очков. Ему, вероятно, требовалась защитная деталь, когда он покидал дом, чтобы отбиваться от всех этих скульпторов, которые хотели увековечить его в мраморе. Очки были искусным штрихом. Без них он был бы ожившим богом, но тонкая, как волос оправа позволяла ему приблизиться к нам, простым смертным.

— Мистер Монтгомери, — сказала я. — Меня зовут Невада Бэйлор. Вы хотели меня видеть? Монтгомери мужественно проигнорировал фиолетовые синяки на моем лице.

— Садитесь, пожалуйста.

Он указал на стул. Я села.

— У меня есть для вас задание.

За пять лет, что они владеют нами, они никогда не давали нам заданий. Пожалуйста, пусть это будет что-то незначительное...

— Мы хотим, чтобы вы поймали этого человека.

Он послал фотографию по столу. Я наклонилась вперед. Адам Пирс смотрел на меня своими безумными глазами.

— Вы шутите?

— Нет.

Я устала на Монтгомери.

— В свете последних событий, семья Пирсов обеспокоена благополучием Адама. Они хотели бы, чтобы мы поймали его. Невредимым. Так как вы являетесь нашей дочерней компанией, мы считаем, что вы идеально подходите для этой задачи. Ваша часть платы составит пятьдесят тысяч долларов.

Я не могла этому поверить.

— Мы маленькая семейная фирма. Посмотрите наши отчеты. Мы не охотники за головами. Мы расследуем случаи мошенничества со страховкой и супружеские измены.

— Пришло время расширить репертуар. У вас девяносто процентов успешных расследований. Мы вам полностью доверяем.

Мы показывали 90 процентов успешности, потому что я не бралась за задание, если знала, что не справлюсь.

— Он Превосходный пирокинетик. Нам не хватает людей.

Монтгомери слегка нахмурился, словно ему это надоело.

— Я вижу одного работника с полной занятостью и пятерых с частичной. Вызовите своих людей и сосредоточьтесь на задании.

— Вы проверяли даты рождения этих работников с неполной занятостью? Позвольте сэкономить вам время: троим еще нет шестнадцати, еще одному только исполнилось девятнадцать. Это мои сестры и кузены. Вы хотите, чтобы я пошла против Адама Пирса с детьми.

Монтгомери защелкал пальцами по клавиатуре.

— Здесь сказано, что ваша мать является награжденным ветераном армии.

— Мама была тяжело ранена в 1995 году во время операции в Боснии. Она попала в плен и в течение двух месяцев сидела в земляной яме с двумя другими солдатами. Она считалась погибшей и была спасена по чистой случайности, но ее левая нога непоправимо пострадала. Ее максимальная скорость — пять километров в час.

Монтгомери откинулся назад.

— Ее магический талант в координации глаз и рук, — продолжила я. — Она может с большого расстояния прострелить человеку голову, что совершенно бесполезно, так как вы хотите Пирса живым. А моя собственная магия...

Монтгомери сосредоточился на мне.

— Ваша магия?

Дерьмо. Их записи утверждают, что я — пустышка.

— ...не существует. Это — самоубийство. У вас в двадцать раз больше ресурсов и живой силы, чем у нас. Почему вы отдаете это нам? Вы думаете, у нас есть хоть малейший шанс?

— Да.

Моя магия зажужжала. Он только что солгал. Осознание поразило меня, как тонна

кирпичей, рухнувших на голову.

— Вот оно, не так ли? Вы знаете, что поймать Пирса будет дорого и сложно. Вы потеряете людей, обученные, квалифицированные кадры, в которых вы вложили время и деньги, и в итоге это обойдется дороже того, что заплатит вам семья. Но вы, вероятно, не можете отказать дому Пирсов, поэтому вы поручаете это нам, и когда это закончится катастрофой, вы сможете показать им наши отчеты. Вы сможете сказать Пирсам, что вы назначили свою лучшую фирму с шестью работниками и девяносто процентами успешных дел. Вы сделали все возможное. Вы ожидаете, что мы потерпим неудачу и, возможно, погибнем, чтобы защитить вашу задницу и сохранить лицо. — Нет нужды драматизировать.

— Я не буду этого делать.

Не могу. Это не возможно.

Монтгомери нажал несколько клавиш и развернул монитор ко мне. Экран заполнил документ с выделенным желтым параграфом.

— Это ваш контракт. Выделенный раздел гласит, что отклонение поручения от «МРМ» представляет собой нарушение договора и влечет выплату долга в полном объеме.

Я стиснула зубы.

— Вы можете оплатить займ в полном объеме?

Как бы мне хотелось сейчас его придушить.

— Мисс Бэйлор, — он говорил медленно, словно у меня были проблемы со слухом. — Вы можете оплатить остаток в полном объеме?

Я расжала зубы.

— Нет.

Монтгомери развел руками.

— Выразусь яснее: либо вы это сделаете, либо мы забираем ваше агентство.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Конечно, у вас есть выбор. Вы можете взять задание или освободить помещение.

Мы потеряем все. Склад принадлежал фирме. Автомобили принадлежали фирме. Мы станем бездомными.

— Мы всегда вовремя платили. Мы никогда не причиняли вам никаких неприятностей.

Я вытаскала кошелек из сумки, вынула фотографию моей семьи и положила на стол. Она была сделана пару месяцев назад, и все мы столпились в кадре.

— Я — все, что у них есть. Наш отец умер, мать — инвалид. Если что-то случится со мной, у них не будет средств к существованию.

Он взглянул на нее. Какая-то тень отразилось на его лице, потом снова исчезла.

— Я требую ответа, мисс Бэйлор.

Может мне удастся спустить все на тормозах. Мне это не по душе, но я должна сделать все возможное, чтобы выжить.

— Что если копы возьмут его первыми?

— Ваше дело заложено. Вы должны привести Пирса живым и до того, как его схватят власти.

Что б тебя.

— Что будет, если я погибну? Августин поднял руку, перемещая текст на экране.

— Вы — лицензированный детектив в фирме. Когда мы покупали фирму, мы инвестировали в вашу способность зарабатывать. Без вас мы не заинтересованы в вашем предприятии. В соответствии с условиями договора, ваши активы будут списаны как убыток.

Мы конфискуем все денежные средства и ликвидные активы, это будут акции, кредитные обязательства, и тому подобное, что включает бизнес, и спишем заем.

— Что на счет названия фирмы?

Он пожал плечами.

— Уверен, мы сможем договориться.

У меня был миллион долларов на личном страховом счету. Я оплачивала его из своей зарплаты, потому что безумно боялась, что если со мной что-нибудь случится, семья останется без средств к существованию. В краткосрочной перспективе, я дороже стоила мертвой, чем живой. С миллионом долларов Берн мог продолжить обучение, никого не выселят, а если такое и случится, то у них будет достаточно денег, чтобы поддержать семью на плаву. Мама сможет выкупить название фирмы и нанять детектива.

— Да или нет? — спросил Августин.

На одной чаше весов семья, на другой, вероятно, моя жизнь.

— Да, — сказала я. — Вы — ужасный человек.

— Я это переживу.

— Да уж, переживете. Напишите дополнение к контракту, что в случае моей смерти моя семья сможет выкупить название фирмы за доллар, и я отправлюсь за Пирсом.

— За доллар?

— В случае моей смерти, моя семья получает фирму обратно. Только так и не иначе.

— Очень хорошо.

Пальцы Монтгомери летали над клавиатурой. Листок бумаги выскользнул из принтера. Я прочитала, подписалась и смотрела, как он пишет свое имя элегантно почерком. Монтгомери похлопал по планшету.

— Я отправил вам файл с биографией Пирса. Еще раз: вы должны задержать Адама Пирса, прежде чем полиция возьмет его под стражу, или ваш заем будет конфискован.

Я встала и ушла, оставив фотографию семьи на его столе. Ему следует посмотреть на нее. Руки дрожали. Я хотела повернуться, прошагать назад, и врезать ему. Я продолжала идти, пока не вышла из здания. Снаружи подул ветер, потянув за одежду. Я достала сотовый из кармана и набрала Берна.

— Бросай свои дела. Мне нужна вся доступная информация об Адаме Пирсе.

— Мы будем отслеживать Пирса? Ты это серьезно?

— Проверь свою почту.

— Охренеть.

— Мне нужна его родословная, его полное досье, уголовные приводы, с кем он ходил в школу — все-все. Любая мелочь, какую только сможешь найти. Чем больше мы знаем, тем лучше.

— Мне рассказать тете Пен?

Ох, маме эта затея точно понравится.

— Нет. Я сама это сделаю. Позвони Матеушу.

Когда я сказала, что все наши сотрудники на неполный рабочий день были детьми, я не лгала. Но иногда, когда мы нуждались в грубой силе, мы нанимали независимых агентов на однократную работу. У меня было ощущение, никто из них не подойдет к любой работе с участием Пирса и на десять футов, но стоило попробовать.

— Сколько мне предложить? — спросил Берн в трубке.

— Десять штук.

Это было примерно в три раза больше того, что мы обычно предлагали. Это была почти вся наша заначка на черный день. Мы также могли взять кредит, если понадобится.

— Мы не можем столько заплатить.

— Мы сможем, если задержим Пирса. Скажи ему, что оплата по факту.

Телефон кликнул, когда Берн оставил меня висеть на линии. Я пошла к машине. С чего, черт побери, мне начать? Еще один клик.

— Он посмеялся.

На его месте я бы тоже посмеялась.

— Попробуй Ковбоя.

Клик. Клик.

— «Нет». Конец цитаты.

— Асли? Увеличь до пятнадцати.

Асли чертовски дорого брала, но она стоила каждого пенни, и я не слышала, чтобы она отступала. Я дошла до мазды и прислонилась к решетке.

— Она сказала, что занята чем-то другим.

Аргх. Это была моя лучшая тройка. Почему у меня такое чувство, что все наши фрилансеры разбегаются от нас, как стая испуганных кроликов?

— Хорошо. Начни работать с биографией Пирса, пожалуйста.

Я повесила трубку. Паника, которая зародилась во мне в офисе Августина, подняла голову и затопила меня. Я позволила ей победить.

Если мы провалимся, «МРМ» отзовут заем и заберут все. Мы буквально покинем дом налегке, только с черным пластиковым мешком с одеждой и туалетными принадлежностями, которые каждый из нас сможет унести. У бабушки не будет места, чтобы заниматься своим делом. У меня вообще больше не будет никакого дела. Я могу начать заново, но это потребует времени и денег. Я сделала имя на фундаменте, который заложили мои родители. Личные рекомендации составляли 90 процентов нашей работы. Мы окажемся на улице, все семеро. Мы потеряем медстраховку. И все еще будем в долгах. Сбережения обеспечат нас крышей над головой и едой на месяц или два, а что потом? Берн бросит учебу. Тут даже сомневаться не приходилось. Он бросит учебу и будет хвататься за любую работу, которая сможет обеспечить нам еще одну неделю в дешевом мотеле, или еще один обед. Я видела его будущее, и оно горело синим пламенем.

А сестры... Мы только вернулись к нормальной жизни после хаоса отцовской болезни. Все только наладилось. Терапия работала, все вернулись в колею, и у детей, наконец, появились какие-то повседневные дела. Если это произойдет...

Словно кто-то взял ледяной нож и вонзил мне в живот, чтобы добраться до внутренностей. Нет. Этого не случится. Они не сделают этого с моей семьей. Они не заберут все, над чем я так долго трудилась. Нет. Совершенно точно нет. Я вдыхала и выдыхала, выпуская гнев.

Думай. Это поиск пропавших. Ты уже искала пропавших. Не впервой. Частные детективы, как правило, на чем-то специализируются. Некоторые раскрывали финансовые показатели и имели дело с поисками активов. Другие занимались наблюдением. Третьи проверяли данные. Мы занимались всем понемногу, и мне приходилось искать пропавших. Это был всего лишь еще один поиск.

Вот только, если я его найду, он сожжет меня до костей. И семья по-прежнему может оказаться на улице, когда «МРМ» заберут наш дом. По крайней мере, они получают название

фирмы обратно. Наверное, это был не самый удачный ход мыслей. Этот бардак, как говаривал мой отец, был вне моей компетенции. Я даже не знала, с чего начать. Я могла отправиться в Первый Национальный банк и посмотреть на обгорелые развалины. Я раньше имела дело с четырьмя поджогами, все они были связаны со страховкой, и я знала, что место происшествия на самом деле ни чем мне не поможет. Мне не нужно доказывать причастность Пирса к поджогу. Мне нужно просто его найти. Пирс убил копа и ранил членов его семьи. Прямо сейчас каждый коп в Хьюстоне и пригородах бил копытом, надеясь всадить пулю в смазливую голову Пирса. Готова поспорить, у копов на него досье в милю длиной. Хорошо бы было начать с этого досье, вот только никто не даст мне на него взглянуть. Во-первых, я была штатской, и во-вторых, соперничала с копами. В криминальных романах частный детектив — либо сам бывший коп, либо у него есть приятель-коп, который задолжал ему услугу, и который с радостью предоставит ему файлы департамента, злясь из-за того, что это может стоить им обоим работы. У меня не было приятелей-копов. Я старалась избегать их, как только возможно. Мой отец был дружен с парой человек, но они оба работали в подразделении финансовой безопасности, а не в убийном отделе. Кроме того, сейчас никто, кроме Монтомери, меня и Берна не знал, что я ищу Пирса. Если я засвечусь на полицейском радаре, они начнут обращать внимание на то, что я делаю, и это усложнит поимку Пирса.

Вокруг меня центр Хьюстона кипел жизнью. Небоскребы, одни из стекла и стали, другие — каменные монолиты, поднимались вокруг меня. Кобальтовое здание «МРМ» маячило слева, еще больше напоминая акулий плавник. Я могла вообразить, как асфальт трескается, разламываясь огромными плитами, и громадная голова акулы, оцетинившаяся острыми стеклянными зубами, возникает, чтобы проглотить меня целиком. Передо мной транспортный поток медленно выехал на оживленную улицу. Красный кабриолет Мазератти вырвался из потока и поехал по рельсам узкоколейки в сторону больницы. Водитель, молодой парень в черной футболке, поливался одеколоном. Тупица.

Над ним большой плоскоэкранный рекламный щит, установленный на стене каменной башни, мелькал объявлениями. Появился новостной блок, и изображение женщины в деловом костюме заполнило экран. Ей было хорошо за тридцать, спортивная, привлекательная, с шоколадной кожей и копной вьющихся темных волос, собранных в узел на затылке. Все в Хьюстоне знали ее имя. Ленора Джордан, прокурор округа Харрис. Когда мне было четырнадцать лет, она вышла на улицу, чтобы встретиться с Джорджем Колтером. Она была выпускницей юридической школы, а он был опытным Превосходным фалгокинетиком. Он мог метать молнии с расстояния в пятьдесят футов, его обвиняли в растлении малолетних и в последний момент он отказался отправляться в суд. Ленора Джордан спустилась вниз по ступенькам здания суда, как стрелок Дикого Запада, вызвала цепи из воздуха, и приковала Джорджа Колтера к брусчатке. Все это было записано и показано во всех новостях. Это было эпично. Каждая девочка в моем классе хотела стать Ленорой, когда вырастет. Она была неподкупной, сильной и умной, она не испытывала страха, и не терпела ни от кого оскорблений.

Я не сомневалась, что если Пирс будет арестован и попадет в суд, она уничтожит его, убедившись, что его конституционные права безукоризненно соблюдены. Я не была Ленорой Джордан, не важно, насколько мне этого хотелось. Если я случайно наткнусь на Пирса, я не смогу драматично его задержать. Я не смогу заставить его сделать что-либо против воли. Мне придется как-то убедить Пирса, что в его интересах пойти со мной. Я вытащила

телефон, загрузила биографический файл на Пирса, и открыла его. У большинства людей накапливались идентификаторы: дата рождения, номер соцстраховки, последний известный адрес, номер водительского удостоверения, место работы, все то, что связывало их и позволяло сравнительно легко их отслеживать. В 75 процентах случаев, их идея избежать системы подразумевала спрятаться в доме кузена. И в 90 процентах случаев, их мать, что бы она ни утверждала, могла связаться с ними в течение нескольких минут.

Файл Пирса предоставил мне дату рождения, место рождения, номер социального страхования, имена и адрес родителей, и образование. Начальная школа, средняя школа, старшая школа, Стэнфордский Университет, бакалавриат магических наук в области материаловедения и инженерии, второстепенный предмет — философия, средний балл успеваемости 3,9. Поступил в магистратуру на материаловедение и инженерию, бросил через два месяца. Настоящее место жительства: неизвестно. Текущее занятие: нет. Круто. Сведения об арестах. Ага. Адам Пирс арестовывался шесть раз за последние шестнадцать месяцев. Занятой мальчик. Посмотрим-ка: публичное распитие спиртных напитков, вандализм, сопротивление аресту — сюрприз-сюрприз, бродяжничество... бродяжничество? Должно быть, это был взбешенный коп. Поглядим Фейсбук.

Я просмотрела полдюжины Адамов Пирсов. Даже близко ничего подлинного. Это нормально, он, вероятно, не слишком интересуется социальными сетями. Я переключилась на Твиттер, и поискала Адама Пирса. Его аккаунт был неактивен последние сорок восемь часов. Я просмотрела его фотографии. Адам на байке. Адам без футболки. Адам и кучке смазливых байкеров перед мотосалоном. На фото была видна часть названия: «Нестандартные мотоциклы Гус...».

Я сохранила фото на телефоне. Открыла приложение-блокнот и начала печатать то, что знаю о Пирсе. Самовлюбленный. С патологическим страхом перед футболками или любой другой одеждой, которая может прикрыть его торс. Смертоносный. Убивает, не колеблясь. Стоит наставить на него пушку, и я превращусь в барбекю. Супер. Любит поджигать вещи. Вообще-то, это преуменьшение. Хорошая информация, но никак мне не поможет его найти. Антиправительственный активист. Несущественно.

Мда. Пока мой лучший план — построить гору из канистр с бензином и взрывчатки, воткнуть на ней знак «собственность правительства США», и накинуть футболку на голову Пирса, когда он придет, чтобы взорвать ее. Да, это точно сработает. Если бы. Любит попадать под арест. Это, вероятно, заставляет его чувствовать себя крутым. Адам Пирс — бунтарь. Хотя, тюрьма ему не нравится. Его первый арест случился в воскресенье, и он провел ночь в тюрьме. Пять последующих арестов показали, что залог вносился в течение часа после объявления. Знаменитый. Это было как в мою пользу, так и нет. Будучи известным, трудно спрятаться, а если его узнают, пульт 911 будет гореть, как фейерверк, и копы сцапают его в мгновение ока. Но быть известным также означает много ложных обнаружений. Особенно, если копы предложили награду. Люди будут видеть его тут и там, повсюду. Привлекательный. Дьявольские глаза в качестве бонуса. Богатый. Очень богатый. Адам Пирс купался в деньгах. Сегодня утром, когда я видела его по телевизору, он был одет в дизайнерский пиджак и позировал на байке, который выглядел как нечто из научно-фантастического фильма, и стоил гораздо больше, чем моя машина. Он был избалованным богатеньким мальчиком, а избалованные богатенькие мальчики плохо переносят отсутствие денег. Они могут немного послоняться по трущобам, но они любят свои игрушки и блага цивилизации. Основной принцип действия любого предприятия — криминального или

гражданского — работа.

Учитывая послужной список Адама Пирса, работу он ненавидел. Кто-то вносил за него залогов. Откуда он брал деньги? Я просмотрела файл. У Пирса был стимулирующий трастовый фонд. Он мог снять деньги только тогда, когда находился в колледже и получал степень магистра или после её получения. Согласно файлу, семья одним махом лишила его дохода. Приписка с пометкой АСМ — вероятно, Августин кто-то там Монтгомери — гласила: «Согласовано с семьей. Подчеркнул важность финансового стимулирования, как средства для его поимки». Я позвонила Берну.

— Ну, ты покопался в данных Пирса?

— А лед не тонет? — Берн говорил размеренным голосом, что обычно означало, что он делает кучу вещей на экране компьютера параллельно с разговором.

— Кто вносил за него залогов?

— Один из его студенческих приятелей. Корнелиус Мэддокс Харрисон. Ну и имечко. Родители у него были с амбициями. Я высылаю тебе его адрес, — сказал Берн. — Можешь поймать его дома. Судя по его налоговой декларации, он — отец-домосед.

— Спасибо. Я сейчас к нему заеду.

— Подожди, — произнес Берн, его голос внезапно сел.

Ой-ой.

— Можешь подъехать домой? Мне нужно кое-что тебе показать.

— Звучит не очень-то хорошо.

— Так и есть, — сказал Берн.

Как все может стать еще хуже?

Я нашла Берна в Хижине зла, также известной как наша компьютерная комната. Звукоизолированное и оборудованное собственным кондиционером помещение занимало пространство на севере склада, непосредственно за офисом. Его подняли на пять футов от пола, как дом на сваях, потому что Берн считал, что так удобнее возиться с проводами под ним. Мы шутили, что если склад затопит, мы все побежим в Хижину зла, чтобы остаться сухими. Со стороны это выглядело, как отдельный крошечный домик в большом пространстве склада, к нему вела лестница из десяти ступеней. Сначала мы называли его Домом зла, но с годами он почему-то стал Хижиной зла.

Я поднялась по лестнице и постучала в дверь.

— Входи, — отозвался Берн

Я вошла внутрь и закрыла дверь. Воздух здесь был, по крайней мере, на пять градусов прохладнее. Берн сидел, расположившись между четырьмя различными мониторами на поворотных опорах. Три системных блока мигали красными, белыми и зелеными огоньками. Напротив него пустовало место Леона — небольшой стол с тройным монитором. Он с девочками был в школе. Берн повернулся ко мне, его привлекательное лицо окрасилось голубым сиянием большого монитора. Всегда было немного комично видеть его крупную фигуру возле экранов компьютера. Клавиатуры и мониторы казались для него слишком маленькими.

— Что ты нашел? — спросила я.

— Пока я с тобой разговаривал, я проверил парня, причастного к поджогу.

— Гэвин Уоллер.

Берн кивнул.

— Я покопался в его родословной.

В нашем мире родословная была всем. Магическим семьям принадлежали корпорации, и большинство крупных городов были разделены на семейные территории. Некоторые семьи владели лишь несколькими городскими кварталами, другие — контролировали целые районы. Ваша фамилия и родословная могли открыть двери, или привести к гибели. Если семья становилась достаточно влиятельной, она считалась домом. Дом Монтгомери. Дом Пирсов.

— Отец Гэвина — Томас Уоллер. Его мать — Келли Уоллер. Ни один не является магически значимым. — Берн сделал паузу. Я ждала. Берн запоминал информацию логическими цепочками. Когда его о чем-то спрашивали, он начинал с основания цепочки и разматывал ее звено за звеном до тех пор, пока соответствующая информация, наконец, не появлялась. Если бы дом горел, Берн начал бы с описания, как он пошел за спичками, чтобы зажечь свечу, которая и начала пожар. Пытаться ускорить процесс было не только бесполезно, но и непродуктивно. Помехи только сбивали Берна с пути. Он снова возвращался на свои методические рельсы, и совершенно не понимал, почему вы скачете с пеной у рта в полнейшем отчаянии, пока он это делает. — Девичья фамилия Келли Уоллер — Лэнси.

Угу.

— Ее отец — Уильям Лэнси.

Угу.

— Ее мать была Каролиной Роган.

Угу. Погодите, что?

— Роган? Из дома Роганов?

Берн кивнул.

— Чокнутый Роган является кузеном Келли Уоллер. А Гэвин, соответственно, его двоюродный племянник.

Мои ноги решили, что сейчас самое время подкоситься, и я рухнула в кресло.

Соединенные Штаты за последние семьдесят лет официально не объявляли войн. Вместо этого они участвовали в вооруженных конфликтах, миротворческих операциях, а также вооруженных вторжениях, которые при всех намерениях и целях, были войнами, не имея страшного ярлыка: Европа, Ближний Восток, затем так называемая южноамериканской война, которая вспыхнула, когда открытие магически мощных месторождений полезных ископаемых в Белизе дестабилизировало соседние области. Мексика, к тому времени магический центр, вторглась в крошечный Белиз. Гондурас, Никарагуа и Бразилия сформировали коалицию против захватчиков. Соединенные Штаты и Содружество коренных племен присоединились к анти-мексиканской коалиции, несмотря на то, что территория Дакоты, Вайоминга и Монтаны и близко не на границе, и даже при том, что СКП обычно выступает против любых политических решений США. На словах все говорили о помощи отважным солдатам Белиза, истинная же причина войны была очевидна: никто не хотел, чтобы Мексика, и так обладающая разрушительной магической силой, стала еще более могущественной. Война была ужасной. В итоге Мексика отказалась от своих претензий на Белиз, но волны того вторжения раскатились по Южной Америке. Вооруженные конфликты вспыхивали и гасли в полудюжине стран.

Чокнутый Роган заработал там свое имя. Даже среди Превосходных он был выдающимся. Никто точно не знал, на что он способен, но все знали его имя. Чокнутый Роган. Мясник Мериды. Ураган. Наши шансы на успешное задержание Адама Пирса и так

близки к нулю. Если Чокнутый Роган решит вмешаться, они уйдут в минус.

— Что нам известно о Чокнутом Рогане?

Берн нажал клавишу на клавиатуре. Зернистое видео заполнило монитор. Я вспомнила, что смотрела его один раз давным-давно, еще в школе. Я тогда заскучала, потому что в первые две минуты ничего не происходило, и не закончила. Молодой человек с длинными темными волосами и светлыми глазами, лицо которого искажалось статическими помехами, стоял посреди пустой четырехполосной дороги, выделяясь на фоне пасмурного неба, обложенного серыми облаками.

— ... Карла перенесет тебя, — произнес размеренный женский голос. — Не беспокойся. Мы знаем, на что ты способен.

— Это было снято где-то в Мексике, — сказал Берн. — Большинство людей считают, что это, вероятно, Четумаль. Ты можешь мельком увидеть океан в одном из кадров.

Я покопалась в мозгу, пытаюсь найти что-то о Четумале. Портовый город на краю Юкатана, один из центров мексиканской международной торговли. Процветающая экономика. Он пострадал в войне. — Это было его первым испытанием. Он даже еще не был принят на службу. Это единственный ролик, попавший в интернет. После они строго следили за этим.

Мужчина передернул плечами. Он был бледен и болезненно юн, младше, чем Берн. Возможно, видео было плохого качества, но он выглядел испуганным. Камера приблизила его лицо. Его голубые глаза были настолько грустными, почти скорбными и наполненными силой.

— Сколько ему лет?

— Это его последний год в колледже. Ему девятнадцать. Он рано окончил школу и получил бакалавра за три года. Он был очень способным.

— У него также были лучшие учителя, которых можно достать за деньги.

Дом Роганов был богатым. Я не знаю, что именно они сделали, но Чокнутый Роган был Превосходным в четвертом поколении.

— Пора, — произнес женский голос. — Помни, весь сектор был эвакуирован. Это только разрушение собственности. Не сомневайся, Коннор. Ты делаешь правильное дело.

Уж конечно, делал. Наверное, кто-то разговаривал с ним в колледже, из военных с большим количеством звезд на его, или ее плечах, и он, должно быть, прислушался, потому что они привезли его в Четумаль, чтобы увидеть, на что он способен.

Роган пошел по дороге вперед, одинокая фигура в серой толстовке, идущая вдоль желтой разделительной полосы в сторону высоток. Сто футов. Двести. Роган продолжал двигаться. Он почти достиг зданий.

— Он что, в полумиле отсюда? — Спросил за кадром мужской голос.

— Он дает нам безопасное пространство, — произнесла первоначально говорившая женщина.

— Сколько безопасного пространства ему нужно?

— Столько, сколько захочет.

Роган продолжал идти.

— Он все еще в зоне доступа? — спросила женщина.

— Я могу перенести его отсюда, мэм, — сказала вторая женщина с более высоким голосом, — но если он отойдет дальше, нам придется сократить дистанцию.

Перемещать человека, не причиняя серьезных повреждений внутренних органов, — очень специфическая отрасль телекинеза. Левитаторы высоко ценились, и как только становилось ясно, что у ребенка был именно этот магический талант, они только этим и занимались. Обычный телекинетик мог поднять и бросить человека, но тот, вероятно, будет мертв еще до приземления. Роган остановился. Он на два здания зашел внутрь квартала. Слева от него возвышался огромный прямоугольный комплекс из темного камня высотой восемь этажей. Справа от него белая башня спиралью поднималась в грозное небо.

— Наконец-то, — произнес мужской голос.

Роган рассматривал башни из стекла и камня. Он стоял неподвижно, как будто пораженный размерами зданий. Мгновения тянулись, складываясь в минуты.

— Ну, давай же, — произнес мужской голос.

Роган откинулся назад. Ветер развевал его длинные темные волосы.

— Порви их, — пробормотала первая женщина.

Видео на мгновение смазало. Я задержала дыхание. Ничего.

— И? — произнес мужской голос. — Вы уверяли меня, что он что-то вроде...

Белая башня справа съехала набок, как срубленное дерево. Этого не могло происходить. Никто не может пробиться сквозь здания. Трещины устремились вверх по башне. Слева слабые облачка серой пыли вырывались из окон офисного комплекса. Здание продержалось одну долгую мучительную секунду. Его фасад просел и обвалился, тонны кирпичей и штукатурки хлынули, как воды Ниагарского водопада. Раздался грохот, когда тысячи тонн камня, стали и бетона обрушились на улицу.

Боже мой. Мои внутренности заледенели. Огромная энергия. Человек не может вмещать такую большую силу.

За кадром кричали люди. В их криках не было слов, только грубые, примитивные звуки глубокого человеческого ужаса. Башня рухнула. Густые облака серой и черной пыли взметнулись, как цунами из обоих зданий, и столкнулись посреди улицы прямо над Чокнутым Роганом. В шести футах по обе стороны от него взрывные волны разбились, откатившись, как будто отскочили от невидимой стены. Обломки врезались в барьер и срикошетили на улицу.

Он стоял, окутанный воронкой чистого, спокойного воздуха. Ветер развевал темные волосы Рогана. Он развернул руки ладонями вверх. Запись зарыбила. Слева и справа здания, примыкающие к руинам, красная башня и коричневая жилая высотка, сломались и рухнули. Звук был оглушительным.

— Остановите его! — закричал мужчина.

— Его нельзя остановить, — первоначальная женщина перекрикивала грохот рушащихся зданий. — Он не слышит и не видит нас! Мы должны переждать это!

Ноги Чокнутого Рогана оторвались от земли. Он поднялся на два фута над тротуаром.

— Это не я, — закричала левитатор. — Это не я, я не могу до него дотянуться!

Запись зарыбила. Камера затряслась. Тяжелый грузовик, припаркованный слева, заскользил к ней.

— Господи Ису... — закричал мужчина.

Запись оборвалась на полуслове. Мы с Берном уставились на темный экран. Я сидела ошеломленная и не знала, что делать дальше. Я изучала множество Превосходных. Но я никогда не видела никого, кто мог бы совершить подобное. Это было не по-человечески.

— Я думаю, мы должны пересмотреть решение ввязаться, — сказал Берн.

— Слишком поздно, — ответила я глухим голосом. — Я взяла работу.

Мы еще немного посмотрели на экран.

— Нельзя ничего рассказывать маме, — сказала я.

— О да, мы точно не можем этого сделать.

Берн закрыл видео и стер историю запросов в браузере.

— Леон? — предложила я.

— Ммм. Он любит подглядывать и разгадает наше прикрытие.

Видео исчезло, но охвативший меня ужас никуда не делся.

— Что это была за магия?

— По общепринятому мнению, он неорганический телекинетик.

— Телекинетики перемещают вещи. Они не разрубают здания напополам.

— Скажи ему об этом, — хмыкнул Берн.

— Чем Чокнутый Роган занят сейчас?

— Он оставил армию четыре года и восемь месяцев назад. С тех пор никто его не видел.

По всем признакам он стал отшельником. Слухи на форуме фанаток утверждают, что он был страшно изуродован на войне.

— Ага, и теперь он ждет, когда придет нужная девушка и полюбит его таким, какой он есть.

Берн слегка улыбнулся. Превосходные, как и любая знаменитость, имели своих поклонников, особенно молодые, привлекательные и неженатые Превосходные. Они породили целую субкультуру в Инстаграме, Тамблере и Вайне. У них даже была своя социальная сеть — Герольд. Содержание состояло по большей части из фотографий Превосходных, фан-арта и фанфиков, часто с романтическим уклоном, а также безудержные предположения о том, кто на ком собирается жениться и какие силы могли бы быть у их детей. Как правило, сила передавалась из поколения в поколение, но при смешении двух различных магических кровей всегда был шанс на некоторый хаос.

— Он любит свою кузину? — спросила я.

— Лэнси отреклись от Келли Уоллер, когда ей исполнилось двадцать два.

Ух ты. Изгнание из семьи было худшим видом наказания. Оказаться без финансовой поддержки уже достаточно тяжело, но изгнание также отсекает от всех семейных контактов и связей. Это делало тебя изгоем. Ты не мог пойти к друзьям и врагам семьи, потому что они не будут тебе доверять. От членов дома практически никогда не отрекались, даже когда они были полными неудачниками. Показательный пример: Адам Пирс, вероятно, убил мужчину и ранил женщину и двоих детей, а его дом лез из кожи вон, пытаюсь вернуть его назад. Члены дома были слишком ценны. Лэнси были не основной ветвью дома Роганов, но все же.

— Почему они это сделали?

— Я не знаю, — сказал Берн. — Но она не контактировала ни с Роганами, ни с Лэнси. Три года назад ее пекарня закрылась. Роган возглавил дом двумя годами ранее.

— Он ей не помог?

Берн покачал головой.

— Кроме того, она и ее муж, Томас, неоднократно закладывали дом, чтобы оплатить обучение Гэвина. Они висели на волоске в течение последних двух лет.

— Сколько ей нужно, чтобы открыть пекарню?

— Судя по документу регистрации банкротства, восемьдесят семь тысяч покрыли бы ее долги. Восемьдесят семь штук были мелочью для Чокнутого Рогана. Он был главой дома.

Бедная Келли Уоллер. Всю жизнь я знала, что родители любили меня безоговорочно. Да, они допускали, чтобы я получала наказание за ошибки, но они всегда любили меня. Я могу устроить дикий загул со стрельбой и убить дюжину человек, мама и бабушка будут в ужасе, но будут сражаться за меня до печального конца. Они будут раздавлены, но все равно будут меня любить, наймут мне лучшего адвоката и заплачут, когда я отправлюсь на электрический стул. Если бы отец был жив, он сделал бы то же самое. Семья миссис Уоллер отеклась от нее, они и пальцем не пошевелили, чтобы помочь ей, неважно, в каком отчаянии она находилась. Это было трагично и болезненно для нее, но нас обнадеживало. Я тщательно сформулировала вопрос. Мне понадобится вся помощь Берна в этом расследовании.

— Ты видел какие-нибудь признаки того, что Чокнутый Роган интересуется Гэвином?

— Нет.

— Как и Монтгомери, иначе это упоминалось бы в файле. Смотри, он не помог ей спастись от банкротства, когда это почти ничего ему не стоило. Этот поджог слишком дурно пахнет, все стараются побыстрее убежать от него. Сейчас никто не хочет быть другом Адама Пирса, не говоря уже о Гэвине Уоллере. Все будет хорошо.

Берн вздохнул.

— Что будет, если мы откажемся?

— «МРМ» потребует выплаты займа. Мы не сможем оплатить. Они конфискуют все наши профессиональные активы, в том числе склад и все оборудование, которое мы заявляли для освобождения от уплаты налогов. Это включает в себя две машины, оружие, оргтехнику и все в этой комнате.

— Мы станем нищими и бездомными, — подытожил Берн.

— Примерно так.

Брови Берна сошлись. Лицо стало суровым, серые глаза стали стальными, на мгновение я увидела, каким человеком мой кузен станет через пару лет: решительным и невозмутимым, как один из тех рыцарей в доспехах.

— Это пиздец.

— Да.

— Ты пыталась...

— Я объяснила нашу ситуацию. Их не волнует. Они не хотят оскорбить дом Пирсов, а мы хорошо выглядим на бумаге, поэтому они дают его нам, зная, что мы провалимся. Мы самый дешевый вариант для них.

— Давай сделаем это, — сказал Берн. — Давай поймем Пирса и засунем им в глотку, пусть подавятся. Да.

— Спасибо.

— Не вопрос, — улыбнулся Берн. — Мы же семья.

Глава 3

Корнелиус Мэддокс Харрисон жил на Роял-Оукс, что было немного странно. Я ожидала адрес внутри Петли.

Хьюстон разделялся тремя дорогами, которые окружали его кольцами. Первая дорога, ближайшая к центру города, была известна как Петля. Внутри Петли располагались деловые районы — центр города — и дорогие “идеальные” кварталы, вроде Ривер-Оукс,

Юниверсити-Таун и части Бельэ́йра. Если вы отъезжали около пяти миль от Петли, вы пересекали Белтвэй, второе кольцо. Еще десять миль, и вы попадали на Гранд Парквэй, третье транспортное кольцо, которое все еще строилось. Роял Оукс располагался снаружи Белтвэя с западной стороны.

Хьюстон был странным городом, который имел привычку поглощать небольшие города и превращать их в районы. У нас не было принято законов зонирования, поэтому бизнес-центры органически вырастали там, где они были необходимы, с жилыми кварталами вокруг. Большая часть города была поделена на территории того или иного дома. Это не слишком влияло на нормальных людей. Члены домов интересовались лишь друг другом. Мы были мелкими сошками.

Дом Харрисонов не был большим или влиятельным, чтобы претендовать на собственную территорию, но они были достаточно богатыми. Корнелиус Харрисон был вторым сыном Руперта и Марты Харрисон. Его старшие сестра и брат, вероятно, унаследуют семейные бразды правления. Его сестра жила в Юниверсити-Таун, его брат жил рядом с родителями в Ривер-Оукс, но Корнелиус переехал за пределы Белтвэй. Не то, чтобы он едва сводил концы с концами, подумала я, проезжая по длинной улице. Огромные дома стояли тут и там на просторных, искусно озелененных участках рядом с безупречным полем для гольфа. Шум города отступил. Мы могли бы быть в центре какого-то курорта вдали от мегаполиса. Каждый маленький особняк стоил около двух миллионов и больше. Хорошо быть богатым.

Навигатор запищал. Я подъехала к просторному особняку. Двухэтажный, под высокой крышей из глиняной черепицы, дом выглядел, словно киношный реквизит: идеально чистые стены, ступени из желтого камня лишены всякого мусора, растения, обрамляющие дорожки, пострижены с такой аккуратностью, которая обычно применяется для бонсай. Я припарковала машину на подъездной дорожке, подошла к дверям, достала свое удостоверение и позвонила.

Через несколько секунд дверь распахнулась, и невысокий, подтянутый мужчина под тридцать посмотрел на меня серьезными голубыми глазами. Его русые волосы были коротко пострижены, подбородок гладко выбрит, а лицо имело слегка рассеянное выражение, как будто он думал о чем-то совершенно абстрактном, когда вы помешали, и теперь силился вспомнить, что это было.

Я улыбнулась, стараясь казаться заслуживающей доверия и не представляющей опасности.

— Мистер Харрисон?

— Да?

Я протянула ему удостоверение. Одно мое имя ни о чем ему не скажет, поэтому я решила сфотографироваться со своей самой большой пушкой.

— Меня зовут Невада Бэйлор. Я работаю в «Международных расследованиях Монтгомери». Меня нанял дом Пирсов, чтобы найти Адама Пирса.

Корнелиус Харрисон поморщился и вернул мне удостоверение.

— Я могу задать вам несколько вопросов?

Он пожал плечами.

— Конечно. Проходите.

Я последовала за ним в большой холл. Мраморный пол с наборной мозаикой блестел

полировкой. Слева изогнутая лестница с изысканными коваными перилами вела на верхний этаж. Корнелиус повернулся ко мне.

— Холл, библиотека или кухня?

— Кухня, пожалуйста.

Люди чувствовали себя комфортно и расслаблено на кухне, а чем больше расслаблен Корнелиус, тем больше информации я смогу вытащить из него.

Мы прошли через парадную столовую в большую кухню, обставленную вишневыми шкапами и дополненную гранитными столешницами. Кухня сообщалась с солнечной гостиной. На столе у окна были рассыпаны карандаши и листы — раскраски петухов с большими хвостами. Петухи были раскрашены во все цвета радуги.

Корнелиус поднял листы, сложил их в аккуратную стопку и отложил в сторону.

— Что-нибудь выпьете?

— Нет, спасибо.

Очень быстро учишься не есть и не пить в доме мага, с которым не знаком. Я не хотела обрести перьями или превратиться в козла.

Мы сели за стол. Я поставила диктофон, нажала кнопку записи, и произнесла: «Четверг, двадцать четвертое октября, разговор с Корнелиусом Харрисоном».

Корнелиус смотрел на меня. У него были умные глаза, спокойные и язвительные. Я сосредоточилась.

— Для записи, — сказал он, — я не хочу отвечать на ваши вопросы, но я спорил с Кристиной Пирс раньше, и у меня нет никакого желания повторить этот опыт.

Я ждала, что моя магия щелкнет. Этого не случилось. Корнелиус говорил правду. Никакой утраченной любви между ним и матерью Адама Пирса. Я сделала мысленную заметку на случай, если мне это понадобится позже.

— Как давно вы знаете Адама?

— С тех времен, когда мы были очень маленькими детьми, — сказал Корнелиус. — Лет четырех-пяти.

Правда.

— Вы его друг?

Корнелиус тихо, невесело рассмеялся.

— Вы — член дома Пирсов?

— Нет, — ответила я.

— Так вас наняли помочь?

— Да, — сказала я.

— Вы занимаетесь этим по принуждению?

— Да. Откуда вы знаете?

Корнелиус улыбнулся.

- Никто в здравом уме не стал бы преследовать Адама, будь у него другой выбор. К тому же, именно так ведут дела в Доме Пирсов — методом кнута и пряника одновременно. Вас взяли помощником, и, полагаю, за это вы получите деньги. Я тоже был помощником, но не получил никакой компенсации. Скорее, наоборот. Моя мать и Кристина Пирс учились вместе в колледже. В какой-то момент было решено, что Адаму нужен товарищ. — Он вложил море сарказма в последнее слово. — Меня назначили на эту должность. Никто не поинтересовался у меня или у Адама, устраивает ли нас это.

— А вас это устраивало?

Корнелиус наклонился немного вперед и сказал с поразительной четкостью:

— Нет.

Правда.

- Почему нет?

— Потому что меня назначили на роль хранителя Адама, хотя мы были ровесниками. Я был как страшенькая подружка красотки на вечеринке: менее сильный, менее богатый, менее значимый. Когда Адам попадал в неприятности, я должен был делать шаг вперед и брать на себя всю ответственность. За тем исключением, когда Адам упивался возможностью утереть кому-нибудь нос своими деяниями. Если он что-нибудь натворил, то мог с гордым видом выйти вперед и объявить это благим поступком. А затем я получал львиную долю наказания «потому что не помог ему сделать правильный выбор». Все это длилось до колледжа, где наши с ним дорожки разошлись. Я не считаю Адама своим другом. Он просто человек, которого я когда-то знал.

— И все же, вы вносили за него залог шесть раз.

Корнелиус вздохнул.

— После колледжа я предпринял некоторые шаги, чтобы отделиться от семьи. Я люблю их, но они, как правило, использовали меня, а я решил, что мне не нравится, когда меня используют. Когда мой дед умер, он оставил мне деньги, которыми я воспользовался, чтобы купить этот дом. Для моей сестры это будет запасная резиденция, одна из нескольких. Для меня и моей жены — это наш дом. Скорее всего, это будет наш единственный дом, и мы планируем передать его нашим детям.

Судя по голосу, он этим гордился. Он, наверное, думал, что его дом был скромным. Для меня это был дворец. Все зависело от точки зрения.

— Я предпринял шаги, чтобы как можно меньше зависеть от моей семьи, — продолжил он. — Однако, во время первого ареста Адама, его мать имела возможность повлиять на трудоустройство моей жены. Мне дали средства и попросил внести за него залог.

— К чему такие сложности? Почему дом Пирсов не внес залог самостоятельно?

— Потому что он публично отвернулся от них. — Корнелиус поморщился. — Для его имиджа плохого парня будет непоправимым ударом, если станет известно, что мамочка и папочка выкладывают деньги, чтобы вытащить его из тюрьмы.

— А вы, «приятель детства», были безопасным вариантом.

Корнелиус кивнул. Это начинало походило на тупик.

Легкое движение на лестнице заставило меня повернуться. Гималайский кот с кремово-шоколадной шерстью спускался по ступеням, за ним шли енот и белый хорек.

— Извините меня, — сказал Корнелиус.

Трое животных подбежали к его ногам и сели, уставившись на него.

— Я так понимаю, Матильда проснулась.

Три головы одновременно кивнули.

Корнелиус встал, достал чашку-поильник с ярко-красным колпачком из холодильника и помыл под краном. Енот встал на задние лапы. Корнелиус передал ему чашку.

— Отнеси ей сок и развлекай, пока я не поднимусь.

Енот взял сок в темные лапки и побежал вверх по лестнице на задних лапах. Кот и хорек последовали за ним.

— Вы — звериный маг.

Они были настолько редкими, что я встречала только одного раньше.

— Да. Я не Превосходный, так что вам не нужно беспокоиться, что я призову стаю диких волков, чтобы разорвать вас на куски.

— Зачем вы помыли чашку?

— Потому что если я этого не сделаю, Эдвина помоеет ее за меня. Это инстинкт, она ничего не может с этим поделаться. К сожалению, она не делает различий между водой из раковины и из унитаза, для нее обе пахнут чисто. Мы закончили?

— Всего лишь несколько стандартных вопросов. Вы знаете, где Адам Пирс?

— Нет.

Правда.

— Вы можете с ним связаться?

— Нет.

Правда.

— У него есть друзья или знакомые, с которыми он поддерживает связь?

— Не из прошлой жизни. Я его единственная ниточка. Не то, чтобы он был непопулярным — он был слишком красив и богат — просто так и не завел ни с кем долгой дружбы.

— У вас есть какая-нибудь информация, которая поможет мне его найти?

— Прямых фактов нет. Но могу сказать, что Кристина никогда не позволит своему золотому мальчику терпеть неудобства. Тем или иным способом она его поддерживает. Мой совет — следуйте за деньгами.

— Конец беседы. — Я выключила диктофон и вытащила визитку. — Огромное спасибо, мистер Харрисон. Если вам случится поговорить с Адамом Пирсом, пожалуйста, дайте ему мой номер. Подозревают, что он убил офицера полиции. Его семья беспокоится за него, и я его лучший шанс выжить в этом бардаке.

— Вы не собираетесь спросить меня, считаю ли я его виновным? — спросил Корнелиус.

— По правде говоря, меня это не волнует. Моя работа не в том, чтобы доказать его невиновность. Я просто должна привести его целым.

— Очень хорошо. — Он проводил меня до двери, открыл ее и замешкался. — Мисс Бейлор, если вы поговорите с домом Пирсов, они будут утверждать, что Адам был примерным членом общества, пока не пошел в колледж, где он как-то нахватался всех этих радикальных идей. Они большинство людей убедили в этом. — Он прокашлялся. — Наша начальная школа была меньше, чем в пяти кварталах от моего дома. Когда мы были в третьем классе, нам разрешили ходить домой самим, с нашими телохранителями, следующими за нами на безопасном расстоянии. По дороге, мы заходили в магазин. Первые три раза Адам воровал. Ничего существенного — шоколадный батончик, напиток. Это удавалось ему на раз-два. Он просто брал его и выходил из магазина, как будто гордясь тем, что сделал. В четвертый раз, родственник хозяина схватил его за руку и забрал у него конфету. Адам обжег его. Он обжег его так сильно, что, когда подоспел телохранитель, кожа мужчины пузырилась на лице. Я до сих пор помню запах. Этот едкий, ужасный смрад горячей человеческой плоти. Дом Пирсов пытался сказать, что Адам был испуганным ребенком, который действовал инстинктивно. Они заплатили достаточно денег семье, и все дело замяли. Но я был там, и я видел его лицо. Адам не боялся. Он был в ярости. Он наказывал человека за то, что тот посмел помешать ему.

Корнелиус склонился ко мне и серьезно посмотрел мне в глаза.

— Он мог сжечь того парня заживо из-за шоколадного батончика. Адам берет, то, что

хочет, и если вы скажете ему «нет», он причинит вам боль. Вот с таким человеком вы имеете дело. Не буду желать вам удачи. Просто берегите себя.

К тому времени, как я покинула скромный дворец Корнелиуса, солнце опустилось к горизонту. Я сидела в машине и шарила в сети. Быстрая проверка почтового ящика не выявила никаких новых событий, а поиск предприятия, связанного с мотоциклами в пределах Хьюстона, привел меня к «Нестандартным мотоциклам Густава». Салон на картинке очень походил на тот, что был за спиной у Пирса на фото в Твиттере. Добираться к «Нестандартным мотоциклам Густава» было через весь город. Когда я доеду туда, уже совсем стемнеет.

Посмотрим, что там вокруг... бар и гриль «Стальной скакун» по одну сторону магазина, и тату-салон «Гремучая змея» по другую. Если бы у байкеров был торгово-развлекательный комплекс, то это был бы он. Это означало, что магазин Густава был открыт по ночам, и там был нескончаемый поток покупателей и посетителей, которые приходили пообщаться. Если бы я отправилась туда сейчас, то у меня были бы зрители. Они все друг друга знают, а я буду чужачкой, которая просит настучать на того, кого они считают другом. Я могу поговорить с теми же парнями днем, с глазу на глаз на их работах, и они будут вежливыми и тихими. Но стоит собрать их всех вместе, дать выпить пару пива и врубается групповой режим мачо. Они будут нарываться на неприятности, и если неприятности придут в образе молодой девушки с неудобными вопросами, они примут вызов. В лучшем случае, они будут улюлюкать, выпендриваться, и выставят меня вон. В худшем — кто-нибудь пострадает.

В этом не было необходимости. Я также легко могу поговорить с владельцем салона завтра с утра пораньше, когда все будут трезвыми. Я завела мотор и поехала домой. Адаму Пирсу удалось избежать поимки в течение двадцати четырех часов. Значит, и до утра он ее как-нибудь избежит. Движение было убийственным. В отличие от прогноза погоды и экспертной оценки рынка, всемирно известное хьюстонское дорожное движение было на сто процентов надежным — оно никогда не упускало случая забить дороги. Я ехала, продвигаясь вперед и избегая водителей, которые вклинивались в, казалось бы, сплошной поток автомобилей, и думала об Адаме Пирсе. Он не явился с повинной. В Твиттере ничего Берн прочесывал Интернет в поисках какого-нибудь намека на него и Гэвина Уоллера, а Берн в этом исключительно хорош. Пока что ему ничего не подвернулось.

Зачем поджигать банк? Была ли это неудачная попытка ограбления? Это не было политическим протестом, иначе Адам оставил бы какое-нибудь громкое заявление. Пошли вы, диктаторы, или что-нибудь из той же серии. Была ли это пьяная шутка, которая вышла из-под контроля? Какая была роль у Гэвина во всем этом? Я очень надеялась, что парень выберется из этой переделки живым, если не ради себя, то ради матери. Финансовый отчет Келли Уоллер показывал, что она пожертвовала всем ради детей. Какими бы не были грехи Гэвина, Адам Пирс был старше его почти на десять лет. Он был зачинщиком.

Как, черт возьми, я собираюсь убедить Пирса прийти? Джон Рутгер и близко не был Превосходным, а он швырнул меня в стену. Очень плохо, что не могу изрыгать огонь. Постойте-ка, на самом деле мне это не поможет. Очень плохо, что я не могу изрыгать лед? Теоретически, если вы можете изрыгать лед, то не сможете сделать большое количество. В человеческом теле просто нет столько воды. Вот если бы я могла создать кандалы... Пирс, вероятно, расплавил бы их. А его обожжет расплавленный металл, если он сам его плавит?

Образ Чокнутого Рогана возник у меня в голове. Было что-то такое в этих голубых глазах, глядящих в камеру. Не совсем грусть, а некое самоосознание, подчеркнутое немного

горькой улыбкой. Как если бы он знал, что был человеческим ураганом, и сожалел об этом, но не собирался останавливаться. Вероятно, я была слишком мнительной. Как, ради всего святого, они сдерживали его в армии? Я воочию видела, что война делает с людьми. Если Превосходный сорвется, сотни солдат умрут.

Сорок пять минут спустя, когда я наконец-то остановилась у склада, меня уже мутило от вопросов и бесплодных предположений. И я здорово проголодалась. Едва я вошла в коридор, как меня окутали ароматы свежеспеченного печенья, соуса для барбекю и пряного мяса. Корица, чеснок, тмин... ммм. Я скинула туфли и позволила аромату заманить меня на кухню. На кухонном острове меня ожидали записка и две тарелки с запеченной свининой и печеньем. Записка гласила: «Невада, сегодня у меня ранний отбой. Позаботься обо всем сама и, пожалуйста, передай тарелку бабушке, иначе она опять забудет поесть». Моя мама называла «ранним отбоем» периоды, когда она тосковала по папе и не хотела, чтобы мы видели, как она плачет. Я ее понимала. Прошло уже пять лет, но я тоже скучала по папе. Я могла закрыть глаза и представить, как он копошится в кладовке, жалуясь, что кто-то съел стейк, который он приберег, и теперь ему придется есть ненатуральные продукты, вроде салата и гренок. Мама всегда была крепким орешком. Она смеялась, когда папа был рядом. Она и сейчас смеется. Просто не так часто.

Я проглотила еду, ополоснула тарелку, сунула ее в посудомойку, и понесла вторую тарелку и стакан чая со льдом в заднюю часть склада. После того, как вы миновали главные стены, никакого намека на наше жилое пространство не оставалось. Это была автомастерская: гидроизолированный бетонный пол был отполирован до темного блеска, инструменты на стенах, бронетехника, одна с оружием малого калибра, другая с танкоподобными стволами, притаившаяся во мраке, и бабушкин запах: бензина, моторного масла и пороха.

Посреди пола, купаясь в лучах прожекторов, стоял бронетранспортер. Худые ноги бабушки Фриды торчали из-под его днища. Справа сидела Арабелла, расположившись на корпусе армейского вездехода, накрытого темно-зеленым брезентом. Совсем, как я в детстве. Когда я возвращалась домой после школы, мама с папой были на работе, поэтому я брала перекус и отправлялась к бабуле в ее мастерскую. Бабуле можно было рассказать обо всем на свете. Она говорила, что машины с ней разговаривали, если она им позволяла. Как и дети. Она никогда не осуждала, и даже если ты ругался или признавался, что натворил несусветных глупостей, она никогда не рассказывала об этом маме и папе. Здесь я высказывала большую часть своих страхов и переживаний. Затем настала очередь Берна и Каталины, а теперь Арабеллы и Леона. Сейчас мы все были заняты, и не навещали ее так часто, но, хотя бы раз в неделю, кто-то из нас приходил сюда выпустить пар и потрясти кулаками.

— Ужин! — позвала я.

Арабелла отодвинулась на другой конец брезента. Выглядела она угрюмо. Похоже, в школе что-то не ладилось.

Бабуля выскользнула из-под машины и села.

— Еда. Да. Я проголодалась.

Я отдала ей тарелку и кивнула на машину.

— Как его зовут?

— Тьяго. — Бабуля коснулась металла. На мгновение взгляд стал рассеянным — ее магия соединялась с внутренними механизмами мотора Тьяго. — Класс Паук-Волк. Мне он

кажется Тьяго.

Мех-маги как моя бабушка были редкостью. Кто-то из них делал оружие, другие работали в гражданском строительстве, но все они обладали магической связью с металлическими вещами и подвижными частями. Для бабули Фриды это были бронированные передвижные средства. Она жила и дышала низким гулом их моторов и паленым ароматом их орудий. Танки, полевые артиллерийские машины, бронетранспортеры — она любила их всех. По счастливой случайности, большинство Домов обладали собственными службами безопасности, и у нее был постоянный поток клиентов.

— Как мама? — спросила бабуля. — Она была расстроена.

— Она в порядке, — ответила я. — Просто скучает по папе. У меня есть вопрос.

— Выкладывай! — сказала бабуля.

— Как в армии держат магов в узде? Если один из них срывается, они же не будут уничтожать всю группу?

— Шокеры, — сказала бабуля Фрида. — Также известны как веселые зуммеры, шейкеры, тряска кальмара.

— Тряска кальмара?

— Кальмар — это морской пехотинец, — сказала бабуля. — Военно-морской флот первым стал использовать шокеры, потому что быстро обнаружили, что маги и корабли не всегда хорошо сочетаются.

Имело смысл. Если вы подожжете корабль, или вызовете рой ядовитых мух, спастись будет негде.

— Это какое-то устройство, которое имплантируют в руки. Совершенно незаметно снаружи, но позволяет поразить любого магией. Причиняет тебе ужасную боль, но тому, кого ты схватила, еще больнее. По-настоящему гадкое приспособление. Люди умирали от них.

— Люди, которых тряхнули?

Я задумалась, случалось ли такое с Чокнутым Роганом... ладно, мне пора прекратить заикливаться на этих глазах. Я только перешла в старшие классы, когда была сделана эта запись. Он, вероятно, даже выглядел по-другому. И совершенно точно не был тем девятнадцатилетним. Он прошел через шесть лет войны. Война перемалывала людей и выплевывала остатки. Если я продолжу в том же духе, то закончу в Герольде, выискивая фанфики про Чокнутого Рогана. «Мы занимались любовью, пока город вокруг нас рушился, рассыпаясь кусками бетона от безысходности...» Да, точно.

Бабуля кивнула.

- Пораженные, и те, кто их поразил. Шок работает в обе стороны. Сначала нужно зарядить прибор собственной магией, и только тогда он сразит человека, которого ты коснешься. Штучка поглощает немало сил. Если она возьмет слишком много магии, тело не выдержит, и тебе крышка. В первых испытаниях смертность превышала тридцать процентов. Ко времени службы Пенелопы, их уже значительно улучшили. Ты просто не поверишь, какие у них сейчас устройства. Мой знакомый может парочку имплантировать.

Это меня не удивило.

— Это незаконно?

— О да. — Бабуля улыбнулась. — И ты можешь умереть от этого. Хочешь такую штуку?

— Нет, спасибо.

— Уверена? — Бабуля подмигнула Арабелле. — Тебе больше не понадобится «тазер».

— Да, у меня все отлично. И, кроме того, я стараюсь избегать ситуаций, когда мне в первую очередь нужно использовать «тазер».

— Ага.

— Например, у меня был шанс допросить владельца мото-салона поздно вечером, но вместо этого я решила вернуться домой.

Бабушка Фрида поставила тарелку и подняла пятифутовую монтировку, которая использовалась для разборки гусениц на транспорте. В умелых руках та могла обездвигить танк, а бабушка Фрида была экспертом.

— Я не понимаю тебя, Нева. Тебе двадцать пять лет. Где твоя жажда приключений? Когда я была в твоём возрасте, я была на другом конце света от места, где родилась. Ты просто такая... благоразумная.

Арабелла оживилась, почувствовав, как запахло жареным. Мне нужно пресечь это в зародыше, или подколки никогда не закончатся. Тех, кто демонстрирует слабость перед подростками, дразнят до смерти. Суровая правда жизни.

— У меня вся семья странная. Кто-то должен быть благоразумным, чтобы остальные могли быть безрассудными чудаками.

— Тебе нужно пожить немного для себя. — Бабушка вставила монтировку в зубец гусениц. — Сходи на свидание с плохим парнем. Кинься в драку, очертя голову. Напейся. Хоть что-нибудь!

Игра на чувстве вины. К несчастью для бабушки, я росла с четырьмя младшими братьями и сестрами. Временами игра на чувстве вины была единственной причиной, по которой в доме делалась уборка.

— Бабушка, почему ты не вяжешь?

— Что?

— Почему ты не вяжешь? Все бабушки вяжут.

Бабушка навалилась на монтировку. Гусеница расцепилась и рухнула на пол с громким лязгом. Она уставилась на меня большими голубыми глазами.

— Ты хочешь, чтобы я вязала?

Арабелла прыснула.

— Если посмотришь в словаре «бабушка», увидишь маленькую пожилую леди с двумя спицами и клубком ниток. — Я притворилась, что ворошу воображаемые спагетти двумя воображаемыми палочками. — Иногда я сижу и думаю, вот если бы бабушка связала мне шапку или шарф...

— Мы живем в Хьюстоне, штат Техас! — Бабушка вытерла руки тряпкой. — У тебя будет тепловой удар.

— Или мягкую игрушку. Я бы обнимала ее по ночам. — Я тяжело вздохнула. — Ну ладно. Я полагаю, этого никогда не произойдет.

Арабелла захихикала. Бабушка направила на нее монтировку.

— Тишина на галерке.

Я улыбнулась доброй, милой улыбкой.

— Ладно, я пошла. Вы, двое, повеселитесь тут. Мне завтра на работу.

Глава 4

«Нестандартные мотоциклы Густава» занимали прямоугольное стальное здание с гофрированными металлическими стенами. Сооружение было ровно двести футов в ширину

и восемьсот футов в длину, произведено «Олимпия Стил Билдинг», доставлено и собрано на месте четыре года и семь месяцев назад. Берн нашел для меня городские разрешения на застройку. Прошлым вечером, перед сном, я несколько часов читала досье на Адама Пирса и все, что Берн смог накопать на него за день. Я прочла интервью с родителями Адама и учителями, статьи в таблоидах, внушающие доверие сплетни из «Геральд» и всю ту малость, что говорили об Адаме его приятели из колледжа. Я прочла его изречения. Адаму нравилось выступать на публике, особенно после демонстрации семье среднего пальца, и в этом его посыле было не столько анархии, сколько права сильного. «Если ты можешь получить все, что захочешь, то ты и должен это получать, а правительство с полицией не должны тебе мешать, потому что у них нет права на существование». Он сыпал терминами вроде «негативной свободы» и цитировал Гоббса. Я знала о Гоббсе только из-за того, что моя специальность включала в себя несколько курсов политологии.

Гоббс был английским философом семнадцатого века, известный своим убеждением, что без политического сообщества жизнь человека была бы одинокой, бедной, скверной, жестокой и короткой. Адам же нашел у Гоббса другое мнение: «свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать». Он повторял это как минимум раза три. Адам чувствовал, что общество ограничивает его свободу, не позволяя ему совершать желаемое. К несчастью для него, если он желал поджигать людей, то ему крупно не повезло. Другие это не поддержат.

Теперь я знала об Адаме Пирсе больше, чем когда-либо хотела. Он был умным, временами жестоким, и легко поддавался скуке. Что бы я ни сделала, он не стал бы мне доверять. Об установлении своего рода дружбы не могло быть и речи. Если я буду серьезной и искренней, он рассмеется, а если я попытаюсь использовать доводы, он начнет зевать. Моим единственным шансом оставалось заинтересовать его. Мне нужно было завладеть его вниманием и удержать его.

Его фотография из Твиттера на фоне мастерской не давала мне покоя. Настоящий байкер не позволит первому попавшемуся механику копаться в своем мотоцикле. Нет, настоящие байкеры придирчиво выбирали своих механиков, и в этом большую роль играло доверие. Поэтому, когда прошлым вечером я искала информацию о «Нестандартных мотоциклах Густава» и наткнулась на препятствия, я попросила помочь Берна. Он обнаружил целую кучу любопытных фактов.

Этим утром я позавтракала, натянула джинсы и удобные кроссовки, на случай, если придется спасаться бегством, и поехала в мастерскую. Адам хотел от жизни развлечений. Я же собиралась похлопать его по плечу. Мне просто нужно было вложить в хлопок достаточно силы, чтобы заставить его обернуться.

Дом выглядел старше, чем соседние. Неровные стены, побитые временем. Кто-то расписал фасад аэрографией: на чёрном фоне огромный блестящий адский байк, обрамлённый пламенем с насмехающимися красными черепами. На парковке было два автомобиля, оба додж пикапы, один черный, другой белый. Хорошо. Мне не придется показывать и рассказывать перед всем классом. Я припарковалась рядом с белым пикапом, взяла свою папку из искусственной кожи и прошла в офис. За прилавком никого не было, так что я позвонила в звонок и стала ждать.

Дверь распахнулась, и в нее протолкнулся мужчина лет тридцати с хвостиком. Высокий и худой, он выглядел тощим; не голодающим, а просто высушенным, словно вяленое мясо на

солнце. Он был одет в запачканную маслом футболку и линялые старые джинсы. Его кожа была темно-коричневого цвета, тона на два темнее моей собственной. Он брил голову, но его челюсть украшала короткая, тщательно подстриженная борода. Я узнала его по фотографии, которую нарыл Берн во время поиска — Густав Перальта, хозяин.

Он увидел меня и моргнул. Я явно была не тем, кого он ожидал.

— Чем я могу вам помочь?

— Меня зовут Невада Бейлор. Я ищу Густава Перальта.

— Зовите меня Гас. Чем могу быть полезен?

Я протянула ему визитку.

— Частный детектив. — Он нахмурился. — Что-то новенькое.

— Меня нанял Дом Пирсов для розыска Адама Пирса.

— Ничем не могу помочь, — отрезал Гас. — Не видел его вот уже полгода.

Противный магический щелчок. Ложь.

— Он не посещал магазин на прошлой неделе? — Фото в Твиттере появилось в этот понедельник.

— Не-а.

Ложь.

— Гас...

— Мистер Перальта. Мне нечего вам сказать. Где выход вы знаете. — Он повернулся, собираясь уйти.

Я открыла папку и вытащила из нее лист бумаги.

— Это распечатка ваших финансовых поступлений.

Он остановился и развернулся на каблуках ко мне. Я положила вторую бумажку на стол.

— Это распечатка ваших расходов. А это ваша платежная ведомость.

Он схватил бумаги со стола.

— Где вы это взяли?

— Мы взломали ваш рабочий компьютер.

— Это незаконно!

Я пожала плечами.

— Я же не коп.

Он потянулся за мобильным телефоном.

— Почему бы мне прямо сейчас не сообщить об этом по девять-один-один?

Я улыбнулась.

— Позвольте мне закончить, и если вы захотите позвонить копам, я не буду вам мешать.

Видите, вон там я нарисовала маленькую звездочку? Она обозначает платеж в размере девяти тысяч девятисот девяноста долларов, обозначенного как «Починка мотоцикла».

Праведный гнев в глазах Гаса слегка поутих.

— И что?

— Это повторный платеж с личного счета Кристины Пирс.

Миссис Пирс была догадкой. Единственное, что нам удалось — это определить, что платеж произведен со счета кого-то из дома Пирсов. Мать Адама казалась беспроектным вариантом.

— И...? Когда-то я выполнил кое-какую работу для Адама, а у него оказалось недостаточно налички. Его семья произвела оплату.

— Нет, мистер Перальта. Это мы с вами платим. Адам Пирс же приходит и говорит «Я

возьму по одному каждого цвета», а затем бросает черную карту Виза. Если вы взглянете на свою платежную ведомость, то увидите там джентльмена по имени Реджинальд Харрисон, указанного как «независимый подрядчик». Вы также увидите, что Реджинальду Харрисону заплатили девять тысяч девятьсот девяносто долларов наличными. Сумма в девять тысяч девятьсот девяносто долларов весьма любопытна, ведь налоговое управление обращает внимание на любой перевод денег суммой в десять тысяч долларов и выше.

— Что с того? Реджинальд работает на меня.

Ложь.

— Сеть Реджинальда Харрисона оценивается в двадцать миллионов долларов, так что я сильно в этом сомневаюсь. У него есть младший брат Корнелиус Харрисон, очень приятный мужчина, который приходится Адаму Пирсу другом детства. Вы отмываете деньги Адама. Его семья переводит вам суммы, а вы отдаете их Адаму наличными, в то время как Реджинальд покрывает их, как свои налоги. В качестве компенсации вы получаете пятьсот долларов вторым платежом, двумя днями позже, как только Адам забирает деньги.

Гас скрестил руки.

— Платежи были сделаны седьмого числа каждого месяца. Это означает, что следующий перевод через два дня, и Адам Пирс навестит вас забрать свои карманные деньги. Полагаю, вы не упомянули об этом милым детективам, которые вас допрашивали.

Если бы у меня были люди, и я была уверена, что лучшие хьюстонские полицейские не поймают его еще два дня, я бы устроила прекрасную ловушку. Но Адам мог сжечь все, что я могу на него набросить, а полицейское преследование достигло истерического уровня. Уговорить Адама сдать свое своему дому по-прежнему моя лучшая и единственная стратегия. Для этого надо было показать, что я не лгала.

— Он этого не делал, — сказал Гас. — Адам искренний и честный парень.

— Меня это не волнует, — сказала я. — Прямо сейчас почти вся полиция с пеной у рта жаждет размазать его мозги по ближайшему тротуару. Вы — разумный человек. Скажите честно, как вы оцениваете его шансы выбраться из этой передрыги живым?

Гас поморщился.

— Слушайте, я не знаю где он.

Правда.

— Я просто хочу вернуть его домой к матери. Она любит его. Он — ее мальчик. Она не хочет потерять его благодаря какому-нибудь стреляющему без предупреждения снайперу из группы захвата. — Я толкнула визитку через прилавок. — Скажите ему, что я заходила. Это все, о чем я прошу.

Акулий плавник «Международных исследований Монтгомери» возвышался среди башен хьюстонского центра, такой же грозный, как всегда. Я показала ему язык. Он не впечатлился. Я припарковалась и прошла в офис Августина Монтгомери. Безукоризненная секретарша поговорила с помощью гарнитуры и жестом пригласила меня следовать за собой.

— Как долго вы подбирали оттенок тональника, чтобы скрыть синяки? — спросила она.

— Около получаса. Получилось?

— Нет.

Туше.

Августин Монтгомери, все так же невероятно прекрасный, оторвал взгляд от планшета.

— Я не ужасный человек.

— Ошибаетесь. В файле утверждается, что Дом Пирсов перестал поддерживать Адама

финансово. Но они по-прежнему снабжают его деньгами. Вероятно, стараниями его матери.

Августин откинулся в кресле и переплел свои длинные пальцы вместе. Сломайся у них измельчитель бумаг, они могли бы просто вываливать бумажки ему на голову, а его мраморно-идеальные скулы полосовали бы их на мелкие ленточки прямо в полете.

— Меня заверили, что все финансовые связи были оборваны.

Я положила ему на стол распечатки с денежными выкрутасами Густава. Какое-то время он внимательно их изучал.

— Мне стоит знать, как вы их получили?

— Нет.

Августин махнул мне.

— Встаньте здесь.

Я подошла и встала рядом с ним.

— Ничего не говорите, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы понимали — если эта информация ошибочна, вас ждут серьезные последствия.

Его пальцы заперхали над клавиатурой. Включился большой экран, показывая офис на заднем плане и ухоженного мужчину в деловом костюме за столом. Питер Пирс, старший брат Адама. В нем угадывались следы красоты Адама — в темных глазах, четкой линии носа и форме рта, но Питеру не хватало того мальчишеского огонька, превратившего Адама в любимчика публики. Питер был лет на десять старше, и излучал «респектабельность» таким же образом, как его младший брат излучал «раздраженность».

— Августин, — сказал Питер. — Вы еще его не нашли?

— Мы работаем над этим.

Мы подразумевало меня, и Питер увидел мое лицо. Теперь я бесповоротно связана с поисками Адама.

Августин откинулся в кресле.

— У меня есть основания полагать, что Дом Пирсов продолжает снабжать его деньгами. Я не могу не подчеркнуть, насколько важен финансовый фактор в его безопасном возвращении. Если вы будете позволять ему играть с деньгами, он продолжит рисковать своей жизнью.

Питер махнул рукой.

— Да-да, мы должны усугубить его положение настолько это возможно. Я помню лекцию. Уверяю вас, никаких переводов ему не осуществлялось.

Августин вкратце изложил ему историю с переводами.

— Дайте мне номер счета, — потребовал Питер.

Августин его напечатал, и компьютер на стороне Питера звякнул. Он посмотрел на другой монитор слева и покачал головой, враз помрачнев. Питер нажал несколько кнопок на клавиатуре.

— Мама?

— Да? — отозвался женский голос на другом конце линии.

— Ты должна прекратить посылать Адаму деньги.

— Ну что ты, это незначительная сумма.

— Он не может получать деньги, мама. Мы это уже обсуждали.

— Но тогда он будет нищим. Это смешно. Ты хочешь, чтобы твой брат был нищим, Питер? Почему вы все так взъелись на него из-за этого?

Августин сохранил безразличное выражение лица.

Взъелись. Хорошее слово, особенно учитывая, что прямо сейчас вдова с двумя детьми собиралась хоронить обгоревшее тело своего мужа.

— Может, ты хочешь, чтобы он был, как те оборванные иностранцы, клянчащие доллар у светофоров?

Очаровательно. Если я когда-нибудь и познакомлюсь с Кристиной Пирс, то точно не в ближайшее время.

— Да, — сказал Питер. — Я хочу, чтобы он был бедным и отчаявшимся. Таким отчаявшимся, что придет к нам за помощью.

— Совершенная и полн..

Питер помахал нам и нажал кнопку на клавиатуре. Связь оборвалась. Пару мгновений мы просто смотрели на экран.

— Выходит, если я зарабатываю меньше девяти тысяч девятиста девяноста долларов в месяц, то я могу законно просить милостыню на перекрестках? — не сдержалась я.

Августин снял очки и растер переносицу.

— Ваши клиенты в курсе, что у вас работают нищие иммигранты?

— Прекратите, — оборвал меня Августин. — Кристина Пирс — Превосходная в третьем поколении. Она и дня не прожила в бедности. Это повлияло на ее мировоззрение.

— Если я выслежу Адама Пирса, вы окажете мне поддержку?

— Это зависит от ситуации.

Ложь.

— Я остаюсь при своем предыдущем утверждении. Вам придется с этим жить.

Я вышла из его офиса. Мой мобильник зазвонил, когда я проходила по вестибюлю. Незнакомый номер. Я ответила на звонок.

— Невада Бейлор.

— Адам Пирс, — ответил мужской голос. Он говорил точно, как я себе и представляла — насмешливым голосом, как нельзя лучше подходящим самоуверенному, испорченному богатенькому мальчику.

Мне нужно правильно забросить крючок. Сердце билось слишком быстро. Глубокий вдох. Я справлюсь.

— Густав сказал мне, что ты пустила мой денежный поезд под откос.

— Да, я это сделала. Твой брат и мать как раз сейчас это обсуждают. Она имеет что-то против работающих мигрантов?

Он хмыкнул.

— Она наверно имела в виду бродяг. Так ты хочешь меня найти?

— Хочу — неправильное слово. Меня заставили тебя искать. Но я не хочу этого ни капельки.

— Кто тебя заставил?

Попался.

— Каковы шансы, что ты мне сдашься?

Он снова засмеялся отчетливо мужским смехом.

— Приходи повидаться, и мы поговорим об этом.

Очко.

— Конечно. Куда?

— Дендрарий «Мерсер», тенистый болотный сад. Через полчаса.

Он повесил трубку.

Полчаса. «Мерсер» «был в двадцати милях на север от центра. Двадцать миль с хьюстонским движением могли растянуться на все шестьдесят. Вот урод. Я рванула к машине, отправляя Берну смс по пути. Он все еще будет на занятиях. «АП только что звонил на мобильник. Встреча через полчаса в Дендрарии «Мерсер».

Нет ответа.

Берн мог отследить мой телефон где угодно, но это ничем мне не поможет, если Адам превратит меня в кучку пепла. Полчаса давали мне времени только чтобы добраться до дендрария. Недостаточно времени, чтобы добиться какого-нибудь подкрепления. К тому же, наличие подкрепления не сулило мне ничего хорошего. Я запрыгнула в мазду и рванула с парковки, словно за мной гнался сам дьявол.

Будь интригующей. Убеди его сдать. Не дай себя убить.

Я вошла в дендрарий «Мерсер» ровно через двадцать девять минут после звонка. Мерсер — ботанический сад, расположенный на двухста пятидесяти акрах, был излюбленным местом отдыха магических тяжеловесов. Было в садах (а особенно в цветах) что-то такое, что притягивало к ним магов, даже если их магия не имела ничего общего с растениями. Я это тоже чувствовала. Все вокруг меня цвело, деревья простирали свои огромные кроны, насекомые перелетали с листка на листок, птицы пели... Ты словно завернут в кокон жизни, проникнутый простым счастьем жить.

Я потратила двадцать секунд у сувенирного киоска, повернула на север и поспешила по дорожке, зажав покупку в руке. Мимо меня проходили мужчины и женщины, порой тихо беседующие, порой погруженные в свои мысли. Дорогие наряды, прекрасные лица, некоторые настолько безупречные, что тут никак не обошлось без магии иллюзии. Есть определенный момент, когда люди становятся слишком идеальными, и теряют какую-либо сексуальную привлекательность, с которой были рождены. Они становятся неприкасаемыми и почти стерильными, как пластиковые манекены в витринах магазинов. Многие Превосходные это поняли и оставили некоторые несовершенства — например, как Августин Монтгомери, — но большинство магов меньшего калибра — нет. Учитывая, мимо скольких магов я прошла, этот поиск мог оказаться бессмысленным. Адам Пирс был слишком известен, а это место было слишком людным.

Извилистая тропинка превратилась в дощатый настил, огороженный черной металлической оградой. Вершины ограды были согнуты дугами, в угоду природе, словно прямым, рукотворным линиям было здесь не место. Деревья сгустились. Воздух пах влагой, тем легко узнаваемым болотным запахом грязи и водорослей. По обе стороны дороги протянулась трясина — несколько дюймов воды цвета чая, окруженных буйной зеленью и ярко-красными ирисами. Путь слегка отклонился, пересекая болото, и привел меня к скамейке с низким каменным парапетом по обе стороны. На парапете сидел Адам Пирс.

Он сидел, скрестив ноги, обтянутые штанами из черной кожи. Поверх черной футболки была брошена куртка. Его волосы спадали на лицо растрепанной волной. Сложный магический круг, нарисованный черным и белым мелом, красовался на дорожке и парапете вокруг него. Три кольца друг в друге, три полукруга снаружи, касающиеся дугами среднего кольца. Тонкие, как паутинка, идеально ровные линии испещряли круги, образуя замысловатый узор. Три полукруга наружу означали сдерживание. Он сдерживал свою силу.

Много лет назад, когда аристократам нужно было вступать на воинскую службу, они начинали практиковаться фехтовать, едва начав ходить. Теперь же Превосходные упражнялись в рисовании тайных знаков. Если бы мне пришлось повторить его рисунок, мне

понадобились бы картинка для сверки, линейка, пара циркулей для черчения кругов и несколько часов времени. Он же, скорее всего, нарисовал все от руки за пару минут. И выглядел рисунок идеально. Адам обладал способностью к невероятной точности и контролю. То, как он сидел, как позировал во время интервью с наилучшего ракурса для камеры, свидетельствовало о том, что он практиковался перед зеркалом. Возможно «Адам-Хаотичный-Бунтарь» был просто для показухи. Возможно, все, что он делал, было просчитано наперед. Не было ли это все только вершиной этого айсберга ужаса? Мне стоило быть очень осторожной, ступая в эти коварные воды.

Адам поднял голову. Карие глаза смотрели на меня оценивающе. Он выглядел точно, как на всех тех фотографиях. Ладно. Главное не сгореть, пока я буду уговаривать его царственную задницу сдать.

Я направилась к скамейке. Рядом с Адамом меня окутал жар, как если бы я слишком близко подошла к костру. Он нарисовал сдерживающий круг и наполнил его жаром. В сумочке у меня был тазер. Вероятно, я могла выстрелить в него отсюда, но даже если бы тазер сработал и он упал, подойти к нему было бы невозможно. Жар запросто мог испепелить кожу на моих пальцах. Затем наступил бы шок, и поминай меня как звали.

Я села. Адам Пирс улыбнулся. Его лицо осветилось, внезапно став ребяческим и очаровательным, но все же слегка опасным. Так вот почему его мать давала ему все, чего он хотел.

— Невада. Такое холодное имя для такой солнечной девушки.

Ну, разве ты не льстец? Невада значит «заснеженная» по-испански. Я была вовсе не такой.

Родители бабули Фриды приехали в США из Германии. Она от природы была темноволосой и белокожей. Дедушка Леон был из Квебека. Я не помню о нем ничего, кроме того, что он был огромным и темнокожим. Это доставляло им обоим кучу проблем, но они слишком любили друг друга, чтобы сожалеть об этом. Вместе они родили мою маму, с темными волосами и кожей цвета молочного шоколада. Мы мало что знали о семье папы. Когда-то он сказал мне, что его мать была ужасным человеком, и он не хотел иметь с ней ничего общего. Мне он казался наполовину белым, наполовину коренным американцем, со светло-русыми волосами, но я никогда не спрашивала. Все эти гены перемешались в одном котле, и получилась я — с бронзовой кожей, карими глазами и светлыми волосами. Мои волосы были не серебристо-белыми, а более темными, медового оттенка русого. Я почти никогда не обгорала на солнце, просто становилась смуглее, в то время как мои волосы становились светлее, особенно если я проводила лето, плавая. Однажды, когда мне было семь, по дороге в школу нас с бабушкой остановила женщина, и принялась распекать бабушку за покраску моих волос. Ничего хорошего из этого не вышло. Даже сейчас люди иногда спрашивали меня, в каком салоне я красила волосы. Имя Невада мне и правда не подходило. Во мне не было ничего зимнего, но мне было плевать, что он думал по этому поводу.

Я потрясла левой рукой, развернув сувенирную футболку дендрария «Мерсер», черную с зеленым логотипом.

— Для тебя.

— Ты принесла мне футболку? — Он приподнял бровь.

Каждый нерв в моем теле дрожал от напряжения. Спокойно.

— Ты все время забываешь надеть футболку, так что я подумала, что она тебе не

помешает. Раз уж у нас серьезный разговор.

Он наклонился вперед, его красивое лицо обрамляли мягкие волосы.

— Тебя отвлекает мой торс?

— Да. Каждый раз, как я вижу пантеру с рогами, меня распирает смех.

Адам Пирс моргнул. Ага, не ожидал?

— Просто из любопытства — зачем рога?

— Это Мишепишу, подводная пантера Великих озер, почитаемая индейскими племенами. У нее рога оленя, тело рыси и чешуя змеи.

— И чем она знаменита?

— Она живет в глубинах озер, где оберегает залежи меди. Те, кто пересекает ее территорию, должны заплатить дань.

— А если дань не уплачена?

Адам улыбнулся, блеснув зубами.

— Тогда Мишепишу тебя убьет. Одно мгновение вода будет спокойной, а уже в следующее смерть поглядит тебе в лицо.

Итак, Адам считал себя Мишепишу. Он властвовал, а нарушающие его территорию, должны платить дань. Он высокого мнения о себе, раз не начал об этом рассказывать.

Адам осмотрел меня медленным, оценивающим взглядом.

— Я не верю, что моя мать наняла тебя.

— Почему?

— Она принимает на работу по внешнему виду. Эти джинсы стоят сколько, баксов пятьдесят?

— Сорок. Я купила их на распродаже пару лет назад и одела сегодня специально для встречи с Густавом.

— Зачем?

— Потому что мне нужно, чтобы он мне доверял, я хотела показать, что тоже работяга, как и он. Я не «они». Я не хозяйка. Я даже не знаю хозяина, хотя он иногда платит по моим счетам. Если бы мне нужно было повидаться с твоей матерью, я бы надела костюм «Эскада». Он стоил шестнадцать тысяч баксов, и вряд ли впечатлил бы твою мать, но, по крайней мере, она сразу не приняла бы меня за попрошайку.

Адам прищурился.

— Я навел справки. Ты — мелкая сошка, Снежинка.

Уменьшительные имена? Тьфу.

— Наша фирма имеет безупречную репутацию.

— Зачем тебе тратить десять с половиной штук на костюм? Разве это не половина твоей месячной зарплаты?

Я заставила голос звучать легко и непринужденно.

— Видишь, поэтому я могу сказать, что ты никогда не был бедным. Ты надо мной издеваешься, или тебе действительно любопытно?

Он откинулся назад.

— Мне любопытно. Когда я начну издеваться, ты поймешь.

Я не обратила внимания на подколку, сделав вид, что ничего не заметила.

— Когда ты обеспечен, у тебя есть роскошь одевать что твоей душе угодно. Ты богат. Если кто-то попытается судить тебя по тому, как ты одеваешься, ты считаешь это забавным и утрешь им нос. Когда же ты бедный, твоя возможность получить работу, в

которой ты нуждаешься, или выполнить определенную социальную задачу часто зависит от того, во что ты одет. Ты должен переступить порог от «просителя» к «одному из нас». Удивительно, как могут открываться двери, стоит людям перестать смотреть на тебя свысока. Поэтому ты откладываешь деньги, покупаешь один безбожно дорогой наряд и годами одеваешь его только по очень особым случаям. У меня таких два, от Эскада и от Армани. Раз в сто лет, крупная страховая компания или состоятельный член какого-нибудь дома хочет нас нанять, и тогда я одеваю один костюм, чтобы получить работу, а второй — чтобы сообщить результаты, потому что мне нравится незамедлительная оплата. В остальное время они висят у меня в шкафу, завернутые в два слоя целлофана, и мои сестры знают, что прикосновение к ним грозит страшной и мучительной смертью.

Адам рассмеялся. Это был богатый, снисходительный смех человека, не знающего забот в этом мире.

— Ты мне нравишься, Снежинка. Ты искренняя. Настоящая. Зачем ты занимаешься этой работой?

— Потому что наша фирма — дочернее предприятие «Международных расследований Монтгомери», и если я не приведу тебя, они отберут бизнес, над которым я работала много лет. Моя семья останется без крыши над головой.

Адам рассмеялся снова. Что-то в перспективе моей семьи стать бездомной его позабавило.

— Сколько ты весишь?

— Странный вопрос. Около пятидесяти девяти килограммов.

Он покачал головой.

— Ты совсем не врешь, да?

Когда этого требовали обстоятельства, я врала так, что ему и не снилось.

— Люди слишком много врут, потому что так проще. Я не вру, пока меня не вынуждают. Адам, ты ведь знаешь, что не сможешь прятаться от копов вечно. Когда они тебя найдут, это не будет «положите руки на затылок и встаньте на колени, чтобы мы могли надеть наручники». Тебе выстрелят в голову.

Он оперся локтем о колено и подпер подбородок кулаком.

— Аха.

— Если они не найдут тебя в ближайшие пару дней, они предложат вознаграждение. Тогда любой наркоман на улице будет пытаться тебя сдать. Единственным логичным выходом из этой ситуации является возврат в семью.

— Зачем? Чтобы я гнил до конца жизни в тюремной камере?

— Сильно сомневаюсь, что Дом Пирсов позволит гнить тебе в камере. Твоя мать явно души в тебе не чаёт, и пойдет на все, лишь бы ты не сел в тюрьму. Деньги и власть на твоей стороне. Всяко лучше, чем быть трупом.

Он пристально на меня посмотрел.

— Ты считаешь, что я это сделал?

Я начала думать, что да. Я заставила себя пожать плечами.

— Меня это не волнует. Моя работа закончится, когда я тебя приведу.

Он отлепился от стены и дотронулся до мела ногой, смазывая идеальную линию. Жар колонной устремился вверх. Мое сердце билось слишком быстро. Я почувствовала привкус металла во рту. Адреналин зашкаливал. Если он сейчас поджарит меня, я не смогу ему помешать. Адам скинул с плеч кожаную куртку. Запах горелой ткани распространился в

воздухе. На футболке появились прожженные пятна. Она тлела, превращаясь в золу, и Адам, пожав плечами, стряхнул ее. Солнце играло на его скульптурной груди и кубиках пресса, подчеркивая каждый плавный изгиб и каждый твердый контур мышц золотым сиянием. Хорошо, что бабушки Фриды здесь не было. У нее точно случился бы инфаркт. Адам протянул руку и выдернул мерсеровскую футболку из моих рук. Он надел ее, накинул кожаную куртку, и улыбнулся.

— Адам...

— Я подумаю над этим, Снежинка, — подмигнул он.

Я вытащила мобильник и сфоткала его.

Он перешагнул через каменную стенку и вывел мотоцикл из-за куста.

Он притащил в Мерсер мотоцикл. В это тихое, спокойное место, где даже для велосипедов было отведено лишь несколько дорожек.

Адам оседлал своего железного коня и с ревом умчался прочь. Что ж, все прошло относительно хорошо, как я и ожидала. Руки у меня дрожали. Мое тело все еще не осознало, что опасность миновала. Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. Передо мной простиралось болото: коричнево-зеленый лабиринт из грязи и воды. Неожиданно оно показалось мрачным. Я хотела цветов, красок и солнечного света. Я встала и пошла на юг, направляясь к садам.

Мне не удалось. По логике, я понимала, что не смогу уговорить Адама сдаться с первой попытки, но я все же надеялась. У меня хорошо получалась уговаривать людей. Что ж, по крайней мере, он меня не сжег. Это было хорошо. Я вытащила мобильник и послала фото Адама Пирса на почту Августина, набрала номер «МРМ» и позвала его к телефону.

— Да? — произнес его интеллигентный голос в трубке.

— Проверьте почту.

Повисла короткая пауза.

— Почему он одет в футболку из дендрария «Мерсер»?

— Я купила ее для него, чтобы прикрыть водяную пантеру коренных американцев на груди. Он отказывается сдаться. Его точные слова: «Зачем? Чтобы я гнил до конца жизни в камере?» Я думаю, что смогу снова с ним встретиться, но мне нужны гарантии от семьи. Он не хочет идти в тюрьму.

— Посмотрю, что смогу сделать. — Августин повесил трубку.

Я продолжала идти. Адам, вероятно, совершил поджог. Я понятия не имела, что его побудило поджечь банк, но то, как он пританцовывал вокруг этой темы, заигрывая с вопросом, предлагало, что он как-то связан с этим. Конечно, у него могла быть просто мания преследования, позволявшая быть виновным в том, чего не делал, и упиваться своей жертвой. В любом случае, сделал ли он это или нет, я должна была доставить его в семью. Даже избалованные богатенькие мальчики имеют право на надлежащую правовую процедуру. Моя работа закончится, когда он попадет в любящие руки матери. Что дом Пирсов сделает с ним потом, не моя проблема.

Дорожка вывела меня к центру сада, к прямоугольной площади, окруженной высокими деревьями. На дальнем конце протянулся фонтан в виде водяной завесы, светлая бетонная балка поддерживалась десятифутовым дорическими колоннами. Когда вы приближались, вода проливалась вниз каскадом сверкающих капель, которые падали в три узких чаши. Прямоугольные клумбы и тщательно огороженное пространство яркой зелени газона усеивали площадь. Несколько скамеек были установлены по краям. Они выглядели так

заманчиво. Я подошла к скамейке под деревянной перголой, и села. Я просто хотела посидеть здесь минутку.

Страх отнимал много сил. Сейчас я была усталой и слегка безжизненной.

Люди сновали по площади. Справа от меня две женщины болтали на скамейке. У той, что слева, были бело-серебристые волосы, которые спадали на грудь без малейшего намека на завитки. Она была одета в платье с вырезом-каплей, доходившее до середины бедра и, вероятно, стоившее больше, чем мой лучший деловой костюм. Ее загар был золотистым, а макияж ярким и безупречным. Ее темноволосая подруга выбрала жемчужный ассиметричный топ с мягкой женственной оборкой и светло-серую юбку-карандаш. Обе были в туфлях на каблуке, таких изящных, что казалось, они сразу сломаются, если на них встать. Они увидели меня. Обе смотрели на меня с одинаковым выражением привлекательных женщин, оценивающих другую молодую женщину на горизонте. Судя по поднятой брови и придушенному смеху брюнетки, моим потертым джинсам, простой блузке, и потрепанным кроссовкам «Найк» не удалось произвести впечатление. Они продолжили болтать. Наверное, критикуя мое отсутствие вкуса и денег. Они назвали меня деревенщиной, я назвала их пустышками, и мы были счастливы именно такими. Проходя мимо женщин, двое мужчин замедлили шаг. Оба были одеты в светлые свободные брюки, дорогие рубашки и солнечные дизайнерские очки. Оба были ухоженными от и до, а совершенство их лиц сигналило о деньгах и магии. Мужчины ненавязчиво оценивали женщин, пока те делали вид, что ничего не замечают. Это был старый танец. В конечном счете, мужчины растопят лед, а женщины притворятся удивленными, но тронутыми. Казалось, что они вполне могли стать друг другу подходящей парой.

С одной из боковых дорожек на площадь вышел темноволосый мужчина. Он был одет в джинсы и простую черную футболку, неся в руках что-то вроде рулона ткани. Футболка плотно обтягивала его широкие плечи. Мускулы бугрились на его руках — сильные, гибкие мускулы бойца, закаленные практикой пробиваться и прорываться сквозь своих противников. Его походка была легкой, широкий шаг — уверенным и неторопливым, как у большой тропической кошки, сильнейшего хищника, вышедшего на прогулку по своим владениям. В его осанке не было и намека на повиновение. Он шел так, будто и не знал, что его спина может гнуться.

Я наклонилась вперед, пытаюсь разглядеть его лицо. Двое привлекательных благодаря иллюзии мужчин одновременно убрались с его пути.

Я разглядела его. Мое сердце пропустило удар.

У него был крепкий, волевой подбородок, прямой нос и квадратный лоб. Он выглядел грубовато, от следов щетины на челюсти, до коротких, темных взъерошенных волос. Грубовато, мужественно и впечатляюще сексуально. Его глаза, умные и ясные, под густыми темными бровями оценивали все, что он видел со спокойной точностью, но в глубине этих голубых глаз горел холодный огонь. Такой же убийственный огонь, что и в янтарных глазах тигра, хищный, но неотразимый. Это заставило смотреть, хотя ты знала, что если поймаешь его взгляд, ледяной огонь поглотит тебя целиком. Он притягивал меня как магнит. Все женские инстинкты, которые у меня были, захлестнули меня с головой.

Ух ты.

Он не просто вышел на площадь. Эти глаза сказали мне, что в момент, когда он вступил на нее, он завладел ею. Я знала, что должна была отвернуться, но не смогла. Я просто сидела, пораженная, и гладела.

Две женщины увидели его и замолчали. Он прорывался сквозь пласты цивилизации, вежливости и социального снобизма к каким-то необъяснимым женским чувствам, которые кричали: «Доминантный самец. Опасность. Власть. Секс».

Вот почему мне не повстречался кто-то вроде него? Почему он не мог быть моим парнем? Если бы он когда-нибудь заговорил со мной, я бы, наверное, и трех слов не связала в предложение.

Мужчина смотрел на меня.

Погодите-ка. На его пути были две другие привлекательные женщины, обе ярко и стильно одетые и телеграфирующие «доступная» каждой клеточкой своего тела. Они были розами, а я в своем нынешнем наряде — маргариткой. Он должен был смотреть мимо меня. Я привлекательная, но не настолько.

Он смотрел на меня, словно знал, кто я. Мозгу потребовалась четверть секунды, чтобы обдумать этот факт и послать холодную волну тревоги. Остаться или уйти?

Я потратила еще одну драгоценную секунду, пытаясь прислушаться к своим инстинктам и магии. Моя интуиция почти никогда меня не подводила.

Остаться или уйти?

Я взглянула в его голубые глаза. Нет, я ошибалась. Он не был тигром. Он был драконом, царственным и смертоносным, и он пришел за мной.

Это было плохо. Плохо-плохо-плохо. Мне пора бежать. Сейчас же.

Я вскочила со скамейки и рванула напрямик к тропе, ведущей из парка. Он слегка изменил направление, двигаясь за мной. Я припустила по тропе. Растительность пролетала мимо. Люди глазели на меня. Тропа повернула, и я получила возможность оглянуться.

Он мчался за мной на большой скорости и нагонял.

Я бросилась вперед, выжимая каждую каплю сил из своего тела. Воздух в легких стал горячим. Бок закололо. Тропа снова повернула, и я вылетела на открытую площадку с сувенирным магазином. Выход был всего в ста ярдах. Я почувствовала магию позади себя. Она нарастала, яростная и неудержимая, как катаклизм.

Я оглянулась назад.

Он был в двадцати пяти ярдах позади меня.

Я не успею добежать до машины.

Слишком далеко для «тазера» и я не хочу, чтобы он подходил ближе. Я вытащила «ругер марк III» 22 калибра и сняла с предохранителя. Я упражнялась с этим пистолетом каждую неделю. Я в него попаду.

— Стой. Я буду стрелять.

Я не хотела в него стрелять. Я понятия не имела, кто это был. Я понятия не имела, на что он способен. Я не хотела стрелять в этом людном месте. Я не хотела его убивать.

ОН продолжал идти. Я чувствовала, как он подходит ближе. Я никогда не ощущала подобной магии за всю свою жизнь. Это было похоже на попытку встать на пути торнадо. Меня охватил страх, делая все вокруг кристально ясным и четким.

— Помогите! — закричала я.

Никто не шелохнулся. На площади было полно людей, и никто не отреагировал.

Черт побери. Я подняла пистолет, направив ствол вверх и влево над деревьями, и сделала предупредительный выстрел. Он бросил в меня сверток ткани. Я увидела мелькнувший голубой шелк, и мои руки прижались к телу сокрушительной силой, пистолет расплющился по ноге. Ткань сжала меня, как смирительная рубашка. Сильные руки схватили

меня. Что-то воткнулось мне в шею. Ноги подогнулись и я упала. Он подхватил меня и поднял, словно я ничего не весила.

Все стало расплываться. Я хотела закричать во все горло, но вместо этого получился лишь слабый шепот:

— Помогите...

— Эй! — парень в ковбойской шляпе двинулся в нашу сторону.

— Я бы не советовал, — сказал мужчина ледяным тоном.

Ковбой замер.

Мужчина перехватил меня, и я близко увидела его глаза, голубые глаза, горящие магией и оттененные самоосознанием.

О Боже. Непослушными губами я пыталась выговорить:

— Чок... чо... Ччок...

— Чокнутый Роган, — закончил он.

Кто-то выключил солнце и я уснула.

Глава 5

Я открыла глаза. Надо мной простирался светлый потолок. Я села. Складки голубого шелка сползли с тела, скользнув по коже.

Я сидела на полу в середине большой прямоугольной комнаты. В темных стенах не было ни одного окна. Две напольные лампы, расставленные по углам, горели мягким желтым светом, не столько разгоняя мрак, а лишь слегка его разбавляя. Пол из гладко отполированного бетона усеивали линии, круги, треугольники и тайные знаки, нарисованные мелом, углем, и чистым насыщенным синим, который мог быть только измельченной в порошок ляпис-лазурью. Линии светились слабым сиянием, некоторые части узора лежали прямо на бетоне, другие же парили над ним в паре дюймов. Я прошлась взглядом по линиям до круга, окруженного знаками. Кто-то сидел внутри него. Я подняла глаза.

Чокнутый Роган смотрел на меня своими голубыми глазами. Они были широко раскрыты, словно два окна в глубины его души, и из них на меня смотрела магия. Ужасающая, ошеломительная магия, живая тьма, наполненная вспышками яркого света и силы. Точно так же я могла бы смотреть в сердце сверхновой. Я забыла дышать. Сердце рвалось выскочить из груди. Руки задрожали.

Я дернулась назад и упала — что-то удерживало меня на месте. Я стянула шелк. Стальные кандалы охватывали мои лодыжки, а металлические штыри, скрепляющие оковы, исчезали в бетоне. Я потянулась. Мои ноги не шелохнулись.

— Ты приковал меня к полу. — Мой голос дрожал и я это ненавидела.

Демоническое, нечеловеческое существо в лице Чокнутого Рогана склонило голову, глядя на меня. Он сидел, скрестив босые ноги, одетый лишь в просторные темные штаны. Его торс был обнажен. Гибкие, твердые мышцы обхватывали его грудную клетку. Резные бицепсы выделялись на руках, словно живая сталь. Могучая грудь перетекала в плоский, рельефный пресс. Бледные полосы шрамов пересекали бронзовую кожу. Он не просто был в форме. Он обладал телом, предназначенным для боя: сильным, гибким, твердым и заряженным взрывной силой. Будь здесь Адам Пирс, он бы удавился от зависти.

Я заставила мозг заработать. Тонкие голубые линии пересекали его кожу, сливаясь в глифы. Он написал тайные символы у себя на груди и на животе. Он усиливал свою силу, что

было опасно для здоровья. Зачем? Зачем ему могло понадобиться больше силы, если одним своим присутствием он уже внушал ужас?

— Что дает тебе право хватать меня посреди улицы и приковывать в своем грязном подвале?

— Ты знаешь, что это такое? — Голос ему соответствовал — глубокий и слегка хриплый. Если бы драконы существовали и могли говорить, голос у них был бы в точь, как у него.

Я вытянула шею, пытаюсь разобрать замысловатый узор из разбросанных символов и линий. Я была замкнута в круге, окруженном еще несколькими большими концентрическими кругами. Круги пересекали прямые линии, образуя треугольник. «Вершина» треугольника заключала в себе меньший круг, в котором сидел Чокнутый Роган. Надписи руническим шрифтом и тайными знаками пробивались сквозь узор, светясь магией. Внутри меня все похолодело. Акубенс Экземпляр, названное в честь звезды «клешни» в созвездии Рака.

Когда родители обнаружили природу моей магии, у нас состоялся долгий разговор, где мой отец пояснил мне, что существует лишь одна профессия для человека с моими талантами. Я могла быть следователем. Не важно, чем я сама хотела заниматься — но как только о моем таланте стало бы известно, военные или власти непременно попытались бы заставить меня стать живым детектором лжи. Они давили бы до тех пор, пока я не сдалась. Я стала бы свидетелем пыток и прочих ужасных вещей, совершаемых во имя высшего блага, и это уничтожило бы мои шансы на счастливую жизнь. Он сказал мне, что когда я вырасту, я всегда успею стать следователем, но до того времени, мои способности должны оставаться тайной. Для подтверждения своих слов, он заставил меня посмотреть документальный фильм об Испанской Инквизиции. Мне было всего семь лет, но я поняла. Эти ужасы могли стать моим будущим.

Когда мне исполнилось двенадцать, я начала бунтовать против всего, что говорили мне родители, и стала изучать техники допроса и заклинания. Акубенс Экземпляр было одним из самых мощных и надежных. Оно требовало многих дней тщательной подготовки, и существовал лишь короткий период времени, когда его можно было использовать, пока сосредоточенная в нем магия не рассеивалась. Подобно клешне краба, в чью честь оно было названо, заклинание позволяло телепату обрушить на человека в его центре сокрушительное давление. Заклинание усиливало давление до тех пор, пока воля жертвы не ломалась и она не выдавала секрет, который пыталась сохранить.

— Для Акубенс Экземпляр требуется телепат. — Я хваталась за соломинку. — Ты же — телекинетик.

Линии вокруг Чокнутого Рогана запульсировали ярче. Ладно. Значит, он был еще и телепатом. Или же обладал какой-то магией, относящейся к силе воли.

— Я хочу знать все, что у тебя есть на Адама Пирса, — потребовал он. — Его местонахождение, его планы, планы на него его семьи. Все.

Я скрестила руки. — Нет. Во-первых, меня наняли найти Адама Пирса, и мой клиент рассчитывает на конфиденциальность. Во-вторых, ты напал на меня и приковал к полу. — Я попыталась потрусить своими кандалами для наглядности, но они даже не шелохнулись.

Взгляд синих глаз пронизывал меня насквозь. В нем снова была хищная, безжалостная сила. Все внутри меня било тревогу. Он был драконом в человеческой коже, могущественным, безжалостным и опасным. Мой разум замкнулся, отказываясь ему

подчиняться. Мои руки и ноги напряглись; грудь сдавило. Мне хотелось заорать что есть мочи, только бы выпустить страх наружу.

— Я не хочу причинять тебе вред, — сказал он. — Мне нужна информация.

Правда.

— Принуждать тебя не доставляет мне удовольствия.

Правда.

— если тебе не нравится принуждать, тогда отпусти меня.

— Скажи мне то, что я хочу знать и можешь идти.

— Нет. Это незтично и непрофессионально.

Он был Превосходным телекинетиком. Иногда Превосходные обладали вторичными талантами, но они никогда не были так же сильны, как их первичная магия. Телепатия основывалась на силе воли. Моя магия тоже основывалась на воле, и за всю свою жизнь я еще не встречала человека, на котором бы она не сработала. Я ухватила за эту мысль и постаралась собраться с силами. Может, он и дракон, но если он попытается проглотить меня целиком, я заставлю его подавиться. Я подалась вперед, стараясь как можно удобнее устроиться в своих оковах, и облизала пересохшие губы. — Ладно, крутой парень. Давай посмотрим, что там у тебя.

Роган пожал плечами. Магия волной раскатилась от него по линиям, делая их ярче, словно огонь, бегущий по бикфордову шнуру. Давление сомкнулось на мне, сжимая мой разум в невидимых тисках. Я стиснула зубы. Он был силен.

Я отразила удар. Он прищурился.

— Адам Пирс. — Он продолжит повторять это имя. Чем больше он будет его повторять, тем сложнее будет не думать о нем, и тем жестче заклинание будет атаковать мою защиту.

Я воспротивилась давлению. Он меня не ломает.

— Иди нахрен, и сдохни.

Давление сокрушало мой разум, напирая на него невыносимой тяжестью. Казалось, словно голова была заперта внутри огромного свинцового колокола и он становился все уже и уже, сжимая череп. Беспощадный магический натиск превратился в постоянную жуткую боль. Больно думать. Больно двигаться. Время растворилось в головной боли.

Жар, исходящий от энергии заклинания, превратил комнату в сауну. С меня в три ручья катил пот. Я уже давным-давно сбросила футболку. И джинсы бы тоже стянула, если бы не мешали оковы.

Напротив меня, Роган неподвижно сидел в кругу. На его лбу вдоль линии волос выступили капельки пота, испарина увлажнила его грудь и рельефные бицепсы. Голубой рунический шрифт, покрывающий его тело, все еще держался, но некоторые символы начали смазываться. Усилия по сокрушению моей воли его выматывали. В мягком освещении комнаты, он едва ли выглядел человеком — скорее диким, хищным созданием какой-то тайной магии. Больше всего мне хотелось подойти и заехать ему прямо по лицу. Я смотрела на него всякий раз, как давление наступало, и свежий прилив страха помогал мне продержаться.

Давление слегка отступило. Он был уставшим.

— Ты богат, да? — прохрипела я.

— Да.

— Ты что не мог раскошелиться на кондиционер в помещение?

— Я не собирался сидеть здесь часами. Но если тебе слишком жарко, можешь снять бюстгальтер.

Я показала ему средний палец.

— Кто ты? — спросил он.

— Женщина, на которую ты нацепил кандалы в своем подвале. Я твоя пленница. Твоя... жертва. Да, подходящее определение. Кстати, неужели тебе ни разу не объясняли, что нельзя похищать людей, просто потому, что тебе так хочется?

Он поморщился.

— У тебя была целая секунда, чтобы меня пристрелить.

— Я не стреляю в незнакомцев, пока они явно не угрожают моей жизни. А насколько я знаю, ты вполне мог оказаться копом, работающим по делу Пирса. Стреляя, я должна быть готова к возможной смерти своей цели. К тому же, разряжать обойму в толпу — безответственно.

— 22-й калибр отскочит даже от мокрого белья на веревке. Зачем вообще его носить?

Я откинулась назад. Что-то в моем позвоночнике хрустнуло. — Потому что я не стреляю, если не собираюсь убивать. Большой калибр пробьет мишень навывлет, вероятно, задев при этом кого-то невинного. 22-й же войдет в тело и срикошетит внутри, превращая твои внутренности в фарш. Мелкокалиберные ранения в грудь и голову почти всегда смертельны. Если бы я знала, что ты собираешь выудить ленту из рукава как какой-то дешёвый фокусник, связать меня ею и баловаться пытками в своем подвале, я бы в тебя выстрелила. Много раз.

— Дешёвый фокусник?

— Мужчины вроде тебя любят лесть.

Мускулы на его руках вздулись. Магия вцепилась в меня, резко и болезненно. Знакомый страх затопил меня медленной волной. Я была серьезно измотана.

— Я ломал Значительных магов в этой ловушке, — равнодушно заметил он.

Правда.

— Я сломаю тебя.

— Ну, попробуй.

Давление на мой разум резко возросло. Магия превратилась в чудовище, грызущее меня. Его зубы вырвали у меня тихий стон. Я уставилась на него, обращая всю свою ярость в защиту.

У него из носа потекла кровь.

— Сдавайся, — прорычал он.

— Ты первый.

Так больно. Вес просто огромный. Моя защита дрожала. Руки тряслись.

Чокнутый Роган зарычал, подобно животному. Это тоже причиняло ему боль.

Адам Пирс, Адам Пирс, Адам Пирс... Имя раздавалось у меня в голове словно звон церковного колокола. Мне хотелось закрыть уши руками, но это бы все равно не помогло. Звук и давление были повсюду. Магия пожирала мою защиту, преследуя свою добычу.

Мои мысли начали растворяться, ускользая от меня. Он почти прорвался.

Адам Пирс, Адам Пирс, Адам Пирс...

Подвал поплыл вокруг меня. Стены стали жидкими.

Мой разум вскипел от давления. Я должна была сдаться. Мне нужно было утолить жажду чудовища чтобы спасти себя.

Я не могла предать своего клиента. Он не мог победить.

Накормить чудовище. Скормить ему какую-нибудь тайну, скрытую в моей душе так глубоко, что я поклялась никогда ее не рассказывать.

Нет, я не могу.

Магия крушила внутренние стены моего разума.

Я не могу.

Моя защита лопнула и последним усилием воли я выдала чудовищу свой самый большой секрет. Чудище схватило его и порвало в клочья. Слова полились из меня сами по себе.

— Когда мне было пятнадцать, я обнаружила письмо от нашего доктора с диагнозом папы. Папа заставил меня пообещать никому об этом не говорить. Я хранила его секрет целый год. Он умер из-за меня. Если бы я сказала маме, мы бы начали лечение на год раньше. Все из-за меня. Я не сказала. Я не рассказывала об этом никому до этого дня, потому что я трусиха.

Магия разлетелась по Акубенс Экземплар будто взрывная волна. Сияющие линии ярко запульсировали и испарились, выдохнувшись — вся их сила была растрочена на попытку выудить из меня мою тайну.

Я растянулась на полу в холодном поту. Отсутствие давления было чистейшим блаженством. Я ощутила невероятную легкость.

Чокнутый Роган подошел ко мне, осторожно ступая, и выругался.

— Сам такой, — буркнула я.

Он присел у моих ног. Как, черт побери, он вообще мог двигаться после этого? Я услышала металлический лязг. Он приподнял мою голову и что-то прижал у губам.

Я стиснула зубы.

— Это вода, упрямая идиотка, — прорычал он.

Я попыталась помотать головой, но он заставил меня открыть рот. Вода увлажнила мой язык. Я сглотнула, борясь с туманом.

Меня окутала усталость или же это было своего рода одеяло. Затем мы оказались в машине. Снаружи было темно.

Машина останавливается. Дверь машины распахивается. Чокнутый Роган меня выносит. Дверь склада. Холодный цемент.

Дверь открывается.

Мама.

Я проснулась в гостиной. Кто-то оставил включенной настольную лампу. Она светила мягким светом, и комната казалась такой уютной, с темными сине-зелеными стенами и теплыми желтыми лампами. Я закуталась в плед, которым меня кто-то укрыл. Мне и правда приснился кошмарный сон.

Я потянулась. Мышцы рук и ног свело судорогой. Ой-ой-ой.

Это не ночной кошмар. Чокнутый Роган и вправду приковывал меня в своем подвале.

Я села. Все болело. Казалось, что по спине били мешком картошки.

Вот ублюдок. Я хотела подать заявление в полицию, вот только никто мне не поверит, да и объяснить, как мне удалось устоять в его заклинании, будет очень сложно. Ладно. Я найду какой-нибудь способ поквитаться.

Голоса доносились из кухни. Мама. Расстроенная. Я прищурилась, глядя на электронные часы. 23:45. В другой раз, мы бы спорили до посинения, но сейчас было слишком поздно для разборок даже по меркам нашей семьи. Я поднялась на ноги и

поплелась на звук голосов.

Ночь прорезал мамин голос. — ...Пирс? Безответственно и глупо. Глупо, Бернард!

Понятно. Нас поймали с поличным. После того, как этот засранец выкинул меня у порога, мама прижала Берна, требуя объяснений, а он должно быть раскололся и обо всем ей рассказал.

Я вошла на кухню. Берн с угрюмым лицом сидел за столом. Рядом с ним Леон возился со стеклянным шариком, гоняя его по столу туда-сюда, и изо всех сил делая вид, что ему все до лампочки. Каталина и Арабелла сидели вместе. Каталина сидела с безучастным видом — так обычно бывало, когда между взрослыми происходили какие-нибудь терки. Арабелла же, казалось, хотела надавать кому-нибудь тумаков. Обе девочки и Леон уже должны были быть в своих кроватях. Бабуля Фрида потягивала из кружки кофе, ее глаза были красными. Я почувствовала прилив вины. Я заставила бабушку плакать.

— Не могу в это поверить, — фыркнула мама.

— Перестань на него кричать, — сказала я. — Это моя вина.

Мама обернулась и мы впились взглядами друг в друга.

— Завтра ты отправишься в «МРМ», — процедила она. Ее голос был тихим, но в нем звенела стальная нотка. — Ты скажешь им, что отказываешься от этой работы.

Я собралась с духом. Я знала, что рано или поздно этот момент настанет, и с ужасом его ожидала. — Нет.

Мама расправила плечи. — Ладно. Тогда это сделаю я.

Мама потеряла лицензию четыре года назад. В этом она винила себя. Если что-нибудь случится со мной, она тоже будет винить себя. Этого я не хотела. Я не хотела будоражить по новой всю ту вину и сердечную боль, поэтому постаралась говорить как можно спокойнее.

— У тебя нет прав говорить от имени фирмы. Агентство оформлено на мое имя.

Кухня погрузилась в такую тишину, что можно было услышать малейший шорох. Глаза Каталины стали как два блюдечка.

Мамино лицо превратилось в холодную, равнодушную маску.

— Это мое решение, — сказала я. — У меня одной есть лицензия. Мы будем отслеживать Пирса.

— Как ты собираешься его удержать?

— Мне нужно его удерживать. Я встречалась с ним и теперь уговариваю его сдать.

— Ты уверена, что это сработает? — спросила мама. — Потому что ты выглядела полумертвой, когда я нашла тебя на пороге.

— Это был не Адам Пирс. Это был Чокнутый Роган.

Мама отпрянула. Леон издал задушенный смешок.

— Я думал, он не в деле, — сказал Берн.

— В деле. Видимо, его заботит кузина.

— Ты выжила из ума? — голос мамы сорвался, и она всхлипнула. — Ты хоть понимаешь, с каким огнем играешь?

— Понимаю.

— Это всего лишь деньги.

— Это не только деньги. — Мой голос взлетел. — Это наша семья. Я не позволю им вышвырнуть нас только потому, что им так хочется. Я не позволю им сорвать нас с насиженного места. Они до нас не доберутся.

— Невада!

— Да, мама?

— Мы можем начать сначала!

— И сколько на это уйдет времени? Без оборудования, без дома, без нашей клиентской базы? Ты же знаешь, что большинство заказов приходят к нам через сарафанное радио, когда люди рекомендуют Детективное Агентство Бейлор. «МРМ» заберет наше имя. Когда наш телефон и веб-сайт отключат, люди решат, что мы закрылись и съехали. Нам понадобятся годы, чтобы восстановиться. Мой ответ: нет.

— Это не стоит твоей жизни! — рявкнула мама. — Если ты делаешь это из-за какого-то ошибочного обязательства перед отцом...

— Я делаю это ради нас и ради себя. Когда я взяла управление в свои руки, бизнес был на пороге закрытия. Я отстроила это агентство на фундаменте, который заложили вы с папой. Теперь это мой бизнес, потому что я шесть лет из кожи вон лезла, чтобы он заработал. Я принесла себя ему в жертву, и я его люблю. Я люблю свое дело. Я люблю нашу жизнь. Работа приносит мне радость, и я хорошо ее знаю, и никто — ни ты, ни бабушка, ни «МРМ» или Пирс, или Чокнутый Роган не отберут ее у меня!

Я осознала, что кричу, и закрыла рукой рот.

Шок отразился на мамином лице. Дети замерли, боясь шелохнуться. Берн хлопал глазами.

Бабуля Фрида звякнула чашкой, поставив ее на стол. — Что ж, она твоя дочь.

Мама развернулась и вышла из комнаты.

Я посмотрела на детей.

— В кровать. Живо.

Они ушли.

Берн поднялся.

— Я тоже пойду.

Я села рядом с бабушкой. На душе скребли кошки. Ссориться с мамой всегда было тяжело. Раньше она сводила меня с ума. Я могла орать, а она гнула свою линию, используя совершенные, веские аргументы. Только когда я выросла, я осознала, насколько хрупкой она была.

Бабуля покосилась на меня. — Выглядишь паршиво.

— Чокнутый Роган накачал меня снотворным, похитил и приковал в своем подвале, а затем попытался выудить из меня информацию с помощью заклинания.

Бабуля Фрида моргнула. — Он получил, что хотел?

— Нет. Я разрушила заклинание.

Бабуля Фрида заглянула в свою чашку. — Твоя мать это переживет. Она знала, что рано или поздно с тобой будет бесполезно спорить. Черт, будь это не так, я бы заставила тебя проверить голову. Твоя мать выживала в той земляной дыре в течение двух месяцев. Она куда более стойкая, чем ты думаешь.

От этого мне не стало ни капельки легче. — Бабуля...

— Да?

— Когда ты сказала, что знаешь кого-то, кто может установить шокеры — ты говорила правду или просто меня разыгрывала?

Бабушка Фрида поставила чашку назад.

— Ты ведь не серьезно, правда?

— Иначе я бы не спрашивала.

— Так плохо?

Меня и раньше избивали, и даже подстреливали четыре раза. Но случившееся сегодня взволновало меня не на шутку. — Когда я ввязываюсь в драку, я знаю, что могу дать сдачи. Когда в меня стреляют, я могу выстрелить в ответ. Но с ним... — подбирая нужные слова, я невольно сжала руки в кулаки. — У меня не было шансов. Его магия была огромна. Я почувствовала ее, когда он меня атаковал. Это было все равно, что смотреть в космосе на взрыв сверхновой. Я ощутила себя беспомощной. Уязвимой. Что бы я ни сделала, на нем не осталось бы и царапины.

Бабуля вздохнула.

Он мог меня убить. Он мог отрезать мне голову, пока я была связана, и я никак не смогла бы ему помешать. Я спохватилась, чтобы не сболтнуть бабушке чего-нибудь лишнего. — Мне необходим шанс на победу в схватке.

— Ты можешь ее избежать.

Я покачала головой. — Нет. Не теперь. Возможно, до того, как он на меня напал, но точно не теперь.

— Ты должна быть твердо в этом уверена, дорогая. Как только их установят, они останутся с тобой на всю жизнь.

— Какова вероятность того, что это меня убьет?

— Меньше одного процента срачиваний происходит со сбоем, но если их будет устанавливать Макаров, тебе не о чем волноваться. Но установка — не самая большая из твоих проблем. Чего не скажешь об использовании этих паршивцев. Ошибешься — и ты не жилец.

— Тогда я уверена. — Когда Чокнутый Роган снова надумает возникнуть рядом со мной, его будет ждать сюрприз.

— Дай-ка мне сделать звонок. — Бабушка поднялась.

Я встала и пошла искать маму.

Я проверила зал, гостиную и тайную комнату, которая была гостевой спальней, но превратилась в комнату для сиделок. Я проверила дверь в мамину спальню и обнаружила, что та заперта. Зов «Мама...» грустным примирительным голосом не сработал. Я сдалась и направилась в свою спальню.

Когда я выбирала место для спальни, то хотела уединения. Лет семь назад было время, когда я не могла отделаться от сестер, как бы ни пыталась. Когда мы переехали на склад, родители приняли это в расчет и построили мне маленькую комнатку под самой крышей. Моя спальня и ванная находились над складом, поверх двух кладовок. Спальня выходила на улицу, а ванная, вместе с той же стеной, была прямо напротив разделительной стены, изолирующей наше жилое пространство от бабушкиного гаража. Деревянная лестница вела на площадку, соединенную с моей мансардой устойчивой складной лестницей. Если я хотела, то могла сложить верхние десять ступенек, делая свою спальню недосягаемой.

Я взобралась по лестнице и включила свет. Вообще-то, на складе не было окон, но когда мы располагали спальни, по желанию одно окно могли установить. На самом деле, я хотел два окна — одно в ванной комнате, выходящее на бабушкин гараж, так, чтобы выглянув в него, я могла видеть черный вход, — и одно в спальне, во всю длину комнаты, чтобы лежа на кровати, я могла видеть из своего окна город.

Город также мог смотреть на меня, поэтому я потратилась на жалюзи плиссе в дополнение к двойным шторам: одни белые и просвечивающие, другие — белые и

светонепроницаемые. Я оставила жалюзи поднятыми, а шторы открытыми, и ночь раскинулась за окном во всем своем темном великолепии. Если бы у меня все еще была сетка, я бы распахнула окно и впустила ночь. Но я случайно выдавила ее, когда мыла окно месяц назад, а получить её обратно в тот конкретный момент оказалось слишком сложно. Если бы я сейчас открыла окно, я бы впустила ночь и рой комаров.

Итак, я шантажировала механика; опять назвала своего работодателя (который наверняка был Превосходным) ужасным человеком; встретила с Превосходным пирокинетиком и была похищена Превосходным телекинетиком; поссорилась с мамой и приняла решение имплантировать себе в руки оружие, которое может меня убить. Ну и денек выдался. С Превосходными явный перебор.

Я чувствовала себя усталой и изношенной, словно сегодняшней день протер во мне дыры. Я не хотела ни о чем думать — особенно о том, что я выдала, чтобы разрушить заклинание Рогана. Я просто хотела забыться и отправиться спать. У меня был пузырек снотворных таблеток в аптечке, но от них у меня были кошмары.

Поверить не могу, что я была увлечена его глазами. Поверить не могу, что считала его горячим, наблюдая, как он идет ко мне. Я должна была тут же сообразить, что он сулит мне неприятности. Мужчина вроде него не станет просто так прогуливаться по ботаническому саду. Я видела тигра с горящими глазами и клыками величиной с палец, но вместо того, чтобы бежать, сидела и любовалась его красотой, пока не подобрался достаточно близко для броска.

Что-то отскочило от моего окна. Я дернулась назад. Слишком маленькое для летучей мыши. Слишком поздно для птиц. Что это за...

Я открыла окно и распахнула его настежь. С улицы в меня полетел маленький фаербол. Я отскочила назад, врезавшись в книжные полки в шести футах позади меня.

Фаербол приземлился на мой ковер, все еще горя. Ааа! Я отбросила его ногой через спальню в ванную, на плитку. Затем кинулась следом, распахнула дверь в душевую кабину и, схватив лейку душа, залила пламя.

Обугленный теннисный мяч.

Ну разве это не мило? Я вытащила из ящика ножницы, наколола на них мяч и промаршировала со своим трофеем к окну. Внизу на улице стоял Адам Пирс.

Я вышвырнула теннисный мяч в окно и тот приземлился на асфальт.

— Да что с тобой, черт побери? Ты пытаешься меня убить?

— Если бы я пытался тебя убить, ты бы это поняла. Спускайся поговорить.

— Сейчас час ночи.

— Два вообще-то, но какая разница. — Он помахал мне. — Спускайся. Я кое-что тебе покажу.

Идти или не идти? Если я пойду, то он решит, что стоит ему сказать «Прыгай!», как я прыгну. Но если я не пойду, а он вдруг решит сдаться, я буду кусать себе локти, если упущу такую возможность. Нужно быстро принять решение. Если мама увидит его в ее нынешнем состоянии, то тут же его пристрелит. Боже, только этого мне сейчас и не хватало. Уфф.

— Вон там за стеной дерево. — Я указала на старый дуб за четырехфутовой каменной стеной. — Жди меня под ним.

Он выставил ногу вперед и отвесил размашистый поклон. — Да, миледи.

Я слезла вниз, схватила ключи на случай, если кто-то решит запереть меня, и направилась прямо к дереву. Я перепрыгнула через стену. Он ждал там, где я сказала ему,

рядом с деревом, отгороженный от дома массивным стволом. Его мотоцикл был прислонен к стене. Я подошла и села рядом с ним на мульчу у дерева.

Он ухмыльнулся.

— Почему здесь? Боишься, что твоя мать увидит меня?

— Боюсь, что она тебя пристрелит. В настоящий момент ты у нее в немилости.

— Прямо так, да?

— Прямо так.

Он уставился на мое лицо, подобрал упавшую ветку и поднял ее вверх. Ветка загорелась ярко-оранжевым пламенем.

— Что с тобой случилось? Ты ужасно выглядишь.

— Я боролась с конкурентом, и он был не слишком любезен.

— Я популярен, что тут скажешь.

Пламя исчезло и он сдул пепел с пальцев.

— Да, давай ты все решишь.

Он удивился.

— Ты пришел, чтобы сдать? — Спросила я.

— Нет.

Я вздохнула.

— Что заставит тебя прозреть?

— Я не знаю. — Он пожал плечами и ухмыльнулся. — Попробуй переспать со мной.

Это могло бы убедить меня.

Он что, подкатывал ко мне? Похоже на то.

— Нет, спасибо.

Он откинулся на локоть, так что черные кожаные штаны обтянули ноги, и улыбнулся. Это была его знаменитая “призывная” улыбка, та, которую СМИ любят тиражировать. Улыбка, которую ни одна женщина, вышедшая из детского возраста, не смогла бы проигнорировать. Она обещала дикие, порочные и жаркие вещи. Она, вероятно, почти не давала осечек. Что ж, его ждет сюрприз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Если тебе действительно невтерпех, я могу познакомить тебя со своей бабушкой. Она твоя фанатка.

Адам моргнул.

— Обычно она не спит с симпатичными молодыми парнями, но в твоём случае сделает исключение. Ты мог бы даже научиться у нее паре фокусов.

Он наконец вернул себе способность говорить.

— Твоя бабушка?

Я кивнула.

Он рассмеялся. — Что ж, по крайней мере, она бы умерла счастливой.

— Не льсти себе.

— Это не лесть. Это факт. — Он наклонился ко мне. — Я могу воспламенить твои простыни.

В этом я не сомневалась. — И меня за компанию?

— Поцелуй меня и узнаешь.

Нет, спасибо. — Твоя семья переживает за тебя.

— Ты забавная. Мне нравятся забавы. Я люблю новое и интересное. Я говорил, что у

тебя страстный голос, Невада?

То как он произнес мое имя было почти неприличным. Он не мог бы сделать это более приглашающим, даже если бы разделся предо мной.

— Когда ты говоришь, это заставляет меня думать о забавных вещах, которые я могу сделать для тебя. С тобой.

Да это комплимент.

— Твоя кожа словно мед. Интересно, какая ты на вкус.

Горькая и уставшая. — Угу.

Он протянул руку и коснулся пряди моих волос. Я отпрянула назад. — Я не давала тебе права меня трогать.

— А как мне его получить?

Перестать быть испорченным, эгоистичным мальчишкой.

— Только если я влюблюсь в тебя.

Он остановился. — Влюбишься. Ты серьезно?

— Да. — Это заставит его прикусить язык.

— Сейчас что, шестнадцатый век? Может, мне тебе еще сонет написать?

— А это будет хороший сонет?

Он откинулся на траву и провел пальцем по экрану телефона. — Посмотри вот это.

Экран побелел. Бледный фон рассыпался, разбиваясь на отдельные куски и сплетаясь в сложный узор. На экране появилась женщина. Она была зрелой, вероятно за пятьдесят, но было трудно определить ее истинный возраст. Темно-синий деловой костюм облегал тонкую, как тростинка, фигуру. У нее был искусный макияж, а волосы стильно уложены в свободную, но в тоже время официальную прическу. Сердцевидное лицо, большие темные глаза и узкий нос выдавали ее. Я смотрела на Кристину Пирс.

— Я получил сообщение от матери, — сказал Адам. — Отправленное на мой личный адрес из публичного места и закодированное при помощи семейного шифрования.

Он нажал «играть». Кристина Пирс ожила.

— У меня есть самолет, готовый увезти тебя в Бразилию, — сказала он. В ее голосе был намек на джорджийский акцент, но в нем не было никакой мягкости. — В этой стране нет закона об экстрадиции. Это дом. — Изображение Кристины сменилось особняком: белые стены, тропические растения и бесконечный бассейн, темно-синие силуэты на светло-голубом фоне океана. Кристина возникла вновь. — Пока тебя не будет, кто-то другой возьмет вину на себя. Ты сможешь вернуться самое меньшее через год и начать все с чистого листа, получив море публичной поддержки и симпатии из-за ложного обвинения. Год в раю, Адам, с учетом всех твоих пожеланий. Даю тебе слово, что ты ни минуты не проведешь в тюрьме. Подумай об этом.

Я просила у Августина подтверждения. Дом Пирсов повиновался.

— Мать говорит, что любит меня. — Пирс разглядывал ее изображение. — Любовь это контроль. Люди говорят, что любят тебя, когда хотят управлять твоей жизнью. Они загоняют тебя в удобные для них рамки, а когда ты пытаешься сбежать, связывают тебя по рукам и ногам чувством вины. Моя семья осознала это еще много лет назад. Мы женимся и размножаемся ради выгоды больше столетия. Без всякой любви.

— Я этого не понимаю.

— Единственная причина, по которой ты сидишь под этим деревом — это потому, что моя мать нагнула Монтгомери, а он нагнул тебя, угрожая твоей семье. Если бы не угроза

потери дома, ты бы взялась за эту работу?

— Вряд ли. Но в конце концов, это был мой выбор.

— Зачем? Ты ничего им не должна. Ты не просила тебя рожать. Они притащили тебя в этот мир, орущую и брыкающуюся, а теперь ждут от тебя подчинения. Знаешь что — да пошли они все.

Ты не просила тебя рожать... В каком-то роде он все еще оставался пятнадцатилетним внутри, и таким же переменчивым, как и огонь, который он создавал.

— Слушай, у тебя хотя бы есть родители, — сказала я. — Мой папа умер и уже ничто не сможет его вернуть обратно.

Он склонил голову набок. — Какого это?

— До сих пор больно. Он так долго был в моей жизни, а теперь его там нет. Мама любит меня. Она все для меня сделает. Но отец был тем, кто меня понимал. Он понимал, почему я поступала так, а не иначе. Мы так отчаянно пытались сохранить ему жизнь, но он все-таки умер, и наш мир рухнул. Я была старше, но мои сестры были маленькими, и для них это было очень тяжело.

Адам пожал плечами. — У меня есть отец. Но никогда не было папы. Только прилежный родитель. Если мама поясняла ему, что нужно посетить футбольный матч или фортепианный концерт, то он непременно там появлялся. Он там был, но не участвовал. Я не знаю, что он любит, но точно знаю, что ему нравятся деньги. Мой старший брат работает на компанию. Другой брат — в армии, выстраивает столь жизненно важные деловые связи. Отец общается с ними обоими. Он начинает интересоваться жизнью своих детей, только когда те начинают приносить деньги. До этого времени мы принадлежим матери.

— По крайней мере, она хотя бы за тебя переживает. Она должна тебя любить.

— Она мне потакает. Есть разница. Потакание подразумевает молчаливое неодобрение. Дом преуспевает. Ее профессиональная жизнь успешна; с IQ 148 она может выполнять работу даже во сне. Наши финансы стабильны, а отец никогда не опозорит семью. Я ее повод проявлять эмоции. Каждый раз, когда я делаю что-нибудь, что потрясает их дворец, она может захватить львиную долю внимания, устраивая драму. Если бы не я, на что ей жаловаться? Я поставил себе целью быть разочарованием как можно чаще.

Ух ты.

— А тебе как-нибудь случайно не приходилось оправдывать их ожидания?

— Я ходил в колледж. Когда я поступил на магистра, то осознал, что этого никогда не будет достаточно. Всю мою жизнь Дом будет ожидать, что я стану взбираться по лестнице их ожиданий. Получу степень. Заработаю денег. Женюсь по расчету. Произведу на свет умных, магически одаренных детей. Заработаю еще больше денег. Они управляли мной двадцать четыре года. Большего они не получают. — Адам наклонился ко мне. — Послушай, всему есть предел, о сестрах и родителях можно заботиться, когда тебе пять. Я даю тебе шанс стать свободной. Пошли их всех и отправляйся со мной.

Я познакомилась с беглым преступником, который любит сжигать людей. Пойдем со мной, чтобы мы могли заняться жарким сексом, в то время как весь город пытается прострелить мне башку. Если я заскучаю, то поджарю тебя для развлечения. Ага, сейчас, только туфли натяну.

— Это плохая идея.

— А если я притворюсь, что влюблен? — Адам щелкнул пальцами и крохотный огонек вспыхнул над его рукой. Он поднес его словно свечу, к моему лицу. Его глаза, обрамленные

густыми ресницами, были такими темными, что превратились в два бездонных озера. — Я обещаю, что никто нас не найдет. Копы могут искать хоть тысячу лет и все равно им меня не найти.

Он в самом деле настаивал на всей этой давай-вместе-сбежим-фигне. Я прикинулась дурочкой.

— Ты ведь обманываешь меня?

— Я? Нет.

Ложь. Он солгал мне. Почему?

— Я правда заведен, в смысле, влюблен в тебя.

Что ж, та часть про вождение была правдой. Мне нужно действовать хладнокровно.

— Ты позволишь мне себя сдать?

— Я подумываю об этом.

Ложь. Что б тебя.

— Невада, — промурлыкал он. — Ну же, солнечная девочка. Повеселись немного.

Мне вспомнились слова Корнелиуса. Адам получает желаемое, а если вы скажите ему нет, он причинит вам боль. Он хочет признания. Он хочет быть уверенным в своей особенности. Если я тут же его отвергну, горечь отторжения в ту же секунду превратится в ненависть. Я должна была уговорить его сдаться и при этом не закончить, как тот охранник из банка.

— Забудь о своей семье — бросай все и бежим со мной. Мы улетим прочь.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку. — Не сегодня. Может, в другой раз, если я отращу крылья.

Я встала и направилась к складу.

— Они тянут тебя вниз, и ты позволяешь им, — окликнул он меня.

— Постарайся, чтобы тебя не убили. Адам, — сказала я через плечо. — Я все еще собираюсь тебя сдать.

Глава 6

Чокнутый Роган и я стояли на краю утеса. Под нами земля находилась так далеко внизу, что казалось, будто сама планета заканчивалась у наших ног. Ветер трепал мои волосы. Он был снова одет в те самые темные штаны и ничего больше. Его торс бугрился мускулами, наполненными непреодолимой, почти дикой силой. Не бессмысленной жестокостью головореза или грубой силой животного, а разумной, норовистой силой человека. Она была повсюду: в линии его широких плеч, в повороте головы на мускулистой шее, в чертах квадратной челюсти. Он повернулся ко мне, и все его тело напряглось, мускулы заходили ходуном, руки были готовы хватать и крушить, глаза были настороже, ничего не упуская из виду, светясь ярко-голубыми проблесками магии. Я могла представить, как он берет меч, и именно с таким выражением лица в одиночку идет по подъемному мосту, чтобы защитить свой замок от орды захватчиков.

Он вселял ужас, а мне хотелось провести руками по его груди и почувствовать твердые кубики его пресса. Я была еще той идиоткой. В нем бурлила магия, свирепая и живая, ручной монстр с хищными зубами. Он направился ко мне, неся ее с собой.

- Расскажи мне об Адаме Пирсе.

Я протянула руку и коснулась его груди. Его кожа была обжигающе горячей. Мускулы напряглись под моими пальцами и меня пронзила дрожь нетерпения. Мне хотелось

прижаться к его груди и поцеловать его снизу в подбородок, ощущая вкус пота на языке. Я хотела, чтобы ему это нравилось.

— Что случилось с мальчиком? — спросила я. — Мальчиком, что разрушил город в Мексике? Он все еще внутри?

— Невада! — голос мамы рассек мои грёзы будто нож.

Я села у себя в кровати.

Так. То ли у меня совсем шарики за ролики заехали, то ли Чокнутый Роган был сильным проектором и мог внушать картинки напрямую в мои мысли. И так, и так плохо. Что случилось с мальчиком... пора проверить голову.

— Нева?

— Встаю. — Я выскочила из кровати и распахнула дверь. На пороге стояла мама.

- Твоя бабушка привела своего специалиста. Ты уверена, что хочешь через это пройти?

Я подняла подбородок.

— Да.

— Зачем?

— Ты бы отправилась на войну без оружия?

— А сейчас война, Невада?

Я села на лестницу.

— Ладно, ты была права. Это лишь отчасти связано с папой, а в основном касается сохранения крыши у нас над головой. Это наш дом. Ради него я готова пойти на что угодно. Я договорилась с «МРМ», что в случае моей смерти, вы выкупите название агентства за один доллар.

Ее лицо исказилось.

- Для меня это не важно, Невада. Милая, мне все равно. Я лишь хочу, чтобы с тобой все было в порядке. Ничего из этого не стоит твоей жизни. Я думала, мы были командой.

— Мы и остаемся командой.

— Но ты не рассказала мне. И заставила Берна тебя покрывать.

Я села на ступеньки.

- Я не рассказала тебе, потому что ты поступила бы точно так же, как вчера вечером. Ты бы приказала мне этого не делать. Мы команда, но ты моя мама. Ты сделаешь что угодно, чтобы уберечь меня, но пришло время, когда мне решать — оставаться в безопасности или нет.

Мама немного поразмыслила над этим.

— Ладно. Время пришло.

— Он приходил сюда прошлой ночью, — сказала я. — Адам Пирс.

— Сюда?

Я кивнула.

— Что он хотел?

— Он хотел, чтобы я пошла с ним. Он играет со мной, и я пока не знаю, в чем состоит его игра. Нужно проверить, чтобы сигнализация была включена каждую ночь. Я ему не доверяю. — Я растерла лицо руками. — Теперь я крепко влипла во всю эту историю.

— По собственному выбору, — заметила мама.

— Разве это имеет значение? Не думаю, что могла бы избежать этого, даже если бы захотела. Мам, я даже не могу... Чокнутый Роган был... — Я подняла руки, пытаюсь подобрать правильные слова.

— Как противостоять урагану, — подсказала мама.

— Да. Вроде того. Я просто хочу играть на равных. Я люблю тебя. Пожалуйста, не злись на меня.

— Я тоже тебя люблю. Если ты считаешь, что тебе нужно играть на равных, то пусть будет так. Ты взрослая. Это твой выбор. Но у меня с этим будут проблемы. Со всем этим.

Она ушла. Отлично. Она все еще на меня злилась.

Я нашла бабушку и ее «специалиста» в гаражной части склада. Макаров оказался на редкость подтянутым мужчиной немного за шестьдесят, начинающий лысеть, с коротко подстриженными серебристыми волосами. Он сидел на складном стуле и разговаривал с бабушкой, поставив рядом с собой массивный металлический ящик, размером примерно два на два фута, пока темноволосый мужчина моего возраста, выглядевший его точной копией лет сорок назад, ожидал поблизости.

Бабуля заметила меня и махнула мне рукой.

— Значит, это наш кандидат. — Голос Макарова был приправлен сочным русским акцентом. — Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— Рост?

— Пять футов пять дюймов.(168 см)

— Вес?

— Сто тридцать фунтов.(59 кг)

— Проблемы с сердцем?

— Нет.

— Давление, мигрени, что-нибудь подобное?

— Иногда у меня бывают головные боли, но мигрени случаются редко. Наверное, раз в полгода или около того.

Макаров кивнул, оценивая меня умными зелеными глазами. Он постучал по ящику ногой.

- Это мурена, вот только не рыба. Кто-то говорит растение, кто-то — животное, но весьма примитивное. Это нечто. Мы зовем ее муреной из-за того, что она делает. Мурена прячется в своем логове так, что ты никогда о ней не догадаешься. Она тихо сидит под водой, пока мимо не проплывет рыбка, а затем паф! — Он схватил рукой пригоршню воздуха. — Она бросается и кусает рыбу. Внутри глотки у нее есть вторая пасть, и эта пасть выстреливает наружу, впиваясь в рыбу крючковатыми зубами. — Макаров загреб воздух, изображая пальцами когти.

До этого я не нервничала. Но усилия Макарова не прошли даром.

— Вот как все будет. Снаружи ничего не видно. Проходишь через любой детектор. А затем паф!

— «Паф!» звучит не плохо. — Вроде того.

— Теперь недостатки. Мелким шрифтом. — Макаров подался вперед. — Во-первых, никто не знает, чем именно эта хрень является. Мы залезли в магию и вытащили их наружу, и никто на планете не сможет сказать, что они такое, и откуда взялись. Мы не знаем долгосрочных последствий. Мы только знаем, что имплантируем их вот уже три поколения, и пока ничего. У меня они тоже есть. Я не слышу голосов и не испытываю желаний убивать людей. Но всегда есть такая вероятность.

— Я смогу с этим жить.

— Во-вторых, один кандидат из ста двенадцати отторгает мурену. И не всегда с этим справляется. Поэтому здесь Женя. — Он кивнул на блондина. — Он опытный парамедик. Не если твое сердце остановится — то оно остановится. Эх. — Он развел руками.

«Эх» было не той реакцией, которую я ожидала.

— В-третьих, способ их работы. Мурена питается твоей энергией. Ты должна заряжать их своей магией. И это будет больно. Просто чертовски больно. Но когда ты коснешься кого-то, ему будет в сто раз больнее. — Он ухмыльнулся. — Но если сделаешь так несколько раз подряд, то увидишь как перед глазами плавают красные штуковины. Их называют светлячками. Так твое тело будет просить тебя остановиться. Сделаешь так снова — вены в твоей голове взорвутся, — он издал резкий звук, чиркнув большим пальцем себе по шее, — и девять-один-один можно уже не беспокоить. Ты умрешь прямо на месте.

— Как я смогу их зарядить?

— Это мысленно. Я покажу тебе, как только мы их установим.

— Что произойдет, когда я шокирую кого-нибудь?

Макаров сощурил глаза.

— Зависит от того, какой силой ты обладаешь и насколько сильно хочешь ему навредить. Ты сама их контролируешь. Они сертифицированы, как нелетальное оружие и предназначены для коррекции поведения, а не прямой самообороны. Любой кандидат вплоть до Заметного магического ранга вполне безопасен. Ты шокируешь плохого парня, он прекращает свой беспредел, катается по земле, пока ты пинаешь его по ребрам, но в итоге вы оба расходитесь по домам. Значительные маги известны тем, что могут вызывать у людей конвульсии.

— А как насчет Превосходных? — раздался голос мамы.

Я едва не подпрыгнула. Я не слышала, как она вошла.

— Насколько мне известно, ни у одного Превосходного их нет. Превосходные в них не нуждаются. У них есть их собственная магия, и они заняты ее применением, а не прогоном новобранцев через учебный лагерь или возней с магами на поле боя. — Макаров посмотрел на мою маму. — Давненько не виделись, сержант первого класса. Как нога?

— Все еще на месте, старший сержант.

Он кивнул. — Рад слышать.

— Если убьешь мою дочь, живым отсюда не выйдешь, — сказала мама.

— Приму это к сведению. — Макаров повернулся ко мне. — Так да или нет?

— Сколько это будет нам стоить? — спросила я.

— Это между мной и твоей бабушкой. Я задолжал ей услугу.

Я сделала глубокий вдох.

- Да.

Макаров встал и вытащил маркер из кармана.

— Хорошо. Ты ела?

— Нет.

— Даже лучше.

Тридцать минут спустя каждый дюйм моих рук покрывали тайные знаки. Женя замерил мои жизненные показатели, затем притащил большое кресло, и они с Макаровым меня к нему привязали.

— Будет больно?

— Можешь не сомневаться.

У старшего сержанта был отвратительный подход к клиентам. Он вытащил коробок кошерной соли из Жениной сумки и насыпал простой круг вокруг стула.

— На всякий случай.

— На случай чего?

— На случай, если мурены взбесятся. — Он поставил металлическую коробку в круг соли, вставил в замок большой, старомодный ключ, и со щелчком отомкнул его. Воздух наполнил легкий запах корицы.

Ящик раскрылся. Макаров рывкнул что-то на языке, которого я не понимала. Его левая рука загорелась голубым, словно ее окутал сияющий, прозрачный свет. Пальцы вытянулись, костяшки стали больше и выразительнее. Поверх ногтей выскользнули когти. Он полез в ящик своей новой демонической рукой и выудил оттуда тонкую ленту бледно-зеленого света. У нее не было ни ног, ни головы, ни хвоста. Просто полоска света дюймов в семь длиной и дюйм шириной. Она затрепыхалась в его кулаке.

Макаров принялся что-то бормотать, поднося ее поближе.

Может быть, это не такая хорошая идея.

Макаров шлепнул свет на мое обнаженное предплечье, прямо между глифов на коже. Ощущение было как от кипящего масла. Я закричала. Свет выпустил щупальцеподобные корни и вгрызся в мою кожу. Боль пронзила меня, словно скальпель, облитый кислотой. Я боролась с ним, но он прорывал себе дорогу под мою кожу, в мою плоть, погружаясь все глубже и глубже. Я задержалась на стуле, пытаюсь сбросить его с себя. Если бы я только могла освободить руку, то тут же выдрала бы его из себя.

Мама отвернулась, ее лицо исказилось от боли.

Боль изнутри опалила руку, вырвав новый крик. Магия сжимала тело. Мне казалось, что слон уселся мне на грудь. Я продолжала кричать до тех пор, пока он, наконец, не проскользнул в кость и не успокоился там. Обессиленная, я обмякла на стуле.

Боль утихла. У меня на лбу выступил пот.

Макаров поднял мой подборок своей правой, человеческой рукой, и заглянул мне в глаза.

— Жива?

— Жива, — прохрипела я.

— Хорошо. Теперь правая рука.

Казалось, прошла вечность, прежде чем они отвязали меня. Знаки на коже исчезли, словно поглощенные магией. Руки все еще болели, как будто я сделала слишком много отжиманий или носила что-то очень тяжелое днем раньше, но боль была ничтожной по сравнению с той, что была в начале. Подобное я чувствую каждый день.

— А теперь проведем маленькую демонстрацию. — Макаров махнул Жене. Блондин подошел и встал рядом со мной.

— Представь силу, перетекающую от плеча в правую руку.

Я представила волну зеленого света, скользящую по моей руке в кулак.

— Подожди. Первый раз всегда занимает чуть больше времени.

Я стояла, представляя густое сияние и чувствуя себя по-дурацки.

Что-то изменилось внутри моей руки. Снаружи ничего не происходило, но я почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев.

— Готова? — спросил Макаров.

— Да.

— А теперь ласково похлопай Женю по плечу.

Я потянулась и схватила Женю за плечо. Ослепляющая боль пронзила мою руку, ударив прямо в грудь. Крошечные разряды молний заплясали по моим рукам, пронизывая кожу. У Жени закатились глаза. Боль обрушилась на меня, и я согнулась пополам. Гул раскатился по моему черепу, отдавая в зубы. Ауч.

Макаров оттолкнул меня в сторону. Я отступила, и Женя рухнул на пол. Из его рта повалила густая белая пена, а ноги беспорядочно замолотили пол. Только не это. Макаров упал на колени и сунул свою демоническую руку прямо в грудь Жени. Конвульсии замедлились. Медленно, Макаров извлек свои когтистые пальцы. Женя открыл глаза.

— Живой-то, герой? — спросил Макаров. Блондин кивнул. Макаров повернулся ко мне, посмотрел на мое лицо, затем повернулся к Фриде.

- Мне нужно с тобой поговорить.

Они отошли на другой конец склада. Я достала Жене бутылку воды из бабулиного холодильника и усадила его так, чтобы он мог пить.

— Мне очень жаль.

— Ничего страшного. — Он взял бутылку и отпил из нее длинными, жадными глотками. — Только жжет немного. Я просто полежу тут пару минут. — Женя лег обратно.

Напротив нас Макаров с бабулей Фридой о чем-то спорили. Макаров указывал на меня. Я вытянула шею, пытаюсь подслушать. Что-то вроде «нужно было мне сказать».

Макаров сделал невозмутимое лицо и направился ко мне. Бабушка потопала за ним. Русский сократил дистанцию между нами.

- Слушай сюда и слушай внимательно. Не используй их ни на ком, слабее значительного уровня, поняла меня? Ты можешь убить кого-нибудь, а я не хочу, чтобы их души были на моей совести.

Он подобрал свой ящик и вышел вон. Женя поднялся на ноги и последовал за ним.

Бабуля Фрида проводила его взглядом, скрестив руки на груди.

— Что происходит? — спросила мама.

Бабуля Фрида покачала головой.

- Чокнутые русские. Не обращайтесь внимания. Просто будь осторожна с шокерами, Нева. Мои зубы все еще ныли.

— Я и не планировала оглушать ими случайных людей на улице.

Мой телефон зазвонил на столе. Я никогда не уходила далеко без него, даже в доме. Я взяла трубку. Незнакомый номер. Какая прелесть.

— Невада Бейлор.

— Мне нужно с тобой поговорить, — произнес Чокнутый Роган по телефону. — Встретимся за обедом.

Мой пульс участился, тело вытянулось в струнку, а мозг на мгновение отказал, пытаюсь справиться с воздействием его голоса. Я бы вlepила себе пощечину — вот только мама с бабушкой и так уже считали меня свихнувшейся, а причинение себе вреда только укрепило бы их мнение.

— Конечно, дай только подумать. — Эй, а мой голос все еще работает. — Мне стоит захватить в этот раз свои наручники? Или у тебя более масштабные планы, вроде извращенных ролевых игр (откуда я вообще взяла эти ролевые игры?) — где в итоге я окажусь порезанной на мелкие кусочки в каком-то холодильнике? Я могу прямо сейчас разmozжить себе голову из пистолета и сэкономить тебе кучу времени.

— Ты закончила? — спросил он.

— Только начала. — По телефону я была даже слишком смелой.

— Обед, мисс Бейлор. Сосредоточьтесь. Выберите место.

— Кажется, у тебя создалось впечатление, будто я на тебя работаю, и ты можешь раздавать мне приказы. Давай я это исправлю, — я нажала кнопку отбоя.

Бабуля посмотрела на маму.

-Она только что бросила трубку, разговаривая с Чокнутым Роганом?

— Да, бросила. Ты знала, что прошлой ночью к нашему дому приходил Адам Пирс?

Бабуля округлила глаза.

- Он был здесь?

— Она встречалась с ним на улице.

Бабуля повернулась ко мне.

- Ты сделала хоть одну фотку?

Мой телефон запиликал. Опять неизвестный номер. Я ответила.

— Мое терпение не бесконечно, — фыркнул Роган.

Я сбросила вызов.

— Фотографии или жизнь! — потребовала бабуля.

Я покопалась в телефоне и нашла фото Адама Пирса в мерсеровской футболке.

- Вот.

Бабуля выхватила телефон, когда тот снова зазвонил. Она ответила:

— Она тебе перезвонит. Невада, могу я скинуть себе фотку Адама на почту?

— Сначала ты должна повесить трубку.

Она сбросила вызов и застучала по телефону, печатая указательными пальцами.

— Арабелла с ума сойдет.

Мама вздохнула. Бабуля передала мне телефон.

— Держи свой мобильник.

Опять звонок.

— Да?

Его голос был тихим и отчетливым.

- Если ты опять бросишь трубку, я порежу твою машину на маленькие кусочки и развешу их у тебя на крыше как рождественскую гирлянду.

— Во-первых, уничтожение моей собственности — это преступление, точно так же, как и мое похищение. Во-вторых, каким образом превращение моей машины в фарш должно убедить меня с тобой пообедать? В-третьих, только попробуй тронуть мою машину, и я прострелю тебе башку. Сможешь ли ты отразить пули, если не знаешь об их приближении?

— Я пытаюсь быть терпеливым, — произнес он. — Приходи на обед и мы сможем обменяться информацией или...

— Или что? Мои мама с бабушкой сейчас рядом. Мне дать им трубку, чтобы ты мог лично поугрожать им страшной расправой, если я не явлюсь на обед?

— От этого будет толк?

— Вряд ли.

— Что заставит тебя почувствовать себя в безопасности?

— Не мешало бы начать с извинений.

— Приношу извинения за твое похищение. Обещаю не похищать тебя до, во время, или после обеда. Это деловая встреча. Где тебе было бы удобно со мной встретиться?

Удобно? Воспоминания о его магии все еще прожигали мне мозг. Нельзя чувствовать себе комфортно, когда речь заходит о Рогане. Я могла бы встретиться с ним посреди мэрии, окруженной спецназом, а он запросто мог бы сбросить на нас ядерную бомбу, и при этом даже не вспотеть. Но мне придется с ним поговорить. Он хотел со мной встретиться, а, так или иначе, он получал свое.

— Мисс Бейлор?

— Повиси на линии. Я пытаюсь сообразить место, где нас никто не узнает.

— Если хочешь, я могу подождать жутковатый фургончик без окон, куда мы сможем забраться и пообедать жирным фастфудом на вынос.

Забраться?

- Соблазнительно, но нет. «Такара», через час...

Он бросил трубку.

Я закатила глаза.

— Считаешь это хорошей идеей? — спросила мама.

— Не знаю. Он упомянул об обмене информацией, поэтому у него может быть что-то для торга. Не думаю, что у меня получится его избежать. «Нет» не для него. Я могу встретиться с ним на моих условиях, или же на его. Его условия я уже прочувствовала на себе, и они мне не понравились. Кроме того, Макаров сказал не использовать шокеры на ком-либо со слабой магией. Чокнутый же Роган — Превосходный. — Я изобразила захват, схватив пальцами воздух.

— Мам? — мама повернулась к бабушке.

— Что?

— Она собирается на обед со своим похитителем!

— Сфоткай его для меня, — подмигнула бабуля.

— Эта семейка сведет меня в могилу, — буркнула мама. — Я еду с тобой. Мама, запри двери и включи сигнализацию. Мы возьмем фургон и баретту.

— А баретты будет достаточно? — спросила бабуля Фрида. — Он разве не заставляет пули отскакивать от его груди?

— Она стреляет пятидесятым калибром со скоростью, вдвое превышающей скорость звука. Пуля поразит еще до того, как он услышит выстрел. — Мама скрестила руки. — Хотела бы я посмотреть, как он ее отразит.

Глава 7

Веб-сайт «Такары» описывал её как азиатское бистро, что на деле означало наличие у них в меню прекрасных суши и парочки традиционных китайских и корейских блюд. Ресторан занимал большое современное здание из коричневого камня. Я вошла внутрь, где меня встречал восьмифутовый фонтан-стена. Цветовая палитра интерьера состояла из кремово-бежевого, мягкого зеленого и темно-коричневого с легким бронзовым акцентом тут и там. Цвета, мягкий шум воды и со вкусом подобранный декор были умиротворяющими, чего нельзя было сказать об администраторе зала передо мной и о трех суши-поварах за стойкой, которые явно не находили себе места.

Я окинула взглядом темно-коричневые столики и увидела Чокнутого Рогана, одетого в серый костюм поверх белой рубашки с расстегнутым воротником. Он сидел в глубине зала, за огромными бамбуковыми стеблями в черной напольной вазе. Я знала этот стол. Он позволял смотреть в окно, но прохожие не могли вас как следует рассмотреть. Это был

самый незаметный столик из всех, но сейчас он с тем же успехом мог стоять посреди зала. Не заметить Чокнутого Рогана было очень сложно. В ресторане было пусто, за исключением двух молодых женщин и парочки средних лет, и все четверо изо всех сил старались на него не смотреть.

Мама припарковалась напротив, едва ли в двухстах футах от здания. Дальность стрельбы ее снайперской винтовки превышала милю, а ее магия гарантировала, что она не промажет. Мои коленки все еще подрагивали. Это было дурацкой идеей.

Администратор зала в облегающем черном платье натянуто улыбнулась.

— Мисс Бейлор? Сюда, пожалуйста.

Я последовала за ней. Адреналин зарядил мою магию, и я почти чувствовала, как она выплескивается из меня, словно злобный рой пчел, готовый жалить. Я была одета в старые джинсы, черную блузку и лучшую пару кроссовок. Если снова придется спасаться бегством, я буду готова.

Чокнутый Роган поднялся на ноги одним плавным движением. Официант возник, будто из воздуха, и тут же выдвинул для меня стул. Роган не коснулся моего стула. Он не отодвинул его для меня, а остался на своем месте. Это могло быть намеренным, если он считал меня не заслуживающей вежливости, но члены Домов жили и дышали этикетом.

— Ты сделал что-то с моим стулом?

— Нет.

Магия щелкнула, словно кнут. Ложь.

Я повернулась к столику у окна.

— Тот столик мне нравится больше.

Официант застыл на месте, не зная, что ему делать.

Я подошла к столику у окна, указала на стул, выходящий на парковку, и перевела взгляд на мужчин.

- Я сажусь здесь.

Чокнутый Роган слегка шевельнул пальцами левой руки. Над ковром поднялся блеклый красноватый дымок, образовал вокруг моего бывшего стула форму магического круга, и растворился в воздухе. Он расставил ловушку, а я едва в нее не села. Ублюдок.

Я выгащила свой новый стул. Правила вежливости диктовали, чтобы он сел напротив меня, затылком к окну, и таким образом стал для моей мамы отличной мишенью. Чокнутый Роган сделал шаг к моему столику и тот съехал по ковру от окна, в то время как другие столы скользнули в стороны, освобождая пространство. Стул вырвался из моей руки и полетел следом. Три других стула последовали за моим, и расставились вокруг стола. Он уперся рукой о стул, позволявший ему видеть одновременно и окно и дверь, а затем пригласил меня обыденным жестом.

- Твой столик.

Гррррр. Это не хорошо.

Я села. Он тоже.

Мы смотрели друг на друга через стол.

Официант завис рядом с нами, явно нервничая.

- Добро пожаловать в «Такару». Что будете пить?

— Чай с лимоном, — ответила я. — И не могли бы вы принести к нему заменитель сахара?

— То же самое, — сказал Чокнутый Роган. — Без лимона.

— Закуски? — спросил официант.

Чокнутый Роган посмотрел на меня.

- Твой выбор.

— Карпаччо.

— Отлично, сейчас все будет. — Официант унесся прочь с видимым облегчением.

Мы с Бичом Мексики возобновили нашу игру в гляделки. Казалось, его глаза меняли цвет в зависимости от освещения. Вчера, в круге, они были темными, почти цвета индиго. Сегодня же они были светлыми, как безоблачное небо. Мои мысли сразу же вернулись к утесу из моих снов. И я тут же себя одернула. Я понятия не имела, какого рода телепатом он был. Не хватало еще, чтобы он выудил у меня из головы картинку себя любимого в полуобнаженном виде.

— У тебя есть какое-нибудь удостоверение?

— Удостоверение?

— Ты сказал мне, что ты Чокнутый Роган, но откуда мне знать, что это правда?

Он разделил свою пару палочек, потер их друг о друга, и задержал одну на уровне глаз, толстым концом к потолку. Роган раскрыл пальцы. Палочка осталась висеть над столом. Впечатляет. Я знала эту игру. Мы все играли в нее в начальной школе, чтобы определить свою магию. Если ты мог сдвинуть палочку со стола, то был телекинетиком. Если же мог поднять палочку и удержать ее, то ты был высокоточным телекинетиком, и к твоим родителям могли прийти в гости и предложить для тебя стипендию в счет будущей работы. Тебе могли оплатить образование, а взамен ты бы потом работал на них десяток-другой лет.

Чокнутый Роган небрежно развернул салфетку. Тонкая, почти прозрачная деревянная стружка отделилась от верхушки палочки и полетела вниз. Офигеть.

Отделилась еще одна стружка. Пара среднего возраста перестала есть. У мужчины отвисла челюсть. Женщина заметно напряглась, пытаясь сглотнуть. По моей спине побежали мурашки. Этого просто не могло быть. Перемещение стола — это одно. Он был громоздким и тяжелым, и требовалось много энергии, чтобы его сдвинуть, но это был другой уровень. Ни один телекинетик не обладал подобным контролем.

Чокнутый Роган развернул на коленях салфетку. Палочка закрутилась на месте. Деревянные стружки посыпались вниз, приземляясь на неё идеальным кругом, словно кольцом из крохотных лепестков.

Официант вернулся с кухни, неся наши напитки, и примерз к полу.

Первый круг заполнился деревянными щепками, и вокруг него образовалось второе кольцо, пошире. Оставшаяся половинка палочки приземлилась в центр двух колец и раскололась с громким треском на четыре части.

Я вспомнила, что нужно дышать.

Мужчина из пары средних лет вытащил три двадцатки, швырнул их на стол, и схватил женщину за руку. Они вышли из ресторана чуть ли не бегом.

Это было самым пугающим зрелищем, какое я только видела за долгое время. Как вообще возможно делать такое? Если бы он сотворил нечто подобное с человеком, это было бы ужасно.

Чокнутый Роган посмотрел на меня.

Мне нужно было что-нибудь сказать, что-нибудь сделать. Что угодно.

Я вытащила телефон и сфотографировала столик.

Его брови приподнялись.

— Для бабушки. — Я положила телефон на стол и улыбнулась официанту. — Он сломал свои палочки. Не могли бы вы принести нам другую пару?

Официант кивнул, поспешил к столу, расставил наши напитки и карпаччо, и удалился, не сказав ни слова. Чокнутый Роган взял маленькое белое блюдечко, обычно используемое для соевого соуса, и смахнул в него рукой щепки со стола.

— Меня бы устроили и водительские права. — Это было паршивой затеей. Он обладал ужасающей силой.

— Водительские права можно подделать. Это же никто в континентальной части США не сможет повторить.

Как и похвастать такой скромностью.

Женщина пониже, с ярко-рыжими волосами, подошла к нашему столику и оставила на нем визитку. Ее пальцы слегка дрожали.

- Меня зовут Аманда. Позвоните мне.

Она вернулась назад к своему столику, агрессивно покачиваясь на каблуках.

Я подцепила розовый ломтик, приправленный острым соусом. Ммм, вкуснятина.

- Это было неразумно. Двух посетителей ты заставил уйти, двух других наградил нервным расстройством, и до чертиков напугал нашего официанта. Не хочешь прогуляться на кухню и потерроризировать еще и поваров?

— Ты сама начала это со столом.

— А мне нужно было усесться в твою ловушку?

Его лицо было совершенно серьезным.

- Да. Это сделало бы тебя более сговорчивой и позволило нам обоим уйти отсюда побыстрее.

— Что ж, я этого не сделала.

Я почти вlepила себе пощечину. Разве это можно назвать остроумным ответом? Нет.

Официант возник снова с новыми палочками.

— Могу я принять ваш заказ?

— Бульгоги, — сказал Роган.

Я заказала простые роллы с лососем, и мы оба разорвали одинаковые пакетики с заменителем сахара, всыпав его в свои чашки.

— Вот что мне известно, — сказал Чокнутый Роган. — Тебя зовут Невада Бейлор. Ты единственный детектив с лицензией в маленькой фирме, являющейся на данный момент дочерним предприятием «МРМ». «МРМ» отвечает за безопасность нескольких зданий принадлежащих Дому Пирсов. Дом Пирсов нанял «МРМ» вернуть их блудного сына домой, и ты вытащила короткую соломинку.

Я стащила еще кусочек мяса и принялась его жевать. Оно было вкусным, и удерживало меня от разговора и возможности ляпнуть что-нибудь, о чем я потом пожалею.

— Меня не интересует Адам Пирс, — объявил он.

Правда.

- Мог бы соврать, а теперь я оскорблена до глубины души. Ты похитил меня и пытал ради кого-то, в ком даже не заинтересован.

Дракон юмора не оценил.

- Я хочу найти Гэвина Уоллера. Желательно живым.

Правда, но я это уже и так поняла.

— Гэвин исчез с лица планеты. Его Твиттер неактивен, Инстаграм не обновлялся, и его

нигде не видели с той самой ночи. Он или прячется, или мертв.

Чокнутый Роган кивнул.

- Согласен.

— Но зато Адам яркий и заметный, поэтому ты и решил, что проще будет найти Адама и выбить из него местонахождение Гэвина. Это я понимаю. А теперь объясни мне всю эту хрень с похищением.

— Это не важно.

Я замерла с кусочком карпаччо на полпути ко рту.

- Ты хоть понимаешь, что схватил меня посреди улицы, как какой-то серийный маньяк?

Я думала, что ты мог серьезно меня покалечить. Я была унижена и напугана. Я боялась за свою жизнь. Для меня это очень даже важно.

Чокнутый Роган вздохнул.

— Ладно. Я проверял мастерскую Густава и обнаружил ряд крупных переводов из дома Пирсов.

Я кивнула.

— Я сделала также.

— Я пришел поговорить об этих переводах, когда увидел тебя внутри. Ты молодая привлекательная блондинка. Во вкусе Адама.

— И ты решил, что я его подружка? — Я могла бы оскорбиться, но это было бы пустой тратой времени.

— Да. Я подумал, что ты доставляешь ему наличку. Я проследил за тобой до «МРМ». Учитывая их деловые связи, если Пирсы хотели передать Адаму деньги, использование «МРМ» было бы логичным шагом. Я увидел, как ты выходишь из здания и говоришь по телефону, а затем последовал за тобой в Мерсер.

Моя магия пришла в настороженное состояние. Не совсем ложь, но чувствовалось, что недалеко от этого.

— Как?

— Что как?

— Как ты проследовал за мной до «Мерсера»?

— Я приставил к тебе «хвост».

Ложь. Моя магия запрыгала вверх-вниз, как шаловливый карапуз. Ложь, ложь, ложь. Даже без этого, я бы знала, что он лжет. Я всегда проверяю, нет ли за мной хвоста. Это было привычкой. Дорожное движение все равно было слишком перегруженным, чтобы он мог успешно меня выследить. Он видел, как я вхожу в «МРМ», оставив машину на парковке. Он что-то сделал с моей машиной. Ну разве не хитрый дьявол? Ничего-ничего. Я могу отплатить той же монетой.

— Я искал тебя в садах, когда услышал мотоцикл этого придурка. — Он слегка скривился. Адам Пирс не был его любимчиком. Если бы из-за Адама кого-то из моих кузенов обвинили в убийстве, я бы тоже была не в восторге.

— Значит, вместо того, чтобы поговорить со мной, попросить показать документы, как это сделал бы любой нормальный человек, ты решил похитить меня и приковать в своем подвале?

Он лениво, намеренно небрежно пожал плечами.

- Это показалось мне самым проверенным способом получения информации. И, давай начистоту, ты не так уж и пострадала. Я даже отвез тебя домой.

— Ты выбросил меня на пороге. По словам мамы, я выглядела полумертвой.

— Твоя мать преувеличивает. Самое большее — мертвой на треть.

Я уставилась на него. Вот же гад. Ни дать, ни взять.

Принесли нашу еду. В рекордное время.

— Понятия не имею, где скрывается Адам. — Я подхватила ролл с лососем, приправила его васаби, и отправила в рот.

— Теперь я это понимаю. Раз ты встречалась с ним наедине, не пытайся задержать — значит, Дом Пирсов нанял «МРМ» и тебя, чтобы уговорить его сдать в их нежные объятия. — Он подался вперед. Его голубые глаза сфокусировались на мне — прямым и тяжелым взглядом. — «МРМ» нанимает опытных боевых магов. Зачем им посылать тебя? Кто ты? Ведь ты же кто-то. Не телепат, но нечто.

Что, разыгралось любопытство? Я принялась жевать с удвоенным энтузиазмом. Ммм, ммм, обалденные суши. Прости, не могу говорить с набитым ртом.

— Что ты думаешь об Адаме? — спросил он.

Я продолжала жевать, растягивая время и пытаясь подобрать правильные слова.

— Обещаю, что никому не расскажу.

Я отхлебнула чая.

- Адам переменчивый и суматошный. Каждая эмоция на пределе. Он жаждет внимания и отчаянно хочет, чтобы его считали крутым, совсем, как подросток. Ему нравится принимать вызов, поэтому, если кто-то сразу же не падает, сраженный его великолепием, он станет доказывать, какой он классный. Но, как подросток, он погружен в себя и может быть жестоким. Он ненавидит отвержение, и его желание удивить легко превращается в ненависть. Он умнее, чем кажется, а еще настойчив и опасен.

— Но ты считаешь, что сможешь убедить его сдать своему Дому?

— Это возможно. — Я привлекла его внимание, что было в мою пользу, но он мне врал, что не слишком-то хорошо. — Я лишила его денег. Учитывая объявленную на него охоту, это должно оказать на него достаточное давление. Он играет с этой мыслью. А как тебе Адам?

— Испорченный богатенький выродок, у которого слишком много свободного времени, слишком мало родительского внимания, и садистская жилка шириной в милю.

Ладно. В этом наши взгляды совпадали.

Чокнутый Роган слегка наклонился вперед, пристально глядя на меня.

— А если я скажу, что он тебя использует?

— С чего ты взял?

Он вытащил небольшой планшет из внутреннего кармана пиджака и передал мне. Я взяла его, стараясь не коснуться его пальцев.

— Жест доброй воли, — сказал он.

Правда. Видео на экране стояло на паузе и я щелкнула по нему пальцем. Запись улицы перед Первым Национальным Банком, вероятно с камеры наблюдения. Не это ли видео было у копов?

- Как ты его достал?

— У меня свои методы.

На экране две фигуры, одна высокая, другая пониже и худее, вошли в обзор камеры и остановились перед стекляннно-мраморным фасадом банка. Фигура повыше, в знакомой кожаной куртке, поставила канистру бензина, вытащила кусок мела и, присев на корточки, принялась разрисовывать асфальт. Я не могла видеть, что он рисовал, но готова была

поспорить, что это был магический круг.

Тридцать секунд спустя, мужчина расставил ноги на ширине плеч, и поднял руки с согнутыми локтями, пальцами навстречу друг другу, словно держал большой невидимый мяч. Другой человек открыл канистру и начал осторожно лить густую, вязкую жидкость перед первым человеком. По струе побежал огонь, тихое золотое пламя, заключенное в невидимую сферу в руках первого мужчины. Парень пониже ростом продолжал лить. Пламя пылало ярче и ярче.

— Напалм-Б, — сказал Роган. — Это загуститель для бензина.

— Я знаю. Бензол, бензин и полистирол. — Бабуля Фрида оборудовала огнеметами военного класса не одну машину для Домов. Напалм-Б горел почти десять минут, выдавая температуры, которые дали бы фору даже пламени Адама Пирса. Это было одним из худших изобретений, когда-либо придуманных человечеством.

Чокнутый Роган поднял брови. Должно быть, я его удивила.

Шар огня между рук мужчины вырос до размеров баскетбольного мяча. Он переливался и подрагивал, магическое адское пламя. Огонь стал желтым, а затем озарился белым. Мужчина повыше повернулся и я увидела его лицо, освещенное сиянием фаерболла. Адам Пирс.

Парень пониже — вероятно, Гэвин Уоллер, — поднял руки ладонями наружу и толкнул. Фаербол исчез. Окна банка разлетелись на части, и из них вырвалось пламя. Первый Национальный Банк взорвался изнутри. Огонь заревел, словно разъяренный гризли.

Вот оно что — Гэвин Уоллер был телепортером с малым радиусом действия. Адам и Гэвин смотрели на пламя, два темных силуэта на фоне пожара.

Изображение Гэвина выглядело слегка искаженным. В следующую секунду искажение исчезло.

Погодите-ка.

Я перемотала видео на несколько секунд. Две минуты тридцать одна секунда, тридцать две, тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять, перелёт... Тридцать две, пауза.

Силуэт Гэвина замер на экране. Он держал что-то прямоугольное, и оно выпирало с левой стороны. Я приблизила изображение. Ящик. Он держал что-то вроде ящика. Когда он его взял?

Я перемотала видео назад. Ящик приземлился в руки Гэвину ровно через миллисекунду после того, как исчез фаербол.

- Что держит Гэвин Уоллер? Он телепортировал что-то себе в руки.

— Ячейку из хранилища.

— Что было в ящике?

— Никто не знает. — Чокнутый Роган поморщился. — Они вытащили ящик, забрали оттуда что-то, и вернули его на место. Адам законсервировал туда напалм-В, а когда магия больше не могла его сдерживать, он взорвался. Сотрудники банка все еще разбирают завалы. Часть хранилища просто расплавилась.

Значит, это был не политический протест. Это было просто-напросто ограбление, а поджог стал прикрытием. Адам устроил пожар в банке, убил человека и ранил его семью, просто чтобы что-то украсть. И ему был нужен Гэвин, чтобы телепортировать фаербол непосредственно в хранилище, ведь вход в сам банк заставил бы сработать все сигнализации. Пока Адам добрался бы до хранилища, половина копов Хьюстона уже окружила бы банк.

— Гэвин не сильный телепортер, — сказал Роган. — Кто-то пометил для него нужную

ячейку. Кто-то приходил в тот банк и пометил ящик, чтобы Гэвин смог вытащить его при помощи своей магии, и поместить на его место фаербол. Этот кто-то не был Адамом Пирсом или самим Гэвином. Дело в том, что все было спланировано. Пирс провернул идеальное ограбление, замел следы и не обмолвился об этом ни словом. Почему?

Небеса разверзлись и понимание обрушилось и поразило меня.

— Он не закончил. Адам имеет почти патологическую потребность во внимании. Если бы он завершил свою схему, то вышел бы на поклон. Он бы вышел на улицу в сиянии славы, или позволил себя арестовать, или вернулся в свой Дом с небывалым шоу. Он бы не устоял, чтобы не сделать заявление тем или иным способом. Вместо этого он прячется. И использует меня, чтобы держать свою семью на расстоянии. Пока я докладываю, что контактирую с Адамом, и тот прислушивается — они уверены, что есть шанс, что он сдастся им. Они не будут пытаться задержать его. Они сосредоточатся на том, чтобы замедлить охоту на него. Я упрощаю для него следование плану.

— Кажется, ты не удивлена, — заметил он.

— Я понимала, что он водит меня за нос, прикрываясь флиртом. Я просто не знала, зачем. Теперь знаю. — Назло ему я широко улыбнулась. — Спасибо, что раскрыл для меня эту тайну.

Чокнутый Роган откинулся назад, его мускулистое тело расслабилось на стуле.

— Ты — опытный следователь. Ты ищешь Адама Пирса, и он открыт для контакта, но ты не можешь его уговорить, и у тебя нет средств, чтобы задержать его. Я ищу Гэвина Уоллера. У меня есть деньги и сила, но я не могу его найти. Приведи меня к Адаму, и я помогу тебе доставить его в дом Пирсов.

— Ты уверен, что сможешь удержать Адама Пирса?

Он уверенно кивнул.

- Да. Не могу гарантировать, что он не пострадает в процессе, но даю слово, что он будет жив.

Я сложила салфетку и положила ее на стол.

— Спасибо за прекрасный обед. Мой ответ — нет. У меня уже есть работодатель.

— Тебя наняли чтобы найти Пирса, не Уоллера. — Роган щелкнул пальцами по планшету. На его экране возник электронный чек. — Введи цифру.

Я могла бы набрать цифру, достаточную, чтобы оплатить наш залог «МРМ». Это было соблазнительно. Очень, очень соблазнительно. Но вы же не станете прыгать в клетку с диким медведем, просто потому, что он предложил вам меда. Сейчас мы с Пирсом просто вели переговоры. Как только в дело вмешается Чокнутый Роган, это перерастет в открытое противостояние, а с учетом тех сил, которыми они начнут меряться, мне может быть — да нет, будет — причинен вред. Моя жизнь для них ничего не значила.

— Спасибо, нет.

Он сощурил глаза.

— Ты все еще обижена из-за подвала.

— Да, но моя личная неприязнь к тебе не имеет ничего общего с моим решением. Это чисто профессиональный выбор. Ты нарушил закон, похитив меня, и хоть ты извинился, твои извинения не были искренними. Просто средство для достижения цели. Ты воспользовался рестораном, чужой собственностью, чтобы удовлетворить свои интересы, ты соврал мне во время этого разговора и пытался заманить меня в ловушку, после того как заверил, что не причинишь вреда.

— Я заверил тебя, что ты не будешь похищена.

— Ты невероятно могущественен, обладаешь вопиющим неуважением к законам и нравственным ограничениям. Полагаю, ты ни разу не задумывался, что можешь делать что-то не так. Это делает тебя очень опасным и возлагает огромную ответственность на мою работу. Ты будешь нарушать законы и убивать кого тебе вздумается, а если у меня получится выжить, я буду разгребать последствия. Поэтому мой ответ — нет.

— Не глупи, Невада. Я забочусь о своих работниках.

Звучание моего имени в его устах на полсекунды сбило меня с мысли. Обменять пребывание в долгу у «МРМ» на услуги дому Роганов. Нет уж, спасибо. По крайней мере, у «МРМ» были правила. Был законный, обязательный к исполнению контракт, и то, что они с нами делали, было коварным, но в рамках этого контракта. Моя ценность для них была связана с моими способностями детектива. Для Рогана я представляла ценность, лишь как связь с Адамом Пирсом, и Роган не был ограничен никакими правилами. И еще у меня не было задачи затащить его в постель.

В постель.

С Чокнутым Роганом.

Моя фантазия изобразила его обнаженным на темных простынях. Я захлопнула дверь для этой мысли так быстро, что клацнули зубы.

Я вытащила из кармана две двадцатки и положила их на стол.

— У меня нет оснований верить хоть одному твоему слову.

Он наклонился вперед. Его тело напряглось, под одеждой заиграли мышцы. Лицо стало хищным. Весь налет цивилизации треснул по швам, и вот он, тут как тут, дракон во всей своей ужасающей красе.

— Не уходи от меня. — В его голосе вибрировала сила. — Ты прыгнула выше своей головы. Адам Пирс, Дом Пирсов и «МРМ» не твоего поля ягоды. Я предлагаю стать твоим союзником. Не заставляй меня становится твоим врагом, иначе ты об этом пожалеешь.

— Вот именно поэтому я и говорю «нет». — Я встала. — И в следующий раз, когда будешь выбирать проекцию для моих снов, оставь на себе одежду.

Он улыбнулся. Это была очень мужская, самодовольная улыбка, не просто сексуальная, а плотская. Хищный взгляд в его глазах стал угрожающим. Мне захотелось схватить салфетку и закрыться ею от него, как щитом. — Я могу внушать проекции, но для этого я должен быть рядом с тобой.

Вот блин.

Его голос стал вкрадчивым и чувственным. И как он только мог так говорить?

— Скажи-ка, во что именно я не был одет в твоём сне?

Я поднялась, повернулась к нему спиной и вышла.

Его смех ласкал мою спину, почти как сексуальное прикосновение.

Продолжай идти, продолжай идти, продолжай идти. Это было глупо. Вот нужно мне было оставить за собой последнее слово. Я же не умру, если буду держать рот на замке?

Мой телефон зазвонил. Я ответила.

— «Дробридж — секьюрити», — произнес оживленный женский голос в трубке. — Мы видим срабатывание пожарной сигнализации в вашем доме.

Бабуля снова вызвала срабатывание пожарной сигнализации. Она тестировала горючее или использовала какой-нибудь инструмент, и служба, установившая сигнализацию, в панике звонила нам каждые несколько месяцев. Я оставила им инструкции дозваниваться по

крайней мере минуту, прежде чем вызывать пожарных. Иногда у бабушки занимало некоторое время, чтобы погасить огонь, перед тем, как ответить.

— Вы звонили? — я была почти у дверей.

— Звонили. Мы зарегистрировали две отдельные тревоги, в мастерской и у парадного входа.

Входная дверь. Волосы у меня на затылке встали дыбом.

- Сейчас же звоните пожарным!

Я выскочила из ресторана и побежала на парковку.

Фургон уже был на холостом ходу. Я распахнула дверь и прыгнула за руль.

— Наш дом горит!

Мама захлопнула футляр с винтовкой, бросила его на пассажирское сиденье и пристегнулась. Я нажала на газ и машина вылетела с парковки. Мама пыталась дозвониться домой.

— Ну что?

Я слишком быстро повернула. Фургон накренился и упал обратно, рессоры заскрипели.

Она включила громкую связь. Гудок... Гудок... Гудок...

— Это мастерская?

— Входная дверь.

Мы свернули на боковую улицу. Медленнодвигающийся «Приус» заблокировал полосу. Цепочка машин в противоположном направлении делала объезд невозможным. Да пошло оно все на хрен.

Я повернула руль вправо. Фургон с грохотом подпрыгнул на бордюре, когда я заехала на тротуар.

Гудок... Гудок...

«Приус» остался позади. Я съехала обратно на дорогу.

Гудок...

Я резко свернула влево. Впереди замаячил склад. Выглядел он нетронутым.

Я с визгом остановилась перед входной дверью.

Мама выругалась. Дверь блокировала увесистая цепь. Кто-то проделал дыры в стенах и двери, протянув сквозь них промышленного размера цепь, и стянул ее навесным замком. Какого черта?

Я нажал на газ и объехала вокруг склада в сторону мастерской. Идентичная цепь блокировала заднюю дверь. Черт. Я прижала дистанционный ключ от гаражных дверей, прикрепленный к козырьку. Массивная дверь не сдвинулась с места. Отключена.

У нас не было инструментов, чтобы перекусить цепь. Все находилось внутри склада.

— Дым, — сказала мама.

Облачко черного дыма вырвалось из вентиляции на крыше.

Бабушка была внутри. Она могла гореть заживо.

— Вышибить её?

— Давай. — Мама обхватила себя руками.

Я выруливала задним ходом на улицу. Гаражная дверь будет самым слабым местом. Это была промышленная дверь, усиленная изнутри, но она все же менее прочная, чем стены. Мне придется ударить ее с достаточной силой. Я нацелилась на светлый прямоугольник двери и нажала на газ. Фургон рванул вперед, набирая скорость.

Чокнутый Роган встал между фургоном и гаражной дверью.

Я ударила по тормозам, но времени, чтобы остановиться, не было. Я его собою. Я видела его совершенно ясно — его тело, повернутое ко мне боком, его поразительное лицо, его голубые глаза — в то время как фургон летел на него.

Он поднял руку.

Фургон ударился в воздушную подушку, словно мы стремглав пропахали вязкий мед. Машина мягко остановилась в футе от кончиков его пальцев.

Чокнутый Роган повернулся к гаражной двери. Она лязгнула и рухнула на землю. Изнутри повалил густой черный дым.

Я выскочила из машины и бросилась внутрь. Дым прошелся по носовой полости и горлу, словно крупнозернистая наждачка. У меня заслезились глаза. Едкий смрад был удушающим. Я закашлялась и остановилась, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь через темную завесу.

Человеческий силуэт плашмя лежал на полу. О нет.

Я рванулась вперед и упала на колени. Бабушка Фрида лежала на животе. Я перевернула ее, схватила за руки и потянула по полу. Чокнутый Роган, задержавшийся из-за дыма, поднял бабушку с пола, и направился к выходу.

Дым разъедал слизистую изнутри, будто кто-то набил мне горло битым стеклом и оно нещадно меня резало. У меня закружилась голова. Я, спотыкаясь, поплелась за Роганом, пытаюсь найти выход. Внезапно, дым закончился и я вышла на свежий воздух. Легкие словно горели. Я согнулась пополам и закашлялась. Боль была адской.

Чокнутый Роган опустил бабушку на землю. Мама бросилась к ней. Мы не могли ее потерять. Еще нет.

— Бабуля, — прохрипела я.

— Есть пульс, но слабый. — Мама раскрыла бабушке рот и принялась делать искусственное дыхание.

Пожалуйста, не умирай. Бабуля, только не умирай.

Мама начала непрямой массаж сердца. Слезы покатались по моим щекам. Бабушка Фрида всегда был здесь для нас. Она всегда... Что мы будем делать...

На улицу въехала пожарная машина.

Бабушка закашлялась. Слово вышло скрипучее, словно старая дверь.

— Пенелопа.

О боже. Спасибо тебе. Облегчение окатило меня, словно холодный душ. Я выдохнула.

— Мам? — спросила мама.

— Слезь с меня.

Мой желудок сжался. Я согнулась, пытаюсь держать себя в руках. Ботинки Чокнутого Рогана появились в поле зрения. Чокнутый Роган. Человек, который сказал, что я пожалею, если уйду от него, и который теперь так удобно появился, чтобы быть героем. Страх и тошнота вскипели и превратились внутри меня в ярость. Мы почти потеряли бабушку Фриду. Кто-то пришел в наш дом, закрыл и заковал наши двери, а затем попытался убить ее. Кто-то сделал это, и я заставлю его заплатить. Ярость подгоняла меня. Я взглянула в глаза Рогана. Что-то сломалось внутри меня, словно разорвалась цепь. Магия вырвалась, дикая и бешенная, как невидимая туча, и сосредоточилась на Чокнутом Рогане.

Он напрягся, скрипнул зубами. Я чувствовала, как он борется со мной, но гнев подхлестнул мою магию до неистовства. У меня были вопросы. И черт возьми, он на них ответит.

Я заговорила и услышала собственный голос, нечеловеческий и жуткий.

- Ты приказал кому-то навредить моей бабушке?

Его воля боролась со мной, жесткая и непокорная, но я была слишком зла. Он отказался подчиниться, поэтому я пригвоздила его к месту и сдавила.

Он разжал зубы. Ответ был рычанием.

— Нет.

Правда.

Я вынудила его ответить. Я понятия не имела, как я это делаю, но я собиралась сделать это еще раз.

— Ты нанял кого-то, чтобы устроить поджог?

— Нет.

Правда.

— Ты сам его устроил?

— Нет.

Правда.

Моя хватка ослабевала. Он был слишком силен. Все равно, что пытаться скрутить рельсу в узел.

- Ты знаешь, кто это сделал?

— Нет.

Правда.

Я отпустила его. Он дернулся. Его сильные пальцы обхватили мое запястье, посылая сквозь меня электрический разряд тревоги. Лицо Рогана было ужасающим. Его голос был наполнен тихой, едва сдерживаемой агрессией.

- Не повторяй этого.

Надо было бы испугаться, но моя бабушка едва не умерла, а я сама была слишком взбешена и вымотана, чтобы обратить на него внимание.

— Что, не нравится, когда самому наступают на горло? Отпусти меня.

Он раскрыл пальцы.

Сейчас в моей жизни были только два человека, которые могли устроить подобный поджог, и одного я только что исключила. На родителей и сестер обижаются лишь в пять лет. «Они тянут тебя вниз и ты им позволяешь». Нет. Адам не мог быть настолько глуп, правда? Неужели придурок и в самом деле пытался убить мою семью?

Парамедики погрузили бабушку в машину скорой помощи. Должно быть, это произошло, пока я допрашивала Чокнутого Рогана. Один из спасателей пытался удержать кислородную маску на бабушкином лице. Ей это было не нужно. Мама подошла ко мне.

— Она помнит только, как потянулась за колесным ключом. У нее кровь на затылке.

— Кто-то ее ударил. — И он за это заплатит.

— Похоже на то. Я поеду с ней в больницу.

— Я в порядке, — сказала я ей. — Поезжай.

Она бросила на Чокнутого Рогана злобный взгляд и забралась в скорую.

Из мастерской вышел пожарник. Дым почти рассеялся. Пожарник кивнул внутрь мастерской.

— Похоже, кто-то оставил зажженную сигарету рядом с канистрой бензина. Нужно быть аккуратнее.

— Спасибо, будем. — Я отвернулась в сторону, чтобы скрыть свои эмоции. К

несчастьем, теперь я лицом к лицу стояла с Роганом. Непроизнесенный вопрос повис в воздухе, как только ушли пожарные.

— Моя бабушка не курит, — сказала я тихо. — Весь бензин хранится в одном железном сейфе, а все боеприпасы — в другом. Когда я уходила на обед, на дверях склада не было никаких цепей.

Подъехал внедорожник. Из него вышли двое мужчин в темных брюках и таких же рубашках-поло. Одному было за сорок, темнокожий, коротко стриженные волосы едва тронула седина. Он нес большой темный чемодан. Другой выглядел латиносом, и был лет на десять моложе своего товарища. Двигались они, как солдаты. Я видела достаточно военных, чтобы тут же распознать эту манеру ходьбы — неторопливую, но уверенную походку людей, у которых была определенная цель и они должны были ее достичь. Они остановились в нескольких футах поодаль.

— Это мои люди, — сказал Роган. — Специалисты по поджогам. Если позволишь, они осмотрят склад.

Я кивнула. Я все еще ему не доверяла, но он не имел никакого отношения к пожару.

— Вперед, — сказал он.

Двое мужчин вошли на склад.

Внезапно, на меня навалилась усталость. Глаза пекло. В горле першило.

Чокнутый Роган вытянул руку, и в нее опустилась бутылка воды. Он передал ее мне.

- Промой глаза и рот. Не глотай.

Я открыла бутылку, отхлебнула, прополоскала рот и сплюнула. Першение отступило. Младший из мужчин появился в дверях склада и кивнул нам. Мы направились к нему.

— Спасибо, что спас мою бабушку, — сказала я.

— Какая мне от тебя польза, если вместо поисков Пирса ты будешь хоронить родственницу. Я сделал это по сугубо эгоистичным соображениям, — сказал он.

Ложь.

Мы вошли внутрь. Старший из мужчин стоял на коленях у расплавленной канистры бензина. Бетонный пол покрывала сажа. Перед ним стоял раскрытый чемодан, с ампулами и пробирками для анализов в защитном поролоновом чехле.

Чокнутый Роган разглядывал накрытые брезентом машины. Его брови поднялись.

- Это танк?

— Технически, это пулемет на колесах. Мобильная полевая артиллерия. Танк вон в том углу. Его зовут Ромео.

Чокнутый Роган недоверчиво покачал головой.

Мы подошли к старшему мужчине. Он поднял пробирку, чтобы я могла ее видеть, потом с помощью маленького проволочного инструмента соскреб немного сажи с пола. Он поместил инструмент в пробирку и потряс ее. Небольшой кусочек сажи опустился на стекло. Мужчина добавил несколько капель прозрачной жидкости из пластиковой бутылки. Сажа посинела, затем медленно стала бледно-фиолетовой.

— Они использовали пирогель, — сказал мужчина. — Это применяемый для военных нужд, медленно горючий и дымообразующий состав. Они смешали около четырех галлонов с галлоном бензина и подожгли. Где была женщина, которую увезли на скорой, когда вы ее нашли?

— На полу, лицом вниз.

— Ей повезло, — сказал мужчина помоложе. — Пол был самым безопасным местом, плюс помогли высокие потолки. Эта штука предназначена зачищать здания от людей без нанесения структурных повреждений. Если пробыть в нем слишком долго, можно умереть.

— Тот, кто это сделал, знал, что делает, — сказал старший мужчина. — Пирогель дорогой, и его трудно достать без оформления. Большинство гражданских инспекторов по поджогам не могут определить его, и он быстро рассеивается. Если смешать его так, как здесь, пожар кажется обычным из-за бензина. И еще одно. Я разговаривал с пожарными. Они говорят, что сигарета была исходной точкой. Я занимался этим некоторое время, и скажу вам, что здесь могла быть зажженная сигарета, но пожар начался не из-за нее. Контейнер оплавился сзади и сверху вниз. Кто-то поместил сильный источник тепла сзади. Что-то вроде паяльной лампы.

Или руки Адама Пирса.

— Спасибо, — сказала я.

Мужчины поднялись на ноги и вышли.

Чокнутый Роган смотрел на меня с беспристрастным выражением и ждал.

— Спасибо, — повторила я. — Я очень признательна за твою помощь. Но сейчас я хочу, чтобы ты ушел.

Он повернулся на каблуках и вышел.

Я прошла в угол гаража и открыла шкаф, где находился старый компьютер. Берн давно провел домашнюю сеть. Я нажал клавишу со стрелкой. На экране зажегся запрос и я напечатала свой пароль. На экране возникло изображение системы безопасности. Я кликнула на заднюю камеру и перемотала на час назад. Бабушка Фрида ковыряется в мастерской... Я промотала десять минут, еще десять...

В дверном проеме возникла размытая темная фигура. Изображение померкло.

Я проверила наружную камеру. Она выключилась, даже ничего не засняв. Я перемотала запись к изображению фигуры. Это мог быть как мужчина, так и женщина. Было не разобрать.

Я повернулась и пошла назад к двери. Камера была установлена около пятнадцати футов над землей. Она уничтожена. На её месте было расплавленное месиво из металла и пластика. Камера была слишком высоко для прямого огня, а если бы пожар уже пылал так жарко, то моя бабушка была бы мертва. Нет, это было сделано одним точным ударом пирокинетика. За последнюю неделю я контактировала только с одним пирокинетиком. Адам Пирс напал на мою семью.

Я осмотрела склад — выжженное пятно на полу, расплавленный контейнер, — и представила свою бабушку, лежащую на бетоне лицом вниз, медленно умирающую в ее любимом месте. Сила воли, поддерживающая меня, треснула. Я прислонилась к ближайшему транспортеру и разрыдалась.

Глава 8

К тому времени как Берн забрал маму и бабушку из больницы, я убралась в гараже, сделала ужин, и часами переваривала мысль, что из-за моих действий бабушка чуть не умерла. Я проигрывала в голове разговор с Адамом дюжину раз. Расплавленная камера была далека от безусловного доказательства, но нутро подсказывало, что это он. Мои инстинкты почти никогда меня не подводили.

Я попыталась дозвониться Адаму. Номер больше не обслуживался. Должно быть, он

воспользовался предоплаченным телефоном и затем его выбросил.

Если бы только я не взялась за эту работу... Я тщательно переваривала эту мысль, используя ее, как топливо для яростного огня, который разгорался внутри. Чувство вины сейчас не принесет ничего хорошего, а злость, наоборот, обеспечит необходимой решительностью. Я выясню, он ли это сделал, даже если придется перевернуть весь город вверх тормашками. И если он виновен, ему придется ответить по всей строгости. Возможно, я и не обладала боевой магией, но я сделаю его уничтожение целью своей жизни. Те, кто обижают мою семью, не остаются безнаказанными.

В два часа дня дети ворвались домой почти на два часа раньше положенного. Подруга Каталины с матерью проезжали мимо нашего дома по пути к врачу и увидели пожарные машины. Подруга написала Каталине, та увидела смс после урока и немедленно написала маме. Мама написала, что бабушка в больнице, но все в порядке. Каталина позвонила Берну, забрала кузена и сестру из школы и примчалась домой, словно за ней гнался сам дьявол, потому что именно так живет наша семья. Я накрыла им поздний обед и вкратце обрисовала ситуацию. У них ушло пятнадцать минут на то, чтобы успокоиться и еще пятнадцать, чтобы пообещать, что ничего из этого не окажется в Фейсбуке, Инстаграме или «Геральде».

Мы почти доели, когда бабушка вошла в дверь с таким видом, словно хотела кого-нибудь прибить. За ней, прихрамывая, шла мама. Сегодняшний день тяжело обошелся с ее ногой.

— Ее хотели оставить на ночь, но она воспротивилась, — сказала мама.

— Бабуля! — замахала руками Арабелла. — Почему ты не в больнице?

— У меня дела, — процедила бабушка сквозь зубы.

— Например? — перегородила ей дорогу Лина.

— Каталина, не путайся у меня под ногами. — Бабушкины брови сошлись на переносице. — Я собираюсь взять автоген и починить стены, а затем установить для твоей матери наблюдательный пост, чтобы она смогла пристрелить следующего сукина сына, который попытается сюда забраться.

Мама впиалась в меня взглядом.

— Что сказали пожарные?

— Они сказали, что бабуле не стоило курить рядом с канистрой бензина.

Бабуля Фрида повернулась ко мне. Если бы взглядом можно было жечь, мы бы все уже дымились.

— Специалисты Чокнутого Рогана сказали, что кто-то смешал военную противопехотную смесь с бензином, а затем ее поджег.

— Чокнутого Рогана? — переспросил Берн.

Сидевший за столом Леон внезапно оживился и отложил телефон.

- Чокнутый Роган?

— Чокнутый Роган не имеет никакого отношения к пожару, — сказала я.

— Откуда ты знаешь? — спросил Леон.

— Знаю, — ответила я. — Я спрашивала. Я проверила и его экспертов тоже, и они не лгали.

— Чокнутый Роган был здесь? — Леон указал на стол. — Здесь? И никто мне ничего не сказал?

— Тысяча извинений, Ваше Величество, — съязвила Арабелла. — Все были слишком заняты, пытаюсь спасти бабушку.

Леон ее проигнорировал.

- Он сделал что-нибудь, пока был здесь?

— Да, выломал гаражную дверь, — ответила я.

Леон подпрыгнул на стуле, словно у него под задницей были пружины.

— Сядь, — сказала мама.

Он сел обратно на стул. По-видимому, мой младший кузен был тайным фанатом Чокнутого Рогана.

— Насколько ты уверена, что это сделал Адам Пирс? — спросила мама.

— Более чем, — ответила я. — Буду уверена на сто процентов, когда спрошу это у него лично.

Мама поставила на стол маленькую коробочку. Внутри нее лежало десять оранжевых таблеток.

- Так найди его и спроси.

— С удовольствием. — Я взяла пилюли со стола. Похоже, сегодня вечером мне светит побывать в худшем месте города. Шел четвертый час. Есть еще куча времени до наступления темноты.

- Возможно, мне понадобится прикрытие. Вам оно не понравится.

— Делай то, что считаешь нужным, — кивнула мама.

— Уж лучше ты найди Пирса, чем мы, — добавила бабуля Фрида. — Потому что если Пирс покажется здесь снова, ему не поздоровится.

— А когда мы закончим, то соберем то, что от него останется в пластиковый пакет, и ты сможешь вернуть его семейке, — пообещала мама. — И еще, Невада. Не вздумай винить себя в случившемся.

— Ты делала свою работу, — сказала бабушка Фрида. — Это случилось не из-за тебя. Они начали это, кем бы они ни были. И пожалеют, потому что мы это закончим.

— Спасибо.

Это не избавило от чувства вины, но прямо сейчас это было не так важно, как обнаружение Адама и выяснение его причастности.

Я вышла из комнаты. Мне понадобится мой «Ругер».

Позади меня, мама сказала:

- Давайте поговорим о безопасности. Никто никуда не ходит один...

Я подошла к сейфу, открыла его и достала Р90. Таблетки были для Бага. Сейчас было около трех часов, но мне понадобится подмога, чтобы повидаться с Багом, даже при дневном свете. Баг жил в Джерси Вилладж, больше известном, как Дыра. Я могла позвонить одному из наших внештатных сотрудников, вот только сейчас большинство из них убегали от нас, как от огня. К тому же, это мне дорого обойдется. Отправляться в Дыру было вредно для здоровья.

Я разделила таблетки, положив семь в пластиковый пакетик, а три в пузырек, чтобы взять с собой. Мне может понадобится повидаться с Багом снова. Трех хватит для первого раза.

Был один человек, который мог дать мне всю необходимую поддержку и даже больше. Я поискала в телефоне номер Чокнутого Рогана. Это было безумием, но ставки изменились. Прежде Адам только болтал. Теперь есть шанс, что он проявит агрессию. Если он пытался сжечь бабушку, ничто не мешает ему испепелить меня, как только я скажу то, что ему не по нраву. И если я все-таки найду Адама Пирса, у меня нет ни малейшего шанса его

задержать.

Я замешкалась, держа палец над номером.

Это была плохой идеей. Чокнутый Роган был жестоким, безжалостным и грубым. Все те качества, которых я обычно избегала в своей работе. Я чувствовала, что он без тормозов, и это меня пугало. Если он слетит с катушек и начнет убивать людей, я мало чем смогу ему помешать. Я не хотела нести ответственность за чью-то смерть. Как и быть козлом отпущения, когда поднятая его беспределом пыль рассеется, и у копов возникнут вопросы. У него были высокооплачиваемые адвокаты. У меня нет.

И то, как реагировало мое тело, когда он поблизости, тоже меня пугало. Он возбуждал меня, только взглянув в мою сторону. Секс с ним будет опытом, который я никогда не забуду, и какая-то безумная часть меня жаждала приобрести этот опыт. Я хотела увидеть его обнаженным. Я хотела, чтобы вся эта ошеломляющая мужественность сосредоточилась на мне. Я раньше никогда не реагировала так на мужчину.

Я не могла доверять Чокнутому Рогану. Не просто потому, что он был социопатом, но еще из-за того, что он был Превосходным и главой своего Дома. Для него я была батрачкой. Если в драке ему понадобится прикрыться от пуль, он без раздумий воспользуется мной. Я была наемной силой, способом достижения цели, и мне нужно было провести четкую границу между нами, иначе я могла выйти из всей этой истории калекой, или не выйти вообще. И если дам ему хоть малейший намек на уязвимость, будь то моя любовь к семье, моя гордость или моя нездоровая тяга выяснить, каким было бы его прикосновение к моей коже, он использует это против меня. Не говоря уже о том, что при помощи своей магии я пригвоздила его к месту и заставила отвечать. Учитывая, что я была все еще жива и невредима, с этим он справился чертовски хорошо. Эту способность мне еще только предстояло изучить. Моя магия была редкой и информации о ней было мало, по большей части оттого, что владеющие ею единицы занимались засекреченной работой. Я постаралась изучить все, что было в моих силах, но ни разу не встречала ни одного упоминания именно об этой магии. Словно она взялась из ниоткуда.

Я уставилась на номер Чокнутого Рогана. Был ли другой способ с этим справиться?

Если Адам нападет на меня, любой внештатник, которого я возьму с собой, даже если их будет двое, погибнет. Я сама погибну. Адам думал, что может меня использовать; так же думал и Чокнутый Роган. Лучшим способом иметь с ними дело, было использовать их обоих. Мне нужно было натравить двух Превосходных друг на друга и тихонько подождать в стороне, пока уляжется пыль.

Я сделала глубокий вдох и нажала кнопку вызова. Он ответил на втором гудке.

— Да?

Слышать его голос было подобно ласке. Кандалы, напомнила я себе. Подвал. Чокнутый псих. Граница. Не переступай границы.

- Я подумала над твоим предложением.

— Дрожу от нетерпения.

Псих, которому нравится надо мной издеваться. Даже лучше.

- Мне не нужны твои деньги. Но я хотела бы создать партнерство. Пойми это правильно: я не буду работать на тебя. Я буду работать с тобой на равных ради общей цели. И у меня есть условия.

— Я слушаю.

— Во-первых, ты никого не убиваешь, пока они не сделают очевидной попытки убить

нас.

Повисла длинная пауза.

— Я постараюсь.

— Во-вторых, ты обещаешь поймать и доставить Адама Пирса в его Дом живым.

— Этого я пообещать не могу. Я могу обещать, что сделаю все в моих силах, чтобы сохранить ему жизнь, но если этот ублюдок решит сигануть с моста Бейтон Бридж, я ничем не смогу помочь.

Технически, это было правдой. Человеческие тела своеобразно реагировали на отсутствие гравитации и на свободное падение. Даже если бы Чокнутый Роган поймал Адама своей магией спустя полсекунды после прыжка, Адам все равно мог умереть от внутреннего кровотечения. Именно поэтому левитаторы имели свою собственную классификацию, а не были смешаны с другими телекинетиками.

— Ладно. Обещай, что сделаешь все возможное, чтобы вернуть его живым в его семью.

— Конечно.

Эти обещания, вероятно, и гроша ломаного не стоили.

— В-третьих, я хочу, чтобы ты предоставил моей семье защиту на время расследования. Мне нужно знать, что я могу на это рассчитывать.

— Конечно. Это суть нашего соглашения. Ты бы хотела, чтобы я разместил людей присматривать за твоим домом?

— Да. Пусть придут к входной двери и представятся моей семье, иначе кого-нибудь из них могут случайно подстрелить.

— Сделано. — Его голос был хриплым. — Моя очередь. Это профессиональное партнерство, и я ожидаю, что ты отнесешься к нему соответственно. Если ты получишь от Адама сообщение, если он тебе позвонит или придет к твоему дому, с момента окончания этой встречи или разговора, я хочу об этом знать. Не на следующий день, не когда это удобно, а сразу же после. Ты раскроешь всю информацию по этому делу, включая условия твоего контракта, состояние твоих отношений с Адамом и все, что тебе известно о Гэвине Уоллере.

— Справедливо.

— Также ты не станешь отправляться на вылазки, не обсудив их со мной. Я не хочу получить сообщение: «Привет, я на хвосте у Пирса», а на следующее утро наблюдать, как копы вылавливают твое тело из болот Буффало.

— Я тронута. — Ни капельки.

— Мне придется начинать расследование с нуля. Если ты умрешь, это будет очень некстати.

Я закатила глаза.

— Мы договорились? — спросил он.

— Да. Я собираюсь в Джерси Вилладж на поиски Адама Пирса. Не желаешь присоединиться?

— Заеду за тобой через десять минут.

Я повесила трубку. Так вот как себя чувствуют заключившие сделку с дьяволом. Сейчас уже поздно сожалеть. Я вздохнула и упаковала дополнительную обойму.

Рендж Ровер въехал на стоянку ровно через десять минут. Это был большой автомобиль цвета вороненой стали, блестящий, но надежный. Пассажи́рская дверь распахнулась, и я увидела Чокнутого Рогана на водительском сидении. Он сменил пиджак и туфли на линялые

джинсы, светло-серую футболку и тяжелые темные ботинки. Эффект был ошеломляющий. Костюм его смягчал, сглаживал жестокость видимостью богатства и цивилизованности. Теперь же он был сама суровость и яростная сила. Он выглядел так, будто ему нужно исследовать руины в джунглях, или избить стулом каких-нибудь плохих парней. Беда в том, что он сам и был этим плохим парнем.

Его магия свернулась вокруг него, как жестокий питомец с ужасными зубами.

Мне нужно было забраться внутрь и сесть рядом с ним, на расстоянии всего в пару дюймов. Я должна была пересечь его личное пространство. Я не могла этого сделать. Я не могла сесть в его машину.

— У меня есть еще одно условие, — сказала я.

Он просто посмотрел на меня.

— Ты не читаешь мои мысли. — Он не должен знать, что происходит у меня в голове. Просто не должен.

Он улыбнулся.

— Без проблем.

Я села на пассажирское сиденье и поставила рюкзак на свободное место перед собой. Ладно. Я внутри. Мне нужно было сказать самый минимум, и держать свои мысли при себе.

— Я не могу читать мысли, — сказал Роган. — Но, как выяснилось, большую часть времени мне это и не нужно.

И это не прозвучало угрожающе. Совсем нет. Я пристегнулась.

Рендж Ровер вырвался на второстепенную дорогу. Оконные стекла выглядели очень толстыми и темными. Это не дешевая пуленепробиваемая модификация. Это сверхпрочные пуленепробиваемые окна с шестисантиметровым безопасным остеклением и слоем поликарбоната изнутри, чтобы не дать разлететься осколкам. Можно стрелять по ним из АК-47¹ с близкого расстояния и стекло треснет, но изнутри останется абсолютно гладким. Подобное стекло весило почти тонну. Я нажала на кнопку стеклоподъемника. Окно с тихим шелестом открылось и закрылось обратно. Бабушка Фрида могла бы гордиться. Обычный стеклоподъемник не смог бы поднять стекло обратно. У него установлены сделанные на заказ стеклоподъемники. Судя по всему, автомобиль тоже бронированный.

— Какая классификация у броневых плит?

— Защита от взрыва. Это машина класса VR9.

Офигеть. Рендж Ровер не просто остановит пулю из пистолета или штурмовой винтовки. Он остановит бронебойную пулю из пулемета. Такое количество брони подразумевало офигительно большой дополнительный вес, но машина скользила, как конькобежец по льду. Для этого требовалась усиленная подвеска и специальные амортизаторы. Этот автомобиль не был усилен броней. Он был бронирован с нуля при сборке.

В довершение всего, он выглядел так же, как любой другой высококласный Рендж Ровер на дороге. Большинство людей не понимают, что смысл бронированного автомобиля не только в пуленепробиваемости. Он также в сдержанности. Ни одна машина не защищена полностью от повреждений, даже танк, а лучшая стратегия, чтобы обеспечить безопасность пассажиров, это в первую очередь не дать в них выстрелить. Требуется, чтобы автомобиль был максимально похож на небронированный и мог раствориться среди других машин на дороге. Всегда будут идиоты, которые хотят кричащих бронированных чудовищ, напоминающих что-то из постапокалиптического кино. Они хотели заявить о себе. К

сожалению, их заявление говорило: «Вот он я, пристрелите меня». Люди, которые действительно нуждаются в защите, выбирают спокойное качество, вроде этого, стоящее сумасшедших денег и многое говорит о владельце.

Чокнутому Рогану наплевать, что о нем думают остальные. У него нет нужды кого-то поражать; он хочет лучшего и готов платить высокую цену, пока ему это предоставляют. Как-то это не заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Что в Джерси Вилладж? — спросил он.

— Баг. Он специалист по наблюдению. У меня есть кое-что, что ему нужно, и я собираюсь заставить его найти для нас Пирса. Мы должны сделать это сейчас, пока Адам опять не появился у моего дома. Мама угрожала разобраться с ним и отправить его остатки дому Пирсов в пластиковом пакете.

— Твоя мать, кажется, уверена в своих силах, — сказал он.

— Знаешь, что такое «Лайт фифти»? — спросила я.

— Это снайперская винтовка Барретта М82.

— Пока мы обедали, мама смотрела на твою голову через ее прицел. Нам нужно найти Адама Пирса до того, как моя мама его пристрелит, или моя бабушка переедет его на танке. Или до того, как он испепелит наш дом, и мою семью вместе с ним.

— Как мы и договаривались, моя команда охраняет твой склад. Если он покажется вблизи него, мы об этом узнаем. Теперь твоя очередь. Мне нужна информация, — сказал Чокнутый Роган. — Причем вся.

Я начала с того момента, как нам позвонили из «МРМ», рассказала ему вкратце, что «МРМ» наняли нас найти Адама Пирса, и пробежалась по расследованию, пропускала несущественные детали, вроде закладной на бизнес и фантазий о нем в полуголом виде. Добровольная помощь — для простопфиль, он не получит от меня никакой информации, пока это не будет совершенно необходимо.

Он поморщился.

— Августин в конце концов прогнулся.

— Ты его знаешь?

— Да. Мы ходили вместе в колледж. Он меня не слишком жалует.

— Почему?

— Я видел его без его магии. — Чокнутый Роган пожал мускулистыми плечами. — Августин всегда был чересчур предан своему Дому. Он пытался с этим бороться. Когда-то я сказал ему, что если он не будет осторожен, то закончит в офисе, танцуя под семейную дудку.

— Поэтому ты отправился в армию? Чтобы быть подальше от семьи? — И зачем я только это спросила?

— Я пошел в армию, когда мне сказали, что я смогу убивать, не рискуя сесть в тюрьму, и получу за это награду.

Правда. Твою мать. Я сидела в машине с одержимым идеей убийства маньяком. Превосходно.

— У тебя странное выражение лица, — заметил он.

— Я только что осознала, что мне не стоило садиться к тебе в машину. На деле, мне даже звонить тебе в первую очередь не стоило, так что я изо всех сил пытаюсь перемотать время назад.

Он ухмыльнулся. Я повеселила дракона. Ю-хуу.

— Мне надо было тебе соврать? Не то чтобы меня это беспокоило, но разве в этом был бы смысл?

Я не ответила. Держать рот на замке было отличной стратегией.

— Августин в курсе, что ты Правдоискатель?

Он меня раскусил. Я не была удивлена — не после того, как я пригвоздила его к месту и выбила из него ответы.

— Что мой работодатель знает, а чего не знает обо мне — не твое дело.

Он рассмеялся искренним, простым смехом.

— Что смешного?

— Августин гордится своей наблюдательностью и умением отлично разбираться в людях. Он считает себя Шерлоком Холмсом. Он пытался делать гениальные умозаключения только лишь по тому, как люди одеты и ведут себя. У него в штате Правдоискатель, а он и не подозревает об этом. Да он годами мечтал его нанять. — Чокнутый Роган снова рассмеялся. — Восхитительная ирония.

Я промолчала. Надеюсь, он больше не станет у меня ничего спрашивать.

— Правдоискатель — третий по редкости магический талант. Почему бы не зарабатывать этим на жизнь? Разве ты не должна сидеть в каком-нибудь офисе за двухсторонним зеркалом, задавая неудобные вопросы?

— Подобные вопросы не входят в нашу договоренность.

Он посмотрел на меня, и его глаза потемнели.

— Ты хочешь поговорить о своем сне?

— Нет.

— Учитывая, что я там был, пожалуй, я заслуживаю права знать подробности. На мне не было одежды, потому что мы были в постели? Я касался тебя? — Он глянул на меня. Его голос мог растопить на мне одежду. — Или же ты касалась меня?

Мне не стоило садиться к нему в машину. Нужно было ехать самой.

— Проглотила язык, Невада?

— Нет, мы не были в постели. Я толкала тебе с обрыва, чтобы ты разбился насмерть. — Я указала на дорогу. — Сверни на следующем выезде и придержишься, пожалуйста, правой стороны. Нам нужно будет повернуть направо.

Он усмехнулся снова и свернул на выезде.

Рендж Ровер плавно остановился в конце съезда и мы свернули направо на пустынную Сенат Авеню. Когда-то это была типичная пригородная улица, две полосы в каждую сторону, разделенные клумбой и декоративными деревьями. Слева простиралось поле с коротко скошенной травой. Справа была такая же покосенная лужайка, по ней проходил изгибающийся подъезд к пропускному пункту в одноэтажном кирпичном здании. Справа возвышался большой указатель на прочной металлической опоре.

ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОДСКУЮ ЧЕРТУ ХЬЮСТОНА

Второй ярко-желтый знак предупреждал большими черными буквами.

ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ

РАЗВЕРНИТЕСЬ

НЕ УТОПИТЕСЬ

— Здесь поверни направо. — Я указала на съезд.

Чокнутый Роган свернул. Съезд привел нас к кирпичному зданию пропускного пункта с

увесистым железным шлагбаумом. Еще один знак сообщал: «Частная охраняемая парковка. 2 \$ в час, 12 \$ за день».

— Позволь мне поговорить, — сказала я.

— Валяй.

Окошечко пропускного пункта открылось и на меня взглянула женщина. Она была низенькой и мускулистой, с темно-коричневой кожей и блестящими черными волосами, заплетенными вдоль головы в шесть ровных рядов косичек. На ней был бронежилет, а на столе рядом лежал «Зиг Зауэр»².

— Привет, Теа, — я показала ей свое удостоверение.

— Давненько не виделись, — отозвалась Теа. — Кто этот принц за рулем?

— Клиент.

Брови Теа поползли вверх.

- Ты притащила клиента в Дыру?

— Все бывает в первый раз.

Теа чуток подалась вперед и смерила Рогана жестким взглядом.

- В общем так, клиент. Стандартное предупреждение: вы покинули городскую черту Хьюстона. Вы входите на территорию, контролируемую Домом Шоу. Это зона ограниченной безопасности. Если вы пересечете красную линию в конце этой парковки, то можете стать жертвой жестокого преступления, вроде грабежа, нападения, изнасилования или убийства. Дом Шоу патрулирует воды, и если они увидят, что вы стали жертвой подобного преступления, они окажут вам первую помощь, но пересекая красную линию, вы должны знать, что Дом Шоу имеет ограниченную возможность вам помочь. Этот разговор записывается. Вы поняли данное вам предупреждение?

— Да, — сказал Роган.

— Ваше согласие было записано и будет использовано в качестве доказательства, если вы попытаетесь причинить ущерб или обвинить дом Шоу в том, что с вами случилось в Дыре. Войти сюда легко, выбраться трудно. Добро пожаловать в задницу Хьюстона. Повеселитесь, ребятки.

Она вытянула бумажный талон из автомата на краю стола и протянула Рогану. Он его взял. Шлагбаум поднялся и мы въехали на пустынную парковку. Роган поехал в дальний конец и припарковался у нарисованной на асфальте красной линии в фут шириной. В ста ярдах от линии простиралась заболоченная река. Мутная вода цвета зеленого чая была безмятежна. Слева из трясины торчал верхний этаж когда-то двухэтажного офисного здания. Некогда декоративные деревья стояли наполовину погруженные в воду, рядом с затонувшими коваными фонарями.

Когда то Джерси Вилладж был одним из тех маленьких городов-спутников, которые Хьюстон имел привычку поглощать по мере своего разрастания. Скучный спальный район на северо-западе от центра, Джерси Вилладж медленно перерос в надежный мини-центр, с офисами нескольких технологических компаний. Он бы и продолжал себе существовать в счастливой неизвестности, если бы не подвернулся под руку печально известному мэру Брюсу.

Мэр Томас Брюс, больше известный как Бубба Брюс, каким-то образом умудрился избраться на пост мэра, играя роль забавного парня, которого так и хочется пригласить к себе на барбекю. Оказавшись у власти, Бубба твердо вознамерился оставить после себя след в истории Хьюстона. Он всерьез хотел построить аэропорт, но поскольку аэропорт в

Хьюстоне уже был, Бубба решил построить метро. Ему было сказано, что Хьюстон возведен на болотах и грунтовые воды могут стать серьезной проблемой. Но Бубба Брюс настаивал на своем. Он планировал использовать магов, чтобы «вытолкнуть» подземные воды с территории застройки. Несмотря на громкие протесты людей намного умнее его, он приступил к делу. Двенадцать лет назад, штат магов подорвал землю для первой станции метро здесь, в Джерси Вилладж. Они провели месяц, сплетая заклинания и, наконец, активировали сложную магию. Вода покинула область. Без нее, вес города оказался слишком большим, и Джерси Вилладж, стоявший на верхушке пустой нефтяной скважины, тут же погрузился в землю. Час спустя вода вернулась с удвоенной силой, подпитываемая близлежащими рукавами реки и подземными источниками. За двадцать четыре часа Джерси Вилладж превратился в болото. Двумя днями позже, мэра Брюса уволили с должности.

Весь следующий год город безуспешно пытался осушить область. Жители пригорода обналичили свои страховки и съехали, в то время как преступники, наркоманы и бездомные обосновались в полузатопленных домах. Наконец, городской совет, измотанный судебными тяжбами и провальными попытками осушить местность, сдался и отрезал всю зону затопления от Хьюстона, из-за того, что она в одиночку увеличила рост преступности вдвое. Теперь зону патрулировали частные фирмы. Задача сдержать Дыру от полного превращения в пропасть беззакония шла вкупе с прибыльными муниципальными контрактами, поэтому из года в год переходила от Дома к Дому. Прямо сейчас за Дырой присматривал Дом Шоу. Делали они ровно столько, чтобы продлить контракт.

За десятилетие, Джерси Вилладж превратился в последнее пристанище. Магически изувеченные, гангстеры, уголовники в розыске — все они обустроили здесь свои логова, прячась от света в заброшенных офисах. Домам было на них плевать, пока они не высывались наружу. Последний раз, когда я приезжала сюда, то брала с собой Айшу для прикрытия. Это стоило мне десяти штук, и мы обе едва унесли отсюда ноги.

Я проверила пистолет в наплечной кобуре и вышла из машины. Чокнутый Роган вышел со своей стороны. В Дыру вела покосившаяся пристань, петляющая между зданий. Я пошла по мосту. Роган зашагал рядом со мной.

Заболоченные рукава рек обладали своей первозданной красотой — своего рода мрачной, древней элегантностью, с темными, стоячими водами и огромными кипарисами, поддерживающими берег своими раздутыми стволами. В Джерси Вилладж не было ничего подобного. Он просто выглядел, как затопленная местность, с которой не ушла вода. Тут и там из-под грязной воды торчали крыши проржавевших машин. Кое-какие здания помельче лопнули из-за сырости, усеяв воду плесневелым мусором. Бледно-зеленые нечистоты пленкой плавали по поверхности. Дыра вызывала отвращение, а воняла и того хуже. Все равно, что засунуть голову в старый, наполовину высохший аквариум.

— Прелестное местечко, — прокомментировал Роган.

— Ты еще не видел его обитателей.

На его губах заиграла язвительная улыбка.

- А будет приветственная вечеринка?

— Возможно.

Он остановился и преградил мне путь рукой. Вода перед нами расступилась. Протянулась когтистая рука, хватаясь за склизкую опору моста, и на деревянные доски выбралась голая женщина. Ее зеленую кожу покрывали пёстрые разводы, а на торчащих ребрах можно было играть, как на ксилофоне. Она уставилась на меня тусклыми, пустыми

глазами.

— Как поживаешь, Черри? — спросила я.

— А как ты думаешь, черт побери? Принесла мне мясо?

Я полезла в рюкзак и вытащила оттуда пластиковый контейнер с двумя сырыми окорочками.

— Баг еще жив?

— Да. Он в своей старой берлоге в здании Ксадар. Держись подальше от главного моста. У Пичи с Монтрелем разборки.

Это значило, что Пичи убрал своего бывшего босса. Не хорошо. Я передала контейнер Черри. Она схватила куриную ногу и вгрызлась в нее треугольными крокодильими зубами. Я обошла ее и двинулась дальше. Чокнутый Роган последовал за мной.

— Твоя подружка?

— Я познакомилась с ней года два назад, — сказала я. — Она магически изувечена.

— Это я вижу.

Магия была забавной штукой. Почти полтора столетия назад, когда была впервые изобретена сыворотка, дающая магические силы, некоторые люди, приняв ее, стали обладать властью, другие же превратились в монстров. Теперь, поколения спустя, у всех нас была вероятность стать изувеченными. Временами, когда люди пытались увеличить свою силу, их магия реагировала ужасным образом, и они становились как Черри — деформированными.

— Что с ней случилось? — спросил он.

— Я не знаю. На ее руках остались следы от укусов, поэтому похоже, что когда-то она была наркоманкой. Вероятно, продалась в какой-нибудь институт или Дом для экспериментов по увеличению силы, и что-то пошло не так. Я приношу ей курицу в обмен на информацию.

— Это редкое для нее угощение? — спросил он.

— Да.

— Тогда твоя сделка провальная. Она не сказала тебе ничего стоящего, чтобы заслужить курицу.

— Она сказала мне, что Пичи убил Басту и захватил Южный берег. Монтрель владеет северным берегом, и с ним можно договориться, а Пичи — конченный псих, и у нас не получится его избежать, потому что дороги, которые туда ведут, можно пересчитать по пальцам. И здание Ксадара находится на Южном берегу.

— Ты могла бы узнать от нее намного больше.

Я повернулась к нему.

- К чему ты клонишь?

Чокнутый Роган мелькнул рядом со мной.

- Ты приносишь ей курицу, потому что тебе ее жаль.

— Да. В чем проблема?

— Я не сужу, — сказал он. — Тебе позволительно иметь сострадание.

О, отлично. Спасибо за разрешение.

— Ты опять это делаешь.

— Делаю что?

— Воображаешь, будто можешь говорить мне, что делать.

Мост разделился, и мы свернули направо, в сторону от основного пути. Впереди, офисные здания торчали из воды, будто острова из кирпича и бетона. Крыши пестрели

металлическими штырями, поддерживающими вереницы проводов. Над вторым этажом каждое здание пересекала желтая полоса трафаретных букв: «Никакого тока ниже этой линии».

Меня коснулась магия Чокнутого Рогана и я поборола желание отпрыгнуть назад.

— Как я сказал, я не сужу, — повторил он. — Если бы ты заехала ей в челюсть, а не дала курицу, я должен был бы это понимать. Если бы ты швырнула курицу, заставив ее плыть за ней — я должен был бы понять и это тоже. Чем больше я знаю, тем лучше я смогу предугадать твои действия, когда это будет необходимо. Например, если голодающий мужчина направит на тебе пистолет и заставит поднять руки, ты так и сделаешь, потому что тебе будет его жаль. Вот такой ты человек.

— А какой же человек тогда ты?

Его лицо стало жестким.

-Тот, который стреляет первым.

Мост завернул за офисные здания. Мы прошли мимо первого полузатонувшего гиганта из бетона. Впереди, мост резко обрывался. Я остановилась.

— Вот черт.

— Придется пройти по главному мосту? — спросил Роган

Я запустила руку под ветровку, выудила свой пистолет из кобуры и переложила его в карман. Чокнутый Роган наблюдал за мной с легким любопытством. Мы свернули налево, пройдя по шаткому, узкому мостику, выведшему нас на открытое пространство между офисными зданиями. Здесь поднимался клочок земли.

Годами обитатели Дыры сбрасывали сюда кучи гравия, бетона и кирпичных обломков, пока не образовался узкий прямоугольный остров. От него расходились деревянные мосты, сворачивая во всех направлениях. Прямо передо мной, мужчины и женщины выглядывали из окон заброшенного здания. Справа, вокруг чего-то толпилась группа людей.

Я ступила на остров. Толпа расступилась, из нее вышел высокий мужчина. Он был худым и бледным, с руками и ногами, слишком длинными для его тела. Редкие рыжеватые волосы обрамляли его лицо, свисая спутанными прядями цвета спелого персика.

— Пичи? — пробормотал рядом Роган.

— Да.

— Есть что-то, что мне нужно знать?

— Он выпускает тучи ядовитых болотных мух.

Всем известно, что растлители малолетних выглядят, как обычные, нормальные люди. Пичи выглядел именно так, как вы могли бы представить себе педофила. Его лицо не было неприятным, но было что-то тревожное в глубине его взгляда. Что-то болезненное и жуткое. Оно проливалось на вас, как старое масло из фритюрницы.

Пичи ткнул в Чокнутого Рогана за моим плечом.

— Эй, ты! Ты! Какого х... ты делаешь в моем доме?

Слева от него, высокий мужик выставил «Глок». Рядом с ним, женщина в черном топе и запачканных грязью джинсах подняла «Чаппа Рино». Дело дрянь. Вот только оголенных стволов нам и не хватало.

— Мы не хотим никаких проблем, — сказала я. — Мы просто проходим мимо.

— Проблем? Я твоя гребанная проблема, с...! — Пичи замахал руками. Его лицо покраснелось. Он корчил из себя крутого. Будь он диким индюком, то раздул бы все свои перья. В любую минуту он мог прибегнуть к насилию. Чокнутый Роган, должно быть,

отключил тревогу в мозгу Пичи, позволив ему себя унижить. — Думаешь, можешь просто так пройти здесь со своей с...й?

Чокнутый Роган не ответил.

— Ты немой, придурок? Немой? — С губ Пичи полетела слюна. Он сократил дистанцию.

Мой пульс ускорился. Коленки слегка задрожали от прилива адреналина.

Казалось, Пичи вот-вот протаранит Чокнутого Рогана своей грудью. Роган посмотрел на него. Это был холодный, равнодушный взгляд. Пичи решил, что двух футов пространства между ними хватит.

— Ты сейчас на моей земле! Я здесь главный!

Его рука едва не задела меня, пока он ею махал. Я сделала шаг назад.

— Какого х... ты дергаешься! Стреляйте в нее, если она шелохнется.

Мужчина слева снял «Глок» с предохранителя.

Пичи наклонился ближе.

— Знаешь, что я тебе скажу? Будь я в хорошем настроении, то надрал бы тебе зад и отправил обратно без твоей с...и, но сейчас у меня плохое настроение. У меня паршивое настроение, придурок. Я пристрелю твою с...у прямо здесь, а затем засуну тебя в дыру. Ты стоишь денег, придурок, потому что выглядишь стоящим денег.

Я могла пристрелить Пичи с того места, где стояла. Мне и раньше приходилось стрелять через карман. Я должна была его пристрелить хотя бы потому, что если он выживет, выпущенные им мухи превратят меня в кучу нарывов. Прицелиться сквозь карман было сложно.

Чокнутый Роган улыбнулся широкой, примирительной ухмылкой и поднял руки.

— Эй, эй. Не нужно заводить. Смотри, никакого оружия. Я вижу, что ты главный. Ты здесь главный.

— Вот именно!

— Ты ведь бизнесмен, верно? — Чокнутый Роган продолжал улыбаться, его выражение лица было приятным и располагающим. — Давай поговорим, как два бизнесмена. — Он пригласил Пичи к мосту, по которому мы пришли. — Давай просто успокоимся на минуту и поговорим, хорошо, приятель?

— Гони бабло, придурок. — Пичи направился к мосту вместе с Чокнутым Роганом. Роган шагал рядом с ним.

- Я понимаю, что это все твое, и ты здесь главный, и все такое...

Чокнутый Роган схватил Пичи за горло, оторвал его от земли и швырнул в воду, как если бы здоровяк ничего не весил.

Несколько вещей произошло одновременно: я выдернула пистолет и заняла стойку; стволы на «Глоке» у мужчины и «Чаппе» у женщины соскользнули с пистолетов, будто срезанные лезвием бритвы; Пичи плюхнулся в воду. Мы все замерли, не двигаясь — я с «Ругером», нацеленным на толпу, а двое стрелков — с безучастными взглядами на свое обезображенное оружие.

Мужик раскрыл руку, позволяя остаткам «Глока» упасть на землю.

— Да я прикончу тебя нах...! — заревел Пичи, вставая на ноги по пояс в воде. Темно-зеленые точки закружились вокруг него. Рой болотных мух выстрелил из его рук, окутывая его, словно шаль.

Чокнутый Роган щелкнул пальцами. Стена ближайшего дома откололась одним

большим, двадцатифутовым куском, и рухнула на Пичи.

Боже мой.

Роган повернулся лицом к толпе. Позади него большая трещина поползла по стене здания, и кирпичи со штукатуркой посыпались на первый обломок. Никто не закричал.

На кучу приземлился последний кирпич, и стало тихо, как в могиле.

— Теперь мы знаем, — ледяным голосом произнес Чокнутый Роган. — Я — главный. Я командую вами. Я командую парнем по соседству. Я владею землей, на которой вы стоите. Когда меня нет, меня не волнует, кто главный. Когда я отсюда уйду, вы можете поубивать друг друга, выясняя, кто будет рулить в мое отсутствие. Но скажу прямо: когда я здесь, когда вы меня видите, я — главный.

Женщина бросила свой обезображенный пистолет на землю. Остальные люди Пичи стояли неподвижно.

— Есть вопросы? — спросил Чокнутый Роган.

Коротышка в рваной толстовке «Далласских Ковбоев» медленно поднял руку. Женщина в топе схватила его за руку и опустила ее вниз.

— Тогда ладно. Можете идти.

Не успела я и трех раз вздохнуть, как остров опустел.

— В какую там сторону к твоему специалисту? — спросил Роган.

Глава 9

— Ты убил Пичи. — Я переступила через дыру на мосту.

— Конечно, я его убил.

Я открыла рот и тут же его закрыла.

— Ладно, — вздохнул Чокнутый Роган. — Это тебе отвлекает, а ты мне нужна в рабочем состоянии, так что давай это исправим. Какая часть случившегося тебя расстраивает?

Я снова открыла рот и снова его закрыла, не сказав ни слова. Пичи мог на нас напасть, мог, вероятно, убить нас, поэтому поступок Рогана был оправданным. Но эта его внезапная жестокость... То, как он сделал это — без колебаний. Вот Пичи только что был здесь, а в следующее мгновение его уже нет. От него не осталось ни следа. Его стерли с лица Земли. Он был... мертв.

— Давай помогу, — сказал он. — Всю твою жизнь тебя учили, что убивать других людей неправильно, и эта вера сохраняется даже перед лицом фактов. Пользуясь случаем, нас мог убить не только Пичи, а так я убил лишь одного человека вместо полудюжины его соратников. Я спас нескольких человек, но твои убеждения говорят тебе, что я совершил нечто ужасное. Но это не так. Он начал. Я закончил.

— Речь не об этом. Я была готова прострелить ему башку.

Но когда ты в кого-то стреляешь, всегда остается небольшой шанс, что человек выживет. Останется тело. То, что он сделал, было настолько окончательным и неожиданным, что мне потребовалась пара минут, чтобы с этим примириться.

— Тогда о чем?

— Ты его... — Я подыскивала слова. — Размазал.

Чокнутый Роган озадаченно на меня посмотрел.

— Размазал.

— Да.

— Какое-то мгновение я подумывал пронзить его стальным прутом с крыши, но потом решил, что это будет для тебя чересчур зрелищно. Или такой способ был бы предпочтительнее?

Я представила себе Пичи с торчащим из живота стальным штырем.

— Нет.

— Мне, правда, хотелось бы знать, — сказал он с искренним любопытством. — В следующий раз, убивая кого-то, я хотел бы сделать это таким образом, чтобы это не вызвало у тебя ступор.

— Почему бы просто никого не убивать?

— Я не могу этого обещать.

Разговорчик с драконом: «Как дела? Ел авантюристов в последнее время? — Само собой, вот одного прямо этим утром. Видишь, у меня в зубах застряла его бедренная кость. Тебя это расстраивает?»

Впереди замаячило здание Ксадар — три этажа над водой, с выцветшей зеленой вывеской, покрытой пятнами болотной ряски. Путаница проводов на крыше выглядела, словно черная паутина. Где-то внутри, в центре этой паутины, сидел Баг, охваченный своим истерическим помешательством. Я остановилась.

— Не убивай Бага, — сказала я. — Не вздумай.

Чокнутый Роган улыбнулся.

— Я серьезно. Если убьешь Бага, нашей сделке конец.

— Ладно.

Я продолжила идти.

— Может, тебе стоит составить список людей, которых я могу убить, и то, каким образом они могут умереть, — предложил он.

— Ты не умеешь шутить.

— Даже очень умею. Спроси у Пичи.

Мы подошли к зданию и забрались внутрь через большое окно второго этажа. Технический ковролин источал влажный, затхлый запах. По поваленным кабинкам ползали слизи. На стене висел старый мотивационный плакат, изображающий альпиниста, свисающего на руках с обрыва. «Разрушь границы» — сообщала надпись под ним за потрескавшимся стеклом.

— Ни к чему не прикасайся, — предупредила я. — Все его логово заминировано.

Я прошла по узкому пути между кабинок, остановилась перед камерой, вмонтированной в углу, и подняла флакончик оранжевых таблеток. Интерком где-то поблизости заскрипел помехами и раздался хриплый мужской голос.

— Оставайтесь там. Я пришлю Наполеона. — Помехи стихли.

— Ты хоть раз убила кого-нибудь? — спросил Роган.

— Нет. Однажды я видела, как погиб человек. — Мне не стоило этого говорить.

— Как это случилось?

Я взглянула на него и остановилась. Он смотрел на меня так, будто я собиралась рассказать ему самую интригующую тайну мира, и он был готов выпить каждое слово. Даже его магия витала вокруг него в нетерпении. Несколько раз мне удавалось безраздельно завладеть вниманием Рогана, и это не пугало. Это... льстило. Сколько я буду говорить, столько он и будет вот так на меня смотреть, а для большинства женщин уже этого было достаточно, чтобы рассказать ему все, что он хочет. А если расскажу ему лишнее, он

непременно найдет способ использовать это против меня.

Он все еще ждал. Ну, вот какого черта.

— Папа хотел, чтобы я узнала разные области работы частного детектива, поэтому, когда мне было шестнадцать, я стажировалась у агента по изъятию автомобилей. Он работал вместе со своими двумя сыновьями. Наши первые несколько выездов прошли отлично. Мы находили автомобиль, подкрадывались к нему, и отбуксовывали его, как киношные шпионы на секретном задании. Это было захватывающе. Ребята рассказали мне, как люди пытаются проверить аферы с банками, и что поэтому мы все делали правильно.

У меня пересохли губы. Спустя почти десятилетие, я все еще это переживала.

— Что случилось? — спросил он, его голубые глаза так располагали к себе. Мужчина не имеет права быть таким сексуальным, даже не пытаясь.

— Мы пытались отбуксировать пикап у маленького пригородного коттеджа, когда из дома вышла женщина. Она держала на руках малыша и в ее глазах застыло отчаяние. Она сказала: «Забирайте его. Я все равно не могу позволить себе бензин». Выражение ее лица было ужасным. Я должна была тут же остановиться. Позвонить папе и попросить его забрать меня оттуда. Но я пыталась сделать все правильно. Папа устроил меня на эту работу, и я собиралась ее выполнить, даже если она — отстой.

Парни только закончили прикреплять буксирный трос, а потом этот человек вырвался из дома с винтовкой и начал в нас стрелять. Без предупреждения. Мы даже не могли залезть в свой грузовик. Мы просто спрятались за ним. Женщина кричала, но он продолжал стрелять по нашей машине. Даг позвонил в полицию. Они быстро приехали. Мужчина обстрелял полицейскую машину, и полицейские застрелили его. Я видела, как пули попали ему в грудь, а потом он рухнул. Дети выбежали из дома, и все начали плакать и кричать. Я помню, как копы уводили его жену, и она пыталась сказать им, что он был хорошим человеком и не стал бы делать нечто подобного. Позже я узнала, что он потерял работу четыре месяца назад, и его дом отходит банку. Папа приехал и забрал меня, и я больше никогда этим не занималась. — За что я целый месяц по утрам благодарила свою счастливую звезду. — Твоя очередь. Первый человек, чью смерть ты видел.

— Мне было семь, — начал он, его голос был тихим и глубоким. — Я практиковал заклинания, а мой дед наблюдал за мной. Он дремал в кресле, как это обычно бывало. Внезапно, он схватился за голову, застонал и упал. Я подбежал к нему, но он не дышал. У него произошел разрыв аневризмы. Я сбегал вниз по лестнице и рассказал бабушке, что дед умер. Она сказала мне, что лень — худшая черта в человеке, и вранье, чтобы избежать практики, немногим лучше. Затем она сказала Джерарду, своему слуге, отвести меня в кабинет и запереть там. Я два часа просидел на полу, глядя на труп своего деда.

О боже.

Из коридора донесся легкий шорох и в поле зрения показался маленький пес. Он был приземистым, с огромными треугольными ушами и приплюснутой мордой, сообщающей, что когда-то его бабушка загуляла с французским бульдогом. Происхождение остальных его ДНК было загадкой. Он был насыщенного черного цвета, с густой и жесткой шерстью, и двигался так, будто был в своем царстве.

— Привет, Наполеон, — сказала я.

Наполеон удостоил меня взгляда темных глаз на его симпатичной горгульей морде. Затем он развернулся и потрусил по коридору.

— Собака-проводник, — сказал Роган.

— Да. Будь осторожен. Багу нравится растягивать повсюду прозрачную леску. Если ты ее заденешь, может случиться что-то плохое.

— Насколько плохое? — спросил он.

— Вроде взрыва.

Мы проследовали за Наполеоном через лабиринт коридоров на третий этаж. Массивная стальная дверь преградила нам путь. Я вытащила свой «тазер» из рюкзака.

— Никаких убийств.

— Буду паинькой, — заверил Роган.

Дверь лязгнула и открылась в комнату, уставленную мониторами. Они росли со стен и потолка на узких креплениях, словно прямоугольные электронные цветы, распутившиеся на лианах из кабелей. В центре этих цифровых джунглей в разорванном кольце клавиатур, выдвинутых из стен, на вращающейся платформе сидел мужчина. Его одежда — грязная, темная футболка с длинным рукавом и армейские брюки — знавала лучшие времена, и висела на его худощавой фигуре. Его темные растрепанные волосы спадали на глаза, вместо того, чтобы быть зачесанными назад с широкого и высокого лба. Они соревновались с одеждой в том, кто дольше продержится без мытья. Маленький нос и небольшой рот в сочетании с треугольной челюстью делали его лицо непропорционально массивным сверху. Его большие карие глаза горели безумным огнем. А руки тряслись.

— Дай ее мне. — Он соскочил со своего стула. Он был примерно моего роста и весил фунтов на двадцать меньше. — Дай мне.

Я подняла «тазер».

— Сначала работа.

Он запрыгал на месте.

— Она мне нужна. Дай ее мне.

— Сначала работа.

— Дай! Дай, дай-даймне... — Он двигался слишком быстро, нервно и дрожал. Слова начали сливаться друг с другом. — С. кадайсюда-дай-даймне-надо-надо-надо...

— Сначала работа.

— Черт! — Баг развернулся на ноге. — Что?

— Адам Пирс. Найди его.

Он поднял вверх палец.

— Чтобы снять напряжение. Одну. Одну!

Я передала пузырек Рогану, не сводя «тазер» с Бага. Он уже кидался на меня раньше.

— Пожалуйста, дай ему одну таблетку.

Чокнутый Роган открыл баночку. Таблетка поднялась в воздух. Обалдеть. Он обладал сумасшедшим контролем.

Пилюля поплыла к Багу. Тот схватил ее прямо в воздухе, вытащил нож из чехла на поясе, и, положив таблетку на стол, отсек от нее треть. Дрожащими пальцами он смахнул меньший кусочек со стола и закинул в рот. Баг замер, вытянувшись на цыпочках, руки по швам, словно собирался вот-вот взлететь. Дрожь прекратилась. Внезапно он стал совершенно спокойным.

Чокнутый Роган посмотрел на меня.

— Экузол, — пояснила я.

Экузол был военным препаратом, созданным, чтобы вывести вас на новый уровень. Если вы были сонными, он заставлял вас бодрствовать; если же были взвинчены, то

успокаивал. Стоило его принять и все тут же прояснилось. Вы все видели, все замечали, быстро реагировали и ничего не боялись. Он предназначался для снайперов и водителей конвоя. Они принимали его во избежание промахов или усталости, а после окончания его действия спали по двадцать часов подряд. Это было засекреченное вещество, но у моей мамы все еще были связи.

Баг открыл глаза. Странная, нервная истерика все еще читалась в них, но она отступила, притихла внутри.

— Они успокоились, — сказал он тихо и улыбнулся.

Я кивнула на пузырьки.

— Адам Пирс.

Баг сел на место и закатал рукава своей темной засаленной рубашки. Его предплечья покрывали дюжины крохотных точек, каждая словно отдельное тату, сливающиеся вместе в тайный узор. Его руки запорхали над десятком клавиатур, будто он был виртуозным пианистом. Воздух наполнила успокаивающая мелодия транс-музыки. Изображения на экранах замелькали слишком быстро, чтобы можно было за ними уследить. Он проникал в систему камер наблюдения на улицах. Я уже видела, как он делал это раньше, и в этом он был эксперт.

Лицо Чокнутого Рогана приобрело холодное, сосредоточенное выражение. Его глаза стали безжалостными.

— В чем дело? — спросила я тихо.

— Он — свормер, — процедил он сквозь зубы.

— Да.

— Как долго?

— Как долго он им был?

— Да.

— Три года. Он был привязан к рою два года во время службы, и уже год, как вышел в отставку из ВВС.

Чокнутый Роган разглядывал Бага.

— Он должен быть мертв. Продолжительность их жизни после привязки — восемнадцать месяцев.

— Баг особенный.

Свормеры были специалистами по наблюдению. Они были магически связаны с тем, что сами описывали как рой. Рой никак не проявлялся физически. Он каким-то образом существовал внутри разума свормера, позволяя ему или ей распределять внимание на сотни независимых задач, подобно тому, как река растекается на узкие ручейки. Свормеры с нечеловеческой скоростью обрабатывали информацию. Большинство из них проходило привязку в армии, и выдерживало не больше двух лет после этого. На эту процедуру соглашались либо те, кто был неизлечимо болен, либо те, кого привлекала денежная выплата для семьи. Баг каким-то образом выжил. Возможно, дело было в камере сенсорной депривации³, или он просто лучше подходил для этого, но он выжил, вышел в отставку из ВВС и спрятался здесь, вдали от всех.

Чокнутый Роган сжал зубы. От этого его челюсть стала казаться еще более квадратной.

— Тебя это волнует? — спросила я.

— Меня волнует то, что они делают с солдатами — выжимают из них все соки, а затем выбрасывают их как мусор. Люди об этом знают, но никто и бровью не ведет. Приемлемые

потери. — Он произнес это так, словно слова обжигали ему рот.

Какая-то часть в драконе все же была человеческой.

Мой мобильник зазвонил. Неизвестный номер. Опять. Я ответила.

— Да?

— Привет, Снежок, — промурлыкал Адам Пирс.

Я поборола желание заорать в трубку.

— Привет, Адам. — Я включила громкую связь. — Ты решил все-таки сдать?

Чокнутый Роган в мгновение ока перешел от ледяной ярости к хищной настороженности.

— Возможно. Ты все еще меня хочешь? В смысле, любишь. Забавно, как я продолжаю повторять эту ошибку.

— Возможно, — сказала я. — Не хочешь встретиться и поговорить об этом?

— Не сейчас, — сказал Адам. — Сегодня вечером я занят. Может позже.

— Нашел, — Баг щелкнул по клавиатуре.

Экран замерцал и показал одно и то же изображение с нескольких углов. Адам Пирс стоял на углу оживленной улицы, прижав телефон к уху. Он был одет в свои фирменные черные кожаные штаны и черные ботинки. Напротив него высилось высокое десятиэтажное здание, его тусклые, дымчатые стекла пересекали полосы ярко-желтого. Слева, другое здание — высокая, узкая башня, — отражало в серебристых окнах лучи вечернего солнца.

— Ты искала меня? — спросил Адам. — Так мило.

— Ты уверен, что не хочешь встретиться?

— Да. Включай телевизор. Мне есть, что тебе показать.

Связь оборвалась. На экране Адам швырнул телефон на улицу и сбросил следом куртку, обнажая голую, мускулистую спину. Его лицо мелькало в выпусках всех местных новостей как минимум раз в день, и вот он здесь, посреди бела дня раздевается у всех на виду. Кто-нибудь непременно его узнает и вызовет копов. Черт.

Адам вышел на середину перекрестка, не обращая внимания на дорожное движение. Завизжали шины, когда занесло темный седан, отчаянно пытавшийся не врезаться в него. Он поднял голову. Воздух вокруг него задрожал, поднимаясь вверх. Ветер подхватил бумажную полоску чека и тот тут же вспыхнул, осыпаясь на землю рассыпчатым пеплом.

На асфальте вокруг него вспыхнуло кольцо огня. Ярко-оранжевые языки пламени устремились в стороны, растекаясь сложным узором. Тайный круг ожил в огне. Должно быть, он нарисовал его на асфальте каким-то горючим.

— Что это? — спросила я.

— Я не знаю, — прорычал Роган. — Но это связано с огнем. Могу лишь сказать, что это круг высокого уровня. Он собирается выбросить огромное количество энергии.

Адам откинулся назад. Тугие мускулы перекачивались под кожей. Он широко развел руки, бицепсы подрагивали от напряжения. Его тело замерло, мышцы напряглись, сухожилия натянулись. Крылья зеленого ягуара, припаркованного в нескольких футах, начали плавиться.

— Где это? — спросил Роган.

— Угол Сэм Хьюстон Драйв и Беар Стрит, — ответил Баг.

В десяти минутах от нас, за Сэм Хьюстон Парквей.

Движение вокруг Адама остановилось. Люди вышли из своих машин и глазели на него.

— Увеличь, — приказал Роган.

Баг коснулся клавиши. Камера приблизила Адама. Его глаза исчезли. Вместо них на мир теперь смотрело ослепительно-желтое пламя. Полупрозрачная новая форма обволокла тело Адама, вспыхивая тут и там насыщенным, пламенным оранжевым. Его руки выпустили 30-сантиметровые призрачные когти, словно он натянул пару демонических стеклянных перчаток. Полупрозрачные крючковатые шипы усеяли его спину.

— Чертов ублюдок, — фыркнул Роган. — Я знаю, что это.

Между растопыренных пальцев Адама образовался блестящий, раскаленный добела фаербол, переливающийся красным и желтым.

— Это Хеллспаун, — сказал Роган. — Особое заклинание высшего уровня Дома Пирсов.

Высшие заклинания были результатом многих поколений поисков и экспериментов, и Адам Пирс собирался использовать одно из них, чтобы устроить хаос посреди города. Сейчас весь Дом Пирсов должен был хватить коллективный припадок. Адам раскрыл рот и изрыгнул на темное здание поток пламени. Стекла разлетелись, осыпаясь на землю дождем. Огонь ударил по зданию. Часть пламени устремилась прямо вверх, расплавляя стекло в колонне огня.

Закричали люди. Взвыли пожарные сигнализации. Башня огня устремилась выше — необузданная мощь Превосходного, слетевшего с катушек.

На улицу влетела пожарная машина, обогнула Пирса и остановилась на парковке у серебристой высотки. Странно.

— Ты тоже это видишь? — спросила я.

— Да. — Роган сосредоточился на пожарной машине.

Двери пожарной машины распахнулись, и из нее выскочили люди в форме пожарников, целенаправленно двигаясь в сторону здания.

Я подумала вслух:

— Зачем эвакуировать это здание, вместо того, что он поджег? Можешь его увеличить?

Баг отбил быстрое стаккато по клавиатуре. На трех экранах приблизилось изображение пожарной команды.

Двое из них несли пожарные топоры. Остальные трое держали винтовки. Не было ни одной разумной причины, по которой пожарникам могли понадобиться винтовки. Когда люди сталкиваются с перспективой быть запертыми в горящем здании, они паникуют. Поэтому мы тратим огромное количество времени на обучение детей никогда не сомневаться в том, что сказал делать дядя в костюме пожарника. Нас настроили с раннего возраста, не задумываясь, слепо повиноваться приказу пожарника, потому что он был здесь, чтобы нас спасти. Если пожарник сказал бы эвакуироваться, мы бы тут же побежали к ближайшему выходу.

Что и следовало ожидать — двери здания распахнулись и из них хлынули люди в деловых костюмах.

Чокнутый Роган помрачнел.

Адам Пирс был диверсией. Настоящая цель была в том здании, и «пожарники» с винтовками шли за ней.

Экраны потемнели.

— Сри огнем — береги спички, — выругался Баг. — Кто-то вырубил уличные камеры. Попытаюсь с другой стороны...

Экраны замерцали, все так же темные.

— Никаких камер на другой стороне улицы. — Брови Бага сошлись на переносице. —

Чле.....и.

Чокнутый Роган схватил меня за руку.

— Теперь нам точно пора. Идем.

— Сначала Экузол! — взвыл Баг.

Я бросила ему баночку, и он схватил ее прямо в воздухе.

— Наполеон, наружу!

Наполеон спрыгнул с подушки и выскочил из комнаты. Я побежала за ним.

Роган продиктовал Багу телефонный номер.

— Найди глаза внутри этого здания, и я дам тебе в два раза больше волшебных таблеток. — Мы побежали по коридорам, стараясь не споткнуться обо что-нибудь.

Чокнутый Роган поднес телефон к уху. — Мне нужен список фирм в высотке на углу Сэм Хьюстон Драйв и Беар Стрит. Чертежи, права собственности — пришлите мне все.

— Думаешь, Адам — это диверсия? — Я едва не врезалась в грудь стульев.

— Если так, то очень хорошая.

Мы вбежали на деревянный мост. Что-то мелькнуло в пустом окне здания напротив, отразив солнце. Я схватила Чокнутого Рогана за руку и дернула к себе. Раздался выстрел.

— Где? — прорычал Роган.

— Верхний этаж, левый угол.

Кусок бетона размером с баскетбольный мяч оторвался от кучи обломков и влетел в темное окно. По зданию эхом прокатился приглушенный крик, похожий на «оу!»

Мы побежали по мосту.

— «Кроун Тех» — донесся спокойный мужской голос из телефона Рогана. — «Эмеральд Дриллинг», «Паломо Индастриз», «Трубопроводное оборудование Пауэлла», «Бикард», «Стэнг и партнеры», и «Корпорация информационных услуг «Райзен».

Чокнутый Роган бросил трубку.

— Это о чем-нибудь тебе говорит? — спросила я.

— Нет.

Впереди, мост пересекал узор, нарисованный углем и мелом. Раньше его здесь не было. Чокнутый Роган нахмурился. Доски с узором проломилась, и в воздух выстрелила вспышка дурно пахнущего зеленого тумана. Он перепрыгнул через дыру. Я прыгнула следом.

— Похоже, они пытаются меня убить, — заметил он.

— Ты заявился в Дыру и надрал им задницу на их же территории. Конечно, они попытаются тебя убить. Привыкай.

Мост задрожал под нашими ногами. Мы пробежали через остров к ведущему на выход мосту.

Впереди, солнце отразилось длинным, горизонтальным проблеском прямо на уровне горла Рогана.

— Проволока!

— Вижу. — Он вытащил нож из джинсов и рассек проволоку. Та со щелчком разделась, свернувшись с обоих концов спиралью. Мы выбежали с моста на парковку и запрыгнули в Лэнд Ровер. Чокнутый Роган так быстро вырулил с парковки, что машину едва не занесло. Я схватилась за дверную ручку из-за чистого инстинкта самосохранения.

— Если он использует Хеллспаун, мы просто не сможем к нему подобраться, — сказал Роган.

— Что?

— Хеллспаун образует нулевое пространство.

— А по-английски?

— Количество используемой им магии настолько велико, что границы круга, в котором он находится, не существуют в нашем физическом мире.

— Как они могут не существовать? Что это за... — Крохотное серое тельце приземлилось перед Лэнд Ровером. — Белка!

Чокнутый Роган свернул в сторону, пытаясь миновать суицидальную животину. Внедорожник налетел на бордюр и подпрыгнул. Какую-то ужасающую секунду мы почти летели, невесомые. Мое сердце подскочило к горлу. Тяжелая машина с грохотом приземлилась обратно на тротуар. На другой стороне белка прыгнула в траву.

Я вспомнила, что нужно дышать.

— Спасибо, что не убил белку.

— Пожалуйста, хотя сейчас я подумываю вернуться и придушить ее. — Чокнутый Роган свернул на магистраль. — Вернемся к тайным кругам. Граница круга — это то место, где наша физическая реальность встречается с тайным миром, местом, куда мы отправляемся, к примеру, чтобы создать рой для свормеров. Это маленькая дыра в нашем пространстве. Ничто не может проникнуть в круг, пока действует нулевое пространство. Ты можешь стоять на улице и забрасывать Пирса гранатами, а они будут просто отскакивать от него.

Это мы еще посмотрим.

Пока Лэнд Ровер летел по шоссе, я проигрывала у себя в голове воображаемый разговор с Адамом. «Привет, Адам. Не ты ли случайно поджег мой дом и пытался убить мою бабушку?» Мне было сказано привести его живым. А вот в каком состоянии — это уже на мое усмотрение. Может, я смогла бы повторить этот фокус снова, как с Чокнутым Роганом — пригвоздить Адама к месту и заставить его ответить на мои вопросы. Готова поспорить, у меня бы вышло. Уже от одной мысли о бабуле Фриде меня начинало трясти.

Чокнутый Роган вышел, и я взглянула на часы. Четыре минуты. Мы добрались в рекордное время.

Перед нами раскинулась обездвиженная улица, где посреди перекрестка Адам Пирс извергал на здание поток раскаленного пламени. Две груды обломков, еще недавно бывших автомобилями, медленно плавилась в нескольких десятках футов от него.

Чокнутый Роган ударил по тормозам, и Лэнд Ровер с визгом остановился.

— Подъедь поближе, пожалуйста. — Я потянулась за пистолетом.

— Слишком горячо. Смотри.

Тротуар рядом с кругом Адама стал темным и мягким. Он плавил асфальт.

Я выпрыгнула из машины и меня обдало жаром, блокирующим мне путь, словно стена.

Роган выскочил из машины следом, лязгнув дверью. Металлический столб уличного фонаря разломился пополам и полетел в Адама Пирса, будто копьё. Столб настиг круг и срикошетил, закрутившись в воздухе прямо в нашу сторону. Я охнула. Столб развернулся и ударил о невидимую границу магического круга Адама, заскользив по ней.

Чокнутый Роган скривился.

Столб с лязгом приземлился на асфальт.

— Нулевое пространство, — сказал он. — Идем.

Я могла видеть Адама. Он был прямо здесь. Черт.

— Невада! Мы теряем время.

Прямо здесь.

Но «пожарники» и Адам были заодно. Если мы получим то, за чем они явились, Адам сам к нам придет.

Мы развернулись и запрыгнули обратно в Лэнд Ровер. Чокнутый Роган резко свернул влево, объезжая здания по направлению к серебристой башне. Он остановился у ее парадного крыльца, и мы вышли. Стоило мне ступить на каменные ступеньки, ведущие к двери, как мою голову охватила ослепляющая боль, сжимающая мозг словно тиски. Я сделала еще один шаг вверх по лестнице. Дверь поплыла у меня перед глазами. Боль раздирала череп изнутри. У меня возникло нелепое ощущение, будто мой мозг распух, как воздушный шарик и готовился вот-вот лопнуть.

— Их маг блокирует дверь. — Чокнутый Роган вернулся на тротуар и побежал направо, глядя на свой телефон.

Я последовала за ним. Стоило мне сойти с лестницы, как головная боль испарилась. Было бы неплохо иметь такую силу. С ней мне бы не понадобилась складная лестница в мою комнату.

Вдалеке завывали сирены. Спасатели уже были в дороге, а это значило, что липовые «пожарники» в здании будут спешить сделать свои дела до того, как сюда заявится хьюстонская полиция. Нам нужно найти способ попасть внутрь, причем сейчас же.

Раз пожарники оставили кого-то прикрывать парадный вход, значит, была вероятность того, что они все еще оставались на первом этаже. Если бы их цель находилась на другом этаже, они не стали бы оставлять кого-то у входа, а отправились бы на тот этаж все вместе. Но они оставили караул, поэтому все они, вероятно, были на первом этаже. Они были вооружены, а значит, могли прикрывать и боковые входы. Таким образом, у нас оставались лишь окна, но нижний этаж здания был сплошным камнем, а первый ряд окон начинался в восемнадцати футах над землей.

— Они ожидают, что люди станут заходить через боковые входы, — выкрикнула я.

— Поэтому мы не пойдем через боковой вход. — Чокнутый Роган показал мне чертеж на телефоне. — Есть пять способов попасть в вестибюль: парадный вход, два боковых, лифт и внутренняя лестница.

— Отлично. — Они эвакуировали здание, поэтому не будут ожидать, что мы придем по внутренней лестнице. — Теперь нам только осталось попасть в само здание.

Роган указал на пару зеленых, промышленного размера мусорных контейнера. Они заскользили по тротуару к нам. Первый контейнер врезался в стену. Чокнутый Роган напрягся. Вторым контейнер поднялся в воздух и приземлился на первый, чуть свисая с одной стороны. Вместе, они были достаточно высокими, чтобы позволить нам добраться до окон второго этажа.

Я ухватилась за первый контейнер и полезла наверх. Черные и белые мешки наполняли его почти до краев, и мне нужно было перелезть через них, чтобы достать до второго контейнера. Я ступила вниз и тут же утонула по самые колени. Верхний мешок лопнул, вывалив на мои джинсы тонну тухлой лазаньи. Меня окутала вонь прокисшего соуса для спагетти. Фу. Из всего мусора с этого огромного здания, мне нужно было вляпаться в мешок пищевых отходов. Твою дивизию.

Теперь они точно учуют мой приход.

Я пробралась через мусорные пакеты ко второму контейнеру, взобралась на него, вытащила пистолет и разбила его рукоятью окно. Стекло разлетелось. Я выбила оставшиеся осколки и забралась внутрь.

Конференц-зал: длинный стол, стулья и плоский экран на стене. Чокнутый Роган забрался следом за мной, вытащил телефон и показал мне. Текстовое сообщение со скрытого номера с видеороликом. Он нажал на ссылку. Экран заполнило зернистое видео, показывающее вестибюль здания, с полированным серым полом и двумя рядами широких колонн. Вверху экрана сквозь стеклянные двери пол заливал солнечный свет. К стене рядом с ними прислонился мужчина в костюме пожарника, сжимая в руках винтовку. Под ним, справа, другой бандит стоял у мраморной колонны. Чуть пониже слева, прямо мимо лифтов, у стены стояли трое. Один держал руки на мраморе, пока второй орудовал топором, разбивая стену ниже, а третий прикрывал их с винтовкой. Видео остановилось, едва продлившись пять секунд. Баг все-таки прорвался.

Что бы они ни искали, оно находилось в стене. Мужчина, прижимавший руки к мрамору, вероятно, был ищейкой. Ищейки обладали повышенной чувствительностью к магии, и могли найти магический предмет даже сквозь камень.

— Лестница выведет нас сюда, — Роган указал на левый нижний угол экрана.

Мы будем как на ладони перед вооруженной троицей.

— Ты пуленепробиваемый?

— Нет, но металлическая дверь с лестничной клетки вполне. Твой «ругер» у тебя с собой?

Я вытащила пистолет из кобуры.

— Я буду держать дверь как щит, но тебе придется стрелять.

— Почему ты просто не можешь порезать их на кусочки, как ту палочку?

— Потому что моя телекинетическая магия не работает на живых существах. Я могу швырнуть что-нибудь металлическое достаточно быстро, чтобы рассеять противника на части. Могу запустить в него доской, потому что срубленное дерево мертво. Могу его удавить его же одеждой, если она достаточно свободная. Но я не могу просто так бросить тело.

Вот оно что.

— Значит, лучше тебя атаковать раздевшись догола?

В его глазах мелькнул порочный огонек.

— Да. Попробуй и узнаешь, что будет.

Ладно, я сама напросилась.

— Я мог бы попытаться срезать стволы с их пистолетов, но учитывая расстояние, мне бы понадобилось несколько секунд, чтобы прицелиться, и нас бы тут же пристрелили. Поэтому я обеспечу щит, а все остальное зависит от тебя. Я более чем посредственный стрелок.

Я подалась назад.

— Скромность? Вот уж не думала, что она в тебе есть.

— Нет, — отрезал он. — Честность. Я не слишком хорош в обращении с пистолетом. И обычно его не ношу.

Мне тут же вспомнилась груда кирпичей, похоронивших Пичи. Не то чтобы он нуждался в оружии.

— Тогда хорошо, что я прихватила свой.

— Невада, — произнес Роган.

Мое имя из его уст тут же спровоцировало короткое замыкание у меня в мозгу. Все мои мысли остановились. Черт. Мне нужно справиться с этим, и очень быстро.

— Эти мужчины хорошо подготовлены.

Еще бы. Они расположились так, что каждый вход попадал, как минимум, под два перекрестных огня. Откуда бы мы ни зашли, как минимум двое из них могли пристрелить нас под разными углами.

— Если мы войдем туда — они нас пристрелят. Они не станут мешкать, а сделают это инстинктивно. Это их вторая натура, рефлекс, вроде остановки перед красным светом.

— Угу. — Как хорошо, что он мог мне это объяснить. Сама бы я ни за что не догадалась.

— Ты должна их пристрелить. С этим не будет проблем?

— Есть только один способ это выяснить, — сказала я.

Он толчком распахнул дверь. Перед нами протянулся пустой коридор. Мы побежали вниз по коридору, минуя лифты. Я остановилась и нажала кнопку «вниз». Диверсия никогда не помешает.

Двери лифта со звоном распахнулись.

— Хорошая идея. — Чокнутый Роган шагнул внутрь, нажал кнопку вестибюля, и вышел обратно.

Мы добежали до конца коридора, где была большая табличка с надписью «Выход». Позади двери лифта закрылись и он поехал вниз в фойе. Если повезет, они все будут смотреть на лифт, а не на лестницу.

Мы побежали вниз по лестнице. Кровь пульсировала в моих венах, а сердце, казалось, билось слишком громко и быстро.

Если я не пристрелю их, они пристрелят меня.

Я никогда раньше никого не убивала.

Лестница заканчивалась большой дверью. Перед ней на полу распласталось тело седовласого мужчины в темной униформе охранника. Весь его затылок был одной большой окровавленной дырой. Нет, они не колебались сделать выстрел. Совсем нет. Они убили этого человека. Вероятно, чьего-то отца, чьего-то дедушку... Этим утром он встал, позавтракал и пошел на работу, а теперь лежал здесь лицом вниз, брошенный и холодный. Он уже никогда не встанет снова. Никогда не заговорит, никогда никого не обнимет, никогда снова не улыбнется. Они убили его и оставили здесь.

Я должна остановить Адама Пирса. Не только потому, что я все потеряю, если не смогу, и не только потому, что он пытался убить бабушку, а потому, что прямо сейчас он был снаружи, выплевывая пламя и не переживая, скольким людям он может навредить. Скорейший способ остановить Адама — заполучить то, что он искал.

Я поступала правильно.

Чокнутый Роган подошел к двери — ноги на ширине плеч, руки подняты.

Я была не готова. Я была не готова...

— Целься в живот, — прошептал он.

В живот, как бы не так.

— Готова? — шепнул он.

Нет. Нет, я не готова. Я сняла «ругер» с предохранителя. Пистолет в моих руках казался таким тяжелым. Тяжелым и холодным. — Да.

Дверь вылетела вперед, повисла в шести дюймах над полом и развернулась горизонтально, как столешница.

Три человека — один прямо напротив, второй справа от лифта, третий слева у колонны.

Стрелки развернулись к нам от лифта. Я прицелилась в того, который стоял у лифта —

это казалось медленным, таким невероятно медленным — и спустила курок. Пистолет рывкнул. Пуля срикошетила от дверей лифта с металлическим лязгом. Я поправила прицел и выстрелила повторно. Голова стрелка дернулась назад. Я качнулась в сторону и выстрелила во второго, стоявшего у колонны. Первый выстрел попал ему в шею, второй — в нижнюю часть лица, прямо в рот.

Третий стрелок открыл огонь. Дверь повернулась, снова вертикально, как щит. По ней застучали пули.

Чокнутый Роган схватил меня за руку и потащил за колонну слева от нас. Я перебежала с ним под прикрытием двери, и прижалась спиной к холодному мрамору. Свист пуль последовал за нами.

Все это заняло секунду, может, две.

Я только что убила двоих людей. Не думай об этом, не думай об этом...

Чокнутый Роган уставился на меня в полном шоке. Я бы рассмеялась, если бы могла.

— Моя мама — бывший снайпер, — выдавила я. — Я знаю, как надо стрелять.

Поток пуль изменил направление. Мужчина направлялся к нам.

Дверь обогнула колонну, зависнув перед нами.

— Прикрой меня, — подмигнул Роган.

Я наклонилась влево и открыла огонь по паре у стены короткими очередями. Бум-бум-бум. Они нырнули за колонну. Женщина-ищейка вытащила пистолет и открыла ответный огонь. Пули рвали воздух рядом со мной. Я спряталась за колонной, выставила пистолет и начала стрелять в ее сторону. Бум-бум-бум. Кончились патроны. Я вытащила обойму, достала запасную из кармана, вставила ее и снова выставила пистолет. Еще десять патронов. Это все, что у меня есть. В следующий раз, когда я отправлюсь куда-нибудь с Чокнутым Роганом, я возьму один из этих патронташей, которые носят звезды боевиков, когда громят террористов в джунглях.

Чокнутый Роган бросился влево.

Я снова открыла огонь, пистолет с грохотом выплевывал пули. Бум, бум. Восемь штук.

Кто-то закричал. Автоматная очередь утихла, прерванная звуком разлетающегося стекла. Чокнутый Роган нырнул за колонну рядом со мной.

— Где дверь? — спросила я.

— Снаружи.

Я высунулась из-за колонны. Мужчина вытащил что-то из стены. Женщина развела руки, принимая знакомую позу мага. Ну уж нет, не выйдет. Я дважды выстрелила в нее, пули просвистели в воздухе быстрой очередью. Перед ней взметнулась плотная завеса дыма и мои пули исчезли. У меня осталось шесть патронов.

Боковой вход находился прямо за ними. Они готовились разделиться.

Пули разорвали завесу тумана слишком широко и оставили выбоины в стене позади меня. Мужчина и женщина тоже не могли видеть сквозь дым.

Чокнутый Роган побежал к боковому входу.

Впереди мужчина выпрыгнул из дыма с ножом в одной руке. Чокнутый Роган налетел прямо на него. Он блокировал правую руку мужчины своим левым предплечьем и ткнул ладонью другой руки ему в нос. Мужчина попятился назад. Чокнутый Роган сделал выпад. Его нога врезалась в бок мужчины, прямо по печени. Пожарный схватился за бок и упал на пол.

Ладно, сражаться с ним, раздевшись, или просто так, было ужасной идеей.

Пуля пролетела мимо меня. Я отшатнулась назад. Женщина выскочила из дыма и набросилась на меня. Дуло ее пистолета нацелилось на меня, темное и невероятно большое. Мир сжался до этого дула. Я схватила ее за запястье и потянула всем весом, пытаясь вырвать пистолет. Она рванула меня к себе и взмахнула правой рукой. Боль обожгла мое предплечье. Я мельком увидела нож. Я ударила ее по лицу пистолетом, но она увернулась и пнула меня в бок. Ребра охватила леденящая боль. Она была сильнее и лучше подготовлена. На долю секунды наши взгляды встретились и я увидела холодный расчет в ее глазах. Она меня убьет.

Какой-то переключатель инстинктивно щелкнул у меня внутри. Магия взорвалась болью в плече, прокатилась вниз до кончиков пальцев и легкой молнией рванула в руку женщины.

Глаза женщины закатились.

Было больно. Было так больно. Моя грудь содрогнулась. Казалось, каждый нерв в руке разорвался от боли и теперь сам по себе.

Женщина содрогнулась в моих руках. Магия связала нас ослепляющей болью в одно целое.

Я разжала пальцы, разрывая связь.

Она рухнула вниз, замолотив ногами по полу. Из ее рта повалила пена. Женщина содрогнулась в последний раз и замерла.

— Ты полна сюрпризов, — пробормотал рядом со мной Роган.

Боль отступила, сменившись отголоском обжигающей агонии. Моя правая рука стала красной от крови.

— Ты в порядке? — спросил он.

Женщина на полу не шевелилась. Было не похоже, чтобы она дышала. Господи. Я опустила руку возле нее и нащупала пульс. Ничего. Я не собиралась... Нет, я это сделала.

Чокнутый Роган бережно поднял мою руку и осмотрел двухдюймовый порез.

— Царапина. Жить будешь.

Мои губы онемели. Я заставила себя заговорить.

— Спасибо, доктор.

Он поднял большое украшение, инкрустированное мелкими бледными камнями размером с семечку граната. Оно выглядело как две продолговатых овальных петли, одна над другой, как если бы ребенок пытался нарисовать гамбургер, и забыл добавить верхнюю половину булочки. Вертикальная полоса, украшенная такими же камнями, проходила по центру двух петель. Посередине, она расширялась в кольцо размером со знак «ок», если сложить большой и указательный палец вместе. Это была своего рода брошь, но с самым странным дизайном, какой я только видела.

— Они за этим пришли?

Чокнутый Роган кивнул.

— Что это?

— Понятия не имею, — ответил он. — Почему бы не спросить у него.

Я посмотрела мимо Рогана на корчившегося у стены последнего пожарника, хватающегося за свой бок. Ладно. Я могу это сделать. Для этого мне не нужно никого убивать.

Я подошла и присела рядом с пожарником. Он дышал хрипло и прерывисто.

— Что ты с ним сделал?

— Я ударил его по печени, а затем сломал пару ребер. Он выживет, если медики

доберутся сюда в ближайшие десять-пятнадцать минут.

Я подняла украшение.

— Вы за этим пришли?

Он уставился на меня. Я сосредоточилась, пытаюсь воссоздать магическую петлю, схватившую Рогана и выжавшую из него ответы. Ничего не вышло.

— Заставь его ответить, — сказал Чокнутый Роган.

— Я пытаюсь.

Роган подобрал оброненный женщиной нож.

— Мы всегда можем перейти к плану Б.

— Дай мне минуту.

— Невада, не тяни kota за хвост. — Его голос стал холодным и отчетливым. — Давай, сделай уже хоть что-то полезное.

Хоть что-то полезное? Вот ты засранец.

— Мне надоело таскать тебя повсюду мертвым грузом.

Внутри меня ничего не шелохнулось.

— Делай что-нибудь, не сиди просто так.

— Тебе не говорили, что ты редкая сволочь?

Чокнутый Роган поморщился.

— Очевидно, злость не твой спусковой крючок, а у нас нет времени, чтобы выяснить его. Ну что ж.

Он пырнул мужика ножом в ногу. Пожарный заорал. Я поморщилась.

— Вы за этим пришли? — рявкнул Чокнутый Роган.

— Да.

Правда.

— Эта вещь магическая? — спросила я.

— Нет.

— Ложь, — сказала я.

Чокнутый Роган выдернул нож и снова всадил его в ногу мужчины. Тот взвыл.

— Я продолжу резать твою ногу, пока она не превратится в гамбургер, — с энтузиазмом пообещал ему Роган. — Затем я наложу на нее жгут и перейду ко второй ноге. Отвечай на ее вопросы, если хочешь ходить.

— Ты работаешь с Адамом Пирсом? — спросила я.

— Нет.

— Ложь.

Чокнутый Роган снова проткнул ногу мужчины.

— Что оно делает? — спросила я.

Мужчина уставился на меня.

Чокнутый Роган снова проткнул его ногу, методично, спокойно, нож входит и выходит, входит и выходит...

Мужчина закричал:

— Она открывает врата к просветлению!

— Правда.

Чокнутый Роган взглянул на меня.

Я развела руками.

— Который час? — застонал мужчина.

Я посмотрела на электронные часы над лифтом.

— Пять тридцать девять. Нет, подождите, пять сорок.

Мужчина улыбнулся.

— Три...

Чокнутый Роган развернулся.

— Два...

Чокнутый Роган бросился ко мне, сбив с ног.

— Один...

Огромный огненный шар вспыхнул у бокового входа. Оранжевое пламя вскипело и забушевало над нами. Жар пахнул в лицо.

«Вот и все» — промелькнуло у меня в голове. «Я труп»

Пол разверзся и поглотил нас целиком.

Глава 10

Я лежала на боку. Вокруг царил темнота.

Меня обняла тяжелая рука. Чье-то тело прижалось к моей спине, укрывая собой меня.

— Я умерла?

— Нет, — ответил Чокнутый Роган.

Чокнутый Роган лежал со мной в обнимку. Эта мысль молнией пронеслась в голове. Я попыталась сбежать. Грудь наткнулась на жесткий камень. Спина упиралась в не менее твердую поверхность, которой, вероятно, был его торс. Бежать было некуда.

— Что случилось?

— По-видимому, они заложили взрывное устройство, чтобы прикрыть свой отход. Оно сдетонировало.

— Это я поняла. Объясни ту часть истории, где я не умираю.

И ту часть, где мы лежим в обнимку. Он прикасался ко мне. Боже мой, он прикасался ко мне!

— На бегство не было времени. Поэтому я проломал пол и накрыл ним нас.

Его голос был тихим, почти интимным, но говорил он так уверенно, словно это было обычным делом. Я пробил твердый мрамор, а затем соорудил из него укрытие над нами за долю секунды. Ерунда. Каждый день так делаю. У меня пробегали мурашки от одной мысли, сколько на это могло уйти магии.

— Был взрыв, — продолжил Роган. — На нас упали обломки. Мне пришлось кое-что подвигать, но сейчас все относительно устойчиво.

— Не мог бы ты подвинуть все так, чтобы мы смогли отсюда выбраться?

— Я выдохся. — Сказал он таким же спокойным размеренным голосом. — Перемещение нескольких тысяч фунтов камня истощило меня. Мне нужно время, чтобы восстановиться.

То есть, его силы были ограничены. Приятно знать, что он случайно оказался смертным.

— Спасибо, что спас меня.

— Не за что.

Мой мозг наконец переварил его слова.

— То есть, мы застряли под землей. Над нами здание.

Мы были похоронены заживо. Меня накрыло волной ужаса.

— Не все здание. Я уверен, что оно все еще стоит. Я активировал маячок, так что моя команда уже в пути. Им остается только нас достать.

— А если у нас закончится воздух?

— Тогда нам не повезет.

— Роган!

— Мы пробьли тут всего минут пятнадцать. Ориентировочно, здесь около двадцати кубических футов воздуха — примерно столько же, сколько в среднем гробу.

Если выберусь отсюда, я его прибью.

— Здесь нас двое, твое дыхание учащенное, поэтому, навскидку, у нас есть полчаса. Если бы сюда не поступал воздух, мы бы уже ощутили прирост CO₂.

Я захлопнула рот.

— Невада?

— Я пытаюсь экономить кислород.

Он усмехнулся мне в волосы. Мое тело решило, что это отличный момент напомнить мне, что его тело обнимало мое, — а его тело было мускулистым, твердым и горячим, — а моя задница прижималась к его паху. В объятиях у дракона. Нет уж, спасибо. Остановите поезд, я сойду.

— Если ты не перестанешь ерзать, наше положение может стать еще неудобнее, — произнес он мне на ухо, почти ласково. — Я стараюсь изо всех сил, но размышления о бейсболе не слишком помогают.

Я замерла.

Мы молча лежали, не шевелясь.

— Что так воняет? — спросил он.

— Мои джинсы. Я провалилась в мешок с тухлой лазаньей, карабкаюсь по мусорным бакам.

Прошла минута. Еще одна.

— Ну, — начал он. — Как жизнь?

— Роган, пожалуйста, прекрати болтать.

Он усмехнулся снова.

— Воздух не застоявшийся. К нам поступает кислород.

Он был прав — воздух не был застоявшимся. Ну, хотя бы не умрем от удушья. К сожалению, это не решало всех остальных проблем, вроде погребения заживо и тесных объятий с Роганом.

— Можешь развернуться так, чтобы не прижиматься ко мне?

— Я могу, — отозвался он с энтузиазмом. — Но тогда тебе придется лечь на меня сверху.

Мой мозг говорил:

— НЕТ!

А тело кричало:

— УИИИИИ!

Я сдалась и попробовала лежать смирно.

И ждать.

Погребенная заживо.

Под тоннами мусора.

Если что-то не выдержит, нас просто раздавит. Я замерла, прислушиваясь к малейшему

шороху над нами.

Раздавит.

Наши кости треснут, как яичная скорлупа под весом камня и бетона, и...

— Зачем ты подался в армию?

— Простой вопрос, но сложный ответ, — хмыкнул он. — Когда ты Превосходный, в частности, наследник, твоя жизнь перестает принадлежать тебе сразу же, как ты окончишь колледж. Многие вещи предсказуемы. Твоя специальность predetermined потребностями семьи. Понятно, что ты закончишь обучение, продолжишь работать в интересах семьи, выберешь партнера, чья родословная наиболее подходит для рождения одаренных детей, обзаведёшься этими самыми детьми — как минимум одним, но не больше трех.

— Почему не больше трех?

— Потому что это ведет к усложнению семейного древа и разделению активов. Это та же старая версия с посещением правильной школы, женитьбы по расчету и работы ради выгоды. За тем исключением, что в нашем случае всем правит магия. Система дает некоторую свободу действий, но не слишком большую. Вместо того, чтобы работать над передовыми системами вооружений, как мой отец, я мог бы заняться ядерной энергетикой. Вместо женитьбы на Ринде Чарльз, я мог бы жениться на ее сестре, или найти себе невесту за рубежом, как сделал мой отец.

Когда мы отсюда выберемся, надо будет посмотреть, кто это такая — Ринда Чарльз.

— Моя судьба была predetermined. Я был единственным ребенком и Превосходным. Около восемнадцатого дня рождения, я осознал, что прожигаю свое свободное время намного быстрее, чем мои сверстники. Если я надеялся когда-нибудь вырваться из своей чрезвычайно комфортной золотой клетки, я должен был найти кого-то достаточно сильного, чтобы отразить влияние моей семьи. Военная служба отвечала всем требованиям.

Моя память воскресила его слова. «Я пошел в армию, когда мне сказали, что я смогу убивать, не рискуя сесть в тюрьму, и получу за это награду».

— И ты должен был убивать людей.

— Да. Не будем об этом забывать. Твой отец тоже был военным?

— Нет. Папа никогда не был в армии. Военная традиция в нашей семье касается по большей части женской стороны.

Он опять это делал. Я не могла видеть его лица, но и без того понимала, что он снова внимательно слушал, отчего хотелось говорить, и говорить без умолку, лишь бы удержать его внимание. Он обнял меня чуть крепче, придерживая мое тело. Не думай об этом, не думай, не думай об этом... Если я чересчур на нем сосредоточусь, он может это почувствовать. Я все еще не знала, какого рода телепатом он был, или какими способностями он обладал.

— Ты тоже не была в армии, — заметил он.

— Мой отец умер, когда мне было девятнадцать. Кто-то должен был управлять семейным делом. Мама не могла этим заниматься, потому что... по многим причинам. Все остальные были еще маленькими.

— Что случилось с твоим отцом?

Что-то внутри меня сжалось, скручиваясь в холодный, болезненный узел.

— У него была редкая форма рака. Она называется злокачественная опухоль периферических нервов оболочки. ЗОПНО.

Как же я ненавидела эти пять букв.

— У него были саркомы, злокачественные опухоли, образующиеся вокруг нервов. Они

были так близко к его позвоночнику, что доктора не могли удалить их хирургически. Когда все попытки традиционного лечения провалились, мы решились на экспериментальную терапию. Он боролся четыре года, но в конце концов болезнь его сломила. — И этот последний год был ужасен.

— И ты винишь себя? — его голос был мягким.

— Нет. Не по моей вине у него был рак. Я даже точно не знала его диагноза. Я просто прочитала письмо от доктора, которое толком не поняла. Он застал меня и заставил пообещать никому ничего не рассказывать. Но я должна была сказать маме.

— Почему он не хотел, чтобы кто-то узнал?

Я вздохнула.

— Потому что отец знал, что у него последняя стадия и нет никаких шансов на выздоровление. Речь никогда не шла об исцелении от рака. Просто о том, чтобы выторговать ему немного больше времени. Он знал, что это обойдется огромными эмоциональными и финансовыми тратами. Мой отец всегда хотел заботиться о семье. Он... он соизмерил цены и боль от прохождения лечения с парой лет своей жизни, и решил, что оно того не стоило. Когда мы наконец обо всем узнали, мама жутко на него разозлилась. Я тоже на него злилась. Все запаниковали. Мы заставили его согласиться на лечение.

— Именно то, чего он не хотел. — Он сказал это так, словно понимал.

— Да. Мы купили ему три года. — За этим стояло много большее. Мой отец посвятил жизнь созданию агентства. Он представлял его, как способ обеспечить нас, и даже наших детей. Семейный бизнес. Мы заложили фирму в «МРМ» ради денег на экспериментальную терапию. На тот момент контроль над агентством перешел ко мне и моей маме, как к совладельцам, с моими 75 процентами и остальными 25 процентами мамы. Мы так и не сказали папе, откуда взялись деньги. Это убило бы его намного быстрее рака. На нас уже и так было слишком много вины. Но мы продолжали поливать ею друг друга будто из ведра.

Что бы ни случилось, я буду держать агентство на плаву.

Что-то зацарапало обломки над нами.

Я дернулась.

— Полегче. — Чокнутый Роган притянул меня поближе, закрывая меня руками.

Его телефон зазвонил.

Его телефон зазвонил! У него был сигнал. Мы были не так уж глубоко под землей.

Чокнутый Роган ответил:

— Да?

Отрывистый женский голос спросил:

— Майор?

— Слушаю.

— Прошу прощения за задержку, сэр. Нам пришлось получить разрешение на доступ к месту происшествия. Сейчас мы прямо над вашим сигналом. Все не так плохо. Вы под двумя разрушенными колоннами.

Как предполагаемый затворник, он, конечно же, нанял кучу людей, и все они говорили ну очень уж знакомым тоном. Он брал на работу бывших военных, либо сотрудников правоохранительных органов. Вероятно, и тех, и других.

— Копы поймали Пирса? — спросила я у Рогана.

— Пирс? — спросил он.

— Исчез, — ответила женщина.

Как он мог исчезнуть? Он был у всех на виду посреди перекрестка, изрыгая огонь на башню, в то время, как копы уже были в пути. Они окружили бы его, как стая волков. Каким чудом ему удалось оттуда сбежать?

— Разрешите начать извлечение, сэр? — спросила женщина.

— Разрешаю, — ответил Роган.

— Ожидайте.

Тишину над нами прорезал приглушенный визг пилы. Тонкая струйка бетонной пыли просыпалась на мое лицо. Я крепко зажмурилась.

— Я знал, что они в любом случае придут и вытащат нас, — заметил Чокнутый Роган. — Но ты же не станешь отрицать, что мы чудесно провели время?

Я позвонила в дверной звонок.

— Тебе правда не стоит ждать вместе со мной.

— Стоит, — отрезал Чокнутый Роган. — Я должен доставить тебя в любящие материнские объятия, или она меня пристрелит.

С тем же успехом она могла пристрелить нас обоих. Было уже почти восемь вечера. Час ушел на то, чтобы люди Рогана нас вытащили, а затем полиция задержала нас еще на час для допроса. Мы лгали. Ожидание дало нам достаточно времени для сочинения правдоподобной истории. Ни я, ни Чокнутый Роган не имели никакого отношения к Адаму Пирсу, поэтому мы оба заявили, что были в здании по делам. Взрыв почти уничтожил тела, и, когда я спросила Рогана на счет пуль из зарегистрированного на меня пистолета в телах и на развалинах вестибюля, он сказал, что позаботится об этом. Поэтому я и словом не обмолвилась, что в кого-то стреляла, он не сказал, что прихлопнул кого-то дверью, и я узнала одну большую разницу между обычным человеком и Превосходным. Когда копы называли Чокнутого Рогана «сэр», они и имели это в виду. Он рассказал им, что произошло, и никто не засомневался в его словах. Прежде, полиция ни разу не относилась ко мне с уважением. Похоже, сегодняшний день стал исключением просто из-за присутствия Рогана. Я даже не знала, что об этом думать.

Люди Чокнутого Рогана замкнули ювелирное украшение в маленькую железную шкатулку и забрали в его хранилище. Я не стала возражать. Если Адам и его возможный союзник решат заполучить его обратно, личная армия Рогана была готова дать им отпор. Я сделала несколько фотографий украшения и отправила их Берну на почту.

Дверь распахнулась. Я собралась с духом.

Я изучила свое отражение в боковом зеркале Рендж Ровера, и точно знала, как теперь выгляжу. Мелкий порез вдоль линии волос залил кровью мне все лицо. Кровавые потеки дополнялись каменной крошкой, черной, жирной сажой от взрыва и огнезащитной пеной, заляпавшей меня от и до, когда люди Рогана наконец-то вытащили нас из дыры. Мои волосы превратились в воронье гнездо, а пена скрепила их намертво. В довершение ко всему, лазанья на моих штанах дозрела и теперь источала запах свежего могильника. Я была в крови, грязи и копоту, и Чокнутый Роган тоже выглядел не намного лучше.

Мама посмотрела на меня, потом на Рогана, потом снова на меня.

Я подняла руку.

— Привет, мам.

— Внутри, — приказала мама. — Ты тоже.

— Ему заходить совсем необязательно, — возразила я. Я не хотела, чтобы Роган находился вблизи моей семьи.

— Он весь в крови. Пусть хотя бы ее смоем.

— Я уверена, у него дома есть прекрасный душ, — заметила я.

— На самом деле, я был бы очень признателен за возможность освежиться. — Чокнутый Роган коснулся лба. На его пальцах остались следы крови и сажи. Внезапно он показался таким же юным и обезоруживающим, как один из моих кузенов, когда они попадали в неприятности. — И чего-нибудь перекусить, если у вас найдется лишнее. — Будь его голос чуть жалобнее, ему можно было бы претендовать на главную роль в «Оливере Твисте». Моя мама просто не могла на это купиться.

— У тебя даже нет чистой одежды. — Я хваталась за соломинку.

— Есть, — ответил Роган. — Я всегда держу в машине сменную одежду.

— Внутрь, — повторила мама.

Я знала этот тон. Спор окончен.

Я вошла. Чокнутый Роган достал сумку из Рендж Ровера, и вошел следом. Мама закрыла за нами дверь. Я провела его через офис в коридор. Он осмотрел склад слева направо, начиная с гостиной и кухни; оценил спальни девочек, выстроенных друг над другом — комната Каталины была выкрашена снаружи в чисто белый, а Арабеллы — в угольно-черный, разукрашена ее же пробой граффити с собственным именем. Увидел комнаты бабушки, гостевую комнату, мою спальню и ванную над кладовкой в углу, мамину спальню, комнаты мальчиков и, наконец, Обитель Зла. Глаза Чокнутого Рогана распахнулись.

— Если ты навредишь кому-нибудь из моей семьи, клянусь, я тебя убью, — предупредила я.

— Возьму это на заметку.

Я провела его в гостевую комнату.

Мне понадобилось три шампуня и масса скраба, но я вышла из комнаты чистой. Воздух пах жареным беконом и блинчиками. Внезапно, я поняла, насколько проголодалась.

Я вошла на кухню и обнаружила там Рогана. Он сидел за столом, одетый в синюю рубашку и джинсы, и потягивал кофе из кружки с маленьким серым котенком. Его темные волосы были зачесаны назад, лицо гладко выбрито. «Я вежливый, безобидный дракон с безупречными манерами. Рогов не видно, хвост поджат, клыки спрятаны. Я бы никогда не позволил себе жестокость, вроде десяти ударов ножом в мужчину, чтобы выбить из него ответы».

Почему-то его новое, благопристойное амплуа, пугало куда больше, чем то, как он ломал мужчину голыми руками. После всего пережитого, я ожидала увидеть его где-нибудь в темной дыре, пожирающего сырое мясо и дымящего сигаретами, заливая все это каким-нибудь крепким напитком, вроде виски или керосина, или чего-то подобного. Все это должно было сопровождаться мрачными размышлениями о жизни и смерти. Но, как бы не так. Вот он, очаровательный и беззаботный, попивает кофе.

Чокнутый Роган увидел меня и улыбнулся.

Это меня шокировало.

Как так вышло, что он сидел у меня на кухне?

Мама развернулась от плиты, держа в руках тарелку блинчиков. Я взяла ее и поставила на стол рядом с тарелкой бекона. Чокнутый Роган подвинул ко мне вторую чашку кофе. На ней красовался оранжевый котенок.

Бабуля Фрида вошла на кухню в сопровождении Лины и Арабеллы.

— Я чую бекон. Пенелопа, ты в курсе, что у нас на кухне сидит красавчик?

О боже, вот и приехали.

Моя мама не то поперхнулась, не то закашлялась.

— Ну, — протянула бабуля, — кто-нибудь нас представит?

— Бабуля — Чокнутый Роган. Чокнутый Роган — бабуля, — выдавила я.

Глаза Арабеллы полезли на лоб. Она схватила телефон и принялась набирать сообщение.

— Леон просто кипятком описается.

— Прекращай, — буркнула Лина и села на стул рядом со мной. Бабуля села рядом с Роганом.

— Как себя чувствуете? — спросил он у нее.

— Спасибо, хорошо. — Она одарила его широкой улыбкой.

Я передала Рогану тарелку и села напротив него.

Леон вбежал на кухню и остановился, глаза на Чокнутого Рогана. Берн врезался в него, протолкнув его на кухню.

— Если ты не за беконом, то прочь с дороги.

Арабелла схватила с тарелки три кусочка бекона.

— Мое!

— Обжора, — фыркнула Лина.

— Успокойтесь, бекона на всех хватит. — Мама сняла с плиты еще одну шипящую сковородку бекона. Я взяла блинчик, завернула в него бекон и откусила. Он был пышным и вкусным, и без всякой видимой причины от этого мне захотелось расплакаться.

— Кстати, — сказала Арабелла, — тебе могут позвонить из школы. Я забыла об этом сказать.

Мама остановилась.

— Почему?

— Ну, мы играли в баскетбол, и кажется, я одела футболку Диего. Я даже не помню, как это случилось. А Валери решила, что это отличный шанс на меня настучать. В смысле, я увидела, как она подошла к тренеру и потянула его за рукав, будто ей пять лет. Я даже спросила у Диего, не против ли он, а он сказал, что даже не заметил. Это спорт! Я его обожаю.

— Ага, — сказала мама. — Давай ближе к звонку из школы.

— Я ей сказала, что стукачи получают на калачи. А тренер заявил, что это террористическая угроза.

— Глупости, — сказала Лина, откидывая назад темные волосы. — Это не угроза, все так говорят.

— Стукачи и в самом деле получают на калачи. — Берн пожал плечами.

— У тебя дурацкая школа, — заметила бабуля.

— Так он сказал, что я должна извиниться, а я отказалась, потому что она на меня настучала, поэтому меня отправили к директору. У меня нет неприятностей, но они хотят передвинуть мои занятия физкультурой на третий урок.

Что ж, могло быть и хуже. По крайней мере, она никого не поколотила.

За столом воцарилась тишина. Напротив меня Чокнутый Роган разрезал блинчик на аккуратные кусочки и поглощал их со знакомым прилежанием. Когда мама возвращалась

домой в отпуск, она ела точно так же. Сейчас она стояла, прислонившись к кухонному острову, и наблюдала за ним.

— Вы — Чокнутый Роган! — выпалил Леон.

— Да, — спокойно ответил тот.

— И вы можете разрушать города?

— Да.

— И у вас есть все эти богатство и магия?

— Да.

Куда Леон клонил?

Мой кузен моргнул.

— И вы выглядите... вот так?

Чокнутый Роган кивнул.

— Да.

Темные глаза Леона распахнулись. Он посмотрел на Чокнутого Рогана, а затем на себя. В свои пятнадцать, Леон едва ли весил сто фунтов. Его руки и ноги были как спички.

— В этом мире нет справедливости! — посетовал Леон.

Я хихикнула и едва не подавилась блинчиком. Мама выдавила улыбку.

— Может, вы еще и на гитаре играть умеете? — спросил Леон. — Потому что если умеете, я прямо сейчас пойду и повешусь.

— Нет, но я немного пою, — ответил Роган.

— Вот блин! — Леон пнул стол.

— Угомонись, — шикнул на него Берн.

— Сам заткнись. Ты размером со снежного человека. — Леон обратился к Чокнутому Рогану. — Вы это видите? Разве это справедливо?

— Ему пятнадцать, — сказала я Рогану. — Справедливость для него сейчас очень важна.

— У тебя есть время, — заметил Роган.

— Ага... — Леон покачал головой. — Нет, не совсем. Я уж точно не могу петь, и никогда не буду так выглядеть.

— Я — результат продуманной селекции, — сказал Роган. — Я был зачат, потому что моему Дому был необходим наследник, а гены моих родителей соответствовали требованиям. Тебя же, вероятно, зачали, потому что твои родители любили друг друга.

— По словам нашей матери, — вставил Берн, — он был зачат только потому, что она слишком наклюкалась, чтобы вспомнить о резинке.

Чокнутый Роган перестал жевать.

— Я же был зачат, потому что моя мать пропустила залоговый платеж. Ее тогдашний приятель угрожал сдать ее копам, поэтому ей пришлось кое-что сделать, чтобы удержать его от этого, — любезно пояснил Берн.

Прекрасно. Именно та информация, которой стоит поделиться.

— Тетя Жизела не лучшая мать, — сказала я. — Такие есть в каждой семье.

— Чем вы занимаетесь? — Леон подался вперед. — Вы ушли из армии и исчезли. Как так?

— Леон, — предупредила мама.

— Это из-за войны? — спросила Лина. — В «Геральд» пишут, что у вас посттравматическое стрессовое расстройство, и из-за этого вы стали отшельником вроде

монаха.

— Нельзя быть и отшельником, и монахом одновременно, — исправила я по привычке.

— В «Геральд» еще говорится, что он был травмирован. — Арабелла округлила глаза.

— Да, я отшельник. По большей части, я предаюсь размышлениям, — подыграл Роган. — Еще я люблю утопать в жалости к себе. Бывает, я провожу дни напролет, глядя из окна, погруженный в меланхолию. А порой, по моей щеке тихо скатывается одинокая слезинка.

Арабелла с Линой прыснули в унисон.

— И при этом вы проводите по губам белой орхидеей? — вставила Арабелла.

— Пока на заднем фоне играет грустная музыка? — ухмыльнулась Лина.

— Возможно, — согласился Роган.

— У тебя есть девушка? — спросила бабуля Фрида.

Я закрыла лицо рукой.

— Нет, — ответил Роган.

— А парень? — не унималась бабуля.

— Нет.

— Как насчет...

— Нет! — выпалили мы с мамой в унисон.

— Но вы даже не знаете, что я хотела спросить!

— Нет, — снова повторили мы вместе.

— Вот зануды, — вздохнула бабуля.

— Уже девять часов, — сказала мама. — Марш в постель.

Леон указал на Чокнутого Рогана.

— Но здесь же Роган!

— А у тебя «тройк» по французскому, — парировала она. — Восстановишь свои привилегии не спать допоздна, когда получишь проходной балл.

— Но...! — Леон замахал руками.

— Не заставляй тебя тащить, — пригрозил Берн.

— Чур, я в душ, — Арабелла вскочила.

Девочки покинули комнату, утащив с собой Леона. Остались бабуля Фрида, мама, Берн, Чокнутый Роган, и я.

Мама подалась вперед.

— Невада выслеживает Пирса, только потому, что у нас нет другого выбора. Я не знаю, что это для тебя — гордость или просто скука. Я знаю, что ты похитил Неваду. Ты запугивал и пытал ее. Если ты снова навредишь моему ребенку — Превосходный ты или нет — я тебя прикончу.

Отлично, мама. Уверена, он напуган до чертиков.

Чокнутый Роган натянуто улыбнулся. В его холодных глазах возник знакомый хищный взгляд — дракон пробудился и показывал свои истинные цвета.

— Спасибо за приглашение в ваш прекрасный дом и вкусный ужин. — Его голос был спокойным и размеренным. — Поскольку я ваш гость и испытываю перед вами некоторую степень обязательства, я выражусь предельно ясно, сержант. Я знаю, кто вы. Я видел ваш послужной список и рассматриваю вас, как потенциальную угрозу. Если вы пригрозите мне снова, я приму вашу угрозу всерьез и приму меры.

Он видел послужной список моей мамы. Его Дом провел проверку досье. Это означало,

что все его вопросы, служил ли мой отец в армии, были полной чушью. Он, вероятно, знал всю историю моей семьи. Он манипулировал мной, а я на это купилась. Дура.

— Я предпочитаю не убивать детей, — продолжил Роган. — Но мне не составит труда сделать их сиротами.

Правда. Каждое слово. Он говорил это всерьез.

Берн моргнул.

Чокнутый Роган отпил из своей кружки с серым котенком.

— Кроме того, учитывая навыки вашей дочери в стрельбе, она пристрелит меня раньше вас.

Мама повернулась ко мне.

— Что случилось?

— Я не хочу об этом говорить, — сказала я. Я изо всех сил старалась сделать вид, что ничего не произошло.

— Невада... — начала она.

— Нет, — сказала я тихо.

На рубашке Рогана поверх ребер стало расплзаться темное пятно.

— У тебя кровь.

Он посмотрел вниз и нахмурился.

— Давай посмотрю. — Я встала.

— Ерунда.

— Роган. Подними рубашку.

Он задрал рубашку, оголяя бок. Свернутое бумажное полотенце закрывало его нижние ребра, приклеенное к коже скотчем.

— Что это? — спросила я.

— Это перевязка, — сказал Берн.

— Ничего подобного.

— Да нет, все правильно, — возразила бабуля Фрида. — Порой, если порезал палец, достаточно плотно обмотать его бумажным полотенцем, заклеить скотчем, и можно идти.

— Твой отец так делал, — сказала мне мама. — Клянусь, такое чувство, словно все мужчины с этим рождаются, или проходят секретное обучение, как так делать.

Я помахала перед ними рукой.

— Это бумажное полотенце. И клейкая лента! Где ты достал скотч?

Чокнутый Роган пожал плечами.

— В шкафчике под раковиной в вашей ванной комнате. Я подумал, это остановит кровотечение.

— Что ж, это не помогло. Когда ты вообще поранился?

— Меня задела пара обломков во время взрыва, — сказал он.

— Ты промыл ее?

— Я принял душ.

— Так. — Я посмотрела на маму. — Ладно, вам двоим придется отложить выяснения, кто круче, пока я не сделаю перевязку.

Я встала и вытащила аптечку из кухонного шкафчика.

Телефон завибрировал у меня в кармане. Я вытащила его и посмотрела. Сообщение с неизвестного номера. Я вздохнула. Ну конечно.

Я положила телефон на стол и щелкнула сообщение. Снимок меня и Рогана, огибающих

башню. На картинке мое лицо было бледным, а губы сжаты в ниточку. Выглядело, будто я пыталась не расплакаться, что было очень странно, потому что в тот момент мне и близко не хотелось плакать. Лицо Чокнутого Рогана было скрыто от камеры поворотом головы, когда он смотрел вверх на окна второго этажа.

Второе сообщение выскочило под первым.

«Кто этот парень?»

Роган посмотрел на телефон.

— Пирс.

Я набрала в ответ: «Где ты?»

«У твоего дома».

Мое сердце заколотилось. Чокнутый Роган вскочил и направился к дверям. Мама вышла. Я не видела, чтобы она двигалась так быстро с тех пор, как ушла из армии. Бабушка бросилась в гараж, Берн побежал в Хижину Зла, а я рванула за Роганом. Я поймала его у дверей, затянула в офис, и застучала по клавиатуре. На экране появилось серое изображение с тепловизионной камеры, разделенное на четыре части. Каждая секция экрана показывала изображение разных частей дома: парковку и улицу перед гаражом позади склада, деревья справа, улицу слева, и переднюю дверь с Рендж Ровером Чокнутого Рогана, припаркованным рядом с моей машиной.

Я затаила дыхание. Ничего.

Чокнутый Роган склонился надо мной, задев грудью мое правое плечо.

На экране ночь опустилась на улицу, словно оживший рисунок углем. Ничего не двигалось. Никакие машины не проезжали мимо нашего дома. Если мама всадит пулю в сердце Адама Пирса, мы можем помахать агентству рукой на прощание. Если он пришел спалить нас дотла... он, по всей видимости, не сможет этого сделать. Хеллспаун — заклинание высшего порядка. Оно должно было выжать его до нуля, так же, как сейчас был выжат Чокнутый Роган. По крайней мере, я на это надеялась.

Интерком на телефоне загорелся белым. Я нажала на кнопку.

— Три человека в здании напротив, — тихо сказал Берн. Изображение на мониторе показало три белых человеческих силуэта на крыше здания на севере. Один из них лежал в знакомой снайперской позе.

— Это мои люди, — тихо сказал Роган.

Мы ждали. Деревья тихонько зашелестели от ночного ветерка, едва различимые на экране.

Мой телефон зажужжал. Новое сообщение.

«Мэм, это полиция. Вызов идет ИЗНУТРИ ВАШЕГО ДОМА».

Придурок!

«Я тебя рассердил?»

Что б тебя!

Я нажала на интерком.

— Еще одно сообщение. Думаю, он над нами издевается.

— Сидите тихо, — сказала мама.

Я набрала «Засранец» на телефоне.

«Хах. Передай привет своему новому другу».

На экране Рендж Ровер взорвался. Взрывная волна ударила в дверь и стены невидимым кулаком. Склад задрожал.

Интерком загорелся.

— Дети с тобой? — спросила мама.

— Да, — отозвался Берн. — Они со мной.

Яркое белое пламя взметнулось из металлического корпуса Рендж Ровера. О том, чтобы туда выйти, не могло быть и речи. Мы все стали бы отличными мишенями, выделяясь на фоне огня.

Мы сидели и смотрели, как горит Рендж Ровер, пока на нашу улицу не зарулила пожарная машина в сопровождении сирены и мигалок.

— Снимай рубашку. — В жизни бы не подумала, что скажу нечто подобное Бичу Мексики.

Чокнутый Роган стянул рубашку и я изо всех сил постаралась не пялиться. Мускулы перекатывались под его загорелой кожей. Он не был темнее меня, но если я была рыжевато-золотистого тона, то его кожа обладала насыщенным коричневым оттенком. Он был великолепно сложен. Его широкие плечи переходили в мускулистую грудь, в свою очередь, перетекавшую в плоские кубики на твердом животе. «Мужественный» или «атлетичный» не давали ему должного описания. Танцоры или гимнасты были атлетичными. Он же обладал телом, которое должно было принадлежать мужчине из другого времени, тому, кто размахивал мечом с беспощадной яростью, защищая свои земли, и бежал по полю на стену врагов. Была какая-то брутальная сила в том, как мышцы бугрились на его груди.

Я даже не осознавала, насколько он был огромным. Из-за своих отлично скроенных костюмов и правильных пропорций тела, он выглядел человеком почти нормальных размеров. Но сейчас, когда он сидел на моем кухонном стуле, отчего тот казался крошечным, было очень сложно не обращать на это внимания. Одна его физическая сила была ошеломляющей. Он мог раздавить меня голыми руками. Но мне было все равно. Я могла бы смотреть на него всю ночь. Мне был бы не нужен сон. Не нужен был отдых. Я бы просто сидела здесь, и глазела на него. И если бы я смотрела достаточно долго, то отбросила бы прочь всю осторожность, и провела рукой по этим могучим мускулам. Я бы почувствовала силу в его плечах. Я бы поцеловала...

И на этом достаточно.

Под всей этой мужественной, грубой красотой таился холод — такой, который мог пырнуть беспомощного мужчину ножом, почувствовать, как его кончик царапает кость, и повторить это снова и снова, без всяких зазрений совести. Этот холод пугал меня. Чокнутый Роган, в отличие от других людей, редко лгал. Я не знала, было ли это оттого, что я могла его раскусить, или же это было для него естественно. Если он говорил, что мог тебя убить, то так оно и было. Он не угрожал и не обещал, он констатировал факт, а если чего-то хотел, то мог пойти на что угодно, чтобы это заполучить.

Я открыла аптечку и достала из нее марлю и пластырь.

Пожарные уехали, залив жалкие останки Рендж Ровера огнетушительной пеной. Было почти нереально, как быстро прекратились их вопросы после того, как Роган назвал свое имя. Мама настояла, чтобы остаться на наблюдательной площадке, которую они с бабушкой сделали, пока я ездила поговорить с Багом. Дети ушли спать. Бабушка Фрида тоже. Один из людей Чокнутого Рогана пришел, чтобы лично взять на себя ответственность за непредотвращенный взрыв. Когда Арабелле было два или три года, она не любила попадать в неприятности. Она не хотела, чтобы кто-нибудь на нее злился, а ожидание наказания всегда было для нее слишком большим испытанием. Поэтому, когда она делала что-нибудь плохое,

то объявляла: «Я собираюсь наказать себя!» и отправлялась к себе в комнату, чтобы встать в угол. Именно такое выражение лица было у мужчины, который смотрел на Чокнутого Рогана в тихом отчаянии. Он бы точно наказал себя, если бы мог.

Сейчас он уже ушел, и склад погрузился в тишину.

Я присела на корточки, чтобы получше видеть его так называемую «перевязку».

— Сейчас я это сниму.

— Постараюсь не заплакать.

Я закатила глаза, вздохнула и оторвала скотч. Он поморщился. Неглубокая рана пересекала его ребра с правой стороны, скорее царапина, чем глубокий порез, но она была три дюйма длиной и кровоточила. По крайней мере, это была не зияющая рана, и мы могли обойтись без швов. Я достала физраствор и чистые тряпки.

— Сочувствую, что так вышло с твоим автомобилем. — Я побрызгала рану физраствором и промокнула ее салфеткой.

— Мы договаривались раскрыть все карты, — сказал он. — Когда ты собиралась мне сказать, что Пирс на тебя запал?

— Он не запал на меня.

— Он позвонил тебе сообщить, что собирался устроить сегодня фейерверки. Заявил, что хочет тебя. Затем прислал сообщение, чтобы ты непременно увидела, как он взрывает мою машину. Вот уже два раза он оповестил тебя, прежде чем сделать что-то, что он считает впечатляющим.

Я нанесла на порез мазь с антибиотиком и накрыла ее марлевым тампоном.

— Адам — пустозвон. Он импульсивный, и ему нравится, когда люди убеждают его, какой он крутой и классный. Я молодая привлекательная женщина, и я дала ему знать, что его выходки меня не впечатляют. — Я начала заклеивать порез. — Он предлагал вместе прийти к его матери, просто чтобы он смог увидеть выражение ее лица. Это его повеселило. Это не увлечение, это... мимолетная фантазия, или как это обычно называют?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Подобные вещи мне нужно знать, — сказал он. — Я могу их использовать. Если бы я знал об этом, то провел бы день по-другому.

— Забавно, как от тебя только и слышно «я». И никогда — «мы». — Я заклеила другую сторону пореза.

— Что такого ты сделала, чтобы его завлечь? Вы целовались? Держались за руки?

Он говорил сдержанным тоном, но в нем проскакивало легкое раздражение.

— Я чмокнула его в щеку. И в этом не было ничего сексуального. Он пытался уговорить меня сбежать с ним, а я не хотела дать ему отпор так, чтобы он ушел, хлопнув дверью. Мне все еще нужно вернуть его в семью.

— Тогда почему он повелся?

— Я не знаю, почему, — сказала я раздраженно. — Наверное, потому что я выслеживаю его, и при этом говорю ему «нет». До него не доходит, что я преследую его из-за «МРМ», грозящейся вышвырнуть мою семью на улицу. Его Дом верховенствует уже целую вечность, и он даже не может себе представить, чтобы кто-то мог сделать подобное с ними. Не говоря уже о том, чтобы понять, каково это. Вероятно, он считает, что я преследую его, потому что тайно влюблена в сверкающий бриллиант, коим он является.

Упс. Кажется, я ляпнула лишнее. Я не хотела, чтобы Роган знал, что Монтгомери держат нас за горло. Сложно сказать, что он мог сделать с этой информацией. Я

выпрямилась.

— Знаешь, сейчас на этой кухне двое людей. Один из них избалованный, до неприличия богатый Превосходный, а второй — я. У тебя больше общего с Адамом, чем у меня. Почему бы тебе не сказать мне, зачем он это делает?

Чокнутый Роган посмотрел на меня. Его взгляд был ясным и твердым.

— У меня нет с ним ничего общего.

С этим можно было согласиться. Роган ничуть не походил на Пирса. Адам был подростком в теле мужчины. Роган же был мужчиной — расчетливым, могущественным и упрямым.

Берн влетел на кухню едва не бегом, и остановился. До меня дошло, что я стояла в двух дюймах от полуобнаженного Рогана, который смотрел на меня.

— Мне зайти попозже? — спросил Берн.

— Нет, — возразила я, отступая от Рогана. — Он допрашивал меня, пока я его латала, но мы уже закончили.

Чокнутый Роган глянул на свой бок.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Берн поставил на стол ноутбук.

— Я нашел.

На ноутбуке видеоплеер проигрывал запись с обычной камеры у входной двери. Временной маркер показывал 20:26. Двадцать шесть минут девятого. Прошла всего пара мгновений после нашего приезда.

Двое подростков ехали по улице на скейтах, один в голубой футболке, другой — в черной. Они выглядели, как обычные хьюстонские ребята: темные волосы, загар, четырнадцать — пятнадцать лет. Они проехали мимо Рендж Ровера и укатили. Запись закончилась, когда парень в черной футболке, уезжая, поднес телефон к уху.

Берн застучал по клавишам. Запись перемоталась в замедленной съемке, и я увидела, как парень в голубой футболке слегка пригнулся, словно перепрыгивая бордюр, и бросил небольшой предмет под Рендж Ровер.

— Это...?

— Это бомба, — кивнул Берн. — Он подорвал ее дистанционно.

— Он использовал детей, чтобы подбросить бомбу?

— Да, — подтвердил Берн.

— Детей? — Я не могла в это поверить.

— И один из них позвонил ему отчитаться. — Чокнутый Роган сощурил глаза.

Я осела на стуле.

— Что, если бы она сдетонировала раньше? Кто дает в руки детям бомбу? И ради чего? Ради выпендрежа?

Чокнутый Роган набрал номер на телефоне.

— Диего? Он использовал детей. Да. Нет. Просто дай мне знать.

Он бросил трубку.

Двое парнишек прикатили на скейтах к нашему дому, неся с собой бомбу. Что, если бы один из них упал? Что, если бы кто-то был в машине? А если бы кто-то из нас вышел к почтовому ящику? Тогда у нас было бы еще больше мертвых тел. Количество смертей сегодня было бы больше шести. Шесть было более, чем достаточно, особенно потому, что

трое из этих шести смертей случились по моей вине.

На душе у меня скребли кошки. Сегодня я убила людей. Я забрала их жизни. Они могли бы забрать мою, но сейчас это казалось неважным. Моя бабушка едва выжила. Мой дом едва не сгорел дотла, а затем двое детей подбросили бомбу под припаркованную возле него машину. Все это обрушилось на меня, словно лавина.

— Ты в порядке? — обратился ко мне Роган.

— Нет, — призналась я.

Берн посмотрел на меня.

— Я могу сделать чай, — предложил он. — Хочешь чаю?

— Нет, спасибо. — Я повернулась к Рогану. Он был Превосходным, и сейчас мы не могли позволить себе проигнорировать защиту, которую он мог нам дать. — У тебя еще осталась магия или ты полностью на мели?

— Она возвращается, — сказал он. — Я не беспомощен.

— Можешь остаться на ночь? — попросила я.

— Могу.

— И, если объявится Пирс, или что-нибудь случится...

— Я об этом позабочусь, — закончил он.

Правда.

— Спасибо, — сказала я ему. — Увидимся утром.

Я вышла из кухни и пошла к себе в комнату, чуть ли не бегом. Я закрыла дверь, села на кровать и притянула колени к груди. Внутри меня была большая, зияющая дыра. Она становилась все больше, и я не знала, как ее закрыть.

В дверь постучали. Наверняка, мама. Какое-то мгновение я думала прикинуться, что ничего не слышала. Но я хотела, чтобы она вошла. Я хотела, чтобы она обняла меня и сказала, что все будет в порядке.

— Кто там?

— Это я, — отозвалась мама.

— Открыто.

Мама вошла, держа в руках планшет. Она двигалась медленнее обычного. Ее нога снова разболелась — я поняла это по тому, как она карабкалась по лестнице. Она села рядом со мной на кровати и провела рукой по планшету. Включилось видео, должно быть, снятое на чей-то телефон. На экране был Адам Пирс со своими светящимися призрачными шипами и когтями, извергающий огонь. Угол башни, где у нас с Роганом были приключения, маячил с правой стороны.

Парадный вход башни взорвался с оглушительным грохотом. Здание содрогнулось и мужской голос охнул:

— Срань господня!

Видео сменилось чьей-то ладонью. Кто бы ни снимал это видео, он схватил свой телефон и дал оттуда деру.

— Ты была внутри? — спросила мама.

Я кивнула.

— Адам был диверсией. Пока он изрыгал пламя, в здание проникла команда, чтобы извлечь из тайника в стене какую-то побрякушку. Мы их остановили.

— Не хочешь об этом поговорить? — спросила мама.

Я покачала головой.

— Я могу помочь? — спросила она мягко. — Что-нибудь сделать?

Я помотала головой и прижалась к ней. Мама обняла меня рукой. Я не стану плакать. Мне же двадцать пять лет. Я не буду плакать.

— Люди Рогана изучают украшение, которое мы нашли, — сказала я глухо. — Я отправила фото Берну. Он тоже ищет. Мам, здесь происходит что-то очень серьезное и мерзкое. У меня такое чувство, будто я у самого его края. Это меня пугает. Сегодня я сама себя испугала.

— Ты сделала то, что было нужно, — сказала мама, прижимая меня к себе. — Помни правило: мы не должны стыдиться посмотреть своему отражению в глаза. Иногда это означает совершение ужасных вещей, просто потому, что нет другого выхода. Ты поступаешь правильно?

— Думаю, да. Просто все слишком быстро вышло из-под контроля. Пирс хотел сжечь здание, чтобы заполучить эту вещь. Он дал бомбу ребятам — ровесникам Леона. Кто станет такое делает?

— Кто-то, кого нужно остановить.

— Я продолжаю думать, что, если бы в это не была вовлечена «МРМ», и они не вызвали бы меня в офис, на моем месте мог быть кто-нибудь другой. Мы бы смотрели все это по телику и восклицали «боже мой, ну разве это не сумасшествие?»

— Прекрати, — сказала мама. — Так ты сведешь себя с ума. Поверь мне, размышления вроде «что, если бы...» еще никому не помогали. Это утопит тебя в жалости к самой себе и лишит бдительности. Обратной дороги уже нет. Невада, смотри на это, как на работу. Как на то, что тебе нужно сделать. Выполняй работу и возвращайся домой.

— Я думаю, Роган использует меня, как наживку.

— Используй его в ответ, — сказала мама. — Натрави его на Пирса и позволь ему с ним разобраться.

— А если он убьет Пирса?

— Большой проблемой будет, если его убьет Пирс, — сказала мама. — Но если он убьет Пирса, это станет делом между Домом Пирсов и Домом Роганов. Пускай сами разбираются. Твоя главная задача — выжить. А уже потом сдать Пирса, если это возможно.

Я положила голову ей на плечо.

— Мне понадобится больше патронов.

— Как тебе «Ругер»? — мягко спросила мама. Она поняла.

— Я попала в цель, — ответила я.

Глава 11

Я проснулась рано. Солнце еще не встало, но небо уже приобрело бледно-перламутровый цвет. Я отлепила пластырь с лица и рук, вытряхнула несколько капель лавандового и гераниевого масла в аромалампу, зажгла под ней свечу, и приняла долгий душ. Я все еще была чистой, но душ обычно помогал мне почувствовать себя лучше. Я стояла под каскадом горячей воды, надеясь смыть с себя все остатки вчерашнего дня. Мне снилось, как я стреляю в людей. В моих снах я убивала их снова и снова, каждая пуля попадала в их головы в замедленном движении, кровь распускалась, как отвратительный красный цветок. На самом деле, все было не так. Вся перестрелка заняла три или четыре минуты. Во сне мой пистолет громыхал, будто гром. В вестибюле же он звучал отчетливо, как хлопущка. Бум-бум. Жизнь оборвалась. Бум-бум. Еще одна.

Я позволила воде бежать по мне, пытаюсь понять, как же моей маме удалось это пережить. Как она могла смотреть через прицел, нажимать на курок и забирать чью-то жизнь, а затем делать это снова и снова, и все равно держаться? Я хотела спросить у нее об этом. Был ли в этом какой-то секрет?

Но прошло уже два года с последнего похода мамы в группу поддержки. Ей стало лучше. Мне не стоило ворошить ее старых демонов. Я должна была справиться с этим сама.

Я стояла под душем, пока чувство вины не стало невыносимым. Использовать всю горячую воду тоже было бы некстати. Моим сестрам и кузенам еще нужно принять душ. Я вылезла, обернула одно полотенце вокруг головы, а другое вокруг тела, и посмотрела на свое отражение. Мелкие порезы на лице и руках успешно пережили купание. С порезом на ребрах дело было похуже, и я нанесла на него мазь с антибиотиком. Ойкание и втягивание воздуха мало помогли уменьшить боль. Я залепила пластырем бок, и еще порез на руке, просто на случай, если он еще решит открыться и причинить неудобство.

Как жаль, что у меня нет поблизости бумажных полотенец и скотча. Я закатила глаза. Черт возьми, о чем он вообще думал? Разве он не мультимиллионер? И при этом он перевязывает себя бумажным полотенцем и скотчем. Откуда ему вообще знать, что такое скотч? Может, у него дома была своя версия скотча для Превосходных, вся в золоте и брюликах, на тот случай, если он порежет палец.

Я посмеялась, фыркнула, и засмеялась снова. Я стояла в душе, мокрая с ног до головы, и хохотала, как ненормальная. Душевное здоровье в полном порядке. Я сняла полотенце с головы, потянулась повесить его на крючок у окна и замерла. Окно моей ванной выходило на гараж, и с этого угла я могла видеть царство бабули Фриды во всей его красе. Транспортные средства, накрытые брезентом, и стеллажи с запчастями вдоль стен. А посередине гладкого цементного пола, Чокнутый Роган выводил мелом магический круг. Он начинался как большой пятиугольник, с кругами диаметром в два с половиной фута в каждом углу. Линии разделяли пятиугольник на отдельные части, с глифами, тянувшимися вдоль границ. Выглядел рисунок безупречно, с ровными сторонами пятиугольника и круглыми окружностями. Подобное совершенство требовало многих лет практики.

Чокнутый Роган закончил последний глиф, и выпрямился. На нем была та же рубашка и брюки, что и вчера. Он потянулся, поднял одну ногу, затем вторую, и подпрыгнул на месте, будто перепрыгивая невидимую веревку. Какое-то мгновение он стоял, босой, напротив пятиугольника, затем переступил через линию и остановился, повернувшись к моей стороне склада. Глаза закрыты, руки по швам.

«Ключ». Я читала о нем. Это был ритуал, который некоторые великие Дома использовали для перезарядки. Чокнутый Роган истратил всю свою магию, и теперь пытался получить ее обратно. Где-то Адам Пирс, скорее всего, тоже проделывал подобную штуку. Бытовали разные мнения на счет того, что именно делали «Ключи». Кто-то говорил, что они восстанавливали магию, кто-то — что просто перестраивали мага на более высокий уровень. Я видела несколько видео на YouTube, но ни одно из них не было хорошего качества. «Ключи» были тщательно оберегаемым секретом. Каждый был уникальным по отношению к Дому, который его создал.

Чокнутый Роган поднял руки — локти согнуты, руки разведены, глаза закрыты. Я прислонилась к боковой стене. Вариация магической позы. Ладно. Пока ничего интересного. Роган повернул правую руку в сторону, прогнулся в пояснице, расправляя грудную клетку, и одновременно боком шагнул в круг с текучей грацией, словно все его тело

вдруг открылось. Он поразительно быстро крутнулся внутри меловых барьеров. Его нога вылетела вперед, обрушив сокрушительный удар на невидимого противника. Руки разрезали воздух справа, затем слева, словно клинки, готовые разрубить злоумышленника.

Внешняя линия круга засветилась бледно-голубым.

Чокнутый Роган развернулся, подпрыгнул, закрутился и переместился во второй круг. Его жесткие пальцы сжались в кулаки, и клинки превратились в молоты, которыми он принялся наносить быстрые, тяжелые удары. Длинные удары сменились короткими и жестокими, его скорость и сила слились в абсолютную мощь. Он был грациозен, как танцор, но при этом беспощадный и умелый, как загнанный в угол убийца.

Засиял второй круг. Несмотря на совершенно спокойное выражение лица, на лбу Рогана выступил пот. Он перешел на третий круг. Его правая рука взлетела вверх, пальцы согнуты. Вчера я видела это же движение, когда он ударил фальшивого пожарника в лицо. Тогда он, вероятно, бил вполсилы, потому что, если бы сделал выпад так же, как сейчас, то мог бы вбить хрящи его носа прямым в мозг.

В том, как он двигался, была плавная, притягательная грация. Все эти мышцы, которыми я любовалась вчера, были лишь побочным продуктом на пути к цели. А его целью являлась сила. Грубая, смертоносная сила. Все в нем: его невероятная физическая сила, ослепляющая скорость, гибкость, ловкость и выносливость сплелись воедино, чтобы превратиться в почти нечеловеческую жестокость. Крошечные волоски на моих руках встали дыбом. Это было похоже на стремительный танец первобытного бога, и я не могла отвести глаз. Если бы только я могла заполучить его для себя. Как бы это было, подойти к нему, положить руку на плечо и увидеть, как вся эта концентрированная жестокость превращается в желание?

Теперь все пять кругов светились. Он приземлился в пятиугольнике, снова в той же магической позе. Сияние вспыхнуло ярче, а затем испарилось, будто впитавшись в него. Чокнутый Роган вышел из круга, вытер рукой пот со лба, взял с ближайшего транспортера бутылку воды и отпил.

Я выдохнула, даже не заметив, как задержала дыхание, и вздрогнула. Мою левую ногу закололи сотни иголок — она успела затечь. Я подпрыгнула, подхватила соскальзывающее с меня полотенце, и снова прильнула к окну. Он стоял там же. Возшло солнце, и гараж наполнил золотистый свет, рисуя на полу длинные прямоугольники. В лучах солнца его смуглая кожа сияла. Я не могла видеть его лица, только острый угол щеки, согретой солнцем.

Если бы я очутилась сейчас рядом с ним, я бы позволила ему сделать со мной что угодно прямо на крыше какого-нибудь танка.

Это было выше моих сил. Я выдохнула и постаралась заглушить пульсирующее во мне желание. Чокнутый Роган был недостижим. Он был из другого мира, у него были другие понятия, и он обещал сделать меня сиротой, если моя мама снова ему пригрозит. Так, последнее сработало. Все тут же вернулось в норму.

Я отошла от окна. Мне нужно было собраться. От общения с Чокнутым Роганом не следовало ожидать ничего, кроме проблем. Нам необходимо было поймать Адама Пирса, вернуть его семье, а затем разойтись в разные стороны.

Когда я спустилась вниз, Чокнутого Рогана нигде не было. Я обнаружила бабулю Фриду в ее гараже. Она прислонилась к транспортеру, над которым работала, и пила свой утренний чай.

— А он нечто, не правда ли? — спросила она тихо.

— Ты видела, как я за ним наблюдала?

Она кивнула и, протянув руку, заправила мне за ухо выбившийся локон.

— Когда ты успела так вырасти? Когда я успела так постареть?

— Ты не старая, бабуля. Ты еще дашь мне фору.

Она вздохнула.

— Будь осторожна, Невада. Это очень опасный мужчина.

Да неужели.

— Я не планирую провести с ним ни секундой больше необходимого.

Бабуля Фрида задумчиво посмотрела на меня.

— Что?

— Он об этом знает?

— Да, знает. Я сказала ему. Это чисто профессиональное соглашение.

Бабуля Фрида покачала головой и отхлебнула чая.

— Как продвигается расследование, Шерлок?

— Ну, мы обнаружили странное украшение с драгоценными камнями, и при этом едва не взлетели на воздух.

— Какое отношение это имеет к Пирсу?

Я покачала головой.

— Понятия не имею. Но они как-то связаны. Где Чокнутый Роган?

— Пришел Берн и забрал его.

Чем меньше Чокнутый Роган будет общаться с моими кузенами и сестрами, тем лучше.

— Тогда мне стоит пойти и поискать их.

— Думаю, да, — сказала она. — Будь осторожна, Невада.

— Всегда.

— Потому что он не Кевин.

Я повернулась.

— Да неужели, бабуля?

Она отмахнулась рукой.

— Иди уже!

Она была права. Кевин и близко не стоял рядом с Чокнутым Роганом.

Минутой позже я преодолела пять ступенек к Обителю Зла. Берн сидел за своим рабочим местом. Чокнутый Роган стоял позади него. Три экрана перед Берном демонстрировали цифровые джунгли Бага во всей их красе. Сам Баг сидел перед центральным монитором, поглаживая Наполеона, развалившегося у него на коленях. Его лицо было расслабленным. Никакого нервного тика. Беспорядочного взгляда. Он был под завязку накачан экузолом.

И как только Рогану удалось заставить его подключиться к системе Берна? Обычно Баг был невероятным параноиком. За два года, что я его знала, он не дал мне даже свой номер телефона.

— ...неплохо для домашней системы, — говорил Баг.

— Это у тебя сервер Strix T09x? — спросил Берн.

Баг кивнул.

— Миленько. И Talon-M7?

— Взгляни еще раз, — сказал Баг.

— Сколько экузола тебе это стоило? — пробормотала я Рогану.

— Ты не захочешь знать, — сказал он.

Берн приблизил фрагмент сложного компьютерного оборудования.

— Не может быть.

— Смотри и плачь. — Баг держал собачий бисквит перед Наполеоном. Открыв пасть, собака терпеливо ждала, пока Баг положит туда бисквит.

Берн нахмурился.

— Откуда ты его взял? М8 должен выйти в продажу через два месяца. М9 еще не должен быть даже запущен в производство.

— Они хотят, чтобы вы в это верили. Ждут, чтобы выбросить чип Stryker на рынок. Когда М8 выйдет в продажу, цена взлетит до небес, а потом они обесценятся за месяц, потому что М9 с новым Stryker наводнит рынок. Чл...тра..и.

— Ты продолжаешь повторять это слово, — сказал Чокнутый Роган. — Ты понимаешь, что оно не имеет смысла?

— Почему? — встрепенулся Баг.

— Невозможно тра. ть член, — сказал Чокнутый Роган.

— Но можно тра. ться членом, — возразил Баг.

— Это тавтология, — вклинился Берн.

Этот спор мог длиться часами.

— Баг, ты нашел что-нибудь?

Баг закатил глаза.

— Нет, я просто сижу тут и треплюсь с вами, засранцами (за исключением майора), потому что я — сама общительность, и просто вас всех обожаю. — Его пальцы запорхали над клавиатурой. — Выяснилось, что Первый Национальный хранит два месяца записей с камер наблюдения, сбрасывая их на удаленный сервер каждую ночь. Я перекопал их все, и — вуаля!

На левом мониторе появилась запись с внутренней камеры безопасности банка. Светлый прямоугольник скользнул по экрану и выделил стройную женщину, идущую по полированному полу. Хорошо покрашенные платиновые волосы, белая блузка с массивным золотым ожерельем, серая юбка, кричаще-яркий красный ремень, красные шпильки и дизайнерская сумка. Ее встретил банкир и, когда она повернулась, ее лицо попало в камеру. Ей было около тридцати, с большими серыми глазами с длинными накладными ресницами и тонкими губами. Слишком глянцевая, чтобы продемонстрировать богатство.

— Встречайте Харпер Ларво, — объявил Баг. — Двадцать девять лет, отец Филлип Ларво, мать Линн Ларво, оба риелторы. Не связана с другими Домами. Училась в Академии Филлипса в Андовере, затем в Дартмуте, где со скрипом получила степень по истории искусства — я видел ее вкладыш к диплому, выглядит он печально. Харпер — гармонизатор, как оба ее родителя и дед.

Гармонизаторы в мире магии не имели ничего общего с музыкой. Талантливый гармонизатор мог войти в комнату и придать ей совершенно другое настроение, просто переставив несколько вещей. Среди прочих талантов, этот был не такой уж редкостью. Гармонизаторы обычно работали дизайнерами интерьеров, флористами, модными стилистами — в любой области, где требовалось создать эстетическую красоту.

— Харпер считается Заметной, хотя на деле она не так уж далека от Средней, — сказал Баг. — Неплохо, конечно, но ничего особенного. Ее родители также Заметные, ее дед был

Значительным. Ее семья хранит сбережения в Центральном Банке. Все их счета находятся там вот уже пятьдесят лет. Так что же она здесь делает? Нет никаких намеков на открытие ею счета. Более того, мои цыплятки, Харпер практически безработная. Она стажировалась в модном журнале, работала в отеле «Черное и красное» в Далласе, с каким-то Салливаном, который якобы знаменитость, имеет отношение к парочке благотворительных организаций, но, по большей части она тусуется на вечеринках и хорошо выглядит. Как бабочка. Бесплезная, и ничем не выдающаяся.

На экране выскочило полдюжины изображений. Харпер с бокалом шампанского. Харпер, лежащая на столе и игриво болтающая ногами. Харпер на какой-то фотосессии, позирующая на кушетке и дующая губки на камеру.

— И, моя любимая, — объявил Баг.

Изображение заполнило экран. Харпер хихикала, ее яркие блондинистые волосы прижимались к Адаму Пирсу, который выглядел горячим и скучающим в своей фирменной коже. Он обнимал ее одной рукой.

— Когда это было? — спросил Роган.

— Четыре года назад, — сказал Баг.

Видео возобновилось и мы увидели, как Харпер с банковским служащим подходят к лифту. Они шли медленно, клерк говорил, активно жестикулируя, будто объясняя что-то. Двери лифта раскрылись и они исчезли из виду.

— А дальше они пошли в хранилище с ячейками, — объявил Баг.

— Она заказала себе экскурсию по банку, — предположила я. — Ей достаточно было выказать заинтересованность, назначить встречу, и они показали ей весь банк, включая банковское хранилище, где она могла пометить нужную ячейку для Гэвина.

— У тебя есть ее номер? — спросил Чокнутый Роган.

— Да, майор. Отправляю на ваш телефон.

Когда Баг сказал «майор», это звучало так же, как обычно произносят «сэр». До сегодняшнего дня я готова была поклясться, что Баг даже не знает значение слова «уважение».

Чокнутый Роган поднес телефон к уху.

— Это Чокнутый Роган. Жди меня в «Галерее» у фонтана в «Нордстроме» через час.

Он повесил трубку и посмотрел на меня.

— Хочешь присоединиться?

— Конечно.

— Встречаемся через пятнадцать минут у входа. — Он развернулся и вышел.

Я посмотрела на лицо Бага на мониторе.

— Когда мы познакомились, ты сказал мне, что лучше будешь пить сточные воды, чем снова работать с кем-то из военных или Превосходных.

Баг оцетинился.

— И че?

Я ткнула большим пальцем за плечо.

— Он — Превосходный и отставной военный.

— Ты не понимаешь, — сказал Баг. — Он... он — Чокнутый Роган.

— Ох, пощади.

Он помахал мне и Берну.

— Малый, я скоро переезжаю. Если хочешь М9, можешь забирать.

— Это очень щедро, — сказал Берн. — В чем подвох?

— Никакого подвоха. У меня будет кое-что получше, так что не думай, что это по доброте душевной. Это просто поможет мне избежать сжигания всего этого хлама.

Экраны померкли.

— Чокнутый Роган только что завербовал Бага? — спросила я.

— Похоже на то, — сказал Берн.

Мы уставились друг на друга.

— Ты узнал что-нибудь об украшении? — спросила я.

— Нет. Это странная форма. Я наткнулся на японскую брошь со стрекозой, но не думаю, что это она, — сказал он. — Узор слегка отличается.

— Можешь продолжить искать? Я знаю, это похоже на поиски иголки в стогу сена, но я буду очень, очень благодарна.

— Конечно, — сказал он.

— Я просто не доверяю Чокнутому Рогану. Нам нужно выяснить это самим.

— Не беспокойся, — сказал Берн. — Мы это узнаем. Кстати, у меня есть кое-что для тебя.

Берн открыл ящик и вытянул оттуда пакетик с металлической штучкой.

— Обнаружил это на твоём автомобиле. Стандартный GPS-передатчик.

Теперь понятно, как Роган узнал о моей встрече с Адамом в ботаническом саду. Я вздохнула.

— Ты в порядке? — спросил Берн.

— Да, — соврала я. — Пойду переоденусь. — И прихватчу пистолет.

— Невада, — окликнул он меня. — Заполучить М9 было бы правда круто! Ты ведь не против?

— Если сможешь договориться с Багом, то флаг тебе в руки. Только постарайся не обещать ему то, что не сможешь выполнить.

Я вышла со склада и не поверила своим глазам. Чокнутый Роган ожидал меня за рулем целехонького Рендж Ровера, всего пару часов назад бывшего грудой обугленного металла. Это не могла быть та же машина.

Я увидела, как он смотрит на меня из окна. Этим утром его глаза были необыкновенно голубыми. Уже знакомое чувство проснулось во мне — две части похоти, часть тревоги и остальное — недовольство самой собой. Воздействие всей этой мужественности уже должно было испариться. Я должна была быть невосприимчива. Вместо этого он опять заставил меня обалдеть.

Кандалы, напомнила я себе, сев внутрь.

— Много у тебя Рендж Роверов?

— Несколько, — спокойно ответил он.

— Значит, не так уж страшно, что Адам взорвал один из них?

— У меня их несколько, потому что они мне нравятся.

Я посмотрела на него. Челюсть сжата, рот превратился в прямую, жесткую линию. Глаза под темными бровями излучали холодную, стальную твердость, и я увидела затаившуюся в них злость. Не громогласную, бурную злость, а леденящую ярость. Все мои инстинкты возопили, чтобы я вышла из машины. Сейчас же вышла, и отошла подальше с поднятыми руками.

— А тот Рендж Ровер был моим любимым, — совершенно спокойно продолжил

Чокнутый Роган. — Когда мы найдем Пирса, он за это ответит.

Ответит? Если раньше это не было для него чем-то личным, то теперь точно стало таковым.

— Адам Пирс нужен нам живым, — напомнила я. — Ты мне обещал.

— Я помню, — сказал Роган. Было явно, что ему это не по душе. Может, мне повезет, и сегодня Адам будет вести себя тише воды, ниже травы. Потому что, если его сейчас повстречает Роган, то с удовольствием приедет прямо на месте.

Я пристегнулась и Рендж Ровер выехал на улицу. Нам понадобится сорок пять минут, чтобы добраться до «Галереи».

— Ты знаешь Харпер Ларво?

— Никогда с ней не встречался, — сказал Роган.

— Тогда почему ты так уверен, что она придет?

— Я знаю ее тип.

— Какой еще тип?

— Неудачный вектор.

Я посмотрела на него.

— Ее дед был Значительным, — сказал он. — У него было трое детей. Все они Заметные. А все их дети являются либо Заметными, либо Средними.

— Откуда ты знаешь?

— Пока разглагольствовал Баг, я проверил базу данных Дома. Тогда я не стал упоминать об этом, потому что Баг проделал отличную работу, и это была его минута славы. Нужно давать людям возможность гордиться своей хорошо выполненной работой, и быть им за нее признательным. Так можно получить еще лучшие результаты.

Все, что делал Роган, было движимо продуктивностью, даже его отношение к подчиненным. Довольные работники прилежнее работали, и были более преданны, поэтому он уделял время для признания их заслуг. Интересно, а где стою я на этой лестнице признания? Ведь он наверняка считал меня своей подчиненной. Ладно, я не его работник, и единственное, что мне от него нужно — это Адам Пирс, желательно связанный по рукам и ногам.

— Приблизительно в семидесяти процентах случаев, магия передается от родителей к ребенку без существенных изменений, — сказал Чокнутый Роган. — Несколько потомков, от трех до пяти процентов, демонстрируют внезапный всплеск. Остальные теряют свою магию с каждым поколением. Ты можешь увидеть следы подобного примера в пределах одной семьи. Даже если оба родителя Превосходные, существует вероятность градации силы у их детей. Ты как-то спрашивала у меня, почему я не рассчитывал иметь больше троих детей. Здесь другая причина. Если первый ребенок — Превосходный, существует большая вероятность, что второй ребенок может им и не быть. Все же, большинство Домов предпочитают, чтобы у главы Дома было еще хотя бы двое детей. Знаешь, как это называется?

— Нет.

Он посмотрел на меня с мрачным лицом.

— Запасной план. Дома воюют друг против друга. У нас далеко не всегда высокая продолжительность жизни. Знаешь, почему был зачат Адам?

— Нет. — И я была не уверена, что хочу это знать.

— Потому что Питер, его брат, поздно себя проявил. Его магия не давала о себе знать до

его одиннадцатилетия. Они решили, что он был пустышкой, и так у них оставалась одна Татьяна, его сестра, как Превосходная Дома. Если бы кому-то удалось ее убить, Дом Пирсов мог остаться без Превосходного. Поэтому они поспешили сделать еще одного ребенка — так, на всякий случай.

— Звучит очень цинично. И совсем невесело.

— Часто так и бывает, — сказал Роган. — Если эффект убывания магии сохраняется в двух поколениях, эта семейная линия становится неудачным вектором, где каждое новое поколение слабее предыдущего. Дома страшатся лишь одного и только одного: потерять силу. Если я неудачный вектор, то, какая бы девушка ни вышла за меня замуж, она должна понимать, что ее дети будут слабее нее.

Кусочки мозаики сложились воедино.

— Все обходят Харпер десятой дорогой.

— Именно. Ее дед обладал сильной магией, и это позволило ей получить доступ в общество. Вероятно, она появилась как юная, окрыленная дебютантка, уверенная, что повстречает любовь всей своей жизни и станет женой во влиятельном Доме. Спустя годы она поняла, что мужчины встречались, спали с ней, но затем всегда ее бросали. Сейчас ей двадцать девять. Бутон уже давно превратился в розу и начал увядать. Она понимает свое положение, понимает, что брачный союз с любым из Домов невозможен, но по-прежнему отчаянно его желает. Она видела, как ее дед вращался в важных кругах, видела, как ее родителям досталась толика этого влияния, и она готова сделать что угодно, лишь бы вновь очутиться на вершине. Я Превосходный холостяк. Я могущественен, привлекателен и чертовски богат.

— А еще до умопомрачения скромн, — не сдержалась я.

— И это тоже, — даже не моргнул он. — Она придет. Она не может упустить шанс произвести на меня впечатление.

— Это печально. Я очень рада, что я не Превосходная, потому что большинство из вас больные ублюдки.

Чокнутый Роган странно на меня посмотрел.

— У власти есть своя цена. Мы не всегда ее желаем, но нам всегда приходится за нее платить. Вчера ты властвовала над жизнью и смертью. Как ты себя чувствовала?

— Я не хочу об этом говорить.

И уж тем более не собираюсь откровенничать с тобой.

— В первый раз, когда я убил кого-то с близкого расстояния, когда я видел, как жизнь уходит из его глаз, я ждал. Я читал книги, смотрел фильмы, и я знал, как это должно было случиться. Мне должно было стать плохо, должно было вырвать, а затем я бы пережил это. Поэтому я стоял там, ждал, и ничего не почувствовал. И потому решил, что так будет в следующий раз.

— И так было?

— Нет, — ответил он.

— Сколько людей ты убил?

— Не знаю. Я сбился со счета. Это была тяжелая война.

Его слова продолжили крутиться у меня в голове. Он поделился со мной чем-то личным. Может, он этого и не поймет, но я ощутила потребность рассказать ему об этом. Мне нужно было кому-то выговориться.

— Мне кажется, что я утратила часть себя, — сказала я. — Внутри меня большая дыра,

словно что-то жестоко вырвали оттуда. Сегодня я чистила зубы и думала о тех двух мужчинах и женщине. Они больше никогда не будут чистить зубы. Никогда не позавтракают. Никогда не поприветствуют свою мать. Они никогда не смогут делать любые простые вещи. По моей вине. Я нажала на курок. Я понимаю, что они пытались сделать со мной то же самое, но я чувствую себя виноватой и скорблю о них и о себе. Какая-то часть меня утрачена навсегда. Я снова хочу быть целой, но знаю, что этого никогда не случится.

— Что будет, если вместо Харпер мы повстречаем засаду и какой-то громила наставит на тебя пистолет? — спросил он.

— Я выстрелю в него, — сказала я. — Позже, мне может быть плохо, но я с этим справлюсь. Помогло бы знать, почему. Почему они хотят убивать? Что такого важного, что Адам сжигает целое офисное здание, только чтобы отвлечь внимание?

— Хороший вопрос, — заметил Роган.

— Все это — банк, офисная башня, команда людей — кажется слишком сложным для Адама. — Это чувство преследовало меня с момента, когда я увидела команду пожарников, идущих к башне. — Ему не нравится работать. Все же произошедшее хорошо организовано и тщательно спланировано. Адам не из тех парней, кто станет заморачиваться с подобным планированием.

Чокнутый Роган с хирургической точностью сменил дорожную полосу.

— Еще много лет назад меня научили нанимать только лучших. Своих людей я тщательно отбираю. Они компетентны, хорошо обучены и прилежны, и сейчас они прочесывают весь город. В моем распоряжении значительные ресурсы, включая связи с людьми, управляющими преступным миром Хьюстона.

Я не хотела знать, как он ими обзавелся.

— Я рассказываю тебе это не для того, чтобы похвастать. У меня есть требования. Когда я хочу кого-то найти, его приводят ко мне в считанные часы. — Чокнутый Роган посмотрел на меня. — Я не могу найти Адама Пирса.

На какое-то мгновение маска спокойствия отступила и я взглянула на него настоящего. Он был не просто раздосадован. Он был в ярости.

— Он передвигается по городу словно призрак, — продолжил он. — Появляется и исчезает по собственному желанию.

Теперь я поняла, почему он сосредоточился на мне. Все его люди оплошали, а тут вот она я, покупаю футболки Адаму Пирсу.

— Думаешь, его скрывает маг иллюзии? — спросила я. По-настоящему сильные иллюзионисты могли исказить реальность.

— Не один маг. Его прикрывает целая команда. Соккрытие движущейся цели требует скоординированных усилий и специальных тренировок. Команда, с которой мы расправились в башне, тоже были как следует обучены. — Чокнутый Роган поморщился. — У Пирса нет связей или знаний, чтобы повернуть операцию подобного масштаба. У него нет финансирования, он не знает нужных людей, и даже если бы он умудрился найти финансовую поддержку и связи, никто бы не воспринял его всерьез.

Он был прав.

— Адаму такое даже в голову бы не пришло. Он не командный игрок. Кто-то другой должен дергать его за ниточки. — Меня охватило беспокойство. — Кто может оказывать такое влияние на Адама? Его собственная семья не в состоянии его контролировать.

Чокнутый Роган помрачнел.

— Я не знаю. Возможно, Харпер сможет нам это сказать.

Мы продолжили путь в тишине.

— Я хочу получить хоть какое-то оправдание смертям этих людей, — сказала я тихо. —

Я хочу знать, почему.

— Обещаю тебе, мы это узнаем, — произнес Роган.

Я и без магии понимала, что он говорил всерьез.

Хьюстонская «Галерея» была крупнейшим торговым центром в Техасе. В ней были сотни магазинов — «Нордстром», «Сакс», два отдельных «Мейси» — и каток, открытый круглый год. Она была построена в конце 60-х Джеральдом Д. Хайнсом, который в свою очередь разжился этой идеей у Гленна Г. МакКарти, легендарного хьюстонского старателя и нефтяника, известного, как Бриллиантовый Гленн. Со своего открытия в 1970, торговый центр пережил несколько расширений. Мы направлялись в новейшее крыло, Галерею IV.

Перед нами раскинулся торговый центр: два этажа магазинов, сплошное стекло, светлая плитка и огромные сводчатые стеклянные крыши, которые опирались на белые арки. Мы шли непринужденным шагом. Я снова одела джинсы и блузку, взяла любимую сумочку из коричневой кожи, легкую и маленькую, которую удобно носить через плечо. В ней было видоизмененное переднее отделение, которое позволяло мне вытащить оружие за считанные секунды.

Я взяла «Кахр» РМ9. Пять с половиной дюймов в длину, весом около фунта, и с шестизарядным магазином. У него не было ударника, так что он не зацепится, когда я буду вытаскивать пистолет из сумочки, зато был внешний предохранитель, что заставляло чувствовать себя лучше. Если все пойдет не так, план А подразумевал убегать, ни в кого не стреляя. По плану Б я доставала оружие и заставляла человека отступить, в этом случае последнее, что мне нужно — случайный выстрел. Только план С подразумевал открытие стрельбы, а, учитывая, где мы находились, я должна быть абсолютно уверена, что смогу нажать на курок, не подстрелив невинного человека.

Чокнутый Роган шел рядом со мной. На нем был серый костюм с черной рубашкой, воротник которой он оставил распахнутым. Одежда, которую он носил, не была ни вычурной, ни броской. Она просто была отменно пошита, и сидела на нем как влитая. Нам нужно было лучше скоординироваться. Мы точно не подходили друг другу, но Галерея была домом для разномастной толпы. Молодые мамочки прогуливались со своими карапузами в колясках, теряясь среди компаний подростков с голубыми, фиолетовыми и розовыми волосами. Напротив нас, две женщины средних лет в дорогих брючных костюмах, с лицами, разглаженными магией почти до пластикового совершенства, нырнули в магазин, едва избежав столкновения с мужчиной в бейсболке и перемазанных краской шортах.

Молодая женщина, проходя мимо нас, взглянула на Рогана, и замедлила шаг. Мы продолжили идти и я увидела ее отражение в зеркальном дисплее. Она продолжала смотреть на него, по-женски оценивая. Справа, двое мужчин вышли из магазина и остановились, провожая Чокнутого Рогана тем же самым одобрителем взглядом. Парень помладше подмигнул мне.

А впрочем, не важно, что на нас надето — люди все равно будут обращать внимание. Чокнутый Роган не был самым красивым мужчиной в Галерее, но эта мужественная... аура? Атмосфера? Что бы это ни было, оно волнами исходило от него. Это было в линии его плеч, в том, как он шел, словно не было ничего, с чем он не смог бы справиться. Это было в легкой шершавости его кожи. В жестком взгляде его глаз. Он выделялся в море стандартных

иллюзорных лиц и люди концентрировались на нем.

Мы миновали магазин подарков, торгующий букетами цветов в хрустальных вазах. В центральных букетах были гвоздики — большие, ажурные бутоны, нежно-розовые в середине, с бледной окантовкой по краю лепестков. Я любила гвоздики. Они были утонченными, но удивительно стойкими. В то время, как розы в вазе увядали, гвоздики продолжали цвести. И я любила их запах — нежный, свежий, чуть пряный аромат.

— В чем дело? — спросил Роган.

Я поняла, что смотрю на цветы дольше положенного.

— Ничего. Мне просто нравятся гвоздики.

Фонтан у «Нордстрома» находился на первом этаже и представлял собой круглую чашу, в центре которой возвышались растения. Кольцо белых светильников окружало растения, мягко светясь под водой. Около фонтана стояла блондинка. Она была одета в платье из переплетенных, блестящих, темно-фиолетовых лент, которые образовывали сложную сетку на плечах. Я понятия не имела, как она в него влезла, но, надо отдать должное, позировать женщина умела.

Она стояла расслаблено, но немного изогнувшись назад, одна нога повернута внутрь и указывает на другую — несколько неудобная поза, которую так любят модные журналы. Платье облегалo ее, как перчатка, еще на четверть дюйма плотнее, и оно было бы вульгарным. Ее фигура была идеальной: тонкая талия, стройные и загорелые ноги, пышные, но не чрезмерно, грудь и бедра. Она перекрасила волосы из платинового в мягкий розоватый блонд, и они колечками спадали ей на плечи. Ее макияж был свежим и безупречным. Слишком безупречным. Харпер наложила иллюзию, прежде чем с нами встретиться. Ничего слишком уж очевидного, но у человеческой кожи обычно есть поры.

— Как я могу помочь тебе понять, что она лжет? — тихо спросил Роган.

— Вопросы на «да» или «нет» лучше всего, — сказала я.

Чокнутый Роган остановился у зоны отдыха прямо вблизи фонтана, и сел. Я села рядом с ним.

Харпер медленно, как кошка, подошла к нам, ее плетеные золотые сандалии на высоком каблуке слегка цокали по плиточному полу.

— Роган, я полагаю. — Ее голос ей соответствовал — гортанный. Она скользнула на стул напротив Рогана и закинула длинную загорелую ногу поверх другой, выставляя напоказ приличную часть бедра. Она оглядела его сверху донизу медленным, бесстыдным взглядом, и улыбнулась. — Мне нравится.

Это добром не кончится.

Харпер бегло взглянула на меня и повернулась к Рогану.

— Чем могу быть полезна, Чокнутый Роган?

Он откинулся на стуле.

— Когда ты помечала ячейку в хранилище Первого Национального Банка, ты знала, что Пирс намеревался взорвать банк?

Прямо по больному месту. Ну, ладно.

Харпер улыбнулась.

— Ты позвал меня сюда поговорить об Адаме? Я бы лучше поговорила о тебе. Чем ты занимался все эти годы?

— Спрошу еще раз: ты знала, что Адам собирался поджечь банк? — повторил Роган.

— А если я не отвечу? — подняла бровь Харпер. — Ты сделаешь со мной кое-что?

Говорят, ты тактиль. — Она взглянула на меня. — Он тактиль?

— Не знаю, — сказала я. Я понятия не имела, что такое тактиль.

— О. У вас не было секса. — Глаза Харпер заблестели. — Не расстраивайся. Думаю, он просто не часто посещает труппы.

Труппы? Вот спасибо.

Харпер окинула меня придирчивым взглядом.

— Волосы выкрашены неплохо, а все прочее оставляет желать лучшего. Особенно обувь. Я бы дала тебе пару советов, но, боюсь, и они тебе не помогут.

В этот момент я поняла, какой была Харпер. Она принадлежала к тем женщинам, которые оценивали других женщин по тому, какие мужчины были рядом с ними. Я пришла с Чокнутым Роганом и сначала она была не уверена, являюсь я ее соперницей или нет. Теперь она поняла, что мы не были парой, но решила деморализовать меня на всякий случай. И на самом деле это было печально.

— Отвечай на мой вопрос, — сказал Роган. Его глаза потемнели. Он начинал раздражаться.

— Я встречалась как-то с тактилем, — промурлыкала Харпер. — Рамирез из семьи Эспиноза. Он, конечно, был не твоего уровня, но это было... опытом. Он мог снять меня одежду одной силой мысли. А ты можешь? — Она склонила голову набок. — Можешь снять с меня одежду, не касаясь?

Чокнутый Роган подался вперед и его угрюмая гримаса внезапно осветилась улыбкой.

— Конечно, милая.

Ой-ой. Я уже слышала этот тон раньше, как раз перед тем, как Пичи размазало стеной.

— Покажи мне, — сказала она. — А затем я расскажу тебе об Адаме.

Ничего себе. Перед ней сидел опаснейший Превосходный, которого она знала всего секунд тридцать — и вот она уже готова отдаться ему прямо здесь. Боже, да она и правда в отчаянии. Мне стало даже немного стыдно за Харпер Ларво.

Чокнутый Роган откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он смотрел на нее так, будто бы она уже была обнаженной и принадлежала ему. Харпер улыбнулась в ответ, сверкнув белоснежными зубами. И почему мне вдруг резко захотелось окатить их обоих водой из фонтана?

Харпер охнула.

— Чувствовалось ли это так же? — спросил Чокнутый Роган.

Она охнула снова, делая прерывистые вдохи. На ее щеках вспыхнул румянец. Что-то явно происходило. Я понятия не имела, что именно, но, похоже, ей это нравилось.

Ленты, пересекающиеся на ее плечах, соскользнули, двигаясь друг против друга сами по себе. Они расплелись, повернулись, влево, вправо... Харпер сглотнула и широко открыла глаза с расширившимися зрачками.

— Коснись меня снова, — выдохнула она.

Еще одна лента вплелась к остальным. Неужели он и правда собирался раздеть ее прямо здесь? Я проследила за их движениями. Он не собирался снять с нее одежду, как она думала. Он сплетал из лент петлю вокруг ее шеи.

— Не смей.

Чокнутый Роган не обратил на меня внимания.

— Я серьезно. Прекрати.

— Не вмешивайся, — отрезал он.

— Если ты слишком стеснительная, можешь пойти подождать у фонтана, — пробормотала Харпер и снова взглянула на Рогана из-под полуприкрытых век. — Не ожидала, что ты наймешь ханжу. Ты интересный мужчина... полный... о, мой Бог... сюрпризов.

Лямки перекрутились еще раз.

— Роган!

Харпер наклонилась вперед, потянувшись, как гибкая кошка в ожидании ласки хозяина. Она говорила быстро, словно задыхаясь.

— Дай ей сто баксов и скажи что-нибудь купить, так она оставит нас в покое... Еще, Роган. Еще...

Петля туго затянулась, врезаясь в шею Харпер. Она стала задышаться, хватая ртом воздух.

— Ты не можешь ее задушить.

— Конечно, могу, — ответил он.

Харпер вцепилась в платье, царапая себе шею в попытке стянуть его с горла.

Я вытащила из сумочки пистолет и направила в ногу Рогана.

— Отпусти ее или я выстрелю.

Чокнутый Роган повернулся ко мне.

— Ты выстрелишь в меня? — Он выглядел слегка озадаченным.

— Чтобы спасти ей жизнь — да. — Пусть это и значило, что секундой позже он меня уничтожит. — Отпусти ее.

Лицо Харпер стало пунцово-красным. Она трепыхалась из последних сил.

Чокнутый Роган посмотрел на меня. Смотреть в его глаза было все равно, что смотреть в глаза дракону.

Я сняла свой «Кахр» с предохранителя.

— Пожалуйста, отпусти ее.

Петля вокруг горла Харпер опала. Она откинулась на стуле, глотая воздух хриплыми вдохами. На ее глазах навернулись слезы.

— Смотри на меня. — Чокнутый Роган наклонился вперед. Его слова источали угрозу и презрение.

— Ты знала, что Адам взорвет здание?

— Да! — прохрипела Харпер. — Да, я знала, больной ублюдок!

Правда.

— Ты знаешь, что было в банковской ячейке?

— Нет!

Правда.

— Ты знаешь, что было в здании рядом с тем, что поджег вчера Адам? — спросила я.

— Нет!

Правда.

На нас смотрели люди. Кровь стала собираться в царапинах Харпер на шее, где она себя поранила.

— Ты знаешь, что планирует Адам?

Она зыркнула на меня.

— Ты думаешь, Адам что-то планирует? Он лишь хочет жечь всякое дерьмо! Адам

просто прославленная корова О'Рейли. Всего лишь пешка. Ты и понятия не имеешь, что грядет. Скоро случится Изменение, и тогда важно будет только то, на чьей ты стороне. Я заработала себе место. Я была на правильной стороне. Я буду на вершине. Ты — ты, долбанная сука, будешь гнить в аду вместе со своим гребаным извращенцем! Надеюсь, вы будете страдать.

Харпер вскочила на ноги и побежала прочь, всхлипывая. Большой бигборд с городским пейзажем, висевший на мосту второго этажа, немного сместился, поворачиваясь к ней и готовясь вот-вот слететь с моста. Если он упадет на нее...

Я коснулась руки Рогана.

— Не смей.

Щит замер. Харпер забежала под мост, удаляясь вглубь здания, прижав телефон к уху. Я вернула предохранитель на место и убрала пистолет.

— Ты бы выстрелила в меня из-за нее? — спросил Чокнутый Роган.

— Ты не можешь просто так убивать людей.

— Почему нет?

— Потому что это аморально. Она человек, живое, дышащее существо.

— Аморально для кого? — спросил он.

— Для большинства людей. Это противозаконно.

— А кто сообщит об этом закону? — спросил он. — Я мог бы свернуть ей шею и забросить ее на одну из этих арок над нами. Никто бы ее не нашел, пока с нее не начали бы отваливаться куски плоти.

— Все равно это неправильно. Ты не можешь убивать людей только потому, что они тебя раздражают.

— Ты все повторяешь «не можешь», — заметил он.

— Ты не должен. — Такое чувство, будто я разговаривала с пришельцем.

Он откинулся назад и пристально на меня посмотрел.

— Я помог тебе и защитил тебя. Более того, ты нуждаешься во мне, чтобы задержать Пирса. Таким образом, у тебя есть как личный, так и финансовый интерес в рабочих отношениях со мной. Я важен для тебя. Она же тебя оскорбила и унизила. Харпер совершенно бесполезный человек. Через пять лет она будет делать то же самое, порхать из клуба в клуб, снабжать таблоиды сплетнями, и жаловаться друзьям на свою мать. Правда, клубы уже не будут такими роскошными, а таблоиды не будут упоминать о ней так часто. Она ничего не привносит в этот мир.

— Ты пытаешься заставить меня чувствовать вину за то, что защищала ее? — спросила я.

— Нет, я пытаюсь понять. Ты не злишься на нее.

— Я злюсь на тех людей, которые внушили ей, что ее единственная цель в жизни — привязать себя к кому-то с лучшей магией. Меня раздражает она сама, потому что она считает, что, имея чуть больше денег, она может позволить себе унижать других людей. Но она мне ничем не угрожает. Роган, я управляю собственным бизнесом. Я хорошо разбираюсь в своей работе. Я достаточно успешна, чтобы сохранить крышу у нас над головой и заслужить уважение среди коллег. Моя семья беззаветно меня любит. И если какой-то незнакомый мужчина позвонит мне и прикажет куда-то явиться, я не брошу все и не побегу к нему. Я свободна. Я сама строю свою жизнь и сама делаю свой выбор. Я не пытаюсь отчаянно добиться одобрения людей, считающих меня недостойной, потому что я не

обладаю достаточной магией или не соответствую их ожиданиям. Ты не думаешь, что если бы Харпер хоть минуту побыла честной сама с собой, она захотела бы стать мной?

— Ты ее слишком переоцениваешь. Она может изменить свою жизнь, стоит ей только пожелать, — сказал он.

— Ты все равно не можешь ее убить.

— Нет, могу. Пока в этом не было необходимости, потому что мне нужна была информация, но твой довод, что я не должен, безоснователен. Ты понимаешь, что она участвовала в поджоге, из-за которого погиб человек?

— Ты не можешь убить ее, потому что это противозаконно. Потому что ты живешь в этой стране и ее законы касаются и тебя, в независимости от того, какой магией ты обладаешь. Мы позволим полиции самой с этим разобраться. У нас есть судебная система. Потому что убийства случайных людей, только потому, что они сделали что-то, что тебе не понравилось, превращают тебя в плохого парня.

Его губы дрогнули. В его глазах мелькнула легкая, веселая искорка и Чокнутый Роган рассмеялся.

Я всплеснула руками и поднялась на ноги.

— Мой разговор с тобой окончен.

Он встал, посмеиваясь.

— Мы могли бы вытащить из нее больше информации, если бы ты дала мне придушить ее чуть дольше.

— Полагаю, мы получили ровно столько, сколько собирались. Ты унизил ее. Я думаю, вы как-то обжимались, а потом ты чуть не убил ее. У нее останутся шрамы на всю жизнь.

— А если бы она попыталась задушить меня?

— Я бы выстрелила в нее. Хотя сначала бы предупредила. Не знаю. — Я нахмурилась. — Теперь мы знаем, что она в деле. Но она не знает, что было в ячейке.

— Вероятно, ей сказали ровно столько, сколько требовалось, чтобы ее завлечь, — сказал Роган. — Все равно, мы могли узнать от нее больше.

Я покачала головой.

— Что? — спросил он.

— Роган, я не идиотка. К этому времени ты уже наверняка успел напичкать ее автомобиль и дом жучками, установить прослушку на телефон, и запустить вирус-шпион в ее компьютер. Ты угрожал ей, и знаешь, что она пожалуется на тебя своему боссу, а твои люди подслушают разговор.

Он рассмеялся снова.

Я вытащила телефон и напечатала Берну сообщение с просьбой поискать в сети упоминания об Изменении. Затем я остановилась. Она сказала, что Адам был просто прославленной коровой О'Рейли. Интересно, может она имела в виду О'Лири? Возможно кто-то назвал так Адама, а она неправильно услышала?

Мы направились к ближайшему выходу. Толпа поредела. Здесь были только он и я.

— Что такое тактиль? — Мне, правда, не стоило у него об этом спрашивать.

Его лицо стало невыразительным, он не отвечал.

Должно быть, я поставила его в неудобное положение.

— Забудь. Я понимаю, это что-то личное. Мне не стоило спрашивать.

— Нет, я просто думаю, как бы это получше объяснить, — сказал Роган. — Мой отец пережил девять покушений на убийство. У Дома Роганов всегда хватало врагов. Если мы

видим угрозу, то можем с ней расправиться, но не всегда удается заметить снайпера, скрывающегося в тени. Мой отец был одержим идеей компенсировать то, что он воспринимал как слабость. Он хотел ребенка с телепатической магией в дополнение к его телекинетическим силам, поэтому после тщательного отбора, он нашел мою мать. У нее был слабый телекинетический талант, но вместе с тем она была очень сильным эмпатом. Мой отец исколесил всю Европу, чтобы найти правильную комбинацию генов.

— Откуда была твоя мать?

— Испания. Она была из басков. Мой отец хотел, чтобы у меня был вторичный талант, телекинетическое предчувствие, когда человек чувствует, когда за ним наблюдают или следят. Но моя телекинетическая магия оказалась слишком сильной, поэтому вместо этого я стал тактилем. Я могу заставить тебя почувствовать прикосновение. — Он замолчал. — Было бы проще, если бы я показал тебе. Позволишь?

Да.

— Нет.

Позволить Рогану себя коснуться было плохой затеей.

Мы продолжили идти. Как бы это все-таки было?

— Это больно?

— Нет.

Как же это чувствуется?

Не будет ли это как... ох, черт.

— Ладно.

Я остановилась. Мы стояли напротив маленького алькова. Вокруг никого не было. Даже если я опозорюсь, никто ничего не заметит.

— Только раз.

Моего затылка коснулось мягкое тепло. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Словно бы кто-то коснулся меня нагретой норковой рукавичкой, но касание не было мягким, оно было твердым. Словно... словно...

Тепло быстро скользнуло вниз по шее, вдоль позвоночника, зажигая огнем каждый нерв, прежде чем растаять в пояснице, и его отголоски посылали по телу импульсы. Мое тело запело. Он играл на мне, словно я была гитарой. Я хотела его, и хотела сейчас.

— Это было... — Я увидела его глаза и потеряла дар речи.

Из них исчезла вся жесткость. Они были живыми и светились изнутри.

— Ты меня хочешь.

— Что?

Магическое тепло разлилось по моим плечам, превращаясь в чистое блаженство.

— Я чувствую ответную реакцию. — Он шагнул ко мне, ухмыляясь. — Невада, ты врунья.

Ой-ёй. Я попятилась.

— Какую еще ответную реакцию?

— Когда я так делаю... — Горячее прикосновение перескочило с моей спины на ребра. Я ахнула. Святой боже. — ...то, что ты чувствуешь, возвращается ко мне. Частично я эмпат.

— Об этом ты не говорил. — Мое сердце готовилось вот-вот выскочить из груди, и я не могла понять, было это из-за тревоги, похоти, или гремучей смеси того и другого.

Он ухмыльнулся, подходя ближе.

— Чем больше распался ты, тем больше распалюсь я. А ты горишь.

Моя спина уперлась в стену. Он приближался ко мне с почти пугающей настойчивостью. Его мускулистое тело загнало меня в тупик.

— Роган, — предупредила я. В моей голове проигрывалась снова и снова одна и та же песенка, напевая мне соблазнительным голоском «Роган-Роган-Роган, секс... хочу..»

— Помнишь свой сон? — его голос был низким и властным.

— Роган!

Соблазнительное тепло танцевало вокруг моей шеи.

— Где на мне не было одежды?

Тепло расплзлось по мне, касаясь каждого чувствительного нерва на затылке, на ключице, вокруг моих грудей, лаская их, а затем быстро соскальзывая к их вершинам, потягивая за соски, потом вниз, по животу, бокам и ягодицам, вниз между моих ног. Оно было повсюду одновременно, и разливалось по мне каскадом чувственного экстаза, переполняя мои чувства, затуманивая мой разум, и лишая дара речи. Я воспротивилась ему, пытаюсь разобраться в своих ощущениях, и проиграла. У меня закружилась голова.

Он был там — мужественный, горячий, сексуальный — такой невероятно сексуальный, и я хотела ощутить его вкус. Я хотела почувствовать на себе его руки. Я хотела, чтобы он прижался к ноющей точке между моих ног.

Его руки сомкнулись вокруг меня. Его лицо было так близко, а глаза соблазняли, порабощая, обещая наслаждение.

— Давай поговорим о том сне, Невада.

Я была в ловушке. Мне было некуда бежать. Если он меня поцелует, я тут же растаю. Я буду стонать и умолять его, и займусь с ним сексом прямо здесь, на виду у всех в Галерее.

Вспышка боли растеклась по моей руке, движимая чистым инстинктом. Я схватила его за плечо. Выстрелила молния, опалая его.

Агония взорвалась во мне, отрезвляя, будто ледяной душ.

Тело Рогана содрогнулось, словно от удара электрическим током. Это продлилось всего секунду, и я не ударила так сильно, как могла бы. Я училась себя контролировать.

Роган рванулся ко мне, в его глазах пылало бешенство. Послышалось хриплое рычание.

— Ты хотела мне навредить?

— Это должно было привлечь твое внимание. — Я оттолкнула его рукой. — Ты чересчур увлекся.

— «Нет» было бы достаточно.

— Я была не уверена. — Я оттолкнулась от стены и направилась к выходу. — Я сказала «один раз». Это было больше одного. Я хотела, чтобы ты остановился.

— Меня воодушевило, как ты, задыхаясь, стонала мое имя.

Я повернулась на каблуках.

— Я не стонала твое имя. Я в панике хрипела.

— Это был самый сексуальный хрип, какой я только слышал.

— Тебе пора проверить слух.

Мои щеки полыхали.

— Шокеры требуют шести месяцев обучения, и все равно могут убить своих носителей. Зачем ты их имплантировала?

— Потому что ты меня похитил.

— Самая большая глупость, которую я когда-либо слышал.

— Мистер Роган, — сказала я ледяным тоном. — Это мое дело, что я вставляю в свое

тело.

Ладно, это прозвучало не очень-то хорошо. Я сдалась и вышла из дверей на солнечный свет. Это было так глупо. Конечно, испытай на мне свое волшебное сексуальное прикосновение, и что произойдет? Мое тело все еще было возбуждено и охвачено желанием и предвкушением. Я совсем опозорилась. Если бы я могла провалиться сквозь землю, я бы это сделала.

— Невада, — окликнул он меня. Его голос был приказывающим и соблазнительным, обещающим все то, чего я хотела.

Ты профессионал. Поэтому и веди себя соответственно. Я собрала всю свою силу воли и постаралась сказать как можно спокойнее.

— Да?

Он нагнал меня.

— Нам нужно об этом поговорить.

— Не о чем говорить, — отрезала я. — Мое тело непроизвольно отреагировало на твою магию. — Я кивнула на постер с «Круши и жги 2» на стене торгового центра, где с двумя пушками в руках красовался Лейф Магнуссон на фоне пламени. — Если бы Лейф оказался посередине этой парковки, мое тело отреагировало бы на его появление точно так же. Но это не означает, что я бы пошла у него на поводу.

Чокнутый Роган окинул Лейфа пренебрежительным взглядом и снова повернулся ко мне.

— Говорят, что признание своей проблемы является первым шагом на пути к ее преодолению.

Он решил сменить тактику. Не сработает.

— Знаешь, в чем моя проблема? В смертоносном Превосходном пирокинетике, которого я должна вернуть его нарциссической семейке.

Мы перешли дорогу, направляясь к длинной парковке. Разделительные полосы с травой и небольшими деревьями делили парковку на аллеи, Чокнутый Роган припарковался в самом конце аллеи у выезда.

— Существует точка зрения, что лучший способ справиться с проблемой — это взглянуть своему страху в лицо, — сказал Роган. — К примеру, если ты боишься змей, то регулярно держа их в руках, сможешь избавиться от своей фобии.

Ага.

— Я не стану держать в руках твою змею.

Он ухмыльнулся.

— Детка, мою змею ты удержать не сможешь.

Вот и приехали. Чокнутый Роган, «Ураган», только что ко мне подкатил. После того, как едва не задушил женщину в публичном месте. Я набрала сообщение Берну «Забери меня возле Галереи IV». О поездке в машине Рогана не могло быть и речи.

Впереди нас на парковку въехал серый внедорожник, и из него вышли трое людей, двое мужчин в шортах и футболках, и женщина в сарафане. Они направились к торговому центру, и вместе с тем, к нам. Они двигались намеренно, четко делая каждый шаг.

Мое чутье завопило об опасности.

— Роган. Трое людей впереди.

— Вижу, — кивнул Роган.

Звук двигателя машины заставил меня оглянуться. Голубой седан проехал по нашей

аллее и остановился. Двери распахнулись и из него выскочил мужчина с короткими седеющими волосами, в штанах цвета хаки и белой рубашке, а с другой стороны вышла женщина в белом платье.

Время остановилось. Все произошло одновременно, всего за несколько секунд.

Капот машины оторвался, полетев ребром словно фрисби, рассек женщину и полетел дальше.

Я вытащила пистолет.

Мужчина хлопнул в ладоши и двойной разряд голубой молнии ударил Рогана прямо в грудь.

Я выстрелила два раза. Пули продырявили лицо электрического мага, оставляя в его черепе два влажных красных отверстия.

Роган рухнул вниз словно срубленное дерево.

Верхняя часть тела женщины откинулась назад, открывая рану на ее талии, зияющую будто огромный красный рот. Она упала.

Я выстрелила еще два раза в ветровое стекло.

Машина дала задний ход, переехав дергающееся тело женщины.

Я развернулась и выпустила две оставшихся пули в трех людей, бегущих к нам. Они нырнули за машины.

Я схватила Рогана за ноги и втащила его в узкое пространство между черным «Тахо» и красной «Хондой».

Кто-то снова нажал «играть» на невидимом божественном плеере. Внезапно, время вернулось к привычной скорости. Я достала запасную обойму, вытащила старую и вставила новую на автопилоте. Шесть патронов. Электрический маг и женщина отпали, но оставались еще трое и водитель машины. Шесть пуль, четверо людей. Расчет не в мою пользу.

Страх свернулся внутри меня, будто живое существо. Ноги и руки Рогана тряслись от неконтролируемых спазмов. Господи, пожалуйста, пусть это прекратится. Если мы останемся здесь, то станем легкой добычей. Они шли за нами, а я не имела ни малейшего понятия, какой магией они обладали. Одних пуль против них не хватит.

Я должна была их отвлечь.

Я отложила пистолет и толкнула Рогана, пытаясь задвинуть его под «Тахо». Его тело едва шелохнулось. Он был таким тяжелым. Я уперлась в асфальт. Роган сдвинулся на дюйм. И еще на дюйм. Что он ел на обед, свинцовые кирпичи? Я постаралась приложить все силы. Наконец, мне удалось запихнуть его под машину.

Я схватила пистолет, пригнулась, и побежала вдоль машин в сторону торгового центра, стуча по капотам. Первый, второй, третий... ну, давай же, в ряду были сплошные внедорожники, кадиллаки и БМВ, хоть у кого-то должна быть сигнализация... Четвертый, пятый... мне нужен шум. Я стукнула по следующему капоту, это был потрепанный оранжевый понтиак «Ацтек» с покореженным бампером. Автосигнализация сработала и возмущенно завывала. Seriously? Куча дорогих тачек и кто-то поставил сигнализацию на «Ацтек»? Ну, ладно, и то хорошо. Я продолжила двигаться, набрала полные легкие воздуха и закричала:

— Помогите! Помогите мне! На помощь!

Идите за мной, ублюдки.

— Помогите!

Между машин выглянул пожилой, седовласый мужчина в очках с проволочной оправой.

На его румянном лице застыло недоумение. Он был одет в темные брюки, белую рубашку и темный галстук с узором из красных и золотистых цветов. В правой руке он держал кофейный стаканчик из «Старбакс».

— Вы в порядке? — Он направился ко мне.

Должно быть, ему уже было за шестьдесят. Почему мне не мог подвернуться добрый самаритянин помоложе?

— Здесь небезопасно! — замахала я ему. — Уходите отсюда!

— Что происходит?

— Уходите...

Мужчина выплеснул в меня содержимое стаканчика. Отражая солнце, блеснул шар из свернутой медной проволоки, и угодил мне прямо в грудь. Проволочные нити выстрелили из клубка, опутывая мои руки, ноги и горло, а затем сбили меня с ног, утягивая в сторону между машин. Проволока оплелась вокруг велосипедного багажника на внедорожнике и растянула мои руки. Я повисла между внедорожником и маленьким деревом, растущим на разделительной полосе, едва касаясь носками земли. Проволочная петля вокруг шеи затянулась, лишая воздуха.

Старик прошел между машин и провода из его стакана натянулись.

— Ш-ш-ш, — прошипел он. — Не дергайся, а то будет хуже.

Старик коснулся рукой левого уха. Передатчик. Я не увидела его раньше из-за скрывавших его волос. Дура, дура, дура.

— Она у меня. — Он убрал руку от уха и посмотрел на меня. — Отдай мне пистолет.

Я дернулась, пытаюсь плотнуть воздуха. Он не получит от меня пистолета. Ему придется его забрать.

— Ну же. — Старик подставил руку под мой правый кулак. — Просто отпусти. Будь хорошей девочкой.

И не подумаю.

Старик сжал стаканчик и провода натянулись, врезаясь мне в горло. Я попыталась закричать, но вместо этого лишь хрипло засипела.

— Не хочешь по-хорошему? Ладно. — Он встал на цыпочки, потянувшись, и его рука сомкнулась на рукояти «Кахра».

Я выронила пистолет и вцепилась пальцами в его запястье. Боль раскатилась по моему плечу, и я позволила ей перерасти в агонию. Старика пронзила молния и он выгнулся назад, оцепенев. Его глаза закатились, изо рта запузырилась пена. Я отпустила, и он упал на колени, повалившись лицом вниз на тротуар.

Проволока опала. Я шлепнулась на землю, вцепилась ногтями за металлическую петлю на шее и распустила ее. Воздух. Милый воздух. На моих пальцах остались ярко-красные пятна. Моя кровь. Должно быть, проволока меня порезала.

Нужно пошевеливаться. Остальные на подходе. Я подняла глаза.

На меня летел по воздуху серебристый седан. Я видела его предельно ясно, каждую мельчайшую деталь, словно смотрела на огромное цифровое изображение: продолговатые фары, тонированные стекла, блестящий капот, крыша машины, когда она повернулась, прежде чем рухнуть на меня. Нет времени бежать. Слишком поздно.

Я труп.

Я инстинктивно закрылась руками.

Седан замер в шести дюймах от моих пальцев. Он заскрипел, металл изогнулся, и

машина взмыла вверх и назад, открывая Чокнутого Рогана. Он был просто невероятно, чертовски зол.

Машина перелетела через него, целясь в нападающих. Женщина в сарафане попыталась уклониться от седана, но тот врезался в нее, сбивая ее с ног.

Я стянула остатки проволоки с лодыжек и запястий, и вскочила на ноги.

Седан подскочил на теле женщины, заскрежетал, развернулся, царапая асфальт, и врезался в более высокого мужчину. Тот рухнул и седан переехал его, расплющивая в лепешку. Машина подскочила и полетела в третьего мужчину, который был одет в темно-синюю футболку. Мужчина подпрыгнул, словно у него были крылья, и оказался на крыше седана, стоя на одной ноге и идеально сохраняя равновесие.

— Ты в порядке? — спросил Роган.

— Жить буду, — прохрипела я и схватила свой пистолет.

Седан взлетел на шесть футов в воздух, вращаясь. Мужчина пробежал по вращающейся машине, как дровосек на соревнованиях по перекатыванию бревен, спрыгнул на ряд припаркованных машин и ринулся на нас, пробегая по машинам, словно по твердой земле.

Я прицелилась в него и нажала на курок. Ветровое стекло белого грузовика справа треснуло. Пуля угодила прямоком в мага и срикошетила в стекло. Прекрасно.

— Маг ветра.

Безумный Роган сложил руки вместе, и резко развел их в стороны. Два капота слетели с ближайших машин и полетели в мага. Аэрокинетик с легкостью увернулся, грациозно, как танцор балета, и взлетел в воздух. Чокнутый Роган бросился вправо. Рядом со мной в асфальте появилась дыра в полфута длиной. Вторая дыра прорезала тротуар на два дюйма ближе к ногам Рогана. Охренеть.

Капоты устремились к нам, закрыв нас, словно щиты.

Любой небольшой объект отскочит от мага ветра. Любой более тяжелый будет слишком медленным, чтобы его сбить. Уловка 22. («Уловка 22», 1961 — название романа американского писателя Джозефа Хеллера. Стало идиомой, обозначающей парадоксальную ситуацию.)

Чокнутый Роган протянул мне мел.

— Нарисуй вокруг меня усилительный круг.

Я взяла мел. Усилительный круг был магической «скорой помощью». Меньший круг вокруг ног мага, больший круг вокруг него, три набора рун. Просто я никогда не пробовала рисовать его на асфальте, пока воздушный маг швырялся в нас невидимыми воздушными лезвиями.

Капот прямо напротив Рогана со скрежетом разлетелся, и на груди Рогана выступила ярко-красная полоса. Он поморщился. Капоты закружились вокруг нас, все быстрее и быстрее.

Я покончила с меньшим кругом. Он был не идеальным, но хотя бы круглым.

Что-то застучало по капотам, напоминая град. Маг не мог нас видеть, но и мы тоже его не видели.

Я закончила второй круг.

Еще один град из лезвий, в этот раз справа. Аэрокинетик взял нас на мушку.

Я вывела руны.

— Готово.

Легкая меловая дымка взвилась от линий в воздух. Роган напрягся, мускулы на его руках

вздулись. На шее забились жилка.

Крышки капотов продолжили вращаться. На месте воздушного мага, я бы попыталась достать нас сверху...

Я подняла глаза. В небе над нами парила грациозная фигура.

— Вверху! — крикнула я.

Аэрокинетик развел руки. Мы были перед ним как на ладони.

Здоровенный автобус врезался в воздушного мага. Я заметила его краем глаза, распластавшегося на ветровом стекле автобуса словно жук, с дико вытаращенными глазами. Автобус рухнул на тротуар напротив «Галереи», на три фута пробив асфальт, и так и остался торчать над землей.

Чокнутый Роган улыбнулся как шкодливый кот, только что удачно стащивший что-то со стола.

— Воздушные маги. Вечно выделяются, пока не двинешь их чем-то тяжелым.

Я уставилась на автобус, как идиотка, застыв с мелом в руках. Автомобильная шина была тяжелой. Он же швырнул гребаный автобус.

Мои запястья и лодыжки кровоточили. Колени тоже — должно быть, я поцарапалась, пока пыталась нарисовать круг. За сегодня я уже успела увидеть, как едва не умерла женщина; я сама застрелила одного человека и убила другого шокерами. Меня душили проволокой и едва не раздавили машиной, и теперь на моем теле не было живого места. Будь моя воля — я бы заехала сегодняшнему дню прямо по роже.

Черный «Цивик» Берна въехал на парковку и свернул, объезжая автобус.

Чокнутый Роган посмотрел вниз на мои линии мелом.

— Самые корявые круги, какие я только видел. Ты рисовала с закрытыми глазами?

Ну все. Я запустила в него мелом, встала, прошла к «Цивику» и села внутрь.

— Берн, поезжай. Пожалуйста.

К чести моего кузена, он ни словом не заикнулся о крови, автобусе или Чокнутом Рогане. Он просто нажал на газ и поехал прямо домой.

Глава 12

Берн ехал со спокойной уверенностью, соблюдая все правила и нормы дорожного движения. И у Леона и у Арабеллы были ученические права. Пять минут в машине с любым из них за рулем было достаточно, чтобы поседеть, тогда как поездка с Берном была абсолютно беззаботной. Он сделал простой расчет: стоимость штрафа за превышение скорости в Хьюстоне колеблется от 165 до 300 долларов, и увеличит стоимость его страховки. У него не было лишних 165 долларов.

Три полицейские машины с завывающими сиренами промчались по встречной полосе. Удачно. Насколько я знала, Чокнутый Роган мог с ними разобраться и оставить меня, черт побери, в покое.

— Помнишь, ты говорил мне, что Великий чикагский пожар был начат не коровой миссис О'Лири? И что у твоего профессора какая-то альтернативная теория на этот счет?

Берн кинул на меня странный взгляд.

— Ты видела автобус, на половину воткнувшийся в землю?

— Я не хочу говорить об автобусе.

— Ладно, — примиряюще сказал Берн, — Нам не обязательно о нем говорить. Вместе

этого можем поговорить о корове.

— Есть ли у нас шанс поговорить с профессором?

— С профессором Ито? Конечно. Думаю, у него сегодня есть приемные часы. Я проверю, когда доберемся домой. А зачем?

— Харпер кое-что сказала. Она назвала Адама прославленной короной О`Рейли. Думаю, она имела в виду О`Лири.

— Может, она упомянула это в переносном смысле, — сказал он.

— Разумеется, но я хочу потянуть за эту ниточку и посмотреть, куда она нас приведет. Это было так неожиданно, и на ровном месте.

— Без проблем, я об этом позабочусь, — сказал он. — Звонили из «МРМ». Дважды Показались сердитыми. Они хотят, чтобы ты перезвонила.

Ясно. Дом Пирсов не в восторге из-за того, что Адам поджег офисное здание, поэтому они, скорее всего, надавили на Августина Монтгомери, и теперь он собирался надавить на меня. Дерьмо течет вниз.

Мне придется позвонить Августину Монтгомери. И меня это вовсе не радовало.

Порезы на шее и запястьях оказались неглубокими. Каталина помогла мне промыть их и намазать «Неоспорином». У меня не было возможности восстановить силы. Берн вернулся и сообщил, что приемные часы профессора Ито с двух до четырех. Я подправила макияж и прическу, надела деловой костюм — не один из моих дорогих, а обычный серый — затем мы запрыгнули в машину и поехали в Хьюстонский университет.

Мы нашли профессора Йена Ито в своем кабинете на историческом факультете. У него кто-то был, так что мы уселись в коридоре и бездельничали. Студенты сновали туда-сюда, таская свои сумки и напитки с избыточным количеством кофеина. Все казались такими юными. Я была не намного старше, но, по какой-то причине, чувствовала себя старой. Вероятно, я просто устала.

Даже когда я была в колледже, остальные казались мне юными. Я работала полный рабочий день. Для меня ходить означало добраться, отсидеть на лекциях, собрать вещи и уйти как можно скорее. Я была только на одной вечеринке братства, да и то только потому, что влюбилась в парня, которой вместе со мной посещал лекции по Уголовному делопроизводству и управлению. У него были огромные карие глаза и невероятно длинные ресницы. Каждый раз, когда он моргал, это было переживанием. Мы сходили на три свидания, договорились, что это плохая идея, и разошлись как в море корабли.

В итоге я стала встречаться с Кевином. Он был отличным парнем, и сделал мой второй и третий курс замечательными. Мне было так уютно с ним. Он оставлял меня в покое и почти никогда мне не лгал. Мы разговаривали, тусовались, у нас был хороший секс и все то, что двое влюбленных молодых людей обычно делают. Я думала, что могу выйти за него замуж. Не то чтобы он предлагал или я просила об этом, но оглядываясь назад, я вижу себя за ним замужем. Это не были пытающие, драматические или сумасшедше-волнительные отношения. Люди начали говорить, что мы похожи на старую супружескую пару спустя три месяца после нашего первого свидания. Кевин был надежным, как скала. Быть с ним было так легко. Никакого давления.

Моей маме он не нравился. Она думала, что я остановилась на нем, потому что папа умер меньше года назад, и я хотела стабильности и нормальной жизни. В то время это так не ощущалось. Тогда, в наш последний год, Кевин поступил в аспирантуру в калифорнийский Технологический институт. Он пригласил меня переехать вместе с ним в Пасадену. Я сказал

ему, что не могу. Моя семья здесь, мой бизнес здесь, и я не могу просто отказаться от всего этого. Он ответил, что понимает, но он не может упустить такую возможность. Ни один из нас не расстроился из-за этого. Не было некрасивых расставаний, и не было слез. Я куксилась из-за этого первые несколько выходных, а потом двинулась дальше. Кевин был сейчас в Сиэтле, работал в инженерной фирме. Он был женат, и его жена родила близнецов полгода назад. Я посмотрела его на Фейсбуке. Это заставило меня немного грустить, но в целом я была рада за него.

Дело в том, что пока я была в колледже, я не делала все те обычные вещи. Я не вступала в женское общество. Не состояла ни в каких клубах. Если я приходила домой на рассвете, значит, занималась наблюдением. Когда люди говорят о своем колледжском «опыте», я действительно не имею понятия, о чем речь.

Я взглянула на Берна.

— Знаешь, если хочешь вступить в братство, то так и сделай.

Густые брови кузена поползли вверх. Он протянул руку и бережно коснулся моего лба, проверяя температуру.

— Ты меня пугаешь.

Я скинула его руку.

— Я серьезно. Не хочу, чтобы ты чувствовал, что что-то проходит мимо тебя.

Он указал на себя.

— Программист и кибермаг. Мы не вступаем в братства. Мы прячемся в наших логовах во тьме и расцветаем под светом компьютерных мониторов.

— Как грибы?

— Ну, почти. Только грибы не цветут. Они выпускают споры.

Дверь в кабинет профессора Ито открылась, и оттуда, помахивая бумагами, вышла девушка с темными волосами, завязанными в хвост. Она посмотрела на нас.

— Он может взять свою четверку и засунуть куда подальше. Четверка! Да это было лучшее сочинение в классе!

Она умчалась по коридору.

Берн поймал дверь, прежде чем она успела захлопнуться.

— Профессор? Вы получили мое письмо по электронной почте?

— Входите, — отозвался бодрый мужской голос.

Профессор Ито был примерно моего роста и порядка пятнадцати лет старше, спортивного телосложения, плотный и крепкий с темными азиатскими глазами. Он казался полным энергии, когда пожал мне руку и уселся за стол напротив массивного книжного шкафа, забитого до отказа. У него было приветливое выражение лица.

— Чем могу вам помочь, мисс Бейлор?

— Я надеялась узнать больше о ваших теориях касательно Великого Чикагского пожара. Берн упоминал, что вы не считаете, будто он случился из-за коровы.

Профессор Ито улыбнулся, закинул ногу на ногу, и переплел пальцы рук на колене. Выглядел он так, будто кто-то только что рассказал ему очень забавную шутку, а он продолжал над ней посмеиваться про себя.

— Это не то, о чем часто говорят в исторических кругах. Фактически, мои исследования этого вопроса сделали меня объектом не слишком деликатных насмешек. Ученые. — Он распахнул глаза в притворном ужасе. — Жестокие чудовища. Они вырвут вам глотку, если не будете осторожны.

Берн улыбался. Я поняла, почему кузену нравился профессор Ито. Совершенно очевидно, что этот ученый не относился к себе слишком серьезно.

— Я вооружена, — сообщила я. — Если попадем в беду, можем выставить Берна перед дверью. Он сможет сдержать целый коридор ученых. Никто не прорвется.

Глаза профессора Ито сверкнули.

— Вы уверены, что хотите полный отчет, потому что меня не так часто об этом спрашивают, начав, я могу увлечься и вовремя не остановлюсь.

Я вытащила свой диктофон.

— Пожалуйста.

— Приготовьтесь удивляться. — Профессор Ито откинулся назад. — Во-первых, основные факты. Это лето 1871 и лето очень засушливое. Чикаго, который был в основном деревянным, жарится на солнце, высыхая до того, что становится пороховой бочкой. 8 октября 1871 года, воскресенье. Наступила ночь, все в своих постелях. Спустя несколько минут после девяти часов, Даниэл Одноногий Салливан видит огонь в окнах сарая, принадлежащего его соседям Патрику и Кетрин О'Лири. Он бьет тревогу и бежит спасать животных. Пожарные были уведомлены, но они накануне тушили крупный пожар и устали. Они идут не в тот район, и к тому времени, когда они нашли нужный дом, огонь уже полыхает. Они пытаются потушить его, и не справляются. В течение двух дней Чикаго горит, до 10 октября, когда дожди окончательно потушили огонь. Триста человек погибли, более ста тысяч остались без крова, и центр города сгорел дотла. Официальная причина пожара так и не была установлена. Позже репортер «Чикаго Трибьюн» напишет о пожаре, утверждая, что корова, принадлежавшая миссис О'Лири, пнула фонарь, отбросив его в сено. Миссис О'Лири становится изгоем, и умирает спустя несколько лет, с разбитым сердцем, по словам ее семьи.

Профессор Ито наклонился вперед. Его лицо приняло заговорщицкое выражение. Он жестом позвал меня поближе. Я наклонилась к нему.

Он понизил голос и тихо сказал, будто раскрывая мне огромный секрет.

— Корова этого не делала.

— Не делала? — переспросила я.

— Нет. Позже репортер проговорился, что добавил корову для большего драматизма. На тот момент, это было подпиткой для негативного отношения к ирландцам. Вот еще одна интересная деталь: исследование улицы показало, что Одноногий Салливан не мог видеть огонь с того места, где он стоял.

— Он соврал, — сказал Берн.

— Именно! — профессор Ито с триумфом пронзил воздух указательным пальцем. — Чикагский пожар был предметом моей дипломной работы. Я был одержим этой историей, поэтому обзавелся в архиве копией карты Чикаго и тщательно воссоздал распространение по нему огня, закрашивая здания кисточкой, обмакнутой в кофе.

— Почему в кофе? — спросила я.

— На тот момент это был единственный краситель, доступный мне в большом количестве. Я был бедным студентом колледжа, но у меня всегда был кофе. Он был жизненно необходимым продуктом. — Профессор Ито скрестил руки. — Пока я наносил на карту огонь, мой сосед — глупый практичный человек — зашел на кухню в надежде воспользоваться кухонным столом по назначению и сделать себе сэндвич. Он был пирокинетиком, и заметил, что рисунок первоначального возгорания странным образом

напоминал огненные кольца, появляющиеся, когда пирокинетик использует концентрический огонь. Это означало, что кто-то сжигал Чикаго концентрическими кругами. Огонь распространялся на север и юг, против ветра. Более того, скорость возгорания указывала на присутствие магии. Целые кварталы загорались за несколько мгновений.

Конец девятнадцатого века. Испытания сыворотки, выявляющей магические способности, уже начались, но еще не были широко известны. Вполне возможно, что какой-то ранний пирокинетик устроил пожар в Чикаго.

— Но зачем намеренно сжигать город?

Профессор Ито поднял руку.

— Я сам задавался этим вопросом. Избавлю вас от полного объяснения. Вот короткая версия: Британские военные дали сыворотку некоторым офицерам в попытке сохранить контроль над государством. Одним из таких офицеров был полковник Редьярд Эмменс. Полковник провел большую часть своей службы Британской империи на Востоке. К сожалению, я не смог точно выяснить, в какой части Востока. В конце концов, он вышел в отставку и уехал в Чикаго. Мы не знаем наверняка, в чем заключался его талант, но из его дневника ясно, что он был связан с огнем, он сильно переживал из-за этого. Его также беспокоило, что эти «адские» силы перешли к его единственному сыну Эдварду. Во время Чикагского пожара Эдварду было восемнадцать. И вот интересная деталь: по сведениям авторитетного Чикагского историка, центр города оставался раскаленным еще два дня, после того, как огонь потух. Когда пожарные наконец-то смогли проникнуть в дымящиеся руины того, что осталось от Чикаго, в самом центре они нашли Эдварда Эмменса. Он был истощен, обезвожен и перемазан сажей, но в остальном не пострадал.

Только маг-пирокинетик мог находиться в центре адского пламени и выжить.

— Он был Превосходным?

— Можно было бы так подумать, но нет. — Профессор Ито ухмыльнулся. — Впоследствии, его магия была классифицирована, как Заметная.

— Кажется, это ужасно много силы для пирокинетика Заметного уровня, — произнесла я.

— Именно. — Ито повернулся, посмотрел на книжные полки и вытащил книгу в красной обложке. — Дэвид Харрисон, один из двадцати шести чикагских лейтенантов полиции в то время, заинтересовался этим случаем и причинами пожара. Никто не знает, что именно ему удалось обнаружить, потому что власти, по всей видимости, прикрыли расследование, но спустя годы он начал издавать детективы под псевдонимом Джон Ф. Шепард.

Ито раскрыл книгу.

— «Дьявольский огонь». Небольшой рассказ о юноше, который стащил ценный африканский артефакт отца и использовал его, чтобы сжечь Бостон.

Он показал мне страницу и захлопнул книгу.

— Существует также предсмертная исповедь некоего Фредерика ван Пельта, рассказывающая, как он и трое других юношей встретились с Эдвардом Эмменсом, который взял магический предмет своего отца, и собирался показать им удивительные вещи. Они встретились в сарае, владельцы которого всегда рано ложились спать, и заплатили местному, чтобы постоял на стреме. Он утверждал, что после пожара, магический предмет был разделен на три части, и каждая была спрятана отдельно.

Я сложила два плюс два.

— Правильно ли я поняла? Редьярд Эмменс привозит домой некий артефакт откуда-то из Азии. Годы спустя, его сын использует его, чтобы впечатлить друзей, но теряет контроль и сжигает Чикаго?

Профессор Ито задержал на мне взгляд и улыбнулся.

— Да.

— А как приняли вашу диссертацию? — спросил Берн.

Профессор Ито сделал большие глаза и помахал книгой.

— Забавно, что ты об этом упомянул. Я был ужасно взволнован. У меня были все первоисточники. Я трудился неделями. Написал работу, которая и ангелов заставила бы разрыдаться. Мне оставалось только защитить диссертацию перед ученым советом. Они меня выслушали, покивали и предложили полностью оплаченную стипендиальную программу. Обеспеченное получение кандидатской степени после бакалавриата и покрытие всех расходов. Только одна маленькая деталь — моя диссертация не может быть опубликована. Это противоречит интересам общественности.

— Они подкупили вас, — догадалась я.

Он наклонился вперед и постучал пальцем по книге на столе, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

— И я согласился на это. Тогда я согласился, потому что был беден, и не имел выбора. Теперь я бы согласился совсем по другой причине. Споры о существовании артефактов не утихают годами. Известно, что некоторые люди развили магические способности без сыворотки, мы знаем, что можно создавать магические предметы, поэтому есть возможность существования объектов, которые усиливают магию. Если такой артефакт будет найден, он принесет только беды. Если его можно контролировать, его отдадут Превосходному, и превратят в сокрушительное оружие. Если же его нельзя контролировать, любая попытка использовать его обернется катастрофой. Лучше всего для этого предполагаемого артефакта быть спрятанным. Это урок для нас, и наследие колониального режима. Хищение сокровищ другой нации никогда не остается безнаказанным.

Эдвард Эмменс был Заметным, магом третьего уровня, и он сжег Чикаго. Адам Пирс — Превосходный. Если он доберется до подобного артефакта, то станет сверхновой. Меня охватило ледяное беспокойство. Останется ли хоть что-нибудь, после того как он закончит?

— Вы знаете, что это было? — спросил Берн. — Что за артефакт?

Профессор Ито покачал головой со скорбным лицом.

— Нет, все эти годы я пытался выяснить это, но потерпел неудачу. Мы даже не знаем, откуда он происходит. Известно, что, скорее всего, артефакт из дальневосточного или ближневосточного региона, но культурное наследие обоих очень велико и разнообразно. Это словно искать иголку в пресловутом стоге сена.

Я вытащила телефон и показала ему фотографию украшения.

— Могло ли быть что-то вроде этого?

— Возможно. — Ито нахмурился и развел руками. — Помните, мы говорим о Востоке термин по современным понятиям устарел и имел разные значения на протяжении лет. В 1800-х под ним понимали в основном Индию, Китай и Дальний восток, но нельзя также исключать и Ближний восток. «Восточный экспресс», к примеру, ходил в Стамбул. Я мог бы сказать вам больше, если бы заполучил документы семьи Эмменса, но наследники отказываются со мной разговаривать. Требуется кто-то с гораздо большим влиянием, чем я

могу наскрести.

Он вздохнул и развел руками.

— Я оставил все как есть.

— На что, по-вашему, похоже это украшение? — спросила я. За спрос денег не берут...

— На старую телевизионную антенну? — Ито нахмурился. — Боюсь, здесь я не смогу помочь.

— Большое спасибо за информацию. Один, последний, вопрос: мы можем поговорить с кем-нибудь на вашем факультете об артефакте? — спросила я.

Профессор Ито улыбнулся.

— Магдален Шербо могла бы вам помочь. К сожалению, в настоящее время она находится в Индии в рамках своей просветительской деятельности. Мы могли бы попробовать связаться по электронной почте, но ее доступ к ящику нерегулярен, и она славится не тем, что не проверяет его. Вы можете получить ответ через месяц. Однажды я посылал ей приглашение на вечеринку моей жены по случаю скорого рождения ребенка. Два месяца спустя она ответила, что с удовольствием придет, как раз когда я рассылал фотографии ребенка всем, у кого есть электронная почта. — Хмыкнул он.

— Не могли бы вы дать нам ее адрес электронной почты, просто на всякий случай? — попросил Берн.

Профессор Ито нацарапал адрес на желтой клейкой бумажке и передал ее Берну.

— Спасибо вам еще раз, — сказала я.

— Неужели артефакт объявился? — спросил он.

— Думаю, да, — ответила я.

Весь юмор исчез с лица профессора Ито. Он достал бумажник и вынул фотографию. На ней женщина азиатского происхождения с распущенными темными волосами стояла рядом с двумя мальчиками на фоне массивного дерева. Мальчики выглядели, как профессор Ито, с такими же сообразительными глазами с озорным блеском.

— Это моя жена и дети.

— У вас прекрасная семья, — сказала я.

— Мы живем здесь, в городе. Если артефакт обнаружен, и кто-то пытается использовать его здесь в Хьюстоне, люди погибнут. Во время Великого чикагского пожара погибло триста человек. Плотность населения в нашем городе во много раз выше, чем в Чикаго на рубеже XX века. Если этот артефакт попадет не в те руки — а правильных рук для него не существует — потери будут катастрофическими.

Он пододвинул мне фотографию.

— Вы обнаружили кое-что потенциально разрушительное и не можете просто оставить все, как есть. У вас есть моральные обязательства перед ними, передо мной, и перед своей семьей. Обладая этим опасным знанием, вы теперь частично ответственны за наше выживание. Пожалуйста, имейте это в виду.

Мы вышли из кабинета, и пошли по залитой вечерним солнцем парковке к машине.

— Мы пойдем к властям? — спросил Берн.

— Если мы это сделаем, у нас будет только одна попытка убедить их, что все серьезно. Если мы правы, и Адам хочет этот артефакт, и имеет возможность как-то его получить, это может означать массовую эвакуацию. Они не будут ничего делать без каких-либо серьезных доказательств. Сейчас у нас есть только теории из неопубликованной диссертации и фотография какой-то ювелирной безделушки. Я на все готова, но нам нужно что-то

посущественнее.

— Так что теперь? — спросил Берн.

— Мы отправимся домой, и проведем поиск информации.

Утром, если другого выхода не останется, я попрошу Рогана достать семейные документы Эмменсов. Профессор Ито был прав. Семья не станет разговаривать с ним или со мной, но им придется поговорить с «Ураганом».

Я посмотрела на своих домочадцев, собравшихся вокруг кухонного стола. Две сестры, два кузена, мама и бабушка Фрида. Я только что в общих чертах рассказала о Великом чикагском пожаре и артефакте, который может быть с ним связан.

— Мне нужна ваша помощь в поисках артефакта, — сказала я.

— У меня домашняя работа, — возразила Каталина.

Арабелла уставилась на нее.

— Серьезно? Ты можешь хоть раз в жизни не быть такой занудой?

Лина ощетибилась.

— Ты позволишь ей так со мной разговаривать?

— Я напишу вам, какую захотите, объяснительную, — сказала я. — Но у нас в обрез времени, и мне очень нужна ваша помощь. — Я подвинула к ним ноутбук. — Это карта Британской империи в 1850, когда Эмменс, вероятно, находился на военной службе. — Рядом я положила телефон с фотографией ювелирного украшения. — Это — то, что мы ищем. Вероятно, часть чего-то еще, своего рода артефакта. Мы поделим регионы между собой и попытаемся поискать артефакт, похожий на этот. Каталина и Арабелла, вы берете Китай. Леон — Индия. Берн — Египет. Мама — Турция и Аравия. Я возьму Дальний Восток. Бабуля Фрида, можешь выбрать себе команду, если хочешь. И чтоб никому об этом ни слова. Никаких Фейсбуков, Инстаграмов и особенно «Геральд».

Они разбежались.

Я отсиживалась в своем офисе. Там было хорошо и тихо. Я поставила свечу под аромалампу, капнула несколько капель розовой герани и погрузилась в работу.

Иголка в стоге сена — это еще мягко сказано. Я испробовала поиск по картинке, исторический поиск. Просмотрела Википедию и музейные галереи, выложенные в сети.

Ничего.

В итоге у меня разболелась голова. Я оттолкнулась от стола, потерла глаза, взглянула на часы: 21:17. Я занималась этим в течение двух часов, и у меня не было абсолютно никаких результатов.

По крайней мере, часть артефакта, если это именно она, была надежно заперта где-то в недрах драконьей пещеры Рогана.

Призрачное воспоминание об его прикосновении скользнуло по коже. Да что, черт возьми, со мной не так? Я почти переспала с ним в Галерее. После того, что он сделал с Харпер, я должна была бежать прочь, спасая свою жизнь. Одно дело находить плохих парней привлекательными, обычно я этим не грешила. И совсем другое — заставить на плохого мужчину. Чокнутый Роган был действительно плохим, очень плохим человеком. Если он чего-то хотел, то покупал это, или убеждал, чтобы ему отдали, или просто брал сам. Мне нужно убедиться, что он не хочет меня. Потому что если он так решит, это будет на его условиях, и мне это совсем не понравится.

Нет, мне бы это понравилось, что было бы еще хуже. Если бы Чокнутый Роган внезапно объявился посреди моего офиса, подхватил меня с этого стула своими сильными,

мускулистыми руками и унес в спальню, бросив на кровать — пятьдесят процентов меня были бы совершенно не против. Это было бы захватывающе. Просто увидеть его обнаженным, увидеть это отточенное, мощное тело, коснуться его — это было бы вершиной моей взрослой любовной жизни.

Остальные пятьдесят процентов меня были бы в ярости. Вот урод. Никаких тебе «спасибо, что спасла мне жизнь», ни «ты в порядке?». Никакого упоминания о том, что я чуть не умерла. Нет же, он решил покритиковать мой рисунок мелом, когда я сидела на тротуаре, истекая кровью и пытаюсь перевести дыхание. Я по горло сыта ими всеми. Их выходками с огнем, летающими автобусами и взрывающимися зданиями. С меня хватит.

Было совершенно ясно, что Чокнутый Роган — красивый, атлетичный, богатый Превосходный — окажется эгоистичным ублюдком. Но что абсолютно не имело смысла — почему каждый раз, когда он произносил мое имя или смотрел на меня, мне требовалось десять секунд, чтобы вернуться обратно в реальность.

Дело не просто в физическом удовольствии или дурманящей мысленной штуке, которую он сегодня проделал. Это та пугающая, несомненная сила, которую он излучал, когда сосредотачивался. Я просто чувствовала какой-то женской интуицией, что, когда он занимался сексом, то полностью отдавался процессу. Он занимался любовью так же, как другие идут в бой. Я хотела быть единственной в целом мире, кто его заботит, пусть даже всего на несколько минут. Я хотела, чтобы он целиком, и душой и телом, принадлежал мне.

И это было камнем преткновения. Чокнутый Роган никогда не будет моим. Я не та женщина, с которой он бы, в конце концов, остепенился. И дело даже не в отсутствии у меня денег. У меня не было правильной родословной. Превосходные женились ради магии. Моя магия не его уровня, и уж конечно она не того типа. Его сила относилась преимущественно к телекинезу, а телепатия была вторичной. Он будет искать телекинетика или телепата. Моя магия основывалась преимущественно на силе воли и четко не относилась ни к одной категории. Я могу заполучить Чокнутого Рогана, только если он действительно меня полюбит. Понятие влюбленности, вероятно, вовсе отсутствует в его словаре.

Если я продемонстрирую симпатию, он, скорее всего, не отвергнет меня. Он почти переспал со мной в Галерее. Я молодая и симпатичная, а он — свободный мужчина. Ладно, я предполагала, что он свободный. Даже если бы он был помолвлен, это, вероятно, не остановило бы его. Это была ужасная мысль.

По сути, единственное, на что я могла надеяться от отношений с ним — это пара ночей великолепного секса.

Боже, это почти бы того стоило.

Нет, нет, не стоило бы. Я достаточно хорошо себя знала. Я привяжусь к нему. Да и трудно было бы поступить иначе — в нем все было исключительным. Подобные люди не часто появляются на горизонте. Если я прыгну в эти глубокие воды, то непременно утону. Я не могла позволить себе утонуть. У меня была семья, работа...

Телефон зазвонил.

Я подскочила.

Он снова зазвонил. Я сняла трубку.

— Да?

— Наконец-то, мисс Бейлор, — надрывно произнес Августин.

Вот дерьмо.

— Чем могу помочь?

— Я просмотрел утром освещение последних событий в прессе. Может быть, я недостаточно ясно выразился во время нашей последней встречи. Какую часть из «Задержать Адама Пирса и сдать в его Дом» вы не поняли?

Ах, ты, сволочь.

— Ту часть, где я делаю это без ресурсов и поддержки «МРМ».

— Дом Пирсов недоволен. Они сейчас несут материальную ответственность за дорогостоящее офисное здание и являются объектом ряда ожидаемых исков.

— Возможно, им следовало предвидеть такую возможность, когда они обнаружили, что Адам Превосходный. Если бы они не вырастили испорченного, незрелого эгоиста, у них не было бы подобных неприятностей.

— Мисс Бейлор.

Кто-то постучал в переднюю дверь.

— Минутку, — произнесла я. — Сейчас вернусь.

Я прошла к двери и посмотрела на монитор. Чокнутый Роган.

Я распахнула дверь.

Чокнутый Роган стоял на моем пороге, держа букет гвоздик. В магазине были пушистые и нежные розовые цветки. У этих были большие тяжелые головки, алые, лоснящиеся, такие темные у основания лепестков, что казались почти черными с каймой ярко-алого цвета по краям. Они выглядели так, словно их окунули в кровь. С таким же успехом он мог принести мне горсть рубинов.

У него был самодовольный взгляд.

Я посмотрела на цветы, посмотрела на его лицо и захлопнула дверь.

Нет, погодите-ка.

Я открыла дверь, забрала у него гвоздики, закрыла дверь и заперла ее. Вот. Я чуть не умерла, и конфискация гвоздик улучшит мое самочувствие. Я прошла обратно в офис и нажала кнопку на телефоне.

— Я вернулась.

— Вы оставили меня висеть на линии. — Его голос мог намертво заморозить Мексиканский залив.

Я понюхала гвоздики. Ух ты.

— Да. Кто-то постучал в дверь. Это мог быть Адам.

Я огляделась в поисках вазы, чтобы поставить цветы. Единственное, что у меня было — высокий, декоративный стакан, полный мраморных шариков, потому что в офисе нужны какие-нибудь безделушки. Я высыпала шарики в ящик, открыла бутылку с водой, которую держала для клиентов, вылила ее в вазу, и поставила туда гвоздики. Идеально.

— Не думаю, что вы понимаете всю серьезность ситуации, — сказал Августин.

Склад содрогнулся. Вся конструкция завибрировала на секунду и прекратила.

— За последние сорок восемь часов мой дом подожгли. Потом машина взорвалась перед входной дверью.

Склад задрожал снова. Чокнутый Роган сотрясал мой дом. Чтоб ему пусто было.

— Меня едва не задушили, чуть не размазали в лепешку и почти похоронили заживо. Я понимаю всю серьезность ситуации.

Ту-дум. Ту-дум.

— Адам публично опозорил свой Дом. В это дело теперь вовлечены не только вы...

Ту-дум.

— ... но и репутация целой фирмы и...

— Я собираюсь снова оставить вас секундочку повисеть на линии.

— Мисс Бей...

Я прошла к двери и распахнула ее. Чокнутый Роган улыбался. Я махнула рукой в сторону офиса. Он вошел. Я закрыла за ним дверь. Чокнутый Роган вошел в комнату и плюхнулся на стул. Помещение мгновенно уменьшилось. Раньше там было место, теперь там был Роган.

Я снова нажала кнопку.

— Я вернулась.

— Мое терпение на исходе, — произнес Августин с кристальной четкостью. — Я должен отчитаться перед домом Пирсов, и в моем отчете, несомненно, будет говориться, что вы ничего не добились. Вы заставляете «МРМ» выглядеть некомпетентно.

Дрожу от ужаса.

— Почему бы вам не сказать им правду: вы поручили мне это дело, ожидая, что я провалюсь. Когда это произойдет, вы заберете мой бизнес и спишете убытки.

— Я пытаюсь дать вам шанс сохранить ваш бизнес, — сказал Августин.

— Она тебе перезвонит, — оборвал его Чокнутый Роган.

— Что? — не понял Августин.

— Я сказал, она тебе перезвонит, Оладушек. Сейчас она занята. — Он нажал на кнопку отбоя.

Он же не повесил трубку Августина. А нет, повесил.

— Оладушек? — переспросила я.

— Когда он пытался вступить в клуб Арканов в Гарварде, одним из вступительных испытаний было съесть больше всех. В том году это были оладьи. Он победил, и его приняли, но прошло шесть месяцев, прежде чем он смог без тошноты смотреть на оладьи. — Роган улыбнулся. — Едва он чувствовал их запах, как сразу выбегал из комнаты.

— Вообще-то, Оладушек владеет закладной на мой бизнес. Ты только что повесил трубку моего босса, — сказала я.

— Он зациклился на одном и том же. Переживет.

— Знаешь, в чем твоя проблема? Твоя, и всех Превосходных, в общем?

— Полагаю, ты собираешься меня просветить. — Чокнутый Роган с напряженным вниманием наклонился вперед.

— Ваша проблема в том, что вам никогда не говорят «нет». Вы считаете, что можете делать все, что вам захочется, входить, куда захочется...

— Соблазнять, кого захочется. — Он растянул губы в коварной волчьей улыбке.

Ну, нет, мы не свернем на эту дорожку.

— Вы играете с жизнями людей. Когда появляются копы, вы отправляете их прочь взмахом руки. Потому что вы — Превосходные, а остальные, по всей видимости, ничтожества.

— А-ха, — произнес он. — Такая глубокая ирония, что это просто восхитительно.

— Не вижу в этом никакой иронии.

— Я бы сказал тебе, но это испортит все веселье.

— Ты можешь быть не таким самодовольным?

Он оперся на локоть.

— Возможно. Вижу, тебе понравились цветы.

Внезапно, мне захотелось сжечь гвоздики.

— Они великолепны. Не их вина, что ты их принес. — Я наклонилась через стол. —

Мистер Роган...

— Чокнутый, — поправил он. — Чокнутый Роган.

— Мистер Роган, пора установить границы. Вы используете меня, как наживку для Адама Пирса. Я использую вас, как средство его задержать. Я считаю вас опасным человеком.

— Так официально, — сказал Роган.

— Есть и неофициальная версия: нам приходится работать вместе, но как только все закончится, мы разойдемся, как в море корабли. Не приноси мне цветов. У нас не те отношения.

Он рассмеялся искренним, задорным смехом.

— Ты, правда, на меня злишься.

Я была чертовски зла, но признать это означало, что я дала волю чувствам, а ему не стоило этого знать.

— Нет, я просто не хочу подрывать наши профессиональные взаимоотношения. Уже поздно и я устала. Если у тебя нет никаких сведений об Адаме, пожалуйста, уходи.

— Спасибо, что сохранила мне сегодня жизнь, — сказал он. — Я должен был поблагодарить тебя. Но не поблагодарил. В свою защиту отмечу, что круги у тебя, правда, ужасные.

Только я открыла рот сказать, куда ему стоит засунуть свои круги, как кто-то постучал в дверь. Что-то сегодня вечером сюда так и тянет посетителей.

Я подошла к двери и проверила монитор. Августин Монтгомери одетый в серебристый костюм с очками на идеальном лице и светлыми волосами, подстриженными с идеальной аккуратностью. Да неужели?

— Кто это? — Чокнутый Роган подошел позади меня и заглянул через мое плечо. Он стоял слишком близко ко мне.

Я не хотела впускать Оладушка, но мы все еще ему принадлежали. Я открыла дверь.

Августин ледяным взглядом посмотрел за мое плечо.

— Что ты здесь делаешь?

— Заскочил одолжить стакан сахара, — ответил Роган.

— Тебя не должно здесь быть. — Августин посмотрел на меня. — Его не должно здесь быть.

— Ты быстро сюда добрался, — сказал Чокнутый Роган.

— Я звонил из машины.

На парковке позади Августина в гордом одиночестве стоял элегантный серебристый «Порше». Мы разместили все наши машины внутри склада, просто потому, что не смогли бы позволить себе новые, если бы кто-нибудь их подорвал.

— Тебе перехочется здесь парковаться, — заметил Роган. — Вчера я здесь припарковался и мой Рендж Ровер взлетел на воздух.

Августин разинул рот.

Если мы продолжим стоять в дверях, то рано или поздно на разведку придет мама. А если она поймет, что Августин Монтгомери — причина всех наших бед — заявился к нам на порог, то тут же его пристрелит. Просто из принципа. Не говоря уже о том, что здесь мы были отличной мишенью, освещенной прожектором. Меньше всего мне хотелось видеть их

здесь обоих одновременно, но у меня не оставалось другого выбора.

— Проходите внутрь, — буркнула я.

Я провела их обоих в свой кабинет. Августин увидел цветы, моргнул и повернулся к Чокнутому Рогану.

— Значит, ты решил вмешаться в это дело из-за Гэвина? Откуда столь внезапная забота о родственниках? Так не похоже на тебя, Коннор.

Чокнутый Роган пристально посмотрел на него.

— Почему ты носишь очки? Я же прекрасно знаю, что у тебя отличное зрение.

Ну, началось. Сейчас они начнут расстегивать ширинки, чтобы выяснить, у кого больше.

— Тебе не следовало возвращаться из уединения. — Сухо сказал Августин.

— А что это у тебя с волосами? — Чокнутый Роган поднял брови. — Здесь просто огромное количество иллюзии. Что ты там прячешь? Неужели начал лысеть раньше времени?

Августин повернулся ко мне.

— Вы даже не представляете, с кем имеете дело. Этот человек чрезвычайно опасен.

Роган потянулся к волосам Августина, но затем опустил руку.

— Я бы потрогал, да боюсь порезаться.

— Послушайте меня. — Настойчиво произнес Августин. — Вам необходимо ограничить общение с этим человеком. Мы существуем в хрупком равновесии, и его сутью, тем, что нас сдерживает, является наша семья. Он не ощущает ответственности перед семьей, или кем-нибудь еще. У него нет никаких ограничений. Вы понятия не имеете, какими вещами он занимался.

И вот, собственно, в чем проблема с Превосходными. Прямо перед нами.

— Ей нужно ограничить общение с тобой, — сказал Чокнутый Роган. — Ты пытаешься отобрать ее бизнес.

Августин снял очки.

— Может, я и подвергаю ее финансовому риску, но ты при необходимости лишишь ее жизни, а потом еще и посмеешься над этим.

Вообще-то, это как раз Августин отправил меня ловить Пирса, что было сродни смертному приговору.

Августин продолжил.

— Ты лишен морали, Коннор. Ты ничего не знаешь о долге, чести или самопожертвовании...

Роган переместился, жестоко и молниеносно. Августин спиной впечатался в стену, а Чокнутый Роган левым предплечьем прижал его шею. Его глаза стали холодными и беспощадными.

— Ты провел время после колледжа, сидя в уютном офисе и изучая семейное дело. — Его голос был четким и таким угрожающим, что волосы у меня на затылке встали дыбом. — Это была твоя огромная, эгоистичная жертва. Ты сидел там, завернутый в свой кокон из роскоши и утопал в жалости к самому себе, пока я шесть лет голодал и истекал кровью в долбаных джунглях, где все деньги мира не смогли бы купить тебе глоток чистой воды. Я сделал это, чтобы люди, которых я никогда не узнаю, могли спать спокойно. Что ты знаешь о жертвах? Ты никогда не видел, как чья-то голова разрывается от пули, а затем стряхивал с себя куски человека и шел дальше. Так почему бы тебе не заткнуться?

В комнате потемнело. Черные выпуклости заскользили по стенам. Страх потек по

моему позвоночнику. Каждый инстинкт во мне кричал, что то, что находилось в стенах, было плохим и опасным, и если оно вырвется, я должна бежать.

— Не выводи меня, Коннор, — прорычал Августин. — Иначе сильно пожалеешь.

В глазах Рогана загорелся неистовый, сумасшедший огонек.

— Давай проверим твою теорию про убийства и шутки. У меня как раз есть одна для такого случая.

Выпуклости разделились. Черные щупальца, размахиваясь, вылетели из стен. Если то была иллюзия, то она была лучшей из тех, что мне приходилось видеть. Паника сдавила меня, приковав к месту. Я билась в ее хватке. Что, черт возьми, это за магия?

Вещи поднялись в воздух, когда Роган начал перебирать мое имущество в поисках оружия.

Нет. Это мой дом. Вы не разрушите его и не подвергните мою семью угрозе.

Ледяное оцепенение паники спало.

— Довольно, — рявкнула я.

Двое мужчин встрепенулись. Августин нахмурился.

— Как...

— Какого черта на вас нашло? Это не какой-то бар, где можно устроить погром. Это мой офис. Это мой дом! Здесь дети спят меньше, чем в сотне футов от этой комнаты.

Тьма растворилась, словно пламя свечи, задутой сквозняком. Чокнутый Роган отпустил Августина.

— Я не знаю, кто из вас хуже. Вы из ума выжили? Вы оба эгоистичные, испорченные придурки.

— Невада? — произнесла мама позади меня.

Я посмотрела через плечо. Мама стояла в коридоре рядом с бабушкой Фридой. В руках у мамы было ружье. Бабушка держала свой сотовый.

— Почему ты кричишь в пустой комнате? — спросила мама.

Должно быть, это была иллюзия Августина. Я посмотрела на него.

— Уберите.

Он поморщился. Бабуля Фрида удивленно вдохнула. У меня было чувство, что они с мамой только сейчас увидели, как Чокнутый Роган и Августин Монтгомери внезапно появились в моем кабинете.

— Убирайтесь из моего дома, — сказала я.

Мама дослала патрон с характерным металлическим звуком.

Двое мужчин вышли из офиса. Бабушка Фрида подняла телефон и сделала снимок. Дверь захлопнулась. Я опустилась на стул.

Мама посмотрела на гвоздики.

— Есть что-то, о чем я должна знать?

Я помотала головой и сняла трубку.

— Берн? Скажи мне, что ты все это записал.

— Сделано, — отозвался он. — Я сохранил копию и загрузил ее на два удаленных сервера.

— Хорошо, — сказала я. Если у кого-нибудь возникнет вопрос, зачем мне запретительное постановление суда в отношении их обоих, у меня, по крайней мере, будет куча доказательств. Превосходные, или нет, ни один судья не откажет мне в запретительном постановлении, просмотрев это.

Кто-то постучал в дверь спальни. Я открыла глаза. Я сидела на постели, откинувшись на подушку с ноутбуком на коленях. Я взглянула на электронные часы. Ух ты. 5:30 утра Я ушла в спальню после полуночи, когда глаза начали стекленеть. Должно быть, я заснула. Это был долгий день.

— Открыто, — сказала я.

Дверь распахнулась, и вошел Берн, неся ворох бумаг.

— Привет.

— Привет.

— Ребята кое-что напечатали. — Он положил листы на кровать. Его глаза налились кровью, а лицо осунулось.

— Ты не спал все это время?

Он кивнул.

— Я кое-что выяснил. Точно могу сказать, что это не Египет, Япония или Китай. Леон занимался Индией, но он сломался, так что... — Он зевнул. — Тебе...

Он снова зевнул.

— Иди, поспи. Я разберусь с Индией.

Он сел на небольшую раскладушку. Когда-то, когда я была сильно младше — это была моя кровать. Иногда, когда мы с сестрами смотрим фильмы у меня в комнате, они на ней засыпают.

— Я просто посижу тут минутку, — сказал он.

— Конечно.

Я полистала бумаги. Распечатки статей о различных артефактах. Некоторые — фантастическая ерунда. Картинка с рыцарем, загораживающимся щитом от потока огня.

— Не плохо. — Я повернулась, чтобы показать ее Берну. Он заснул на раскладушке.

Бедняга.

Я щелкнула по клавиатуре, чтобы разбудить ноутбук. Так. Индия.

В заметках Леона были поисковые цепочки. Индия, артефакт, Эмменс... более тридцати-пяти запросов. Я присвистнула. Он был очень дотошным.

Посмотрим-ка, что там сказал мужик перед взрывом? Что-то о вратах к просветлению, или двери к просветлению... Я набрала: «индийский артефакт просветления». Поисковик выдал результаты. Куча всего про коренных американцев и Союз коренных народов. Так, а что на счет индуистского артефакта просветления? Хмм, изображения цветов, старинных дворцов, мозаик, какое-то божество с четырьмя руками, сидящее на розовом цветке, металлическая статуя божества со слоновьей головой, фотография каких-то пивных банок и пустых бутылок из-под газировки... как они вообще туда попали? Это была пустая трата времени. Я продолжала листать. Город с рекой, плещущейся у подножия стен, кусочек кварца, еще одно божество, на этот раз синее с белыми полосами на лбу...

Стоп. Стоп-стоп-стоп.

Я кликнула на картинку. Передо мной оказалось изображение прекрасного мужчины с голубой кожей. Две белые полосы отмечали его лоб, образуя продолговатые контуры. Я схватила телефон и нашла картинку. Та же самая форма. Сердце застучало. Над этими линиями было что-то еще, но картинка была слишком мелкой, чтобы я могла разглядеть точно. Я кликнула ссылку на страницу. Сайт торговал старинными бусинами.

Я печатала так быстро, что пальцы летали над клавиатурой. «Индуистское божество с голубой кожей». Поисковик выкинул картинки. Нет, нет, нет, да! Та самая картинка. Я

кликнула на нее. Мертвая ссылка. Вот черт.

Я продолжила листать. Еще одна, что-то насчет компьютерной игры. Я щелкнула на изображение. Шива. Я набрала имя в поиске. Выскочили дюжины статей. Шива, верховный бог индуистской мифологии. Главные атрибуты включают в себя змею вокруг шеи, третий глаз... Третий глаз!

Я запустила поиск по картинкам, и у меня перехватило дыхание. Вот оно — статуя Шивы с украшением из драгоценных камней на лбу: две полосы из светлых камней были основанием для малинового глаза, расположенного вертикально, с сияющим камнем в центре на месте зрачка. Там были дюжины фотографий.

Я продолжила идти по следу из хлебных крошек. Бог Шива Трехглазый: правый глаз — Солнце, левый глаз — Луна, а третий глаз — Огонь. Огонь? Однажды бог любви Камадева прервал медитацию Шивы и тот открыл третий глаз. Огонь выплеснулся и пожрал Камадеву... Ох, не к добру это. Другие сайты. Когда Шива в гневе открывал третий глаз, все вокруг обращалось в пепел. Шива-Разрушитель. Шива — Космический учитель, чей третий глаз разрушает невежество. Шива, однажды явивший истину другим богам, приняв образ огненного столпа.

Все сходилось. Должно быть, Эмменс нашел этот артефакт на одной из статуй Шивы, и он оказался подлинным. Если его заполучит Адам Пирс, то он тоже превратится в огненный столп, и все мы сгорим вместе с ним.

— Невада?

Мама стояла в дверях.

— Ш-ш-ш. — Я показала на Берна

Она вошла и села рядом со мной на кровать.

— Как дела? — прошептала она.

— Мы нашли его.

Я дала ей прочитать статью. Ее лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Это то, чего хочет Пирс? Все сжечь?

— Не знаю, — ответила я. — Думаю, тебе нужно забрать детей и бабулю и покинуть город на несколько дней.

Мама взглянула на меня.

— Тебе станет легче?

— Да. — Я приготовилась к спору. Мне просто нужно убедиться, что они не сгорят.

— Ладно, — вздохнула она. — Я соберу вещи, и мы уедем.

— Спасибо.

— Все что угодно, лишь бы снять груз с твоих плеч. — Мама помолчала. — Ты собираешься работать с Чокнутым Роганом?

— Да. Он моя единственная надежда на поимку Адама.

— Невада, насколько именно богат Чокнутый Роган?

Я нахмурилась.

— Не знаю. Берн искал о нем информацию. По его словам он «ужасно богат». Наверное, у него несколько миллионов. Или несколько сотен миллионов.

Лицо мамы сохранило нейтральное выражение.

— И он не помолвлен?

— Я не знаю. Мне он кажется человеком с очень вольным толкованием этого слова. А почему ты спрашиваешь?

— Выгляни из окна.

Я встала и пробралась к окну, стараясь не разбудить Берна. Восхитительные красные гвоздики заполняли парковку. Одни ярко-красные, другие темные, почти пурпурные поднимались из вазонов — сотни, нет, вероятно, тысячи цветков, подсвеченных небольшими красными светильниками, установленными между вазонами, сливались вместе в один прекрасный гигантский цветок гвоздики.

Я подобрала отвисшую челюсть.

— Они прибыли около двух, — сказала мама. — Два грузовика с гвоздиками и восемь человек. У них ушло почти три часа — они уехали несколько минут назад.

— Это сумасшествие.

О чем он только думал?

— Это конечно не мое дело, но у вас отношения?

Я развернулась к ней.

— Нет. Нет у нас отношений.

— Он знает об этом?

— Знает. В частности, я сказала ему не приносить мне цветы. Поэтому он так сделал. Видимо, он посчитал это забавным.

Мама вздохнула.

— Даже если он купил эти гвоздики по доллару за штуку, здесь их около пяти тысяч, не включая оплату труда посреди ночи. Он должен был дать им кучу денег, чтобы они все бросили и сделали это. Это не шутка. Вероятно, столько стоит приличный подержанный автомобиль.

— Он, наверное, откопал их в своем диване. — Я представила себе, как Чокнутый Роган выуживает мелочь из ультрасовременной мебели. — Надо было сказать ему не дарить мне автомобильных запчастей. На зло, он бы притащил сюда целый танк. Бабуля Фрида бы оценила.

— Это твоя жизнь, — сказала мама. — Просто я никогда не представляла тебя с кем-то вроде Чокнутого Рогана.

О нет, только не лекция о неподходящем бойфренде. Я подмигнула ей.

— А с кем ты меня представляешь?

Она нахмурилась, задумавшись.

— Не знаю. С кем-то высоким. Атлетичным.

Я хихикнула.

— И все? Это все, что ты хотела бы видеть в своем зяте? Потому что Чокнутый Роган высокий и атлетичный.

Мама замахала руками, слегка растерявшись.

— Он должен быть, как мы. Нормальным. Деньги и магическая родословная — это проклятие. Поверь мне на слово.

— Мам, я не собираюсь ничего делать с Чокнутым Роганом. — Я прислонилась к окну. — Он похитил меня, приковал у себя в подвале. Он даже не понимает слова «нет». Последнее, что мне нужно — иметь с ним эмоциональные или сексуальные отношения. У человека нет тормозов, и вся эта сила... это словно... словно...

— Ураган, — подсказала мама.

— Да, вроде того. Я собираюсь соблюдать осторожность и держать его на расстоянии вытянутой руки, если получится.

— Что мы будем делать со всеми этими гвоздиками?

— Не знаю. — Я ухмыльнулась. — Но мы что-нибудь придумаем.

Мама покачала головой и ушла.

Я открыла окно и посмотрела на красное море внизу. Воздух пах цветами — нежным, чуть пряным ароматом, обещающим чудеса. Они были так великолепны, мои гвоздики. Я не знала, почему он прислал их мне. Может, это была своего рода ловушка или манипуляция. Может, это было извинением. Я не знала, но была уверена, что, сколько бы я ни прожила, ни один мужчина не подарит мне пять тысяч гвоздик снова. Это было волшебством, которое может случиться только раз, поэтому я просто стояла у окна, вдыхая аромат и позволяя себе немного помечтать.

Глава 13

Я вошла в здание — акулий плавник «Международных расследований Монтгомери», вооружившись ноутбуком, телефоном и Берном. По пути к лифту кузен разглядывал ультрасовременный вестибюль, и не казался особо впечатленным.

— Как думаешь, Чокнутый Роган покажется? — спросил Берн.

— Надеюсь, что так.

Перед выходом из дома я написала ему смс: «Я знаю, что Адам пытается сделать. Встретимся в «МРМ» в офисе Августина в девять». Он не ответил. Роган нам нужен. Теперь это было слишком серьезно для нас с Берном, и у меня были сомнения, кого поддерживал Августин. У них с Роганом явно были своего рода трудности, но я была уверена, что Роган хочет добраться до Адама Пирса. Насколько я могу судить, Августин мог все это время помогать Адаму и его таинственным покровителям.

Лифт привез нас на семнадцатый этаж. Я посмотрела на телефон. Без трех минут девять. Когда мы вышли из лифта, секретарь встретила нас у дверей и повела вниз по коридору.

Она взглянула на меня.

— Я так понимаю, вы работаете с Чокнутым Роганом?

— Да. Он приехал?

— Да, приехал. Вы привели свои дела в порядок? Ну, знаете, на всякий случай.

У Берна распахнулись глаза.

— Мои тетя с дядей владеют похоронным бюро, — сказала она. — Дайте мне знать, если понадобится помощь. Можете оплатить заранее. Так вы не станете бременем для семьи.

Прежде чем я смогла сказать что-нибудь, коридор закончился и мы вошли в заиндевелый офис Августина. Он сидел за столом, его волосы, одежда, и остальной облик были безупречно совершенными. Чокнутый Роган сидел на стуле напротив и попивал кофе. Его мускулистое тело было облачено в темный костюм, который облегал его, как перчатка. Что ж. Они не разорвали друг другу глотки.

Я осмотрела офис.

— Что вы ищете? — спросил Августин.

— Кровь и оторванные конечности.

— Увиденное тобой вчера было личным, — сказал Чокнутый Роган. — Это же бизнес. Мы безукоризненно вежливы, когда дело доходит до бизнеса.

— Мы?

— Главы и наследники Домов, — сказал Роган. — Судя по твоему сообщению, ты

сделала прорыв. Нам обоим нужен Адам Пирс, поэтому мы решили отложить наши разногласия в сторону. К тому же, если бы мы собирались устроить разборки, то не стали бы проводить их в корпоративной штаб-квартире.

— Именно, — кивнул Августин. — Мы соблюдаем все необходимые формальности, прежде чем убивать друг друга.

Тогда ладно. Я поставила ноутбук на стол и открыла на нем картинку с третьим глазом Шивы.

— Думаю, Адам Пирс планирует уничтожить Хьюстон.

У меня ушло двадцать минут на рассказ о Великом Чикагском Пожаре, Эмменсе, Шиве и легенде о третьем глазе.

— Я считаю, что этот амулет не был уничтожен. Он был разделен на три части, и теперь Адам пытается собрать их воедино. Часть есть у нас, часть Адам забрал из Первого Национального, и все еще где-то остается третий элемент. Если я права, то теперь мы ответственны за эту информацию. Думаю, я права. Я попросила свою семью покинуть город. Еще я позвонила профессору Ито и тоже предложила ему уехать с семьей из города.

Августин вздохнул.

— Мисс Бейлор, вы пытаетесь посеять панику?

— Нет, я пытаюсь отплатить добром человеку, который мне помог. В этом деле я зашла уже слишком далеко. Я в тупике. Если я приду с этим к властям — а я понятия не имею, кто эти загадочные власти, и где они находятся — мне, скорее всего, не поверят. Семья Эмменсов, если кто-то из них все еще жив, тоже вряд ли станет со мной говорить. — Я подвинула к ним ноутбук. — Теперь это на вашей совести. Вы оба Превосходные. Вы ответственны за Хьюстон.

Роган с Августинем переглянулись.

— Он у тебя с собой? — спросил Августин.

Роган полез во внутренний карман пиджака, вытащил оттуда вещь, завернутую в шелк, и передал ее Августину. Тот развернул шелк и достал найденный нами фрагмент амулета. Он поднес его к свету, и камешки кварца засияли на солнце.

— Ты прав, — пробормотал Августин. — Учитывая ее стоимость, вероятно, это настоящая вещь.

— Я и не думала, что кварц дорого стоит, — сказала я.

— Это не кварц, — возразил Роган.

— Это неограненные алмазы, — продолжил Августин. — Превосходного качества. Каждый из них весил бы приблизительно 1,75 карата после огранки. Я бы дал цену в двадцать-тридцать тысяч долларов за камень.

Там было не меньше сотни алмазов. Я едва не поперхнулась.

— Думаешь о Леноре? — спросил Августин.

Ленора Джордан, окружной прокурор округа Харрис? Ленора Джордан, моя героиня старших классов, заковывавшая преступников в цепи? Она была единственной известной мне Ленорой на государственной должности.

— Вы имеете в виду Ленору Джордан? — Я попыталась скрыть восторг в голосе, но у меня ничего не вышло.

Чокнутый Роган посмотрел на меня, затем снова перевел взгляд на Августина.

— Ты ее знаешь. Она его заберет.

— Если это артефакт, ты все равно не можешь его оставить. — Августин вернул Рогану драгоценность. — Дома этого не потерпят. Они придут за тобой с вилами, сорвут артефакт с твоего мертвого тела, а затем будут драться за него до смерти. Даже ты не сможешь выстоять против всех нас.

Роган поморщился.

— Ты хочешь Эмменса, или Ленору?

— Эмменса, — ответил Августин. — Ленора всегда недолюбливала тебя меньше. Также нужно оповестить Дом Пирсов. — Он скривился, будто набрал полный рот прокисшего молока. — Фу. Уверен, это будет еще то веселье. Еще я должен подключить своих людей к поискам Пирса.

— Я не понимаю, — сказала я. — Мне казалось, вы пытались избежать иметь дело с Адамом?

Августин вздохнул.

— Как вы и сказали, я Превосходный Дома Хьюстона. Я ответственен за благополучие города.

Я посмотрела на Рогана.

— Если Адам сжигает одно или два офисных здания, это несколько раздражает, — сказал Роган. — Если он сожжет центр города или любой из финансовых центров, экономический урон для Домов будет огромным. Каждый крупный местный Дом и многие семьи извне владеют недвижимостью в городе. Помимо мгновенного финансового удара, влияние на репутацию пострадавших Домов будет катастрофическим. Погибнет огромное число наших людей и сотрудников.

— Никто не станет иметь дел с Домом, не способным защитить собственных работников, — добавил Августин.

— Если это случится, — продолжил Роган, — Дома станут искать козла отпущения, а тут как тут Августин, которому было поручено задержать Пирса.

— Но есть же еще полиция Хьюстона, — вставил Берн.

— Мы ожидаем, что полицейское управление не справится, — сухо сказал Августин.

— Ваша репутация первоклассного детективного агентства может одурачить Дом Пирсов, но она не выстоит против разъяренной Национальной Ассамблеи, — добавил Чокнутый Роган. — Они выяснят, что именно пытался проверить Августин, а затем разорвут Дом Монтгомери на мелкие кусочки.

Лицо Августина слегка зарябило, словно иллюзия попыталась соскользнуть с него. Он сжал зубы.

— Они попытаются. Я отправляюсь за Эмменсом. Мы узнаем, где третий фрагмент в ближайшие двадцать четыре часа.

— Повеселись. — Роган встал.

— Ты тоже. — Августин посмотрел на меня. — Вы пойдете с ним на встречу с Ленорой Джордан?

— Да, — сказали мы с Роганом в унисон.

— Не шутите с Ленорой, не давайте лишней информации и старайтесь говорить покороче, — сказал Августин. — Если вас упрячут за решетку, залог будете платить сами.

Мы вышли из здания вместе — Берн, Роган, и я. Мы с Берном повернули налево, Роган повернул направо.

— Невада, — окликнул он. — Моя машина в той стороне.

— Мы поедem следом.

— Ты хочешь встретиться с Ленорой? — спросил он. — Если так, то поезжай со мной.

Я хотела встретиться с Ленорой. Половина времени в моих старших классах была посвящена ее обожанию.

— Иди, — сказал Берн. — Я поеду следом и, если понадобится, внесу залог.

Чокнутый Роган подмигнул мне. Этот ублюдок раскусил меня и теперь дразнит меня Ленорой, словно лошадь морковкой на палочке. Не иначе, как мой голос дрогнул, называя ее имя.

Контроль, контроль... Я одарила Рогана своей лучшей деловой улыбкой и направилась к нему.

— Большое спасибо за столь щедрое предложение.

Чокнутый Роган усмехнулся. Дразнящий, невесомый жар охватил мое тело, танцуя на плечах, и волнующая смесь тепла и давления прокатилась по моей шее. Я едва не подпрыгнула. У меня перехватило дыхание. Я поборолa желание потянуться под этим призрачным касанием, словно кошка.

— Сделаешь так снова, и я дам сдачи.

Призрачное касание медленно растворилось, и какой-то части меня захотелось последовать за ним, куда бы оно ни направлялось.

Чокнутый Роган шел рядом со мной той же уверенной походкой, которая напомнила мне о нашей первой встрече в ботаническом саду, и я точно знала, где он был, и какое между нами было расстояние. Все мое тело было зациклено на нем. Я хотела, чтобы он меня коснулся. Нет, я не хотела, чтобы он меня касался. Я ждала, когда он ко мне прикоснется. Я не знала, чего я на самом деле хотела.

— Тебе понравились гвоздики?

Я запустила руку в карман и передала ему маленькую красную карточку.

— Техасская детская больница благодарит тебя за твое щедрое пожертвование. Благодаря тебе, в каждой из их палат этим утром появились прекрасные цветы. Там посчитали, что хотя бы частично они могут быть учтены в счет налогов, и если твои люди поговорят с их людьми, больница предоставит необходимые документы.

Чокнутый Роган взял карточку, коснувшись моей руки своими теплыми, шершавыми пальцами. Карточка вылетела из его руки и приземлилась в ближайшую урну.

Кожу начало покалывать там, где он меня коснулся. Это была своего рода пытка.

В двадцати футах от нас на парковке стоял черный Ауди. Широкая, элегантная машина, казалось, намекала на силу и скрытую агрессию. Именно такой тип машины купил бы богатый мужчина, решив, что его мечта детства — Мазерати — слишком броский.

— Это спец-вариация Ауди А8 L Security?

Его Рендж Ровер был бронированным. Я не сомневалась, что и Ауди будет с броней. Большинство домов владело несколькими бронированными автомобилями. Это держало бизнес бабули Фриды на плаву.

— Это А8 по индивидуальному заказу. — Чокнутый Роган коснулся дверцы машины, и мотор заурчал в ответ. — Я внес кое-какие модификации.

Ну, разумеется. Я скользнула на кожаное пассажирское сидение. Салон был на удивление просторным, усовершенствованные контуры, стильный дизайн, гладкая, элегантная и эффективная. Миленько.

Роган вырулил с парковки. Автомобиль практически скользил. Роскошь машины не так

сильно меня впечатлила, но качество было действительно хорошим. Однажды бабушка сказала мне, что требуется пятьсот человеко-часов, чтобы собрать одну из них, и это было заметно. Он также хорошо водил. Чтобы там не говорили, высококачественная дорогая машина управляется не как обычный седан, и дорогая бронированная машина тем более.

— Ты хотел что-то более маневренное для города? — спросила я. Не то чтобы с Рендж Ровером были какие-то проблемы.

— Да. Никогда не знаешь, когда столкнешься с белкой.

Ауди выехал на дорогу.

— Мы должны переспать.

Должно быть, мне послышалось.

— Прости, что?

Он посмотрел на меня. Его голубые глаза были теплыми, словно светясь изнутри. Вау.

— Я сказал, мы должны переспать. Ты и я.

— Нет. — Тревога заставила меня сесть ровнее.

— Что значит «нет»?

— «Нет» — значит, нет. Так давно слышал это слово, что уже забыл его значение? — Ладно, наверное, это было грубо. Я должна вести себя настолько профессионально, насколько это возможно. Спокойно, просто очень спокойно и уверенно.

— Меня влечет к тебе. — Его голос был уверенным, словно весь разговор был простой формальностью, и он знал, что победа будет за ним. — Я знаю, что тебя влечет ко мне.

Обязательно надо ткнуть носом, да?

— Мы оба совершеннолетние. Почему бы нам не заняться сексом?

Потому что ты чертовски опасен, ты пугаешь меня, и потому что это будет просто обалденно. А значит, мне захочется еще и еще, но я правда, правда, не могу позволить себе в тебя влюбиться.

— Потому что у нас не те отношения.

— Предлагаю их изменить.

— Это плохая идея.

Он снова посмотрел на меня, на лице появилось слегка хищное выражение. Он демонстрировал лишь малую часть той силы, крошечный отблеск того, на что это было бы похоже. Он был более соблазнительным, чем полностью обнаженный Адам. Я должна быть осторожной, очень-очень осторожной...

— Я думаю, это отличная идея, — сказал Роган.

— Я тебя даже не знаю. Я не доверяю тебе.

— Еще вчера ты доверила мне свою жизнь, — заметил он.

— Мы оказались в опасной ситуации, и сохранение моей жизни было в твоих интересах. По тому же самому критерию, мужчины, с которыми ты служил, доверяли тебе свои жизни каждый день. Ты с ними всеми тоже спал? Наверно, это было очень интересное армейское подразделение.

— Значит, ты хочешь соблазнения? Ужинов, цветов, подарков? — В его голосе проскользнуло неодобрение.

— Нет.

— Соблазнение — это игра, — сказал Роган. — Ты завораживаешь, обольщаешь и, наконец, соблазняешь. Обе стороны понимают, что происходит, но все равно через это проходят. Если сделать достаточные вложения — внимание, лесть, деньги — то в итоге

получишь желаемый результат. Я думал, ты выше этих игр.

— Я не хочу играть в игры.

— Ты хочешь меня, Невада. Ты думаешь об этом, представляешь себе, и вероятно, ласкаешь себя, мечтая об этом.

Боже мой. Вы только послушайте.

— Займись со мной сексом, Невада. Тебе понравится.

— Знаешь, чего я хочу? Я хочу человеческих отношений. Я хочу быть в постели с тем, кто этого достоин.

— А я не достоин? — В его голосе проскользнула угрожающая нотка. Пожалуй, я слегка перегнула палку.

Мы выехали на улицу Франклина. Справа возвышалась прямоугольная башня центра Уголовного Правосудия. Слева находился Бридж-парк со своей знаменитой статуей ковбоя на коне. Улица была забита припаркованными автомобилями. Никаких свободных мест за исключением небольшого пространства между синей «Хондой» и красным седаном на противоположной стороне улицы около парка. По всей видимости, Роган не мог направляться к нему. Мы ехали слишком быстро. Это же бронированный автомобиль, а не каскадерская машина.

Вместо дороги Роган смотрел на меня.

Мы неслись по дороге. «Ауди» выехала на встречную полосу, прямо перед огромным грузовиком. Он все еще смотрел на меня, а не на улицу.

— Роган!

Он ударил по тормозам, не сводя с меня взгляда. Завизжали шины, когда автомобиль занесло. Мое сердце едва не выскочило из груди. Ауди развернулась на 180 градусов, и мы проскользнули на парковочное место всего в нескольких дюймах от бампера соседней машины.

Водитель грузовика нажал на гудок, и огромная машина с возмущением пронеслась мимо нас.

Я выдохнула.

Роган нажал на кнопку, заглушая двигатель.

— Я хочу знать ответ, — сказал он.

— Ты мужчина, который похитил меня, приковал меня в своем подвале, и чуть не задушил женщину, которую едва знал, потому что она тебя раздражала. Вот твоё резюме. — Ладно, может это не совсем честно, раз он спас меня от автомобиля. — Я понимаю, для тебя это странно, потому что в девяноста девяти процентах случаев срабатывают твоё имя, тело и деньги, и женщины падают перед тобой с раздвинутыми ногами, стоит тебе посмотреть на них дольше десяти секунд. Я не одна из этих женщин.

Я выскочила из машины и пошла через парковку. Он меня догнал, и я рискнула оглянуться. Чокнутый Роган улыбался. Похоже, что-то из сказанного мной показалось ему смешным.

— Неужели я не сделал ни одного положительного поступка? — спросил он. Обаятельный, самоуничижительный дракон. Нет, я на это не куплюсь. Вся эта очаровательность может лопнуть в любую секунду, и ее заменят пламя и острые зубы.

— Обездолбелки был в твою пользу.

— Хм. Приятно знать. — Он улыбнулся шире.

Ой-ой.

— Не делай так.

— Не делать что?

— Каждый раз, когда ты так улыбаешься, кто-то умирает. Если ты нападешь на меня, я буду защищаться.

— Среди множества интереснейших вещей, которые я подумываю с тобой сделать, убийства, или причинения боли нет. — Он подмигнул мне.

Мы прошли в центр правосудия и вошли в лифт, двое мужчин с сумками для ноутбуков направились к нам, собираясь подняться вместе. Чокнутый Роган кинул на них спокойный взгляд. Не говоря ни слова, мужчины одновременно изменили направление, и пошли к левому лифту. Двери закрылись, и кабина поехала наверх.

Это происходило на самом деле. Сейчас я увижу Ленору Джордан. Ленору, которая заковывала преступников в цепи. Которая не боялась ни одного Превосходного. Которая...

Что, если она была совсем, как они? Как Августин или Пирс? Я не была уверена, что смогу это пережить. Это было бы жестоким разочарованием.

Я открыла рот.

— Да? — спросил Роган.

— Если она не такая, какой кажется, пожалуйста, не говори мне.

— Она именно такая, какой и кажется, — сказал он. — Закон и Порядок — ее бог. Она фанатик, и молится ему искренне и часто. Ленора решительная и беспристрастная, и перечить ей глупо.

Двери распахнулись, и мы вышли в оживленный вестибюль. Люди уходили с нашего пути почти неосознанно.

— Даже Превосходному? — спросила я.

— Особенно Превосходному. Она руководит управлением с благословения Домов округа Харрис. Мы сами посадили ее на эту должность, потому что даже мы признаем необходимость контроля.

Мы остановились перед дверью. Чокнутый Роган открыл ее для меня, я прошла внутрь и остановилась перед столом секретаря. За ним сидела женщина за сорок, коренная американка. У нее было широкоскулое лицо с большими темными глазами и полными губами. Она кинула на Рогана взгляд «держись подальше», который остановил бы и разъяренного пса.

— Ведите себя прилично, — сказала она.

Роган повернул налево и открыл дверь. Я прошла за ним в просторный кабинет. Он был хорошо обставлен, с массивным столом из старого дерева и несколькими удобными стульями. Позади стола, стену закрывали собой массивные книжные шкафы. Между столом и шкафами стояла Ленора Джордан. Она выглядела в точь, как на билборде с ее портретом: сильной, могущественной и уверенной. Она была одета в темно-синий деловой костюм, а ее кудрявые волосы были заплетены в толстую, замысловатую косу. Ее кожа была темно-коричневой, а лицо с большими глазами, широким носом и полными губами было весьма привлекательным, но, в первую очередь, в глаза бросалась ее уверенность, с которой она держалась. Это было ее царство, и она правила им беспрекословно.

Ленора Джордан скрестила руки.

— Я уже собиралась отправить тебе официальное приглашение посетить мой офис.

— Серьезно? — спросил Роган.

— Серьезно. Сколько еще ты собирался безнаказанно дебоширить по всему городу?

Должна быть очень уважительная причина, поясняющая, почему ты подрываешь офисные здания и роняешь автобусы на людей у всех на виду. Жажду ее услышать. — Она повернулась ко мне. — А вы кто?

Ленора Джордан заговорила со мной.

— Это моя помощница, мисс Бейлор, — сказал Роган.

— Твоя помощница может говорить за себя?

— Да, могу. — Представляете, мои губы шелохнулись и изо рта вылетели слова. Даже не думала, что так получится. — Рада с вами познакомиться.

Ее взгляд пришил меня к месту.

— Мы пытались идентифицировать молодую женщину, сопровождавшую его во время этого царства хаоса. Это вы?

— Да.

— Как вы с ним связались?

— Моя материнская компания поручила мне убедить Адама Пирса сдать его Дому.

Ленора вскинула брови.

— «МРМ», — пояснил Роган.

— И на каких условиях ты работаешь? — спросила она.

— Я — расходный материал, — ответила я.

Ленора нахмурилась.

— Звучит очень похоже на Августина. Ладно, давайте послушаем. Все с начала.

Мы сели и принялись с Чокнутым Роганом по очереди пояснять ситуацию. Когда мы закончили, Ленора протянула руку. Роган извлек артефакт и положил ей на ладонь. Какое-то время она его внимательно рассматривала.

— Твои люди пришли к какому-нибудь заключению? — спросила она.

— Оно магическое. Оно инертно и не поддается разрушению, — сказал Роган. — Мы погружали его в кислоту. Мы его подрывали. Я не смог его сломать.

Брови Леноры снова поползли вверх.

— Ты лично?

Чокнутый Роган кивнул.

Она покрутила украшение в руках, и алмазы слабо засветились, отразив свет.

— Это не похоже на Адама. Он импульсивный и нетерпеливый. В прошлом году он поджег вышибалу, когда тот выгнал его из клуба. Тогда он надрался в стельку и продолжил пировать до самого рассвета, так что когда мы пришли за ним утром, он едва мог вспомнить этот инцидент. Здесь же все намного сложнее и выполнено поэтапно. Для этого требуется тщательное планирование и подготовка. К чему это все приведет? Мисс Бейлор, он говорил вам что-нибудь?

— Ему нравится жечь направо и налево, чтобы опозорить свой Дом, в особенности, мать, — сказала я. — Он не делал никаких намеков, что здесь происходит нечто большее, но совершенно ясно, что его действия — всего лишь часть сложного плана. Еще он использовал меня, потому что, чем дольше я сообщала, что мы с ним ведем переговоры, тем дольше Дом Пирсов сидел со сложенными руками.

— Нападение на вашу семью — единственное, что не сходится. — Ленора постучала ногтями по столу. — И с тех пор он не выходил с вами на связь лично?

— Нет.

— Кто-то его контролирует, — хмыкнула Ленора. — Зачем? Он мог по-тихому собрать

все части, но вместо этого каждый раз устраивает шоу на публике. Ради чего это делается?

— Это классическое нарушение спокойствия, — сказал Чокнутый Роган. — Люди не чувствуют себя в безопасности, правоохранительные органы оказываются некомпетентными, а общественное настроение к Домам ухудшается. Это напоминает людям, что мы можем сделать, если решим нарушить закон. У большинства людей это вызывает тревогу.

Было удивительно услышать от него подобный анализ.

— Никто не стоит выше закона, Роган, — сказала Ленора. — Даже ты.

— И не говори, — произнес он.

Она вздохнула.

— Я свяжусь со службой внутренней безопасности, чтобы проверить, не вовлечены ли в это противостоящие Домам террористические группировки. Нужен сам черт, чтобы обуздать Адама Пирса и заставить его следовать плану. Многие пытались и провалились.

— Ленора. — Чокнутый Роган подался вперед. — Ему нужна эта побрякушка. У него уже есть одна, возможно две, хотя я в этом сомневаюсь.

— Он устроит еще одно представление, когда доберется до третьей части, — согласилась я.

— Он придет за ней, — сказал Роган.

— Ты сомневаешься в безопасности моего кабинета? — спросила его Ленора. В ее голосе прозвучало удивление, но глаза остались холодными.

Если бы она посмотрела на меня так же, я бы соскочила со стула и спряталась за ним. Чокнутый Роган даже не моргнул.

— Я стараюсь учесть все возможности. Если он соберет все три части вместе, то превратится в огненный столп. Если сохранится его текущий образ действий, то он сделает это где-то в публичном месте. Напротив этого здания или напротив Дома Пирсов. Где-то в густонаселенном месте.

— Я рассчитываю, что ты не позволишь этому случиться, — заметила она.

— Но если это случится, понадобится эвакуация, — продолжил Роган. — Мы с тобой оба знаем, как непросто это будет.

— Ты хочешь, чтобы я объявила о террористической угрозе. — Ленора откинулась назад. — Ты понимаешь, что предупреждения просто так не даются. К ним в придачу идет огромная ответственность и планирование. Я должна связаться с Управлением внутренней безопасности, Национальной гвардией и ФБР. Не говоря уже том, что Дома потеряют свой коллективный разум.

— Это твой вызов, — предупредил Роган. — Просто помни: все это не шутка и происходит на самом деле. Я не хочу, чтобы нас застали врасплох.

— Я подумаю над этим, — ответила Ленора Джордан.

Мы вышли на улицу, избежав ареста.

Чокнутый Роган посмотрел на здание и покачал головой.

— Что?

— В следующий раз мы увидим эту безделушку уже на Адаме Пирсе.

— Я думаю, она сумеет о ней позаботиться.

— Не так хорошо, как один из моих сейфов.

Мы начали пересекать улицу.

Мой телефон просигналил. Я посмотрела на сообщение. «Прибыли в Остин.

Поселились в отеле. Передай Рогану спасибо за сопровождение».

— Ты отправил с моей семьей сопровождение?

— Да. Они — мишень.

— Как ты узнал, что они уезжают?

— Мои люди увидели, как они грузят вещи, позвонили мне, и я сказал им ехать следом.

Понятно.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Я планирую держать их в заложниках, пока ты не переспишь со мной.

Я споткнулась.

Он повернулся и одарил меня ослепительной, невероятно обаятельной улыбкой.

— Шучу.

Чтоб тебя.

— Пообедай со мной, — сказал Роган.

— Нет.

— Невада, ты должна со мной пообедать. Где-нибудь на людях, где можно легко нас увидеть. Будет еще неплохо, если ты изобразишь веселье. Откинешь волосы назад и улыбнешься. Может, даже похихикаешь.

Я остановилась.

— Хочешь забросить крючок для мистера Пирса?

— Да.

Это была неплохая идея. Я была не против побыть наживкой, если это могло привлечь Пирса.

— Берн...

— Ты думаешь, твой кузен предпочел бы сидеть в машине, наблюдая за тобой, и рисковать быть поджаренным этим психом, или играть с новой установкой Бага в полной безопасности на моей территории?

Телефон зазвонил, словно по заказу. Я ответила.

— Привет, — раздался голос Берна. — Я тебе еще нужен? Я получил приглашение от Бага, и тут охранники на бронированном Рендж Ровере, говорят, что Чокнутый Роган приказал им меня забрать.

Я посмотрела на него. Чокнутый Роган шагнул ближе, его большое тело слишком близко, а взгляд слишком горяч. Я почувствовала запах сандалового дерева и ветивера, смешанный с почти резким перечным ароматом. Он наклонился, загораживая обзор, его глаза такие голубые. Сердце забило быстрее.

Его губы растянулись в ленивой, хищной ухмылке.

— Сопротивление бесполезно.

— Ты меня не уломаешь. — Продолжила настаивать я и подняла телефон к уху. — Берн, если хочешь отправиться с ними — вперед.

— Ты уверена?

— Да. — Все равно Чокнутый Роган уже присматривает за моей семьей в Остине. А так и Берн будет под защитой.

Я завершила вызов и посмотрела на Рогана.

— Я пообедаю с тобой. Но хихикать не собираюсь.

«Каса Фортунадо» оказался маленьким ресторанчиком на перекрестке Кроуфорд стрит и Конгресс авеню, всего в нескольких кварталах от судебного центра. У него была небольшая

летняя площадка, выходящая на бейсбольное поле «Минит Мэйд». День был жарким и влажным, и меньше всего мне хотелось сидеть на улице. Поэтому все, кто был умнее, обедали под землей в хьюстонских туннелях. Они начинались как подземный переход между двумя кинотеатрами, но за годы разрослись до целой сети туннелей между всем и вся, с собственными ресторанами и зонами отдыха. В жаркий день, центр города казался вымершим. К сожалению, если бы мы сидели под землей, Адам Пирс вряд ли бы нас заметил. Маловероятно, что он стал бы спускаться в туннели, где его легко могли бы загнать в угол.

Мы подошли к столу с ярко-желтой, синей и белой испанской мозаикой, и Чокнутый Роган отодвинул для меня стул. Я повесила парусиновую сумку на спинку и села. В ней лежал «беби дезет игл» сорокового калибра с 12-зарядным магазином. После последней стычки с командой Адама, я не хотела рисковать, и увеличила свою огневую мощь. Я превращалась в Грязного Гарри⁴. Пистолет был именно таким большим и плохим, как мне хотелось. В итоге все закончится, и я смогу вернуться к своим обычным делам: отслеживанию обманывающих супругов и мошенничеств со страховкой. Это, может быть, менее интересно, но зато редко требуется стрелять в черте города.

Знакомое болезненное чувство сжало мне горло. Я кого-то убила. Я совсем не хотела об этом думать. Рано или поздно мне все равно придется с этим смириться.

Возникла официантка с блюдом сальсы и тарелкой все еще теплых чипсов, и приняла у нас заказ напитков. Два холодных чая, заменитель сахара.

Я сделала вид, что внимательно изучаю меню. Что заказать? Что-нибудь нежирное. Баха тако с креветками выглядят неплохо. Я отложила меню.

— Как тебе Ленора Джордан? — спросил Роган.

— Я думаю, она потрясающая. Я хотела быть ею, когда вырасту.

— Ты хотела стать окружным прокурором?

— Нет, я хотела... — Я пыталась подобрать слова. — Я хотела достичь ее профессионального уровня, но по-своему. Я хотела быть уверенной в себе и уважаемой за то, что я делаю. Я хотела заработать репутацию. Я хотела знать, что «Частное сыскное агентство Бейлор» чего-то стоит. Мой отец начал дело, и я хотела добиться того, чтобы это имя означало компетентность и качество. А чего хочешь ты?

Он откинулся назад. Солнечный свет заиграл на его лице, пробиваясь сквозь крону дерева на углу. Казалось, его кожа почти сияла, подчеркивая мужественные черты лица, прямой нос и твердый подбородок. Он пожал плечами.

— Я не задумывался над этим.

Официантка вернулась с нашими напитками, приняла заказ — я заказала Баха тако, а он — хрустящие тако с говядиной — и снова исчезла.

Его телефон зазвонил.

— Прошу прощения. — Чокнутый Роган поднес его к уху. — Да?

Был странный контраст между человеком, который уничтожал людей и тем, кто демонстрировал прекрасные манеры за ужином. Каким-то образом, неистовый Превосходный и вежливый миллионер были одним и тем же человеком, и это вполне логично, за исключением того, что обыденная его часть делала жестокую еще страшнее.

— Когда? — спросил Чокнутый Роган. — Передайте ему, чтобы встретился со мной здесь.

Он повесил трубку и посмотрел на меня.

— Прошу прощения, но мне нужно уладить кое-какое дело. Оно не терпит отлагательства, но не займет много времени.

— Без проблем. Я пока постараюсь быть на виду, игриво перебирая волосы. Хочешь, я накручу их на палец, закусив губу?

— А ты так сделаешь?

— Прости, но нет. — Я ухмыльнулась ему.

— Дразнишься, — произнес он, и мой разум ухнул в бездну. Я вытащила его обратно, брыкающегося и визжащего. Профессиональная. По крайней мере, попытайся оставаться профессиональной.

— Значит, у тебя нет целей?

— Нет, у меня есть краткосрочные цели, — ответил он. — Но они не особенно сложные.

— Почему?

Чокнутый Роган снял ломтик лимона со своего стакана и переложил его на тарелку с закуской, словно он был каким-то раздражающим насекомым.

— Давай рассмотрим, что мужчины в моем положении обычно хотят?

— Больше денег? — Я отхлебнула из своего стакана.

— У меня 1,2 миллиарда.

Я подавилась чаем.

Он подождал, пока я справлюсь с кашлем.

— У меня есть инвестиции, и я владею несколькими корпорациями, которые зарабатывают деньги по большей части без моего вмешательства. В какой-то момент больше денег — это просто больше денег. Некоторые Превосходные занимаются исследованиями, но у меня никогда не было к ним особого интереса. Обычно, я улучшаю заклинания ради достижения определенной цели, но сама идея посвятить себя этому нагоняет на меня скуку.

— Профессиональные цели?

Чокнутый Роган покачал головой.

— У меня отлично выходит только одно: разрушения в крупных масштабах. Отправился туда, сделал дело, получил кучу футболок защитного цвета. Я достиг вершины в этой карьере.

Принесли нашу еду. Вот это скорость.

Я откусила свой тако. Вкуснятина.

— Тогда почему ты ушел из армии?

— Ты когда-нибудь жалела, что заложила бизнес?

Я видела, что он пытался делать. Отвечать вопросом на вопрос. Кусок креветки выскользнул из моего тако и приземлился на тарелку. Плавным движением.

— О Боже, да. Мы должны были продать его, как только узнали, что отец болен. Мы получили бы больше денег и раньше начали лечение. Экспериментальная терапия работала, дело просто в том, что когда дошло до закладной, отец был уже слишком болен. А я в тот момент была слишком неопытной, и управлять бизнесом с наработанным именем, казалось лучшим вариантом. Если бы мы его продали, к настоящему моменту я бы восстановила его под другим именем. Но задним умом все крепки. Мама получила немного больше времени с отцом, а он получил немного больше времени с нами. Я должна быть довольна этим.

Я поняла, что он странно на меня смотрит.

— В чем дело?

— Это не совсем то, что я спрашивал, но думаю, я получил свой ответ. — Он склонил голову. — Я ушел из армии, потому что мы выиграли войну. Когда я начинал, Белиз был в руинах, а Мексика угрожал полудюжине наций в Южной Америке. Нам нужно было нанести мощный удар, чтобы остановить распространение войны, поэтому я бил сильно.

Вот так преуменьшение столетия.

— Годами позже коалиция утихомирила Мексику и навела порядок в регионе. Под конец, они меня даже не привлекали. Одного моего присутствия в области было достаточно, чтобы заставить сторону противника сдаться. Когда перестали возникать конфликты, командование нашей стороны стало говорить о продвижении в Мексику. Я понимал, что являюсь одним из факторов данного решения, и вышел в отставку. Как бы я ни любил использовать свою магию, настало время кому-то другому восстанавливать то, что я разрушил. Даже если бы не было Мексиканской Инициативы, мне бы все равно пришлось уйти. В армии нет для меня места в мирное время. Я ненавижу работать с бумагами и не могу научить других делать то же, что и я. Я убийца. Поэтому я ушел.

— И теперь ты Превосходный без цели.

— Да. Большинство дел не представляют сложности. — Он наклонился ближе, пристально глядя на меня. — Когда я найду цель, я посвящу себя ее достижению.

Не имел ли он в виду меня? Потому что я не цель. Я человек. Я уже собиралась сказать ему об этом, но он посмотрел через мое плечо на парковку. Я оглянулась. Там припарковался серый Форд Эскейп. Это был старый автомобиль, десяти-двенадцати лет. Вышедшему из него мужчине было около тридцати; подтянутый и широкоплечий, с короткими светлыми волосами. В руках у него был коричневый конверт. Он был одет в нелепый черный костюм — вероятно, купленный много лет назад, и с тех пор висевший в шкафу, извлекаемый лишь по случаю похорон, свадьбы или собеседования.

Мужчина подошел к нам. Чокнутый Роган встал, и он протянул ему руку.

— Трой Линман, майор.

Они обменялись рукопожатием.

— Присаживайся, — сказал Роган.

Трой сел рядом со мной.

— Мэм.

Бывший солдат. Готова поставить на это каждый бакс из своего кошелька.

Трой передал Чокнутому Рогану коричневый конверт. Тот вскрыл его и внимательно изучил содержимое.

— Одиннадцать Браво?

— Да, сэр.

Пехота. Некоторые ВУС, военно-учетные специальности, хорошо адаптировались на гражданке. Любая из специальностей медицинской 68 категории отлично подходила. Или 91В — механики колесного транспорта. 11В не относилось к этим ВУС. Это был костяк армии, но на гражданке они могли делать не так уж много.

— Почему ты ушел оттуда? — спросил Чокнутый Роган.

Трой помедлил.

— Подходило время продления контракта. Моя жена была на шестом месяце беременности нашим вторым ребенком и не хотела, чтобы я продолжал службу. Она ничего не говорила, но я сообразил, что к чему. Я тоже вроде как вымотался. Мне хотелось уйти в отставку и попробовать гражданскую жизнь. Я хотел приходить домой каждую ночь.

— И как ваши дела?

— Мы в порядке, — сказал Трой.

Его ровный голос подсказал мне, что не были они ни в каком порядке. Совсем нет.

Чокнутый Роган впился в него взглядом.

— Проверка показала, что ваш дом завтра отнимут за долги, так что я спрошу снова, мистер Линман. Как ваши дела?

Я не видела правую руку Троя, но его левая сжалась в плотный кулак.

— Я работаю в третью смену на шиноремонтном заводе и развожу пиццу по вечерам. Моя жена работает днем, пока я присматриваю за детьми. Она клерк по начислению заработной платы. Я подавал заявки везде, пытаюсь получить работу, любую работу в дневное время. Но в любом месте с достойной зарплатой требуется высшее образование.

Я слышала эту историю так много раз от такого множества людей, что могла догадаться, что он скажет дальше.

— Я попытался устроиться на работу дежурным дорожного поста, где взимается плата за пользование магистралью. Но им был нужен человек с дипломом бакалавра. Бога ради, зачем там диплом? Армия могла бы оплатить мне колледж, но я не мог позволить себе отпуск ради учебы. Два года мы едва сводим концы с концами, но только глубже и глубже проваливаемся в дыру.

— Сантино объяснил, что входит в работу на меня?

Трой кивнул.

— Да.

— Мои правила просты, — продолжил Чокнутый Роган. — Быть, где тебе сказано, и когда тебе сказано. Первый раз, когда ты мне соврешь, станет твоим последним днем работы на мой Дом. Если ты приложишь все усилия, но не справишься, я не стану тебя винить. Лени и неаккуратность, заносчивость и пьянство, а также долги ведут к увольнению.

Трой открыл рот со стоическим лицом.

— Я позабочусь о залоге твоего дома, — сказал Чокнутый Роган.

— При всем уважении, майор, я пришел ради работы, а не милостыни. Я хочу работать и обеспечивать свою семью.

— Это не милостыня, — отрезал Роган. — Дом Роганов владеет всеми залогами своих сотрудников. Дома, машины, обучение в колледже и все прочее. Когда ты должен кому-то денег, ты становишься угрозой для безопасности. Я не люблю угрозы, поэтому я забочусь о своей безопасности. Работающие на меня люди получают ранения. Твоя страховка обеспечит лечение, но не вернет тебе жизнь. У тебя есть семья, поэтому прими это в расчет. Я хорошо плачу, поэтому ты можешь взять часть этих денег и купить себе приличный страховой полис.

Чокнутый Роган умолк.

Трой сглотнул.

— Я принят?

— Ты нанят.

Трой побледнел. Он перестал дышать, и на какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас рухнет в обморок. Он мог бы справиться с отказом. Ему пришлось бы собраться с силами, чтобы встать из-за этого стола и уйти с достоинством. Но облегчение от принятия было слишком ошеломляющим. Вся его дальнейшая жизнь зависела от слов Рогана, и сейчас он просто не мог это переварить.

Я потянулась и коснулась его руки.

— Все хорошо.

Он ошеломленно посмотрел на меня.

— Все хорошо, — повторила я. — Он вас нанял. Ваш дом в безопасности. С вами все в порядке. Дышите, Трой.

Трой глубоко вдохнул.

По моей спине пробежали мурашки. Я наконец-то поняла, насколько опасен был Чокнутый Роган. Большинство Домов обладали собственными частными армиями, но Чокнутый Роган их обогнал. Для Троя это была не просто работа. Это был шанс снова стать человеком, быть оцененным за свои навыки и обеспечивать семью. Это была новая жизнь, и ее давал ему Чокнутый Роган. Вот что он делал. Он находил бывших военных в нужде, давал им шанс восстановиться и вознаграждал за это. Теперь я прекрасно понимала мужчину, отчитывавшегося перед Роганом после взрыва Рендж Ровера. Роган владел не только их финансами. Он владел их душами. Они считали его богом.

— Когда я приступаю? — спросил Трой.

По улице прокатился грохот. Я подскочила с места. Он шел откуда-то позади Чокнутого Рогана, справа. Роган побежал, перепрыгнув забор. Я выбежала с террасы на парковку и догнала его на Франклин-стрит, Трой бежал следом за мной.

Из центра правосудия валил дым. Его густой шлейф тянулся вверх с одиннадцатого этажа. Только не это.

Что-то выскочило из окна прямо сквозь дым и приземлилось на улицу. Какого черта?

Существо устремилось вниз по Франклин-стрит, летя к нам на всех своих четырех мощных конечностях, скрываясь наполовину за автомобилями. Нечто быстрое и большое, как пикап.

— Вы приступаете сейчас же, мистер Линман, — сказал Чокнутый Роган, и побежал к существу. Пока я вытаскивала пистолет из сумочки, Трой Линман снял свой пиджак, бросил его на землю, и побежал следом за Роганом. Я последовала за ними с пистолетом в руке.

Существо миновало по потоку небольшой седан и приземлилось на улицу, оказавшись на виду. Выглядевшее, как гепард с собачьей головой, оно было полностью из металла. Вместо костей были куски толстых труб, а вокруг скелета обмотаны цепи. Ничего не могло удержать все это вместе, ничего, кроме магии и чьей-то воли. Я никогда не видела ничего подобного. Маленькие ожившие предметы да, но это было просто невероятно.

Тварь замедлила бег и подняла голову. В ее пасти ярко сверкнула маленькая вещица.

— У нее артефакт! — крикнула я.

Чокнутый Роган остановился и выбросил руки вперед. Тварь распалась на части, рассеченная на четыре секции. Трубы и цепи рухнули на землю, раскатившись в стороны.

— Найдите аниматора! — Роган направился к металлическим обломкам, двигаясь осторожно. Трубы и цепи и потянулись к нему, стремительно заскользив по асфальту. Он перебирал их, ища артефакт. Трой подхватил трубу, подкатившуюся к нашим ногам, и потряс ею.

Я огляделась. Маг-аниматор должен был быть недалеко от его или ее создания. Слева от нас была платная парковка с высоким шлагбаумом и платежным автоматом. Прямо перед нами, на другой стороне Ла-Бранч стрит высился десятиэтажный паркинг. Оба не подходили для быстрого отхода. Всего через пару минут, здесь все будет кишеть судебными исполнителями, маршалами и копами. Невозможно быстро сбежать с паркинга или

переполненной парковки. Я повернулась. Справа, пустая площадь занимала целый квартал. На ней стояло всего две машины; парковка там была запрещена. Здесь аниматор тоже не рискнул бы остановиться.

— Что мы ищем? — спросил Трой, поднимая трубу на манер дубинки.

Трубы слева задрожали.

Роган повернулся...

Металлолом полетел на него, врезаясь в него с ужасающей силой и пытаясь раздавить. Я навела пистолет. Роган исчез за клеткой из металлических труб. Цепи закрутились вокруг труб и стянулись. Металл заскрипел, сжимаясь. Стрелять в него было бесполезно — выстрелив, я могла случайно задеть Рогана.

Трой побежал к шевелящейся груди металла.

— Нет! Мы не можем ему помочь. Мы должны найти аниматора!

Металлическая клетка распалась, словно взорвавшись изнутри. Трой застыл посреди улицы. Я мельком увидела разъяренное лицо Рогана. Металлический мусор снова набросился на него и сжал. У него не останется ни одной целой кости, если я не поспешу.

— Что мы ищем? — крикнул Трой.

Сила Рогана была невероятной. Осмелиться тягаться с ним мог только Превосходный.

— Дорогую бронированную машину.

Он повернул налево, я направо, разглядывая улицу. Большой черный кадиллак «Эскалада» был припаркован на Ла-Бранч стрит, передом к нам. В нем сидело двое людей — один за рулем, другой на месте пассажира.

Металлолом взорвался, раскатился по тротуару и снова бросился на Рогана.

Вокруг меня заносило автомобили, пытавшиеся избежать встречи с Чокнутым Роганом и магическим взрывом вокруг него. Любой мало-мальски соображающий человек старался бы убраться отсюда. Особенно, человек в «Эскаладе».

— Трой! — Я подняла пистолет и побежала прямо к «Эскаладе».

Водитель не шелохнулся. Он видел, как я направляюсь к нему с оружием и даже не дернулся. Мы нашли аниматора.

Краем глаза я увидела, как металл распался, вцепился в Рогана, и снова разлетелся. Время замедлилось, растягиваясь. Бронированная «Эскалада» — это армированный капот, защита радиатора и композитные колеса с шинами, усиленными резиновыми вставками. Даже если я изрещу шины пулями, автомобиль все равно сможет ехать на скорости в шестьдесят миль в час. Ветровое стекло было пуленепробиваемым. Калибра «бэби дезерт игл» не хватит его пробить, но он сможет заставить треснуть внешний слой стекла. Мне не нужно было убивать Превосходного внутри. Мне достаточно было заслонить ему обзор, чтобы сохранить Чокнутому Рогану жизнь.

Время возобновило свой ход. Я нажала на курок, делая шесть выстрелов один за другим прямо перед лицом водителя. Пистолет выплюнул пули и послышался треск. Ветровое стекло покрыли трещины — каждая пуля оставила после себя круглую паутинку трещин, словно кто-то взял пригоршню льда со стены морозильника и растер его по стеклу. Я едва увидела водителя.

Выпустив шесть пуль в ветровое стекло со стороны Превосходного, я вытащила магазин и вставила второй. Осталось двенадцать пуль.

Трой подбежал ко мне, запрыгнул на капот и замахнулся трубой, вкладывая весь свой вес в удар. Стекло треснуло еще больше, но удержалось. Он ударил по нему снова, и оно

прогнулось внутрь. Еще один сильный удар, и Трой его проломит.

«Эскалада» с ревом ожила и рванулась назад. Трой соскользнул, перекатился по тротуару, вскочил на ноги и помчался за большим черным внедорожником. «Эскалада», все еще двигаясь задом, свернула на улицу Ла-Банч, и рванула параллельно Франклин-стрит. Я побежала за ней через опустевшую парковку. «Эскалада» резко свернула на улицу Кроуфорд. Водитель разворачивался кругом на парковке. Если он еще раз повернет направо, то окажется прямо напротив Чокнутого Рогана.

— Трой! — Я свернула направо и побежала со всех ног через парковку.

«Эскалада» повернула на Франклин-стрит. Чокнутый Роган продолжал бороться с металлическим хламом.

Я выжала каждую каплю силы из своих мышц. Легкие начали гореть. Бок закололо от жгучей боли.

«Эскалада» набирала скорость, летя прямо на металлический кокон, окруживший Рогана.

Я выстрелила по шинам, стараясь ее замедлить. Четыре пули прорвали резину.

Металлический ком из труб и цепей распался и на каких-то полсекунды Роган остался на открытом месте. «Эскалада» врезалась в него. Послышался хруст, омерзительный хруст. Боже мой.

Роган пролетел над тротуаром, упал и остался лежать без движения.

Я бросилась между ним и «Эскаладой» и выстрелила в упор в заднее стекло. Восемь, семь, шесть...

Пассажирская дверь распахнулась. Трубы подпрыгнули, формируя зверя — щит между машиной и мной. Я продолжила стрелять. Рука человека в костюме протянулась и подобрала что-то с земли. Солнце отразилось от толстого золотого кольца, прежде чем дверь захлопнулась.

Последняя пуля. Я выстрелила.

Внедорожник заревел и умчался по Франклин-стрит.

Роган.

— Бросай оружие! — проревел кто-то позади меня.

Я подняла руки вверх, медленно опустила пистолет, и позволила ему выпасть из рук. Что-то ударило меня сзади, прямо между лопаток. Мое тело свело судорогой, словно я встала под ледяной душой, и каждый мускул в теле онемел, пылая и зудя, до боли. Я упала набок. Моя голова ударилась о тротуар. Трое мужчин в форме судебных исполнителей навалились на меня сверху.

Электрошокер, поняла я. Они использовали «тазер».

Мужчины рывком поставили меня на ноги. Кто-то скрутил мне руки за спину, и я почувствовала холодный металл наручников на своих запястьях.

Я увидела, как впереди Ленора Джордан остановилась у кучи металла. Куда подевался Роган?

Четыре человека в униформе вытащили Троя вперед. Он корчился, его кожа была ободрана и кровоточила после падения на асфальт.

Боже мой, боже мой, боже мой, пожалуйста, только бы Роган был жив.

Куча металла дрогнула.

Судебные исполнители бросили меня, и я рухнула, сильно ударившись коленями. Повсюду были копы, судебные исполнители и приставы, каждый пистолет был направлен на

металлическую грудку.

Куча труб и цепей взорвалась. Там, покачиваясь, стоял Роган. Выражение его лица было ужасающим.

— Отставить, — приказала Ленора.

Два десятка человек одновременно опустили оружие. Роган повернулся к ней с перекошенным от темной ярости лицом. На секунду я подумала, что он может убить ее.

— Объявляй уже чертово предупреждение, Ленора, — прорычал Роган.

Глава 14

— Вероятно, у него сломано два ребра, — сказала мне врач неотложки. — Похоже на трещину, но единственный способ в этом удостовериться — сделать рентген. Мы вправили плечо на положенное место, но он отказывается от дальнейшего лечения.

Она покосилась на Чокнутого Рогана, сидящего на каталке. Выражение его лица можно было описать только как ярость в чистом виде. Спасатели старались держаться от него как можно дальше.

— Ему действительно нужно ехать в больницу, — сказала женщина-врач. — Это серьезно.

— Вы сказали ему об этом?

— Да, но...

Я ждала.

Женщина наклонилась ко мне поближе.

— Это же Чокнутый Роган. Окружной прокурор посоветовала поговорить об этом с вами. Она сказала, вы могли бы его урезонить.

Если бы расступились тучи и на улицу спустился архангел во всей своей божественной красе, чтобы образумить Рогана, то он бы с треском провалился, и ему бы пришлось паковать свой огненный меч и с позором возвращаться на небеса. Я понятия не имела, кто мог натолкнуть Ленору на мысль, что у меня это выйдет лучше.

Похоже, никто из них не сумел набраться достаточно смелости, чтобы пояснить Бичу Мексикки, что ему нужно в кабинет первой помощи. Поэтому придется постараться мне.

— Спасибо большое. Я разберусь.

Я направилась к Чокнутому Рогану. Врач последовала за мной.

— У тебя сломаны ребра, — сообщила я.

— Ты ее слышала, — сказал он. — Это трещина.

Я протянула руку.

Чокнутый Роган покосился на нее.

— Давайте ключи, мистер Роган. Я отвезу вас в больницу.

Я заметила, как вокруг нас внезапно стало тихо.

— Не смейся меня, — прорычал Роган.

— Сломанные ребра могут угрожать жизни. — Я прочистила горло. — Ты нужен мне в рабочем состоянии, так что давай это исправим. Что именно в поездке в больницу тебя расстраивает?

Он сузил глаза.

— Это займет целую вечность. Я приеду туда, просижу два часа, потом кто-то сделает мне рентген и скажет: «У вас сломано два ребра». Затем мне дадут две таблетки ибупрофена и отправят домой.

— Почти точно такой же довод, слово в слово, использовал в прошлом году Леон, когда решил, что спуск на велосипеде по лестнице — отличная идея.

— Это отличный довод, — ошетинился Роган. — Что с ним не так?

— Леону пятнадцать лет. А тебе в два раза больше.

— Ты намекаешь, что я старый и дряхлый?

— Я намекаю, что ты должен быть умнее. Тебя сбил бронированный автомобиль на скорости минимум в двадцать пять миль в час. До этого тебя прижало металлоломом со свалки. У тебя может быть внутреннее кровотечение. У тебя может быть сотрясение. У тебя должно быть больше сознательности, чем у пятнадцатилетнего подростка, желающего попасть на YouTube.

— Меня и раньше ранили. Я знаю, что это не серьезно.

— Прошу прощения, но неужели твоим официальным назначением в армии было шестьдесят два альфа? Ты был врачом первой помощи?

— Я проходил обучение.

Я кивнула.

— А знаешь, кто еще проходил обучение? Все эти медики вокруг тебя. — Я кивнула на команду «скорой помощи». — Поднимите руку, если считаете, что мистеру Рогану не нужно ехать в больницу.

Никто не шелохнулся.

— Видишь? Пожалуйста, дай им выполнить свою работу.

Чокнутый Роган подался вперед. На его лице дернулся мускул. Он совладал с собой, но было поздно. Я все видела. Он произнес каждое слово с тихой угрозой.

— Я не поеду в больницу.

— Ладно, — вздохнула я. — Есть еще место с рентгеновским аппаратом и медицинским персоналом, куда бы ты хотел отправиться?

— Да. Ты можешь отвезти меня к семейному доктору. — Он полез в карман, медленно и осторожно вытащил ключи, и положил их в мою руку.

— Спасибо за содействие.

Три минуты спустя я вела «ауди» по запруженным улицам Хьюстона. Чокнутый Роган сидел на пассажирском сидении. Его дыхание было поверхностным. Трой растянулся на заднем сидении. Ему сломало ногу, во время финального рывка «Эскалады». Он также отказался ехать в травмпункт.

Я перестроилась, аккуратно впихнув «ауди» в небольшой промежуток между машинами. Она идеально слушалась руля.

— Может, мне стоит повести, — предложил Трой.

— Она знает, что делает, — сказал Роган.

Я фыркнула.

— Что?

— Попахивает настоящим комплиментом от Чокнутого Рогана. Такая редкость.

Включилось радио.

— Это экстренное сообщение. Министр национальной безопасности получил достоверные сведения о возможном теракте в городе Хьюстон...

Ленора объявила предупреждение. К счастью, центр города и другие бизнес-центры начнут опустошаться.

— Поверни через две мили, — сказал Роган. — Так Леон все-таки съехал с лестницы?

— Да, съехал. Он въехал на своем велосипеде прямоком в стену и руль поломал ему ребра. Еще он умудрился удариться головой и заработал себе серьезное сотрясение в придачу.

Мой Леон был в Остине с моими сестрами, вдали от угрозы. Но в городе было полно Леонов, Арабелл и Каталин, а у Адама Пирса была теперь еще одна часть артефакта. Насколько мы знали, у него уже были все три части. Он сожжет город дотла. Теперь к этому был причастен еще один Превосходный. Что здесь происходило? Почему?

Я чувствовала, что чем дальше мы продвигались, тем меньше ответов получаю.

Семейный доктор Рогана практиковал в трехэтажном здании без опознавательных знаков. Оно выглядело, как безымянное офисное здание с тонированными окнами и своей собственной, маленькой парковкой. На ней стояли всего три машины, все три — темные внедорожники.

Я припарковалась и посмотрела через ветровое стекло на здание. Никаких признаков жизни.

Роган вышел из машины. Я вышла следом и открыла дверь для Троя.

— Подожди, я посмотрю, смогу ли я раздобыть каталку или кресло.

Чокнутый Роган набрал код на кнопочной панели.

— Думаю, я справлюсь, — возразил Трой.

— Все в порядке, уверен, мы еще сможем поспорить...

Затемненные двойные двери распахнулись и из них вышли трое мужчин и две женщины, уверенно толкающие две каталки. За ними шла могучая латиноамериканка. Она была не толстой, а крупной, высокой, около 1,80 м, и крепко сбитой, с широкими плечами и сильными руками, открытыми благодаря коротким рукавам зеленого врачебного костюма. Ее темные волосы были убраны назад. В ее чертах все было крупным: темные глаза, прямой нос, и большой, полный рот. Было ясно, что она часто улыбается, и ее улыбка неотразима. На вид ей было около сорока.

Она посмотрела на Чокнутого Рогана.

— Что ты сделал?

Роган открыл рот.

Она повернулась ко мне.

— Что он сделал?

— Его сбила машина, — сказала я.

Женщина повернулась обратно к Рогану.

— Какого черта ты лез под машину?

Чокнутый Роган снова раскрыл рот, собираясь что-то сказать.

— Разве у тебя нет армии громил, чтобы предотвращать подобные ситуации?

— Я...

Женщина повернулась ко мне.

— Что это была за машина?

— Бронированная «Эскалада», — ответила я.

— Ну, хотя бы машина приличная. — Она повернулась к Рогану. — И кому взбрело в голову испортить свою прекрасную машину о тебя?

Чокнутый Роган медленно втянул воздух и так же осторожно выдохнул.

— Тебе прошились по ребрам. — Женщина махнула рукой. — Грузите их обоих.

— Я могу... — начал Роган.

Она указала на носилки.

— Ложись.

Я ощутила непроизвольное желание тут же сделать, как она сказала, и причем быстро.

Чокнутый Роган лег на носилки. Команда увезла его и Троя в здание.

— Я доктор Даниэла Ариас, — представилась женщина. — Идем внутрь. Ты сможешь подождать в комнате ожидания.

Я последовала за ней. Не то, чтобы у меня был выбор.

Большинство посещенных мною залов ожидания располагали рядами неудобных стульев, телевизором, и, если повезет, автоматом с напитками. Эта же комната ожидания должна была принадлежать роскошному отелю. Одну стену от пола до потолка целиком занимал огромный аквариум, и маленькие стайки серебристых рыбок с ярко-красными плавниками плавали в нем взад-вперед, играя вокруг большого белого коралла на дне. Комнату занимали плюшевые диваны: некоторые стояли в углу, расставленные полукругом вокруг обязательного камина, другие располагались напротив здорового телевизора с плоским экраном, подвешенного рядом со всевозможными игровыми приставками. Слева, большой холодильник из нержавеющей стали с прозрачными стеклянными дверьми демонстрировал ряды воды, апельсинового сока и спортивных напитков с одной стороны, и мясные нарезки, йогурты, салаты и пластиковые контейнеры с нарезанными овощами и фруктами с другой. Мне было сказано угощаться, поэтому я угостилась малиной, которая оказалась удивительно вкусной.

Я была уже на третьей коробочке — я ее заслужила — когда в комнату вошла Даниэла.

— Будет жить, — сказала она.

Вот облом.

— Он хочет тебя видеть.

Я заставила себя отложить малину и последовала за ней по коридору.

— Ему больно?

— Я дала ему кое-что, что поможет ему продержаться ближайшие шесть часов. Но если он не так повернется, то он это почувствует. У него треснуло два ребра, и плечо превратилось в сплошной синяк.

Он был жив. Только это было важно.

— А как там Трой?

— Сломана нога, хороший ровный перелом. Теперь отправится домой с бонусом. Так какая у тебя история? — спросила Даниэла. — Ты служила в армии?

— Нет, мэм. Моя мама служила.

— Как он тебя спас?

— Я не работаю на Чокнутого Рогана. Мы просто сотрудничаем.

— Понятно.

— Вас спасли, мэм?

— Да, — кивнула она. — Я служила десять лет, шесть из них в Южной Америке. Затем я наконец-то ушла в отставку, потому что была готова к гражданской жизни. Я устроилась на работу в клинику неотложной помощи. Некоторые «неотложки» предоставляют хорошее обслуживание. В этой же все было завязано на деньгах. Идя в медицину, я делала это ради спасения жизней. Поэтому если я понимала, что необходимо определенное лекарство, я его прописывала. Если требовалось лечение, я его назначала. Даже если знала, что пациенты не могут оплатить то, что не покрывается страховкой.

— И владельцам это не понравилось? — догадалась я.

— Нет. Все доктора учитывают убытки от пациентов, которые не могут заплатить, но владельцы решили, что я позволяла себе слишком многое. Они поговорили со мной, затем пригрозили. Они ожидали, что я испугаюсь, но я не убежала от них с поджатым хвостом. Мне платили оклад, основанный на том, сколько, по их мнению, я должна была заработать. Страховая несколько раз отказала в выплатах, не были произведены определенные отчисления, и я оказалась должна клинике денег. Обычно, клиники переводят эти деньги на следующий квартал, но они не стали. Они потребовали, чтобы я оплатила то, что не покрыла страховка, а когда я не смогла, они подали на меня в суд. Я продала дом, опустошила все свои сбережения, а затем объявила о банкротстве. Затем меня нашел Чокнутый Роган, оплатил мои счета, дал мне возможность продолжить врачебную практику и сделал мою жизнь намного лучше. Поэтому если ты ему чем-нибудь навредишь, я пушу пулю тебе в голову. — Она улыбнулась мне и открыла дверь. — Проходи.

Я вошла в дверь и услышала, как позади меня щелкнул замок. Я стояла в красивом номере отеля. Прямо напротив двери плотная серая штора обрамляла окно от пола до потолка, из которого открывался вид на Хьюстон. Справа около стены стояла громадная кровать. Она была достаточно высокой с кучей металла и пластика в каркасе, чтобы служить госпитальной койкой, но прямо сейчас она напоминала кровать в каком-нибудь высококлассном люксе, дополненная белоснежным покрывалом и декоративными подушками. Чуть подальше, справа у стены, была устроена мини-кухня. Напротив нее, возле шторы, стоял прямоугольный стеклянный ящик. Мне потребовалось секунда, чтобы понять, на самом деле это был душ с несколькими насадками, его стенки все еще были покрыты капельками воды, и что Чокнутый Роган стоял рядом с ним, босой, в джинсах и простой белой футболке, а его темные волосы были влажными.

Чокнутый Роган только что принял душ. Он стоял в этой стеклянной кабине, обнаженный, позволяя воде стекать по его телу. Вероятно, я всего на несколько минут опоздала, чтобы увидеть обнаженного Рогана

Моя фантазия нарисовала его обнаженным, Золотистая кожа влажная, твердые, гладкие мышцы перекачиваются на его руках, когда он проводит по волосам... меня охватил жар. Я покраснела. Я знала, что покраснела.

Мы были замкнуты вместе в комнате. В комнате стояла кровать. Почему мое сердце забилося чаще?

— ...мужчина.

Что?

Чокнутый Роган поморщился.

— Нет, я не видел его лица. Я видел его руку, когда он наклонился.

Он говорил по телефону. Некрасиво получалось. Я была наблюдателем. Наблюдение было моим профессиональным умением, которое я оттачивала, но оно было свойственно мне от природы. Он стоял прямо здесь с телефоном у уха, а я этого совершенно не заметила. Я видела только его глаза, его подбородок и мощную линию шеи, контур мускулистой груди под футболкой. Я видела огромный темный синяк, расплывшийся по левой стороне его шеи, и дюжины мелких синяков и порезов на его руках. Но я не видела телефона. Мысль о нем в душе начисто вырубилась все мои способности к наблюдению.

Так. Пора прекращать. Теперь это активно влияло на мою способность выполнять свою работу. Я должна не думать о нем в душе. Или о нас с ним в душе.

— Да, я уверен, Августин, — произнес Роган в трубку. — Он не гладил меня по щеке своими мозолистыми пальцами, но я видел мужскую руку.

— Он носил кольцо, — сказала я.

— Подожди. — Чокнутый Роган поставил телефон на громкую связь. — Какое кольцо?

— Толстое золотое кольцо. Похоже на школьную печатку.

— Ты случайно не заметила, на каком пальце оно было? — донесся из телефона голос Августина.

— На указательном пальце.

— Ты уверена? — уточнил Августин.

— Да, — подтвердила я. — Мне показалось это странным, потому что школьные кольца обычно носят на безымянном пальце правой руки.

— Нет, если это кольцо братства «Зета Сигма Мю», — сказал Роган.

— Что это за братство? — спросила я.

— Магическое. Только для Значительных, и выше, — сказал Августин.

— Это кольцо братства носят на указательном пальце, потому что древние верили, что безымянные пальцы имеют вены, соединяющие их прямо с сердцем, — пояснил Чокнутый Роган. — Магия — аналитическое искусство, и должно быть свободно от сердечных привязанностей, поэтому нужно носить кольцо как можно дальше от безымянного пальца. Технически, это был бы большой палец, но такие кольца на большом пальце слишком непрактичны.

— В стране есть восемь Домов аниматоров, — сказал Августин. — Возможно, больше. Мне это не нравится. Мне не нравится, что в это втянуто больше одного Превосходного. Ставки взлетают до небес. Ладно, я позвоню вам, когда его привезу.

Чокнутый Роган повесил трубку и посмотрел на меня. — Он нашел Марка Эмменса праправнука того самого Эмменса. Ему семьдесят девять и он в здравом уме. Августин лично привезет его в «МРМ».

— Отлично.

— Он заговорен.

— Что значит заговорен?

Чокнутый Роган бросил телефон на кровать.

— Каждый член семьи Эмменсов подвергнут мощному заклинанию, которое не дает им возможности рассказывать об артефакте.

— Ты сможешь его взломать?

— Не я лично, но это возможно. Оно очень редкое и требует месяцев подготовки. Очевидно, семья Эмменсов решила, что защита местоположения артефакта — их святой долг.

Я нахмурилась.

— Тогда как нам это поможет?

— Тебе нужно разрушить заклятие.

— Мне?

— Тебе.

Я развела руками.

— Я понятия не имею, как это делается. Ты использовал на мне Акубенс Экземпляр. Не мог бы ты сделать что-то вроде Хаммер Лока, чтобы сломать заклятие?

— Я слабый телепат. Моя телепатия является побочным продуктом таланта тактиля и,

кроме того, Акубенс Экземпляр занимает недели подготовки. Тогда он остался от другого дела, в котором я был замешан. Его использование полностью меня истощило. Из нас двоих у тебя больше шансов.

Отлично.

— Роган, я не знаю, как. Я постараюсь изо всех сил, но я не знаю, как это сделать.

Он сел на кровать.

— Скорее всего, тебе просто нужно надавить на то же место, как тогда, когда твоя бабушка едва не погибла при пожаре, а ты решила меня допросить.

Конечно. Проще простого.

— Невада?

— Я не могу. Я не уверена, что я сделала, или как я это сделала.

— Ладно. — Чокнутый Роган подался вперед. — Давай постараемся это выяснить.

Когда ты применяешь свою силу, ты прилагаешь усилия?

— Не совсем.

— Что происходит, когда твоя магия не срабатывает?

— Такого не было.

— Ты никогда не ошибалась?

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Ты хочешь сказать, что за все время, что ты используешь свое пассивное поле, оно ни разу не давало осечки?

— Я не знаю, что это значит.

Он задумался.

Повисло молчание.

Я почувствовала себя глупо, стоя там.

— Роган?

— Подожди. Я пытаюсь сообразить, как вложить тридцать лет жизни Превосходного и изучение магической теории в двадцатиминутное пояснение. Я стараюсь подобрать слова, которые бы ты поняла.

Я покачала головой.

— Что?

— Я понимаю, я полный ноль и это тебя раздражает, но было бы здорово, если бы ты не намекал, что я идиотка.

— Ты не идиотка. Я пытаюсь объяснить, как летать на истребителе человеку, который никогда раньше не видел самолета.

Я вздохнула и села на стул.

— Ладно, когда найдешь слова, понятные для отсталой меня, дай мне знать.

— Ты собираешься хотя бы попробовать научиться, или так и будешь сидеть там и дуться? Это на тебя не похоже.

— Роган, ты совершенно не знаешь, что на меня похоже.

Он соскользнул с кровати и присел возле меня на корточки. Не скривился, не нахмурился. Какое бы болеутоляющее ни дала ему добрая докторша, оно должно было быть действительно сильным. Он полностью сосредоточился на мне, — точно так же, как обычно делал, когда задавал мне вопросы и ждал на них ответа. Было почти невозможно отвести взгляд. Если он когда-нибудь влюбится — что было маловероятно, с его-то характеристикой

психопата — то будет излучать преданность, о которой люди только мечтают.

— Ты заденешь ребра, — предупредила я.

— В чем проблема, Невада?

Я хотела соврать. Меня охватило сильное, почти непреодолимое желание ляпнуть какую-нибудь чушь. Вот только для этого не было ни одной веской причины. Я просто хотела защитить свое эго и свою гордость, а этого было мало, чтобы оправдать ложь.

— Ты когда-нибудь писал сочинение в последнюю минуту для школы или колледжа?

— Конечно.

— А затем, когда кто-то читает его и говорит тебе, что оно написано тят-ляп и тебе не стоило тянуть до последней минуты, ты злишься на этого человека. Но на самом деле ты злишься на себя.

— Ты злишься на себя?

— Да. Это моя магия. Ее много, и она, очевидно, сильна, я никогда ничего с ней не делала. Я обходилась, потому что мне было этого достаточно. Я никогда себя не испытывала. Читала обо всех этих заклинаниях и кругах, но до того дня с тобой, никогда не рисовала их на земле, и я даже не смогу сказать, почему. Мне это никогда не приходило в голову. Я просто думала, что быть живым детектором лжи мой предел. И мне не нравится, что мне утерли нос.

Он кивнул.

— Понятно. Мы все прояснили. Вот оно. Это твой момент позлиться на себя за собственную лень и поплескаться в жалости к себе, любимой. У тебя есть только это время, потому что в любую секунду Адам Пирс может сжечь Хьюстон. Удели несколько минут самобичеванию. Пяти будет достаточно?

— Ты придурок.

— Да, но я очень хорошо обученный придурок. Я предлагаю тебе воспользоваться моим опытом. Поэтому впитывай его, преодолевай этот барьер, и двигайся дальше. Ты со мной?

Знаете что? Нет, если он когда-нибудь и влюбится, то без всякой огромной сердечной преданности. Это будет испытанием из разочарований и похоти, а под конец его ненаглядная его придушит.

Я не могла позволить Хьюстону сгореть.

— Да. Я с тобой.

Он встал, слегка поморщился, и сел обратно на кровать.

— Магия работает двумя способами, активным и пассивным. Возьмем для примера аквакинетика, водного мага. Водный маг всегда знает, где находится ближайший источник воды. Вопрос: как?

— Он чувствует ее, — предположила я.

— Да. Какая-то часть его магии сканирует окружающую среду независимо от его воли. Если ты попросишь водных магов сосредоточиться на обнаружении воды, большинство не сможет этого сделать. Потому что происходит это подсознательно. Это называется пассивным полем. Также они не могут его отключить. Аквакинетик в пустыне продолжит терять силы намного быстрее остальных в своем отряде. Почему?

— Потому что он продолжит искать воду, ничего не находя?

Чокнутый Роган кивнул.

— Это подобно мобильному телефону. Если ты возьмешь его в область, где нет покрытия, он продолжит искать сигнал и разряжать батарею. Пассивное поле. Если

аквакинетик решит управлять водой, извлекая влагу из воздуха или источника воды, эти манипуляции потребуют от него активных усилий. Это называется активным вектором. Если перенести это на пример с мобильным телефоном, то поиск сигнала сети будет пассивным полем. Активным вектором будет само совершение звонка.

— Выходит, когда я понимаю, что люди лгут, это происходит, потому что они находятся в моем пассивном поле. — Получается, когда я заставила его ответить, был ли он виновен в поджоге — я в первый раз активно воспользовалась своей силой. Вот те на. Нет, погодите. Еще я сопротивлялась его заклинанию, когда он похитил меня. Возможно, я смогла бы научиться ее использовать.

— Да. — Чокнутый Роган встал. — Мне сорок пять лет.

Моя магия щелкнула.

— Ложь.

— Отвернись, — сказал он.

Я повернулась к нему спиной.

— Моя мать меня ненавидела.

Щелчок.

— Ложь.

Я повернулась обратно. Он отошел в кухонный уголок.

— Ты проверяешь диапазон? — спросила я.

— Да.

— Могу сэкономить тебе время. Если я вижу тебя, или ты достаточно близко ко мне, чтобы я могла тебя слышать, магия работает. Телефонные звонки, телевизионные эфиры и сессии по Скайпу — нет, так что для этого нужна определенная физическая близость. Лучше, если я могу тебя видеть и слышать одновременно. Прямой зрительный контакт работает лучше всего.

Он подошел и остановился ровно в футах от меня, глядя мне прямо в глаза.

— Задай вопрос и попытайся заставить меня на него ответить.

Я выпрямилась, сосредоточившись на нем. Нужен простой вопрос на «да» или «нет». На нейтральную тему.

— Ты был когда-нибудь женат? — О, да. Совершенно нейтральный вопрос.

Ничего.

Мы подождали еще десять секунд.

— Давай попробуем кое-что другое. — Чокнутый Роган порылся в ящике мини-кухни и вернулся с куском мела. Он протянул его мне. — Нарисуй усилительный круг.

Я взяла у него мел, вышла на широкую, просторную часть комнаты, присела на корточки и начала рисовать круг на полу.

— Подожди. — Он подошел и присел позади меня. — Это один из тех случаев, когда размер не имеет значения.

Ха-ха.

— Маленький, идеально нарисованный круг будет иметь большую силу, нежели большая, корявая размазня. Давай я тебе покажу.

Он накрыл мою руку своей.

Я почувствовала тепло его руки, текстуру его пальцев и меня пронзило возбуждение, будоражащее волнение — наполовину надежда, наполовину тревога. Он обхватил меня второй рукой.

Боже мой. Куда подевался весь воздух?

— Распрями руку. Не зажимай локоть. — Его ладонь скользнула по моей руке к локтю, вызывая цепную реакцию, прокатившуюся по моим рукам к спине, и разлившуюся там волной жара. Мой разум отчаянно пытался вернуть контроль, пока мое тело ныло в моей голове. «Коснись меня. Снова. Коснись меня еще раз».

— Опустит мел вниз. — Он был прямо за мной, говоря мне на ухо.

Мир сжался. Я вдруг отчетливо почувствовала каждый дюйм пространства между нами. Воздух сгустился, словно перед грозой. Меня охватило предвкушение. Уши перестали воспринимать все звуки, кроме его голоса. Его рука ласкала мою. Он коснулся коленом моего бедра, и я чуть не подпрыгнула.

— Это как циркуль. Твое тело — ножка циркуля, а рука с мелом — карандаш.

Тон его голоса изменился. Он стал дышать глубже. Роган плотнее обхватил мою руку.

— Держи его крепко. Теперь, поворачивайся.

Я повернулась на пятках, выводя почти идеальную окружность на полу.

— Хорошо.

Моя рука натолкнулась на его ногу. Я выпустила мел и подняла глаза. Мы были лицом к лицу.

Его глаза обычно холодные и беспощадные, или полные язвительного веселья, пылали голубизной, затопленные силой мужского желания. Они заманивали меня, обещая то, от чего голова шла кругом, и меня не волновало, что все это было ложью.

Он шагнул вперед, быстро схватил меня руками и закрыл рот поцелуем. Его язык скользнул между моих приоткрытых губ, лаская, заставляя меня раскрыться и соблазняя попробовать его. Фантомный огонь разлился по затылку, скользнул по горлу как янтарный мед, проникая глубоко внутрь, прямо в вены, а кожа чуть ли не шипела от жарких волн желания. Жидкое тепло медленно стекало в ложбинку между грудей, обнимая их сверху донизу и опускаясь ниже. Соски напряглись в ожидании. Внезапно огонь ускорился, лаская мои груди бархатным давлением. Он легонько сжал их и в конце обжог соски крошечными взрывами тепла. Я ахнула Рогану в рот, содрогнувшись от удовольствия.

Его рука была в моих волосах, лаская затылок. Другой он притягивал меня к себе, крепко обнимая за спину и без усилий удерживая мой вес. Мои соски прижимались к его груди. Тогда, в торговом центре, я почувствовала лишь крошечную часть его магии. Это? Это был рай, а может — ад — я не знала, и мне было наплевать. Я хотела еще.

Доводящее до сумасшествия жидкое тепло разлилось под грудью и заскользило вниз медленно, чрезвычайно медленно, находя чувствительные нервные окончания, и воспламеняя их одно за другим, до тех пор, пока все тело практически загудело от экстаза... он упивался мной, словно ничего больше не имело значения, и я позволяла ему.

Жар сползал все ниже и ниже, обволакивая меня лентами удовольствия. Давление между ног нарастало болезненной жаждой и нетерпеливой дрожью. Жар пульсировал внутри, нарастая и нарастая.

Он продолжал целовать меня, натиск его языка был неумолим.

Боже мой. Я не выдержу. Я не...

Он вонзился в мой рот. Бархатное тепло затопило меня. Удовольствие было волной, и я тонула в ней, переполненная пульсирующей волной восторга и исступления. Тело содрогнулось так сильно, что это почти причинило боль, и я закричала, невольно выгибая бедра.

Давление между ног взорвалось каскадом сокращений. Я прижалась к нему, ощущая его руки, и поплыла в блаженной дымке.

Он притянул меня к себе и поцеловал, прикосновение его губ к моим было почти нежным.

Кто-то затарабанил в дверь.

— Сэр? Сэр? — Даниэла.

Реальность врезалась в меня как поезд. Я переспала с Чокнутым Роганом, и я кончила. У меня был дурманящий, невероятный оргазм, который я буду помнить до конца своей жизни, а он даже не снял с меня одежды. О, нет. Нет-нет-нет. Я закрыла лицо руками.

— Что? — рявкнул Роган.

— Вы не отвечаете на звонок, сэр. Августин Монтгомери сейчас на линии.

— Я перезвоню ему, — отрезал Роган.

— Он говорит, это срочно.

— Я перезвоню ему, — повторил Чокнутый Роган, в его голосе зазвенела сталь.

Я услышала удаляющиеся шаги. Его руки все еще меня обнимали.

— Невада? — спросил он. — Ты в порядке?

Я наплевала на свои профессиональные принципы. Я выставила себя полной дурой, переспав с Чокнутым Роганом. Но что еще хуже, он дал мне ощутить лишь самую малость того, что представляли отношения с ним. Магия. Это был наркотик, от которого зависимость появлялась с первого же раза, и как наркотик, она бы поглотила меня, оставив пустоту. И он бы меня бросил. Я не могла быть с ним вечно. Он был Превосходным, ставящим на первое место собственные интересы, и стоило мне наскучить или утомить его, он бы ушел. Было больно от одной мысли об этом.

— Невада? — повторил он.

Соберись. Я убрала руки от лица, оттолкнулась от него, подошла к кровати и передала ему телефон.

Он забрал телефон у меня из рук и небрежно швырнул его через плечо. Мобильник со стуком ударился о стену и упал на ковер. Роган потянулся ко мне.

— Нет, — сказала я ему.

— Какого черта «нет»?

— Это непрофессионально и опасно. Ничего не было.

— Было.

— Нет.

— Было. Я был там. И тебе понравилось.

— Нет.

— Ты растаяла. — Его губ коснулась мужская, самодовольная улыбка. — Как весенний снег.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Мы уставились друг на друга.

— Ладно, — усмехнулся он. — Ты даже не думала, что тебе может быть так хорошо. Никто в твоём прошлом и близко не был так же хорош, как и никто не будет так же хорош в твоём будущем. Ты вошла во вкус и хочешь еще. Ты хочешь секса. Грязного, горячего голого секса. Он крутится у тебя в голове, пока мы разговариваем. Ты думаешь, что можешь себе представить, как это было бы. Поверь мне, ты и понятия не имеешь. Я еще даже не начал. Поэтому можешь убежать от меня, передумать, делать вид, что ничего не случилось — не

важно. Чем больше ты будешь сопротивляться, тем сильнее будет желание, пока однажды я не поманю тебя рукой, и ты не бросишься ко мне на шею.

Мои пальцы сомкнулись вокруг чего-то твердого, и я швырнула это ему в лицо. Мел угодил ему прямо в лоб. Роган моргнул.

Я поднялась на ноги и направилась в ванную комнату привести себя в порядок.

Глава 15

То ли телефон Чокнутого Рогана был ударопрочным, то ли у него таких было несколько — но когда я вышла из ванной, он держал его у уха, слушая. А еще он обулся. Мы уходили.

Чокнутый Роган поманил меня рукой и направился к двери. Я последовала за ним, мы вышли и двинулись по коридору. Чокнутый Роган шел быстро и мне приходилось чуть ли не бежать, чтобы поспевать за ним.

— Ладно, — сказал Чокнутый Роган. — Мне нужно, чтобы ты был там в десять. Сможешь это сделать?

Он бросил трубку и ускорился.

— Звонил Августин. Полицейский патруль заметил Пирса, движущегося по направлению в город по Южному шоссе. Они передали об этом по рации три минуты назад.

— Он подорвал их машину фаерболом, затем рассмеялся? — Я перешла на бег.

— Он не обратил на них внимания, а затем следующий за ним бронированный автомобиль протаранил патруль и сбил его с дороги.

Мы выбежали на улицу.

Адам не воспользовался возможностью сделать заявление. Он направлялся в город по Южному шоссе, которое приведет его прямо в центр, и он берег силы. Он хотел поразить Хьюстон подобно метеору. Все только что превратилось в гонку.

— Ключи. — Чокнутый Роган протянул руку.

Я положила их ему в ладонь. Он разблокировал замки на Ауди, и мы сели внутрь.

— У него нет третьей части.

Роган выехал задом и нажал на газ, Ауди пулей вылетела с парковки.

— Он устроил грандиозное шоу, доставая первую и вторую часть, так что он устроит шоу и с третьей. Он знает, где она. Мы — нет.

Включилось радио. «Это экстренное сообщение. Министр внутренней безопасности получил достоверные сведения о возможном теракте в городе Хьюстон. Риск террористической атаки увеличился с повышенного до неизбежного. Покиньте центр города. Повторяю, покиньте центр города. Если вы не можете выехать на автомобиле, ищите убежище в системе тоннелей. Главные входы находятся...»

Чокнутый Роган его выключил. Мы на бешеной скорости лавировали среди машин. Транспортный поток заполнил всю встречную полосу. Каждая машина на нашей полосе либо сворачивала на боковые улицы, либо пыталась развернуться. Люди бежали из центра.

— У Марка Эмменса только одна дочь, — сказал Роган. — Его жена и сестра больны, также болен и муж его сестры. Остаются дочь и ее муж. По словам Августина, с ними не происходило ничего необычного, но вот внук Марка Джесси Эмменс пропал из своей комнаты в общежитии в Эдинбурге три месяца назад.

— Фамилия его внука тоже Эмменс? Разве у него есть еще и сын?

— Нет, зять Марка взял фамилию Эмменс. Семья Эмменсов уважаема и их имя более узнаваемо. Джесси Эмменс исчез на сорок восемь часов, а затем был выброшен целым и

невредимым напротив общежития, правда, совершенно не помня, что происходило с ним все это время. На нем стоял настолько сильный блок, что понадобились сутки, прежде чем он смог вспомнить собственное имя.

— Джесси знал местонахождение артефактов?

Чокнутый Роган кивнул.

— Он также был заговорен. Кто-то взломал его, поэтому это можно сделать.

И сделать это должна была я. При том, что и понятия не имела, как.

— Ты можешь это сделать, — сказал Роган. — Все было бы совершенно иначе, если бы ты прошла положенное обучение.

— Если бы я прошла положенное обучение, люди вроде Августина заставили бы меня стать их личным детектором лжи. — И не важно, получится у меня или нет, теперь это произойдет в любом случае. Конечно, если «МРМ» переживет то, что собирается устроить Адам.

— Может ли Августин заставить тебя этим заниматься по условиям твоего контракта?

— Да.

— Я могу выкупить твой контракт.

— Нет, не можешь. Любая продажа нашей закладной требует моего согласия, а я его не дам.

Он ухмыльнулся.

— Не хочешь работать на меня?

— Даже не собираюсь отвечать на этот вопрос.

— У тебя есть копия контракта?

— Она есть у меня на телефоне.

— Прочитай мне положение, обязывающее тебя заниматься расследованиями «МРМ».

Десять минут спустя мы въехали на парковку перед синим акульным плавником «МРМ». Поток машин двигался в противоположном направлении. Люди с обеспокоенными лицами спешно покидали здание. Августин эвакуировал «МРМ».

Секретарша Августина встретила нас в вестибюле. Ее макияж был все так же безупречен, одежда сидела на ней идеально, но вот ее волосы на сей раз были малахитово-зелеными.

— Следуйте за мной, пожалуйста.

Она поспешила к ближайшему лифту. Мы пошли за ней. Она нажала кнопку пятнадцатого этажа.

— Нам удалось получить изображение Адама Пирса, въезжающего в город, с уличных камер, прежде чем вся сеть вышла из строя. Он ехал на мотоцикле в сопровождении двух черных внедорожников БМВ Х6.

Лифт звякнул, останавливаясь. Двери открылись, и секретарша выбежала в коридор.

— Записи свидетельствуют, что наблюдатели на улицах не видели ни Пирса, ни внедорожники. Полиция установила блокпосты на всех крупных магистралях в центре.

Кто-то скрывал Адама Пирса. Другой могущественный маг. Вся эта история становилась все сложнее и сложнее с каждой минутой. Кем бы ни были эти люди, они были организованны и могущественны, и планировали все наперед. Ничего из этого не сулило Хьюстону ничего хорошего.

Чего они хотели? Зачем? Почему это все вообще происходило? В этом не было смысла.

Секретарша остановилась перед дверью и открыла ее для нас. Мы вошли в просторную

комнату. Пол был черным, не блестящим, но и не слишком шероховатым. Такая же краска покрывала стены. Затемняющие жалюзи перекрывали окна. Единственный свет исходил от шести стеклянных трубок, установленных вертикально от пола до полка, как колонны. Каждая трубка была около фута диаметром и заполнена прозрачной жидкостью. Сотни пузырьков всплывали в воде, их движение было медленным и гипнотическим. Подсветка фиолетовыми светильниками, установленными позади трубок, заставляла всю обстановку светиться мягким лавандовым светом.

В широком пространстве между трубками стоял стул. На нем сидел старик, сжимающий в левой руке резную деревянную трость. Он был одет в костюм, а его волосы были белыми и тонкими, как хлопок. Возраст избородил его лицо глубокими морщинами, но в карих глазах, смотревших на меня, светился острый, наблюдательный ум. Рядом со стариком стоял Августин. В дальнем конце комнаты пятеро человек сидело за компьютерами под большим плоским телевизором. Свет от мониторов освещал небольшую часть стены позади них, подсвечивая кружащуюся меловую пыль. Теперь странный цвет стен и пола обрел смысл. Это была комната заклинаний, полностью окрашенная краской для классных досок.

— Мистер Эмменс, — обратился Августин, — позвольте мне представить Коннора Рогана и его помощницу.

— Рад знакомству, — кивнул мистер Эмменс.

— Мне нужен усилительный круг, — сказал Роган. — С двумя центральными точками под сорок пять и сто тридцать пять градусов.

За одним из терминалов подскочила женщина, подбежала к нам и принялась рисовать на полу.

— Прошу прощения. — Августин улыбнулся мистеру Эмменсу. — Мне нужно поговорить с моим коллегой.

Он потянул Чокнутого Рогана в сторону. Я пошла следом, просто не зная, что мне еще делать.

— Круг тебе ничем не поможет, и ты это знаешь, — пробормотал Августин. — Эмменс был заговорен Чезаре Коста еще при рождении. Ты не достаточно силен, чтобы его сломать. Для этого нужен Превосходный Разрушитель. Их всего двое в стране, и они оба на Западном побережье. У нас же остались считанные минуты.

— Мисс Бейлор хотела бы пересмотреть свой контракт.

Августин повернулся ко мне.

— Сейчас?

— Сейчас, — отрезал Роган. — Она хотела бы добавить одно слово в положение семь. В нем должно быть указано, что «МРМ» не может принудить «Детективное агентство Бейлор» оказывать помощь в расследованиях, и т. д.

— С чего бы мне это делать? Это идет вразрез с моими интересами. — Августин нахмурился. — Что здесь происходит?

— Ты пойдешь на это, потому что дело дрянь, — сказал Роган. — Неважно, где именно в центре Адам начнет свою вечеринку, это здание пострадает от его огня, и ты это знаешь. Твой Дом потеряет миллионы. Всего одно слово, Августин. Подумай о том, что стоит на кону.

Августин сжал челюсть.

— Не будь мелочным, — добавил Чокнутый Роган.

— Ладно.

Августин схватил планшет с ближайшего стола. Его длинные пальцы затанцевали по нему. Он протянул устройство мне. Там было написано: «Приложение 1», цитировался параграф и внесенные изменения. Августин прижал палец к экрану, подписал его и передал планшет.

— Опечаток пальца.

Я добавила свой отпечаток к его. Экран замерцал.

— Сделано, — сказал Августин.

— Твоя очередь, — шепнул мне Чокнутый Роган.

Я сделала глубокий вдох. Августин следил за мной, будто ястреб.

Чокнутый Роган подвел меня к кругу.

— Снимай туфли, — пробормотал он.

Я сняла свои теннисные туфли и стянула носки. Он поддержал меня за руку и помог мне ступить в круг.

— Расслабься, — сказал Роган. — Позволь себе взаимодействовать с ним.

Я стояла в кругу. Было странное чувство, словно я балансировала на поверхности эластичной жидкости. У меня было ощущение, что стоит мне подпрыгнуть, и он подбросит меня, как батут. Проблемка была в том, что я понятия не имела, как прыгать.

Мистер Эмменс кивнул мне.

— Прежде, чем мы начнем, я хочу предупредить вас, что ответ на прямой вопрос о местонахождении объекта может меня убить. Я хочу рассказать вам о нем, но если вы заставите меня назвать его точное расположение, я умру еще до того, как успею вам помочь, и вы не найдете его вовремя. Я не против отдать свою жизнь ради города. Это долг моей семьи. Я прошу лишь не потратить мою жизнь понапрасну. Я не хочу умереть, отвечая на неверный вопрос.

— Я понимаю. — Моя магия наполнила круг, словно густой пар. Поверхность «жидкости» покоилась подо мной. Каким-то образом они должны были взаимодействовать.

— Мы тратим время впустую, — фыркнул Августин.

— Ты чувствуешь круг? — спросил Роган, подходя сзади.

— Да.

Медленно, он обогнул меловую линию и остановился слева от меня.

— Ты чувствуешь, как его наполняет магия?

— Да.

— Ты знаешь, что планирует сделать Пирс?

— Он хочет сжечь город дотла. — К чему он клонит?

— Артефакт превратил Эмменса в Превосходного, — холодно сказал Роган. — Из Адама Пирса он сделает бога огня. Он уже может плавить сталь, которая плавится при 1,510 градусах Цельсия. Артефакт удвоит эту цифру. Температура пожара в доме никогда не превышает 650 градусов. Адам будет жечь в пять раз сильнее, возможно, даже больше. При 1200 градусах бетон утратит свою структурную целостность и превратится в оксид кальция, белый порошок. При 1500 градусах начнет плавиться сталь в зданиях. Центр города превратится в кошмар из расплавленного металла, крошащегося бетона, пламени и вредных, ядовитых газов. Это будет адом на земле. Тысячи людей погибнут.

Я сглотнула. Внутри меня нарастала тревога.

— Пирс только что пересек Дрейфус стрит, — объявил один из людей за компьютером. — Камеры отключились. Мы снова его потеряли.

Он держался вдали от главных дорог, чтобы избежать блокпосты Леноры. Даже с дорожными заторами, ему понадобится минут двадцать, чтобы добраться до центра.

— Но проблема с «тысячами» людей, — продолжил Роган, — в том, что это не достаточно личное.

Он взял планшет Августина и что-то напечатал. Большой плоский телевизор на стене ожил. Серебристый фургон был припаркован перед замысловатым ультрасовременным зданием 2 хьюстонского центрального небоскреба на углу улиц МакКинли и Фанин. Это было по-настоящему оригинальное здание все из черного стекла прямо в центре города.

Чокнутый Роган передал планшет обратно Августину и поднял свой телефон.

— Бернارد?

— Да? — из трубки донесся голос моего кузена.

— Мне нужно, чтобы ты вышел из машины и посмотрел на здание.

Нет. Внутри меня все похолодело.

Пассажирская дверь фургона открылась. Из машины вышел Берн и повернулся к зданию. Камера приблизила его лицо.

Все вокруг исчезло. Я видела лишь широко раскрытые, серьезные голубые глаза Берна на экране.

Адам был меньше, чем в двадцати минутах пути оттуда. Берн мог погибнуть. А Чокнутый Роган это знал. Он знал это, и сказал ему там остановиться.

Я услышала собственный голос.

— Уезжай. Убирайся оттуда!

— Он тебя не слышит. — Чокнутый Роган убрал телефон.

— Ты ублюдок!

Моя магия ударила в круг, разбивая его, и с границ в воздух взмыло облачко меловой пыли. Августин выронил планшет. Круг вернулся в норму, и меня наполнила сила.

— Вот оно, — пробормотал Чокнутый Роган. — Это не страх или злость. Это защитный инстинкт.

— Ему девятнадцать лет! — Моя магия была в ярости и голос ей соответствовал.

— Тогда тебе лучше сделать что-то, чтобы его спасти.

Моя магия бросилась на него.

— Не со мной. — Чокнутый Роган указал на мистера Эмменса. — С ним.

Я повернулась. Моя магия зажала старика в своих тисках. Он побледнел. Круг добавил мне больше силы. Я пристально посмотрела ему в глаза.

— Вас зовут Марк Эмменс?

— Да.

Правда.

Моя магия вцепилась в него. Он был скрыт за барьером, как орех в скорлупе. Скорлупа была старой, толстой и прочной. Я почувствовала, как его жизнь трепещет внутри, одновременно защищенная и связанная оболочкой. Эти двое были связаны. Если сломаю барьер, свет его жизни угаснет вместе с ним.

— Вы знаете, где спрятана третья часть амулета?

Он попытался воспротивиться. Я ударила магией по кругу и в ответ ко мне пришла сила. Я ухватилась за невидимый барьер своей магией и потянула его в стороны. Мне многого не надо. Достаточно отверстия. Маленькой трещинки.

Скорлупа сопротивлялась.

У меня не было на это времени. Берн мог умереть.

Я потянула энергию из круга. Она все прибывала и прибывала, словно я тянула за веревку, ожидая достать лишь фут — другой, а она продолжала идти, и теперь я тянула ее двумя руками так быстро, как только могла. Приток силы замедлился, и я снова ударила по кругу, ускоряя поток. Я сосредоточилась на скорлупе.

Она задрожала.

Больше силы.

Я ощутила легкое головокружение.

Еще чуть-чуть.

Скорлупа треснула. Мысленно я увидела льющийся из нее свет. Я просунула свою магию в трещину, словно клин и удержала ее открытой.

— Да, — кивнул мистер Эмменс.

Он ответил на мой вопрос. Я заставила себя заговорить.

— Третья часть принадлежит вам?

— Нет.

— Она спрятана в вашей собственности?

— Нет.

— Она погибнет, — предупредил Августин. — Она использует слишком много силы.

— С ней все в порядке, — отрезал Роган.

Теперь было больно. Словно кто-то всадил мне нож в живот, а я пыталась вытащить его дюйм за дюймом. Но мой магический клин держался.

Думай, думай, думай...

Лицо Берна смотрело на меня через камеру. Я должна его спасти. Он просто мальчик. У него еще вся жизнь впереди.

Адам Пирс направлялся в центр. Третья часть должна быть там. В центре города. Но не в банке или здании, потому что Эмменсы не стали бы повторяться.

— Оно в собственности, которой вы владели?

— Нет.

Меня охватила острая, опаляющая боль.

— Оно в собственности, которой владеют ваши родственники?

— Нет.

— Оно в собственности, которая им принадлежала?

— Да.

Это «да» едва не заставило меня пошатнуться.

— Проверьте записи, — рявкнул Августин.

Пятеро людей за компьютерами яростно застучали по клавиатурам.

— Собственность была продана?

— Нет.

Если его родственник больше не владел ею, но она не была продана, тогда что же с ней произошло?

Все начало кружиться. Я была близка к обмороку. Я цеплялась за сознание, отчаянно пытаюсь остаться в вертикальном положении.

— Фредерик Ром, — сообщил один из компьютерщиков. — Бывший муж его дочери в первом браке владел зданием на Каролин стрит. Оно было утрачено при разводе и отошло его второй бывшей жене.

Августин повернулся ко мне.

— Спроси, была ли она утрачена по решению суда.

— Была ли собственность утрачена в результате судебного иска или урегулирования конфликта?

— Нет.

Перед глазами поплыли крошечные красные круги. Магия угасала. Я с трудом держалась. Я заставляла мозг работать сквозь пелену усталости и боли. Это центр города. Там не было ничего кроме огромных бизнес-центров, которыми владели Дома, муниципальных зданий и...

Муниципальные здания.

— Оно на муниципальной земле?

— Да, — оживился мистер Эмменс.

— Эта собственность была пожертвована городу?

— Да, — кивнул мистер Эмменс.

Техники печатали так быстро, что щелканье клавиш превратилось в гул.

— Патрисия Бриджес, — отозвался средний техник. — Вышла замуж за Уильяма Бриджеса, в девичестве Эмменс.

Мистер Эмменс улыбнулся.

— Уильям и Патрисия Бриджес совместно пожертвовали участок земли городу Хьюстону на том условии, что земля не может быть ни продана, ни застроена, а лишь использована для собраний вольных людей Техаса по их усмотрению.

Бридж Парк. Прямо напротив судебного центра. Моя магия затрещала под давлением. У меня осталось времени ровно на последний вопрос.

— Она в памятнике, где есть лошадь?

— Да, — сказал мистер Эмменс.

Скорлупа захлопнулась, сокрушая мою магию.

Чокнутый Роган схватил меня и вытянул из круга. Давление и боль испарились. Я снова почувствовала головокружение.

Он посмотрел мне в глаза.

— Поговори со мной.

— Я тебя ненавижу.

— Понятно. — Чокнутый Роган меня отпустил. — Ты в порядке.

Он протянул мне телефон, и я тут же его схватила.

— Бернард, уходи оттуда! Ты не понимаешь, Пирс вот-вот подожжет весь центр города!

— Я знаю. Я сам вызвался, — сказал он. — У тебя получилось?

Вот же идиот.

— Да! Убирайся оттуда. Бросай фургон и спускайся в туннели.

На экране мой кузен побежал вниз по улице.

Я повернулась к Рогану.

— Больше никогда не смей просить мою семью с чем-то помочь.

— Вы не хотите знать, что это? — спросил мистер Эмменс.

Мы уставились на него.

— Заклятие скрывает, что артефакт делает и где находится, но не то, чем он является, — пояснил он. — Это безупречный зеленый алмаз в сорок каратов. Цвет является результатом естественного облучения.

— Мне пора идти, — сказал мне Роган.

— Я иду с тобой.

Я собиралась досмотреть это до конца, я пройду через это, и двину Адаму Пирсу в лицо, пока Чокнутый Роган вынимает последнюю часть артефакта из того коня.

— Ладно. Не отставай. — Он развернулся и побежал. Я повернулась к Августину. — Мне нужны наручники.

Один из компьютерщиков выдвинул ящик стола и бросил мне пару наручников вместе с ключами.

— Спасибо! — Я поймала их побежала следом за Роганом по коридору.

— Стой, — крикнул Августин.

Я обернулась.

— Ты разряженная батарея. У тебя не осталось магии. Что ты сможешь сделать Пирсу?

— Она сможет выстрелить ему в лицо. — Роган нажал кнопку лифта.

— Если Рогану не удастся его остановить, вы умрете, — крикнул Августин.

Двери распахнулись.

— Если ему не удастся, мы все так или иначе умрем, — ответила я и нырнула в лифт вместе с Роганом.

На Кэрлайн стрит было двухполосное движение. Машины на обеих полосах смотрели на юг, прочь из центра. Никто не двигался. Автомобили были брошены. Их владельцы, должно быть, ушли в тоннели.

Чокнутый Роган повернул слишком резко. Я схватилась за дверную ручку, чтобы удержаться. Ауди подскочила на поребрике, и приземлилась на тротуар. Бок машины оцарапался о здание. Чокнутый Роган надавил на газ. Мы понеслись по тротуару, Ауди издавала протестующий визг, когда камень царапал водительскую сторону. Впереди нависал фонарный столб. Я приготовилась. Столб сломался и улетел в сторону.

— Постарайся нас не убить, — процедила я сквозь зубы.

— Не волнуйся. Не хотелось бы разочаровывать Адама.

Конгресс авеню перед нами была полностью забита машинами. Зеленые кроны деревьев Бридж-парка покачивались на ветерке прямо через дорогу.

Ауди с визгом остановилась. Я выскочила, сжимая в руке «беби дезет игл» и рванула вперед между машинами. Парк занимал целый городской квартал. Я видела бронзовую статую Скачущего ковбоя сквозь деревья. Голова лошади исчезла, превратившись в остывающую лужицу металлической жижи. Рядом с лошадей стоял Адам Пирс. У него на лбу красовался третий глаз Шивы: три ряда неграненых алмазов пересекались с вертикально расположенным глазом, усыпанным кроваво-красными рубинами. В центре глаза, на месте зрачка сиял на солнце огромный бледно-зеленый бриллиант, словно капля чистого света была каким-то образом поймана, огранена и оправлена камнями меньшего размера.

Я взяла Адама Пирса на мушку, прицелилась в живот и выстрелила. Пуля врезалась в пространство рядом с Адамом, и упала на траву, не причинив вреда. Я продолжала стрелять, направляясь к нему. Пистолет выплевывал пули, выстрелы грохотом отдавались в ушах.

Бум. Бум. Бум.

Щелк.

У меня кончились патроны.

Я опустила пистолет. Мы стояли лицом к лицу, Адам и я. Вокруг него трава припала к земле. Он был в магическом кругу — не нарисованном мелом, а созданным третьим глазом

Шивы.

— Нулевое пространство, — тихо сказал Адам. — Вы опоздали.

— Почему? Почему, Адам? Тысячи людей погибли. Неужели тебе все равно?

Совершенно все равно?

— Оглянись вокруг, — сказал он. — Видишь все это? Выглядит красиво, но стоит приглядеться внимательнее, и ты увидишь гниль. Здесь все прогнило насквозь.

— О чем ты говоришь?

— Правящие круги, — произнес он. — Их так называемая система правосудия. Правосудие. Что за шутка. Это не правосудие, это — порабощение. Система, созданная для того, чтобы те, кто может, захомутали тех, кто не может. Гниль повсюду. Она в политиках, бизнесменах, и в судах. Это невозможно исправить. Есть только один способ избавиться от нее. Я собираюсь очистить центр города.

— Там внизу, в туннелях, обычные нормальные люди, Адам. Они не имеют никакого отношения к твоему восстанию.

— Наоборот, имеют. — Он смотрел на меня, его глаза были абсолютно ясными. — Они тянут нас назад. Они мешают нам получать то, что по праву наше. Видишь, мы купились на всю эту туфту утилитаризма. Нам вбили в голову, что добро — это то, что приносит пользу большинству. Что ж, мне насрать на большинство. С какой стати меня должны волновать их законы и их нужды? Если у меня есть сила взять и удержать то, что я хочу, я должен быть в состоянии это сделать.

— А если кто-то сильнее заберет его у тебя?

Он развел руки.

— Так тому и быть. Теперь ты врубаешься. Я пролью свет на гниль. Я борец за свободу. Я освобожу нас. Я разрублю цепи.

— Так же, как ты пытался освободить меня от моей семьи?

Он кивнул.

— Я думал, ты поймешь, но ты была не готова. У тебя либо есть сила, либо ее нет, Снежок. Сила — это действие, и сегодня я выбираю действовать. Я превращу это место в пепел, как гнилой лес, и буду наблюдать, как молодая поросль потянется к солнцу. Меня будут помнить.

— Значит, ты это хочешь оставить после себя? Ты хочешь быть тем, кто сжег заживо тысячи людей? Семей? Детей? Прислушайся к себе. Ты не можешь быть этим монстром.

Он поднес палец к губам.

— Ш-ш-ш. Не нужно лишних слов. Вот-вот настанет конец старого мира, и твое место в первом ряду.

Нам не удалось. Мы потерпели жалкую неудачу. Все было кончено. Теперь мы ничего не могли сделать.

— Ты мне нравилась, Снежок, — сказал он. — Жаль, что ты этого так и не увидишь.

Никаких сожалений?

Уговаривать его было бессмысленно.

— Привет, Чокнутый Роган. — Адам сильно растянул «Чокнутый». — Наконец-то мы встретились. Ну, каково тебе быть вторым?

— Невада, — сказал Роган. — Иди сюда.

— Мне почти тебя жаль, приятель, — ухмыльнулся Адам. — У тебя был шанс получить приглашение на вечеринку, но вместо этого твоя собственная кухня сделала из тебя козла

отпущения. Боже, вот так непруха.

Чокнутый Роган взял меня за руку и притянул к себе, уводя прочь от Адама.

Мы умрем. Хьюстон сгорит дотла. Все кончено.

— Нечего сказать, Великий и Могучий? Давай же, Бич Мексики! — крикнул Адам. —

Смотри на меня, когда я говорю с тобой. Сейчас я поджарю тебе задницу.

Роган взглянул на него.

— Это твоя вечеринка. У тебя на голове диадема. Постарайся вести себя, как гостеприимная хозяйка.

Лицо Адама вспыхнуло.

— Да пошел ты! — Он ткнул в нас указательным пальцем. — Иди нахрен. Идите оба нахрен.

— Ох уж эти нынешние детишки. — Чокнутый Роган покачал головой. — Никаких манер.

Роган остановился посреди лужайки. Я остановилась вместе с ним. Все казалось таким ярким. Деревья были такими изумрудно-зелеными, небо таким голубым. Я могла разглядеть каждую травинку вокруг нас.

— Я не хочу умирать, — прошептала я. Я поняла, что плачу. Мне следовало быть стойкой или сильной, но я могла думать лишь о том, как сильно я люблю жизнь. Я ведь даже пожить толком не успела. Я никогда не увижу, как вырастут мои сестры. Никогда не влюблюсь и не заведу семью. Я даже не смогу как следует попрощаться. Я только чмокнула маму в щеку. Я...

— Оставайся рядом со мной, — сказал Роган. — Ты почувствуешь границу вокруг нас. Чтобы ни произошло, не пересекай ее. Ты поняла меня, Невада? Нельзя войти в нулевое пространство, но из него можно выйти, и если ты попытаешься сделать это, когда я буду активен, оно превратит тебя в кровавую дымку.

Я сглотнула.

— Как только я начну, то не смогу остановиться, — продолжил Роган. — Я не буду знать, где ты. Я не буду тебя слышать. Не буду видеть. Не покидай круга. Что бы ни произошло, здесь ты будешь в безопасности. Поняла?

— Да.

Он притянул меня к себе, спиной к груди, и обнял руками. В нем запульсировала магия. Ветер заколыхал траву вокруг нас.

— Не сработает, — крикнул Адам. — Что бы ты ни делал, это не сработает. Я прожгу его насквозь.

— Что ж, попляшем, — произнес Чокнутый Роган. Его голос был странным, глубоким и отдаленным.

Ничего не происходило. Его руки все также меня обнимали. Он не шевелился.

Секунды тянулись за секундами, медленно, так медленно.

Напротив нас из круга Адама поднялся светло-оранжевый свет. Он полыхнул, как призрачное пламя и погас, полыхнул снова и снова погас. Адам Пирс раскрыл рот. Голос больше ему не принадлежал. Это был голос чего-то древнего и ужасного, словно рев ожившего вулкана.

— Я — ОГОНЬ. ПЫЛАЙ ДЛЯ МЕНЯ.

Ветер стих. Секунду он был там, а в следующую — пропал. Я все еще могла видеть покачивание деревьев и травы, но ничего не чувствовала. Меня охватило странное

спокойствие, словно невидимая стена отгородила меня от всего остального мира. Я чувствовала ее в двух футах от себя, образующую круг диаметром семь футов. В нем было так спокойно. Так тихо.

Объятия Чокнутого Рогана ослабли. Его руки соскользнули с моих плеч. Я обернулась. Его глаза стали неестественного бирюзового цвета. Лицо казалось отрешенным.

— Роган?

Он смотрел вдаль, не видя меня.

Его ноги оторвались от земли. Тело поднялось в воздух на фут. Спокойно опущенные руки раскрылись. Трава за пределами круга примялась, словно по ней прошла взрывная волна.

В круге Адама Пирса вспыхнул огонь, закручиваясь вокруг него, сплошной и достигающий четырех футов в высоту. Адам смотрел прямо на меня, в его глазах был чистый огонь. Волосы у меня на затылке встали дыбом.

Круг вокруг меня запульсировал. Я этого не услышала, но почувствовала. Пульсация прокатилась сквозь меня, отозвавшись в костях, не больно, но и не приятно. Деревья вокруг нас рухнули, сломленные под корень. Скачущий ковбой соскользнул и упал на бок.

Круг запульсировал еще раз. Центр уголовного правосудия округа Харрис дрогнул. Справа, задрожала огромная башня здания гражданского суда.

Что делал Роган?

Круг запульсировал снова, словно бьющееся сердце титана.

Центр правосудия скользнул вперед и развалился на куски. Но долю секунды его обломки повисли в воздухе, словно решая, должны ли они подчиниться силе тяжести. Сотни осколков стекла зависли, отражая солнце. Тысячи каменных обломков неподвижно застыли в воздухе. Между ними показались разрушенные внутренности здания, все триста двадцать пять футов высоты были разрушены и выставлены на показ. Казалось, словно все это огромное здание стало стеклянным, а какое-то божество разбило его молотком.

Массивное здание пошатнулось. Тонны камня, стекла, дерева и стали рухнули на землю без единого звука. Мой мозг отказывался воспринимать отсутствие шума. Я все пыталась услышать его, но ничего не добилась.

Справа, здание гражданского суда качнулось и рухнуло. Два пылевых облака разлетелись в стороны, направляясь прямо к нам и неся с собой обломки битого камня. Я присела, закрыв голову руками.

Ничего не произошло. Я подняла голову.

Обломки камня усеяли землю вокруг нас, но ни один из них не приземлился в круге. Надо мной парил Чокнутый Роган. От его лица исходило сияние, ярко-бирюзовые глаза горели, будто звезды. Он походил на ангела.

Я взглянула на Адама. Пламя поглотило его, превращая в столб. Он поднимался все выше и выше, закручиваясь по спирали — десять, нет, одиннадцать, нет, уже двенадцать футов в высоту.

Круг около меня запульсировал снова. Невидимая сила измельчила завалы в пыль, сметая их назад. За парком рухнул Центр семейного права. На Конгресс авеню распался на части центр ювенильной юстиции, выбросив в воздух обломок размером с автомобиль. Боже мой.

Не выходить за пределы круга.

Я сжала руки в кулаки.

Глыба врезалась в круг и отскочила в сторону.

Круг пульсировал снова и снова, каждая волна сметала и поднимала обломки, стирая их в порошок, снова и снова.

Роган возводил стену. Если он сможет сдержать огонь, то тот не распространится.

Столб огня достиг пятидесяти футов, и продолжал взбираться вверх.

Пульсация, исходящая от Чокнутого Рогана, повалила следующий круг зданий. Их обломки присоединились к стене.

Огненный столб поднялся еще на двадцать пять футов.

Стена выросла еще на десять футов.

Они продолжили наперегонки, наращивая высоту — стена, столб, стена, столб.

Высота столба уже должна была перевалить за сто футов. Я не могла понять, была ли стена выше.

Огненный столб озарился белым. Вокруг него взорвалось кольцо огня, устремляясь ко мне. Поваленные деревья исчезли, моментально превратившись в пепел.

Я собралась с духом, задержав дыхание.

Огонь накрыл круг, поглощая его. Я была жива. Воздух вокруг меня несколько не нагрелся. Я даже не почувствовала запаха дыма. Воздух остался свежим.

Огонь устремился к стене. Только бы хватило высоты. Только бы хватило высоты.

Пламя налетело на барьер и стало на тридцать футов короче.

Я перестала дышать. Он все еще мог прожечь ее насквозь.

Все вокруг меня превратилась в пылающий ад, в глубине которого стоял Адам Пирс, сияя золотистым светом в окружении пламени, с украденным артефактом на голове, пылающим, будто безжалостное солнце.

Улица стала черной и блестящей. Тротуар превратился в смолу. Скачущий ковбой тоже расплавился, его металл стекал в неторопливую реку асфальта. Трава под моими ногами оставалась нетронутой.

Круг продолжал пульсировать, выстраивая стену.

Огонь ударил по барьеру. Внешний слой бетонных обломков превратился в белый порошок.

Пожалуйста, держись. Пожалуйста.

Минута тянулась за минутой. Я села, будучи уже не в силах стоять. Мое сердце устало биться слишком быстро. Меня всю трясло от волнения. Я чувствовала себя избитой.

Стена начала светиться странным светом. Бетон превратился в оксид кальция, который начал плавиться и излучать свет, которым освещали сцены в театре до появления электричества⁵.

Пламя все бушевало и бушевало, пожирая стену.

Все эти люди в туннелях. Если стена рухнет и огонь опустошит центр, они задохнутся от дыма. Если не успеют свариться заживо.

Стена слева перестала светиться. Я посмотрела на нее. Огонь все еще горел, но бетон и камень в стене больше не накалялись.

Разум пытался осознать этот факт. Я была слишком потрясена, чтобы это переварить. Наконец, кусочки пазла в голове сложились. Стена перестала светиться, а это значит, что между ней и магическим огнем должно было быть пространство. Адам создал настолько широкий огненный столб, насколько мог. Роган мог его удержать. Пламя было заперто.

Меня охватило облегчение. Вырвался всхлип, затем еще один. Я поняла, что плачу.

Берн не погибнет в туннелях. Город не будет раз...

Меня пронзил еще один пульс. Круг продолжал пульсировать. Здания за стеной дрожали. О нет. Роган продолжал разрушение. Если Адам не сжег город, то Роган мог закончить начатое, стерев его в порошок.

Я вскочила на ноги.

Роган был в трех футах над землей с сияющим лицом, паря так высоко, что казался кем-то неземным и недостижимым.

Если я прерву Рогана, круг может лопнуть, и мы оба сгорим. Я погибну. И убью Рогана. От этой мысли у меня все похолодело внутри. Я не хотела его смерти.

Если я не найду способ его остановить, весь центр города обрушится на туннели. Вместо того чтобы сгореть заживо, люди окажутся заживо похороненными.

Наши жизни ради Берна. Ради жизней бесчисленного количества людей в туннелях, ради жизней детей, доверяющих своим родителям, ради жизней тех, кто любил друг друга, ради жизней людей, которые не заслуживали смерти.

Это даже не было выбором.

— Роган?

Он не ответил.

— Роган!!! — Я схватила его за ноги, но не смогла сдвинуть и на дюйм. Он был совершенно неподвижен.

Я заколотила по его ногам кулаками.

— Роган, очнись! Просыпайся!

Нет ответа.

Я должна до него достучаться. Если бы я только смогла добраться до его лица. Я собрала всю ту малость магии, что у меня осталась.

Круг снова запульсировал. Когда эта пульсация проходила через меня, я оттолкнулась от нее так же, как отталкивалась от усилительного круга, вложив все, что у меня было, в этот толчок. Что-то внутри меня щелкнуло. Ноги оторвались от земли, и я воспарила, обняв Рогана руками. Инстинкт говорил мне, что это долго не продержится. У меня несколько секунд, прежде чем моя магия иссякнет, и сила тяжести утянет меня вниз, и у меня больше не было сил, чтобы проделать это снова. Это моя единственная возможность. Я должна его пробудить.

Его лицо было таким безмятежным, глаза широко распахнуты, рот слегка приоткрыт. Он не был здесь со мной. Он не был даже на этой планете.

Я глубоко вдохнула, закрыла глаза и поцеловала его. Все мои желания, все секреты, все те разы, когда я наблюдала за ним, и думала о нем, представляла нас вместе, всю мою благодарность за спасение бабушки, за защиту Хьюстона и его жителей, всю мою обиду и злость за подвергнутого опасности кузена, за неуважение к человеческой жизни — все это я вложила в свой поцелуй. Он был создан из гвоздик и слез, взглядов украдкой и отчаянного, обжигающего желания. Я поцеловала его так, как если бы любила. Я поцеловала его так, словно только этот поцелуй был важен.

Его губы открылись навстречу моим, а руки обняли меня. Он ответил на мой поцелуй. На этот раз не было никакой магии. Ни призрачного огня, ни бархатного касания. Лишь мужчина со вкусом райского блаженства и греха одновременно.

Мои ноги коснулись земли, и я открыла глаза. Роган смотрел на меня. Его радужки все еще были бирюзовыми. Кожа все еще светилась. Но теперь он был здесь, со мной. Круг все

еще держался, и мимо нас текли реки смолы и огня, пока Адам сгорал в своей собственной ненависти.

— Ты должен остановиться, — прошептала я. — Ты победил, но ты продолжаешь разрушать город.

— Поцелуй меня снова, и я перестану, — ответил он.

Час спустя, Адам, наконец-то, остановился и повалился на землю. Роган продолжал поддерживать круг. Все вокруг было слишком горячим. Я сидела с ним в кругу и наблюдала, как асфальт медленно начинал застывать. В какой-то момент я отключилась, прислонившись к Рогану.

Когда я проснулась, глаза и кожа Рогана перестали сиять. Над нами дважды пролетел вертолет. Затем в стене появилась трещина. Мы ничего не слышали, а лишь видели, как это произошло. Из нее хлынул поток воды, испаряясь едва коснувшись выжженной Адамом земли. Но вода продолжала поступать. Должно быть, аквакинетики задействовали залив Буффало для подачи воды.

Мир превратился в пар. Прошел час, прежде чем вода перестала испаряться, и еще час, прежде чем мы решили, что не сваримся заживо. Роган отпустил силу, связывавшую его с кругом. Хлынула вода, доходя мне до лодыжек. Она была теплой, градусов так сорок, но не обжигала. Мы направились к Адаму Пирсу. Тот лежал на спине. Должно быть, в какой-то момент его круг исчез, потому что вода омывала его волосы и голую грудь. Выглядел он ничуть не пострадавшим. Артефакт по-прежнему красовался на его голове.

Чокнутый Роган снял его и передал мне.

— Подержи секунду. — Он склонился над распростертым телом Адама и потряс его за плечо. — Привет, приятель.

Глаза Адама распахнулись.

— Привет, — прохрипел он.

— Садись. — Роган с улыбкой помог ему подняться. — Ты в порядке? Все работает, как надо?

Адам уставился на него в замешательстве.

— Конечно.

— Ты знаешь, кто ты?

— Адам Пирс.

— Ты знаешь, что здесь произошло?

— Да. — Адам поднялся на ноги. — Я сжег его дотла.

— Ты не ранен? Ничего не сломал?

— Нет.

— Вот и здорово. — Роган с размаху заехал кулаком Адаму в челюсть. Адам упал на колени, сплевывая кровь. — А теперь как, Адам? Что-нибудь болит?

Адам вскочил на ноги и замахнулся. Его кулак просвистел мимо лица Рогана. Чокнутый Роган впечатал кулак левой руки Адаму в живот, а правой сделал хук в лицо. Адам рухнул.

— Получи еще. — Роган ударил его снова, сильно, его кулак бил как кувалда. Адам вскинул руки, закрывая лицо.

— Ты маленький визгливый кусок дерьма, — зарычал Роган. Еще удар. — Мы не убиваем гражданских. Мы не выделяемся на публике, и не пугаем людей. — Еще удар. — Мы не злоупотребляем своей силой, долбаный ты придурок. Позорище.

— Роган! Хватит. — Я схватила его и оттянула от Адама.

Адам перекатился на руки и колени. Я ударила его что есть силы прямо в живот. Он упал и свернулся калачиком.

— Ты едва не убил мою бабушку. Ты использовал детей, чтобы подбросить бомбу к моему дому. — Я ударила его снова. — Давай, пофлиртуй со мной теперь, сукин сын! Посмотришь, как я тебе отвечу.

Позади меня Чокнутый Роган смеялся от души.

Адам попятился назад. Я крутанулась, вкладывая все тело в удар, как меня научила мама. Удар пришелся ему в живот. Адам резко выдохнул и скорчился. Я снова его пнула.

— Спорим, теперь жалеешь, что не надел рубашку, а? Нужно чем-то вытереть кровь?

Чокнутый Роган подхватил меня и унес на несколько футов от Адама.

— Ладно, довольно. Тебе нужно хоть что-то оставить, чтобы вернуть его Дому.

— Отпусти меня!

— Невада, ты все еще связана контрактом.

Я оттолкнула его и пошла к Адаму. Тот дернулся, закрываясь руками.

— Вставай, — прорычала я. — Иначе я скажу Рогану избить тебя, а потом оттащу твоё тело семье за волосы.

Адам поднялся на ноги.

— Руки перед собой, запястья вместе, — рявкнула я.

Он протянул руки. Я защелкнула на нем наручники, и мы пошли по затопленной улице к проему в стене.

Мы прошли сквозь него, сначала Чокнутый Роган, потом я, тянущая Адама. Улица снаружи была запружена народом. Стояли люди с камерами. Я увидела Ленору Джордан. Рядом с ней стояла высокая, чопорная женщина с надменным выражением лица. Кристина Пирс, мать Адама. Замечательно.

Я приволокла Адама к ней, и ударила его под коленки. Он рухнул на колени. Я вытащила ключи из кармана и бросила их рядом с ним.

— Адам Пирс, доставленный живым его Дому, как и требовалось. «МРМ» будет ждать своевременной оплаты.

Она уставилась на меня. Будь она плюющей коброй, по моему лицу ручьями бы стекал яд.

Я развернулась и побрела прочь, от стены, от толпы, вниз по улице среди обломков. Большая часть центра уцелела. Я едва могла в это поверить.

Знакомая фигура протиснулась сквозь толпу и побежала ко мне. Я раскрыла руки и обняла Берна так сильно, как только могла.

Я потягивала сидр, похлопывая по ноге колесным ключом. Двери гаража были открыты, и мастерскую бабули Фриды заливал яркий утренний свет. Большие промышленные вентиляторы создавали легкий ветерок.

Прошла уже неделя с попытки Адама Пирса превратить центр в выгоревшую пустошь. Я знала, что «МРМ» получили оплату от Дома Пирсов, поскольку они добавили наш гонорар в счет платежа по залогу. Августин не ответил на мой звонок с подтверждением о получении документов. Вероятно, он все еще куксился, что Чокнутый Роган обвел его вокруг пальца с нашим контрактом. Но я поговорила с его секретаршей. Ее звали Лина, и она передала сообщение: третий глаз Шивы вернулся в Индию, на свою родину. Профессор Ито был прав.

Кража сокровищ у других народов никогда не приносила ничего хорошего.

Меня несколько раз просили об интервью, все эти предложения я отклонила. Пара человек оказалась слишком настойчивыми, и я переадресовала их к «МРМ» и их адвокатам. Они перестали названивать. Я не искала славы и не собиралась привлекать клиентов, участвуя в ток-шоу. Я предпочитала, чтобы «Детективное агентство Бейлор» было синонимом спокойного профессионализма.

Было официальное расследование. Я понятия не имела, как оно прошло, потому что я была не обязана давать показания. Тех свидетельских показаний, которые дал Дом Роганов, дом Монтгомери, дом Пирсов и Ленора Джордан, должно было хватить. Я все еще не имела понятия, что за люди стояли за Адамом и помогали ему. Единственное, что мне было известно — его заперли в «Ледяном кубе», подземной тюрьме строгого режима где-то на Аляске. Она была спроектирована, чтобы содержать магов. Он ожидал суда. Вероятно, мне придется давать показания во время процесса, если только он не признает вину.

Гэвина Уоллера нашли. В новостях сообщили, что Адам Пирс спрятал его в номере мотеля с недельным запасом продуктов и наркотиков. Гэвин провел неделю в ужасе, что будет найден властями, и застрелен на месте. Через двадцать четыре часа после событий в центре, Чокнутый Роган привел его в полицейский участок. Главный следователь по этому делу публично заявил, что единственная причина, по которой Гэвин вообще остался в живых — потому что Адам был занят своими планами по уничтожению мира, и просто забыл о парне.

От Рогана не было ни слуху, ни духу. В конце концов, это было даже очень хорошо.

Была суббота, я помогала бабуле Фриде в работе над последним проектом. Один из домов заказал танк на воздушной подушке в другой мастерской бронированных автомобилей. Танк плохо держался в воздухе и также плохо управлялся. Они вложили в него кучу денег и, в конце концов, продали на металлолом. Бабушка Фрида его купила, и мы разбирали его на запчасти. Она ушла в дом, чтобы сделать сэндвич, десять минут назад. Я глотнула крепкого сидра. Должно быть, ее отвлекли.

Кто-то вошел через гаражную дверь. Я прищурилась против света. Чокнутый Роган.

Он был одет в темный костюм, облегавший его, как перчатка — начиная с широких плеч и мощной груди вплоть до плоского живота и длинных ног. Так. Визит дракона. Ничего хорошего.

Он направился ко мне. Вездеход слева от него отъехал прочь с его пути, словно подвинутый невидимой ладонью. «Хамви» справа скользнул в сторону. Я подняла брови.

Он продолжил идти, его ясные голубые глаза смотрели прямо на меня. Я интуитивно попятилась назад, и моя спина уперлась в стену.

Многотонный танк на воздушной подушке отлетел к стене. Так вот как заставить его работать. Просто нужно, чтобы его перемещал Роган.

Роган подошел вплотную, остановившись едва не в двух дюймах от меня. Меня пронзила волна нетерпения, превращаясь в головокружительное волнение, приправленное тревогой.

— Привет, — сказала я. — Не хочешь расставить все по своим местам, как и было?

Его глаза были такими голубыми. Я бы смотрела в них целую вечность. Он протянул мне руку.

— Пора идти.

— Идти куда?

— Куда захочешь. Выбери место на планете.

Ух ты.

— Нет.

Он слегка наклонился вперед. Мы почти касались друг друга.

— Я дал тебе неделю побыть с семьей. Теперь настало время пойти со мной. Не упрячься, Невада. Этот поцелуй сказал мне все, что мне нужно было знать. Мы оба понимаем, чем это закончится.

Я покачала головой.

— Как ты вообще представлял себе эту встречу? Ты планировал зайти сюда, подхватить меня и унести прочь, будто ты офицер, а я фабричная работница в старом кино?

Он ухмыльнулся. Сейчас он был почти невыносимо привлекателен.

— А ты хотела бы, чтобы тебя унесли?

— Роган, ответ «нет».

Он моргнул.

— Нет, — повторила я.

— Почему нет?

— Долго объяснять, и тебе это не понравится.

— Я весь внимание.

Я глубоко вздохнула.

— У тебя нет никакого уважения к человеческой жизни, — сказала я. — Ты спас город, но не думаю, что это из-за искренней заботы о его населении. Ты сделал это только потому, что Адам Пирс тебе здорово насолил. Ты нанимаешь отчаявшихся солдат, но не потому, что хочешь их спасти. Ты делаешь это, потому что они отвечают тебе безоговорочной преданностью. Ты спас своего племянника, но при этом совершенно не обращал внимания на существование целой ветви своей семьи. Если бы ты появился в жизни Гэвина раньше, возможно, он бы никогда не повстречал Адам Пирса. Ты не считаешься с правилами. Если ты что-то хочешь, то покупаешь. Если не можешь купить, забираешь. Ты не испытываешь никаких угрызений совести, а благодарность проявляешь только тогда, когда тебе нужно преодолеть какое-то препятствие. Мне кажется, ты смахиваешь на психопата.

Я не могу быть с тобой, как бы сильно ты не сводил меня с ума, потому что у тебя нет эмпатии, Роган. И я не говорю о магии. Я говорю о человеческой способности к сочувствию. Я буду значить для тебя ровно столько, сколько от меня будет какая-то польза, и даже так, я буду больше предметом, чем любовницей или партнером. Пропасть между нами, финансовая и социальная, слишком велика. Ты будешь меня использовать, а когда со мной будет покончено, просто уволишь меня, как прислугу. Мне придется заново собирать свою жизнь по крупицам, а я не уверена, что к этому моменту от меня что-то останется. Поэтому — нет, я не пойду с тобой. Я хочу быть с кем-то, кто будет если не любить, то искренне заботиться обо мне. Ты не тот человек.

— Отличная речь, — заметил он.

— Больше мне нечего сказать.

— Я знаю, что на самом деле сейчас происходит. Ты боишься войти в мой мир. Боишься, что не сможешь с ним справиться. Намного лучше прятаться здесь и быть большой рыбой в очень маленьком пруду.

— Если ты это так видишь — ладно. — Я подняла подбородок. — Мне нечего тебе доказывать, Роган.

— Но мне есть, что доказать тебе, — сказал он. — Обещаю, победа будет за мной, и когда я закончу, ты не пойдешь, ты с разбегу запрыгнешь в мою кровать.

— Закатай губу, — фыркнула я.

Весь его налет цивилизованности испарился. На меня смотрел оскалившийся дракон, выпустивший когти и дышащий пламенем.

— Ты будешь не просто спать со мной. Ты будешь одержима мной. Ты будешь умолять меня коснуться тебя, и когда этот момент настанет, мы вернемся к сегодняшнему дню.

— Размечтался. — Я указала ему на дверь. — Выход вон та...

Он схватил меня. Его губы накрыли мои. Большое тело отрезало мне пути отступления. Моя грудь расплющилась о его торс. Он притянул меня к себе, держа одну руку на спине, а другой сжимая задницу. Его магия прокатилась по мне словно волнующий прилив. Мое тело сдалось. Мышцы стали теплыми и податливыми. Соски напряглись, а груди были готовы, чтобы их сжимали, готовы для его пальцев и языка. Нетерпеливая боль вспыхнула между ног. Я лизнула его язык. Боже, я хотела его. Я так сильно его хотела.

Он отпустил меня, развернулся на носках, и вышел, посмеиваясь себе под нос.

Аррр!

— Вот так! Продолжай... иди!

Я швырнула гаечный ключ на пол.

— Вот это поцелуй, — сказала бабуля Фрида из дверного проема позади меня.

Я подпрыгнула.

— Как долго ты там стояла?

— Достаточно. Этот парень настроен серьезно.

Все слова попытались вырваться разом.

— Я не... что... засранец! Пусть проваливает к черту, меня это не интересует!

— Ах, юная любовь, такая страстная, — протянула бабуля Фрида. — Я куплю тебе подписку на журнал «Невеста». Тебе пора присматривать платья.

Я замахала руками и ушла от нее прочь, пока не наговорила чего-то, о чем бы потом пожалела.

Эпилог

Он припарковал машину, вышел из нее и посмотрел на дом. Обычный пригородный дом — типовой коттедж на квадрате скошенной травы. Таких домов дюжины в любом районе. Он подошел к двери и коснулся ручки. Не заперто. Как и сказал Том.

Он оставил Томаса Уоллера с Даниэлой. Ему дали легкое успокоительное. Его сына-подростка арестовали по обвинению в убийстве, его жена исчезла, а затем он получил от нее электронное письмо, и его содержание уничтожило последние остатки самообладания Томаса. Во время их разговора у него дрожали руки.

Он прошел через дом на кухню. Фирменный новый ноутбук ожидал его на кухонном острове, коробка от него все еще стояла рядом. Том выполнил инструкции из e-мейла своей жены вплоть до последней буквы.

Он проверил время. 6:59. Он поставил телефон на запись и положил его на стол за собой.

Часы на экране мигнули. Семь часов вечера. Замерцала голубая иконка, сообщающая о входящем вызове. Он нажал на иконку.

На экране возникло лицо Келли Уоллер.

— Здравствуй, Коннор.

Он скрыл свою ярость.

— Почему? — спросил он.

— Потому что я тебя ненавижу. Я хотела, чтобы ты это знал. Я так сильно тебя ненавижу. Если бы я могла дотянуться до тебя, то схватила бы тебя за волосы и била лицом об этот стол, пока оно не превратилось бы в кровавое месиво. Я бы тебя сожгла. Насадил на вертел. Я бы вымещала свою злость несколько дней.

Это ни о чем ему не говорило. Десять лет назад, когда он связался с ней через свою мать и предложил оплатить колледж Гэвину, она отказалась. Она сделала это как можно язвительнее, ясно давая понять, что не желает иметь ничего общего с именем Роганов. Тогда он принял это за гордость. Теперь он понял, что это была ненависть, но все равно ее не понимал.

— Почему?

— Потому что тебя они любили и ценили. Потому что ты — маг, а я нет, и никогда уже им не стану. Я хочу уничтожить тебя. Я хочу разорвать тебя голыми руками, но мне не хватит сил, поэтому я нашла людей, которые намного могущественнее меня. Я пожертвовала своим сыном ради этой мести. Но ты подвел меня, Коннор.

На секунду ее лицо дрогнуло, искаженное злостью.

— Мы знали, что Адам сумасбродный и непредсказуемый. Нам требовалась страховка, а кто бы смог выполнить эту роль лучше тебя? Бич. Ураган. Мы понимали, что ты можешь остановить Адама, но рассчитывали, что вместе с тем ты уничтожишь Хьюстон. Ты так и делал. Я видела, как содрогались здания, и тут ты остановился. Как же так, Коннор? Ты никогда не мог остановить свою магию на высшем уровне, с самого детства. Даже твоей матери не удавалось достучаться до тебя. Что ты сделал? Что случилось? У тебя появился новый навык?

Он не ответил.

— Как так случилось, что вы с Адамом не смогли сделать такую простую вещь? Неважно. Мы рассчитывали на это, но и ты, и Адам — вы оба нас разочаровали. Мы найдем другой путь.

Мы. Нас. Вот она, тайная сила, руководящая всем планом. Она знала о ней. Ему оставалось только найти ее и вырвать у нее эту информацию.

— Я хочу сказать тебе следующее: ты и понятия не имеешь, что грядет. Оно огромно. Ты не сможешь его остановить, как бы ни пытался. Оно уничтожит тебя. Когда ты будешь лежать, умирая, сломленный, я хочу, чтобы ты вспомнил этот момент и мое лицо. Запомни меня, Коннор. Это только начало.

Ноутбук погас.

Он стоял, глядя на него. Месяц назад у него не было целей, только череда раздражающих дел, которые скорее занимали его, чем испытывали. Теперь у него появилось две цели.

Он должен был свергнуть того, кто стоял за его кузиной и Адамом Пирсом. Он сражался за эту страну и ее народ, потому что верил в нее и в них. Система была не идеальна, но она была лучше большинства из тех, что он повидал за ее пределами. Этот город принадлежал ему. Очень скоро они поймут, какого врага себе нажили. Это было его первой целью. А второй...

Он закрыл на мгновение глаза и воскресил воспоминание. Ничто не существовало в

восхождении. Это было местом магии и силы, спокойствия и абсолютной пустоты. Он вошел в него, чтобы получить доступ к вершине своей силы, но в ней не было ни радости, ни печали. Ни холода, ни тепла, только покой. Это была тюрьма и дворец одновременно.

А затем он почувствовал ее. Она была теплой и золотистой, и она пронзила стерильность восхождения, дотянувшись до него. Она поцеловала его, и когда она разделила с ним все страхи и желания, он почувствовал себя живым. Он стряхнул с себя холодное безразличие ради нее, и мир вокруг него расцвел. Он чувствовал себя словно наркоман, который после многих лет увлечения наркотиками однажды протрезвел и, блуждая по дому, открыл входную дверь и увидел прекрасный весенний день.

Он хотел Неваду Бейлор. Он хотел ее больше, чем кого-либо за очень долгое, долгое время, и он ее получит. Она просто этого еще не осознала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Автомат Калашникова.

[

←2

]

SIG Sauer P226 — пистолет, выпускающийся одноимённой швейцарско-немецкой компанией. SIG Sauer P226 был разработан в 1981 году, в качестве оружия для вооружённых сил США.

[

←3

]

Камера сенсорной депривации, или флоатинг-капсула (англ. float — свободно плавать, держаться на поверхности) — камера, изолирующая человека от любых ощущений. Помещённый в нее человек пребывает как бы в невесомости.

[

←4

]

«Грязный Гарри» — полицейский фильм с Клинтом Иствудом в главной роли.

[

←5

]

Друммондов свет, также свет рампы, англ. limelight— тип сценического освещения, использовавшийся в театрах в 1860–1870 годах. Интенсивное свечение получалось с помощью кислородно-водородного пламени, направленного непосредственно на цилиндр из оксида кальция (негашёной извести, англ. lime), которая может нагреваться до 2572 °С (белого каления) без расплавления.